

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

ЛЕВАЯ РУКА
ТЬМЫ

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

WORLDS OF URSULA LE GUIN

HAINISH CYCLE

LEFT HAND OF DARKNESS

WINTER'S KING

**“POLARIS” PUBLISHERS
1997**

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

ХАЙНСКИЙ ЦИКЛ

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

КОРОЛЬ ПЛАНЕТЫ ЗИМА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

Миры Урсулы ле Гуин. Левая рука тьмы / Пер. с англ. — Полярис, 1997. — 379 с.

В книгу вошли самое известное произведение писательницы — роман «Левая рука тьмы» — и связанный с ним рассказ «Король планеты Зима».

Произведения, опубликованные в данном издании, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных произведений и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения художника Michael Whelan и его агентов: Glass Onion Ltd. (США) и Александра Корженевского (Россия).

The Left Hand of Darkness
Copyright © 1969 by Ursula K. Le Guin

Winter's King
Copyright © 1969 by Ursula K. Le Guin

Левая рука тьмы
© И. Тогосва, перевод, 1992

Король планеты Зима
© И. Тогосва, перевод, 1992

**© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997**

ISBN 5-88132-329-7

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«0

дин человек — весть, два — уже вторжение». Эти слова служат лейтмотивом главного романа в творчестве выдающейся американской писательницы Урсулы ле Гuin — «Левая рука тьмы». Именно это произведение стало для нее переломным, определив направления будущего роста.

Со времен войны с Сингами и распада Лиги Всех Миров в хайнской вселенной прошли тысячелетия. Лигу сменила Экумена — союз не политический, а торговый, творческий и культурный. И вот Посланник Экумены, землянин Дженили Аи прибывает на планету Гетен, находящуюся на самом краю сферы влияния древнего Хайна, планету, само название которой на языке аборигенов означает не «Земля», а «Зима». Задача Дженили Аи — не завязать дипломатические отношения, а установить контакт, *понять* гетениан. А сделать это очень и очень нелегко...

Книга, подобная «Левой руке тьмы», вряд ли могла появиться в конце пуританских пятидесятых. Основное отличие гетениан, вместе со всеми народами созданной ле Гuin вселенной, происходящих, как мы помним, от генетически измененных колонистов с Хайна, от землян заключается в природе их сексуальности. Большую часть времени жители Гетена вовсе не имеют пола, становясь мужчинами или женщинами лишь на несколько дней в месяц, в периоды *кеммера*. И это оказывает на все стороны их жизни влияние не меньшее, чем суровая природа планеты Зима, скованной вечными льдами.

Гетениане никогда не вели войн. У них есть государства, но нет (вернее, не было — технологическая эпоха приносит

свои плоды) наций. Там, где культура Земли строится на противопоставлениях — хорошо-плохо, прошлое-будущее, свои-чужие, — гетениане воспринимают их как части одного целого. И, как следствие, гетенианской культуре чуждо понятие прогресса и истории. Каждый новый год становится точкой отсчета — Годом Первым. Цивилизация на Гете не развивается медленно, как ползет ледник. Там, где землянин спросит «А почему бы нет?», гетенианин задаст другой вопрос — «А зачем?».

Но даже эта на первый взгляд статичная культура не лишена своих конфликтов. И в один из таких конфликтов между традиционалистским (слово «патриархальный» лишено смысла на Гете, где отец одного ребенка может стать матерью другого) Кархайдом и отрезанным от собственных корней Оргорейном оказываются вовлечены Посланник Экумены Дженили Аи и его покровитель Терем Харт рем ир Эстравен...

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

*Посвящается Чарльзу,
sine quo non.*

ПАРАД В ЭРЕНРАНГЕ

Хайнский архив. Копия отчета 1 01-01101-934-2-Гетен. Стабилю планеты Оллюль от Дженили Аи, первого Мобиля на планете Гетен/Зима, Хайнский цикл 93, экуменический год 1490-97. Средство связи: ансибль.

Мой отчет будет носить повествовательный характер, форму легенды, ибо еще в детстве, на родной планете, я постиг, что суть всякого воображения — правда. Любой, самый достоверный факт может быть воспринят как с восторгом, так и с недоверием — в зависимости от того, как его преподнести: факты в этом смысле подобны жемчужинам, что встречаются в земных морях, — на одних женщинах они оживают и блестят ярче, на других тускнеют и умирают. Только факты, пожалуй, не столь материальны и совершенны с точки зрения формы. Однако и те и другие весьма восприимчивы к внешним воздействиям.

Я не единственный участник этой истории и не единственный ее автор. Честно говоря, я вообще не знаю, кто тут главный герой и кто рассказчик. Судите сами. Только все это — единое целое, даже когда

факты порой начинают противоречить друг другу, а повествование распадается на различные версии. Вы вольны выбрать ту, которая вам больше по вкусу, но знайте: все изложенное здесь — чистая правда, и все толкования, в сущности, сводятся к одному и тому же.

История эта началась в государстве Кархайд планеты Зима на 44-й день экуменического года. По здешнему календарю приведенная дата расшифровывается следующим образом: *Одархад Тува*, или 22-й день третьего месяца весны Года Первого. Текущий год здесь — это всегда Год Первый. Лишь датировка предшествующих и последующих лет позволяет выделить каждый новый год из всех прочих: отсчет как бы ведется от некоего перманентного «сейчас».

Итак, в Эренранге, столице государства Кархайд, наступала весна, а мне грозила смертельная опасность, о которой я и не подозревал.

Я был в числе участников парада. Шел сразу за оркестром королевских *госсиворов* и непосредственно перед королем. Лил дождь.

Набухшие влагой тучи над темными башнями; потоки воды, низвергающиеся с небес в глубокие щели улиц; темный, исхлестанный непогодой каменный город — и сквозь него медленно тянется тонкая золотая нить праздничного шествия. Первыми идут зажиточные люди — купцы, ремесленники, — подлинные хозяева города Эренранга. Ряд за рядом, в ярких красивых одеждах проходят они сквозь завесу дождя, с изяществом рыб, скользящих в глубинах морских. У них умные, спокойные лица. Идут не в ногу — это ведь не военный парад; в здешних парадах нет даже намека на солдафонство.

Далее следуют князья, мэры городов и родовитые представители — по одному, по пять, по сорок пять, а то и по четыре сотни — от каждого домена или княжества. Пестрая людская река струится под звуки горнов, костяных свистулек и старинных деревянных рожков; с их резкими звуками смешиваются нудноватые, но чистые переливы электрофлейт. Флаги различных княжеств сплетаются на ветру в гигантские разноцвет-

ные косы, которые цепляются за желтые ограничительные флагги. У каждой группы представителей своя мелодия, все это воспринимается как какофония, чудовищное эхо которой гремит в глубоких провалах улиц.

Идут жонглеры с блестящими золотыми шарами; с особой подкруткой подбрасывают они шары — снопы золотистых искр взлетают над толпой, — снова ловят и снова бросают вверх. Золотые шары будто вобрали в себя дневной свет; кажется, что они стеклянные и сквозь них просвечивает солнце.

За жонглерами следуют человек сорок в желтом, которые играют на госсиворах. Госсивор — а на нем полагается играть только в присутствии короля — издает довольно странные печальные звуки, напоминающие мычание. Когда все сорок человек играют одновременно, от этого рева можно сойти с ума. По-моему, от него даже могут обрушиться башни Эренранга. В ответ на столь чудовищную музыку тучи, влекомые ветром, яростно плюются в музыкантов холодным дождем. Если эта музыка считается королевской, то неудивительно, почему все короли Кархайда сумасшедшие.

За госсиворами выступает свита короля, его гвардия, придворные, столичная знать, приближенные его величества, представители различных сословий, сенаторы, советники, послы, князья; все идут как попало, рядность не соблюдается вовсе, зато важности хоть отбавляй. В окружении свиты вышагивает сам король Аргавен XV — в белом мундире, белоснежной сорочке, в белых штанах, заправленных в краи шафранового цвета, и в желтой островерхой фуражке. Золотое кольцо на пальце — его единственное украшение, знак принадлежности к королевскому роду. За ним следом восемь дюжих молодцов несут королевский паланкин, сплошь утыканный желтыми сапфирами; паланкину несколько веков, им давным-давно уже не пользуются короли Кархайда, однако для парада это совершенно необходимый атрибут, связанный с Давними Временами. За паланкином идут восемь стражников, вооруженных обычными старыми винтовками —

тоже своего рода атрибут варварского прошлого, — причем заряжены они пулями из мягкого металла. Сама смерть следует за королем по пятам. За стражниками, несущими в своих руках смерть, идут ученики ремесленных школ и разнообразных колледжей, торговцы и королевские слуги, длинные вереницы детей и молодежи в ярких белых, красных, золотистых, зеленых одеждах; и наконец завершают парад мягкие на ходу и очень тихоходные местные автомобили темных цветов.

Потом королевская свита — и я в ее числе — собирается на специально сколоченной из новых досок платформе возле недостроенной арки новых речных ворот. Парад должен завершиться установкой замкового камня в воротах, то есть открытием нового речного пути и нового порта в Эренранге. В общей сложности это трудоемкое строительство вместе с выемкой промерзшего грунта и прокладыванием подъездных путей заняло пять лет. Великая стройка призвана увековечить имя Аргавена XV в анналах кархайдской истории. Мы сбились в кучу на тесной трибуне в насквозь промокших тяжелых парадных одеждах. Дождь кончился, и солнце светит вовсю — дивное, ясное, но такое предательское солнце планеты Зима. Я замечаю своему соседу справа: «Вы подумайте, настоящая жара!»

Сосед — плотный темнокожий уроженец Кархайда с гладкими густыми волосами — одет в тяжелый парадный мундир из зеленой кожи с золотым галуном и теплую белую рубаху; он в зимних штанах, да еще на шее у него тяжеленная серебряная цепь, каждое звено которой толщиной в руку. Он, обильно потея, отвечает мне: «Да, действительно жарко».

Повсюду вокруг нас, насколько хватает глаз, — море лиц, похожих на россыпь коричневых камешков на морском берегу; повсюду слюдяной блеск многих тысяч внимательных глаз. Это жители города, задрав головы, наблюдают за нами.

И вот король поднимается по мощным сходням из цельных бревен, ведущим прямо от трибуны к верши-

ие арки, пока еще не соединенные концы которой возвышаются над рекой и причалами. И в этот миг толпа вздрагивает и восхищенно вздыхает: «О Аргавен!» Однако король будто не слышит. Впрочем, поданные и не ждут ответа. Госсиворы, в последний раз немузикально рявкнув, смолкают. Воцаряется тишина. Солнце ярко освещает город, полоску реки, толпу и короля над ней, в вышине. Каменщики сразу включают электрическую лебедку, и, пока король поднимается, замковый камень свода проплывает мимо него вверх, потом его опускают на место и почти беззвучно вставляют в гнездо: теперь огромный, в тонну весом блок соединяет две основные опоры воедино, завершая конструкцию. Каменщик с мастерком и ведром поджидает короля на строительных лесах; остальные строители быстро спускаются вниз по веревочным лестницам, словно пауки по паутине. Там, в вышине, между рекой и солнцем, король и каменщик преклоняют колена. Потом, взяv в руки мастерок, король начинает цементировать швы. Работать ему явно не хочется, и он скоро передает мастерок каменщику, однако за работой наблюдает очень внимательно. Цемент, которым пользуется король, красновато-розового цвета, и свежие швы ярко выделяются из остальных. Минут через пять, восхищенный поистине пчелиной заботливостью короля, я спрашиваю соседа слева: «А что, у вас всегда замковые камни укрепляют красным цементом?», вспомнив, что полоски того же яркого цвета имеются на каждой из арок Старого Моста, красиво изогнувшегося над рекой чуть выше по течению.

Утерев пот со лба, мой сосед — наверное, мне придется считать его мужчиной, раз уж я начал называть его «он», — отвечает: «В Давние Времена замковый камень всегда укрепляли раствором из костей и цемента, замешанном на крови. То была человеческая кровь. И человеческие кости. Считалось, что иначе арка непременно рухнет. Понимаете? Ну а теперь мы используем кровь и кости животных».

Он, мой сосед слева, говоривший всегда именно так — откровенно, но все же осторожно; иронично, но всегда помня о том, что я чужой, что у меня обо всем свое, чуждое здешним людям, мнение, — рассказывает мне о самых различных вещах. По-моему, только в этой его манере и проявляется настороженность по отношению ко мне — настороженность представителя уникальной расы и человека, занимающего в высшей степени ответственный пост. Ибо это один из самых могущественных людей страны. Я не могу с точностью сказать, какой исторический термин наиболее адекватно смог бы охарактеризовать его положение в государстве: визирь, премьер-министр, а может быть, королевский советник? Кархайдское выражение, отражающее его функции, — «ухо короля». Он из древнего княжеского рода, правитель независимого княжества; ему подвластны великие события и судьбы людей. Имя его — Терем Харт рем ир Эстравен.

Похоже, король покончил со своей задачей каменщика, и я этому очень рад; однако он, обойдя по лесам, похожим снизу на деревянную паутину, арку с другой стороны, все начинает сначала: естественно, у ворот же две стороны. В Кархайде не годится проявлять нетерпение. Флегматиками его жителей ни в коем случае назвать нельзя, они упрямые, неуступчивы, и если уж что затеяли, то непременно доведут до конца — как сейчас король, упрямо завершающий арку. Толпа на набережной реки Сесс сколь угодно долго готова смотреть, как трудится король, но мне все это уже порядком надоело, к тому же ужасно жарко. Мне еще ни разу до сегодняшнего дня не было по-настоящему жарко здесь, на планете Зима, и вряд ли когда-нибудь еще будет, но все же я не способен по достоинству оценить сие великое событие и наслаждаться жарой. Я одет для Ледникового Периода, а не для пляжа: среди бесконечных слоев и прослоек одежды из шерсти, растительных и искусственных волокон, меха и кожи, в этих недосягаемых для зимнего холода доспехах я теперь вяну, как лист редиски на жарком солнце. Чтобы отвлечься, я рассматриваю толпу во-

круг, вновь и вновь прибывающих участников парада, яркие знамена различных княжеств и доменов, что неподвижно повисли, освещенные солнечными лучами, и лениво спрашиваю Эстравена, чей это герб вон там, и там, и еще вон на том флаге, дальше. Он знает их все, о каком бы я ни спросил, а ведь их там многие сотни, некоторые принадлежат каким-то затерянным в глухи безвестным княжествам или просто обедневшим родам из обширной, но безлюдной области под названием Перинг, что граничит со страной Диких Ветров, или из земли Керм, что лежит поблизости от Великих Льдов.

— Я ведь и сам родом из Керма, — говорит Эстравен, когда я выражают восхищение по поводу его поистине безграничных познаний в местной геральдике. — А кроме того, мне по должности полагается знать все княжества и домены. Ведь они-то и есть Кархайд. Править этой страной — это прежде всего значит править ее князьями. Правда, по-настоящему это никогда еще не получалось. Знаете, у нас есть поговорка: *Кархайд — это не государство, а толпа вздорных родственников.*

Я этой поговорки не знал, и подозреваю, что ее только что сочинил сам Эстравен: его стиль.

Тут один из членов *киорремии* (это что-то вроде палаты лордов или парламента), которую возглавляет Эстравен, проталкивается к нам сквозь толпу и начинает что-то возбужденно говорить моему соседу. Это двоюродный брат короля Пеммер Харге рем ир Тайб. Он говорит с Эстравеном очень тихо, с едва заметным высокомерием, зато часто улыбается. Эстравен, хоть и потеет страшно, словно глыба льда под жаркими лучами солнца, остается все таким же светски холодным и блестящим придворным дипломатом, как будто ледяная глыба у него внутри абсолютно нерушима, и нарочито громко отвечает на таинственный шепот Тайба. Тон у него при этом самый обычный и предельно вежливый, так что его собеседник со своими секретами выглядит полнейшим дураком. Я прислушиваюсь к их разговору, одновременно наблюдая, как король

кончает замазывать шов довольно жидким цементом. Из разговора я ничего особенного понять не могу — кроме того, что между Эстравеном и Тайбом явно существует вражда. По-моему, вражда эта не имеет никакого отношения к моей персоне; мне просто интересно понаблюдать за людьми, что правят Кархайдом, что, в буквальном смысле этого слова, вершат судьбами двадцати миллионов. Государственная власть стала для жителей Экумены столь тонким, сложным и с трудом поддающимся определению понятием, что лишь изощренному уму под силу разобраться в ее едва заметных проявлениях; здесь же границы ее пока еще вполне определены и власть эта вполне ощутима. В Эстравене, например, власть над людьми проявляется как усиление неких свойств его собственного характера; он не делает ни одного бессмысленного жеста, никогда не произнесет ни одного слова, к которому не прислушаются. Он это прекрасно понимает, и понимание своей ответственности делает его еще более значительным. Он всегда основателен и величав. Ничто так не содействует популярности в массах, как успех. Я не очень-то доверяю Эстравену: никогда нельзя знать его истинные намерения. Мне он не нравится, однако я не могу, например, не ощущать тепла солнечных лучей.

Плавное течение моих мыслей прерывают вновь закрывающие солнце тучи. Вскоре дождь начинает во всю поливать и темную реку, и людей, собравшихся на набережной; небо тоже темнеет. Когда король начинает спускаться вниз, на небе как раз исчезает последнее светлое пятно; какое-то мгновение фигура монарха в белом одеянии и высокая арка за его спиной как бы светятся на фоне сгустившихся на юге грозовых туч. Гроза приближается. Поднимается холодный ветер, продувая насквозь Дворцовую улицу; река становится свинцовой, деревья на набережной содрогаются от холода. Парад окончен. Еще полчаса — и снова начинает идти снег.

Автомобиль увозит короля вверх по Дворцовой улице; толпа, что движется следом, напоминает крупную

гальку, перекатываемую мощным приливом. Эстравен снова поворачивается ко мне и говорит:

— Не поужинаете ли со мной сегодня, господин Аи?

Я принимаю его приглашение скорее с изумлением, чем с удовольствием. Эстравен очень много сделал для меня за последние шесть-восемь месяцев, но я не ожидал столь очевидного личного расположения, да и не стремился к нему. Харге рем ир Тайб все еще стоит довольно близко от нас и, безусловно, подслушивает, и, по-моему, ему специально предоставлена эта возможность. Подобные, чисто женские, штучки всегда действовали мне на нервы. Я покидаю трибуну и начинаю, пригибаясь, проталкиваться сквозь толпу, чтобы скорее скрыться. Я не намного выше среднего гетенианца, однако в толпе рост мой почему-то привлекает внимание. *Вот он, смотрите, вон Посланник идет!* Разумеется, это моя работа, но порой подобное внимание здорово ее осложняет; все чаще я мечтаю о том, чтобы стать совсем неприметным, обычным гетенианцем. Как все.

Пройдя квартала два по Пивоваренной улице, я свернул к своему дому и вдруг — здесь толпа уже значительно поредела — обнаружил, что рядом со мной идет Тайб.

— Церемония прошла поистине безупречно, — восхищенно заявил кузен короля, улыбаясь мне и показывая длинные, чистые, желтоватые зубы. Потом зубы исчезли в складках и морщинах его лица, тоже желтоватого, — лица старика, хотя Тайб был вовсе не стар.

— Добрый знак перед успешным открытием нового порта, — откликнулся я.

— О да, разумеется! — Зубы появились снова.

— Церемония кладки замкового камня очень впечатляет...

— О да! Этот ритуал соблюдается с незапамятных времен. Впрочем, лорд Эстравен вам, конечно же, все это уже рассказывал...

— Лорд Эстравен вовсе не обязан что-то мне рассказывать.

Я старался говорить равнодушным тоном, и все же каждое мое слово для Тайба звучало двусмысленно.

— О да, разумеется, я понимаю, что... — торопливо заговорил он. — Просто лорд Эстравен славится своей благосклонностью по отношению к иностранцам. — Он снова улыбнулся, демонстрируя зубы, каждый из которых как бы таил в себе особую, отдельную тайну — две, три, тридцать две тайны! Тридцать два значения каждого слова!

— Не многие здесь до такой степени иностранцы, как я, лорд Тайб. Я очень признателен здешним жителям за их доброту.

— О да, конечно, конечно! А благодарность — это ведь столь редкое благородное чувство, воспетое поэтами. И реже всего благодарность встречается здесь, в Эренранге; без сомнения, именно потому, что чувство это не имеет практического применения. Ах, в какие суровые, неблагодарные времена мы живем! Все теперь не так, как бывало в старину, не правда ли?

— Я крайне мало знаю об этом периоде, лорд Тайб, однако и в других мирах мне приходилось слышать подобные сожаления.

Тайб некоторое время пристально смотрел на меня, словно ставил диагноз: безумие. Потом снова показал свои длинные желтые зубы.

— О да, конечно! Да! Я как-то все время забываю, что вы прибыли сюда с другой планеты. Вам-то, разумеется, об этом никогда не удается забыть. Хотя, без сомнения, жизнь здесь, в Эренранге, была бы куда лучше, проще и безопаснее для вас, если бы вы все-таки сумели об этом забыть, а? Да-да, конечно! Но вот и моя машина: я велел, чтобы меня ждали здесь, подальше от толчей. Я бы с удовольствием вас подвез, но должен отказать себе в этом удовольствии, ибо весьма скоро обязан быть во дворце, а, как гласит пословица, бедным родственникам опаздывать не годится. Даже и королевским, не так ли? О да, конечно! —

И кузен короля нырнул в свой маленький черный электромобиль, еще раз показав мне все свои зубы и пряча глаза в паутине морщин.

Оставшись в одиночестве, я двинулся к себе на Остров*. Сад перед ним, после того как стаял последний зимний снег, стал наконец открыт взору. Зимние двери, расположенные в трех метрах от поверхности земли, были уже опечатаны и теперь несколькими месяцами останутся закрытыми — пока вновь не наступит осень и за ней следом не придут морозы, не выпадут глубокие снега. Рядом с домом, среди размокших клумб, луж, покрытых ломкими ледяными корочками, и быстрых, нежноголосых весенних ручьев, прямо на покрытой первой зеленью лужайке стояли и нежно беседовали двое юных влюбленных. Их правые руки были судорожно сцеплены — одна в другой. Первая фаза *кеммера*. Вокруг них плясали крупные пушистые снежинки, а они стояли себе босиком в ледяной грязи, держась за руки и ничего не замечая вокруг, кроме друг друга. Весна пришла на планету Зима.

Я пообедал у себя на Острове и, когда колокола на башне Ремми — местной ратуши — пробили Час Четвертый, был уже у стен дворца, вполне готовый к ужину. Жители Кархайда плотно едят четыре раза в день: первый завтрак, второй, обед и ужин. А в промежутках еще много раз перекусывают и подкрепляются. На планете Зима нет крупных съедобных животных, как нет и продуктов, поставляемых млекопитающими, — то есть молока, масла или сыра; богатой белками и углеводами пищей здесь являются яйца, рыба, орехи и некоторые хайнские злаки. Не слишком

* Кархош (остров) — этим словом в Кархайде обозначают многоквартирные дома-пансионы, где проживает большая часть городского населения. В таких домах от двадцати до двухсот отдельных комнат; пишу принимают в общем зале. Некоторые Острова напоминают отели, другие — коммуны или кооперативы, третий являются чем-то средним между тем и другим. Подобные формы жилищного устройства, безусловно, представляют собой городскую адаптацию основного кархайдского института — института домашних Очагов. Впрочем, Островам, разумеется, не хватает географической и генеалогической стабильности Очагов.

калорийная диета для столь сурового климата, так что пополнять запасы «горючего» приходится довольно часто. Я уже привык без конца что-то есть, буквально через каждые пятнадцать минут. И лишь позже, в конце этого года, я открыл для себя неожиданный факт: оказывается, гетенианцы сумели приспособиться не только к непрерывному поглощению пищи, но и к неопределенно долгому голоданию.

Снег все еще шел — мягкий, легкий весенний снежок, это было куда приятнее бесконечных дождей, свойственных периоду оттепели на этой планете. Я неторопливо брел по территории дворца в спокойной голубизне вечернего снегопада и только один раз чуть-чуть сбился с пути. Королевский дворец Эренранга — это как бы город в городе, окруженные могучими стенами джунгли бесчисленных дворцов, башен, садов, двориков, храмов, крытых мостов, напоминающих туннели, и разнообразных переходов из одной части дворца в другую. Здесь были замечательные рощи и чудовищные тюрьмы — наследие многовековой королевской паранойи, которой не избежал ни один monarch Кархайда. Надо всем этим возвышались мрачные величественные стены из красного камня — внешние укрепления центрального замка, где в обычное время не живет никто, кроме самого короля. Все же остальные — слуги, челядь, придворные, лорды, министры, члены королевского совета, гвардия короля и так далее — размещаются в других дворцах, бараках или казармах, что находятся внутри крепостных стен. Эстравену в знак особого расположения короля был предоставлен Угловой Красный Дом — здание, построенное 440 лет назад для Гармеса, любимого *кеммеринга* короля Эмрана III, чья краса до сих пор воспевается поэтами. Гармес был похищен наемниками враждебной королю клики из Внутренних Земель, изуродован, сведен с ума и превращен в скота. Эмран III умер через сорок лет после этого, все еще горя жаждой неутоленной мести, и был прозван Эмран Несчастливый. Трагедия, свершившаяся в столь далекие времена, постепенно утратила свою горечь, но слабая дымка несбыившихся

надежд, какой-то странной меланхолии по-прежнему окутывала эти каменные стены, таилась в темных углах. Небольшой сад при доме был обнесен резной оградой; ветви плакучих деревьев, *серем*, склонялись к воде небольшого пруда меж раскиданных на его берегах огромных каменных валунов. В мутноватых снопах света, падавшего из окон, кружились вместе с крупными хлопьями снега крохотные коробочки семян; ими была усыпана вся темная поверхность воды. Эстравен стоял на крыльце, ждал меня — без шапки, без куртки на морозе! — и любовался таинством падения в ночи мертвых снежных хлопьев, смешанных с живыми семенами растений. Он спокойно приветствовал меня и провел в дом. Других гостей не ожидалось.

Я немного этому удивился, однако мы сразу же пошли к столу, а о делах за едой говорить не принято; но я удивился куда больше, отведав кушанья, которые были, безусловно, выше всяческих похвал; даже вечные хлебные яблоки повар Эстравена совершенно преобразил, так что я от всей души выразил свое восхищение. После ужина мы сидели у камина и пили горячее пиво. В мире, где на обеденном столе всегда имеется специальное приспособление, чтобы разбивать ледок, которым успевает покрыться еда, а также питье в твоем бокале, горячее пиво начинаешь особенно ценить.

За столом Эстравен весьма мило болтал; теперь же, сидя напротив меня у камина, был погружен в исполненное достоинства молчание. Хотя я уже почти два года провел на планете Зима, но все еще был очень далек от адекватного восприятия ее обитателей. Я очень старался, но все мои попытки кончались тем, что я воспринимал гетенианцев то как мужчин, то как женщин; я как бы загонял их в рамки столь неестественных для них и столь понятных для меня категорий. И вот теперь, прихлебывая исходящее паром кисловатое пиво, я подумал, что поведение Эстравена за столом было типично женским: сплошное обаяние, такт и некая загадочная бесплотность при безукоризненной светскости. Может быть, именно этой

женственной мягкости и изяществу в нем я и не доверял? Может, именно это-то мне в нем и не нравилось? Просто немыслимо было представить его женской — этого темнокожего, ироничного, могущественного вельможу, что сидел со мной рядом в полутемной гостиной, освещенной лишь пламенем камина; и все же, когда я думал о нем как о мужчине, то постоянно ощущал некую фальшь, неясный обман, кривящийся то ли в нем самом, то ли в моем отношении к нему. Голос у него был мягкий, хотя и довольно звучный; недостаточно низкий для голоса мужчины, однако вряд ли похожий и на голос женщины... Впрочем, он что-то давно уже говорил этим своим загадочным голосом.

— Мне очень жаль, — говорил Эстравен, — что я вынужден был столь долго откладывать удовольствие принимать вас в моем доме, но я рад, что теперь между нами больше не возникает вопроса о каком-то там покровительстве...

Последнее меня несколько удивило. Он, безусловно, покровительствовал мне, по крайней мере до сегодняшнего дня. Может быть, он хотел сказать, что аудиенция у короля, которую он испросил для меня на завтра, положит конец нашим различиям и сделает нас равными по положению?

— Мне кажется, я не совсем вас понимаю, — сказал я.

Мое замечание, казалось, сильно его озадачило, и он умолк.

— Ну что ж, видите ли... — начал он наконец очень неуверенно, — ваше пребывание в моем доме... вы же понимаете, что я больше не могу выступать перед королем в качестве вашего адвоката.

Он говорил так, словно стыдился меня. Совершенно очевидно, что и это приглашение в гости, и то, что я его принял, имели некий недоступный мне глубинный смысл. Но если мне не хватало знаний этикета, то ему — этики. Одно лишь было мне абсолютно ясно: я был прав, не доверяя Эстравену. Он был не просто хитер и не просто всесилен: он оказался пора-

зительно вероломен. В течение долгих месяцев моего пребывания в Эренранге именно он внимательнее остальных выслушивал меня, отвечал на все мои вопросы, посыпал врачей и инженеров проверить, действительно ли я прилетел на своем корабле с другой планеты; он по собственной инициативе помогал мне сойтись с нужными людьми и последовательно продвигал меня вверх по здешней иерархической лестнице, на самой нижней ступеньке которой я в первый год своего пребывания здесь находился: из обладающего чересчур большим воображением монстра я превратился, благодаря его усилиям, в уважаемого иноземного Посланника, который вот-вот будет удостоен аудиенции у самого короля. И вот теперь, подняв меня до столь опасных высот, он внезапно ледяным тоном сообщает, что лишает меня своей поддержки...

— Но я всегда привык полагаться на вас, вы сами приучили меня...

— С моей стороны это было ошибкой.

— Вы хотите сказать, что, устроив мне эту аудиенцию, все же не стали отзываться положительно о моей миссии в целом, как... — Мне показалось, что лучше проглотить это «как раньше обещали мне».

— Я не мог иначе.

Я очень разозлился, но не ощущил в нем ни ответного гнева, ни каких-либо сожалений.

— Не скажете ли, почему вы именно так поступили?

Он помолчал, потом решился:

— Хорошо.

И снова замолчал. Пока длилось это молчание, я уж было решил, что вновь совершил ошибку: мне, не слишком умному и, в общем-то, беззащитному чужаку, не следовало бы требовать у премьер-министра инопланетного государства объяснить свое поведение, тем более что я, чужак, недостаточно хорошо понимаю — и, возможно, никогда не пойму! — что лежит в основе здешней государственной власти и деятельности современного кархайдского правительства. Без всякого сомнения, многое связано с понятием *шифгретор* — совершенно непереводимое слово, обозначающее

одновременно престиж, авторитет, общественное лицо человека и благородное происхождение, — всеобъемлюще важный фактор социальной значимости как в Кархайде, так и во всех прочих государствах планеты Гетен. Если это так, то я никогда до конца не пойму поведения Эстравена.

— Вы слышали, что сказал мне король сегодня во время праздника?

— Нет.

Эстравен наклонился и вынул прямо из горячей золы в камине кувшин с пивом. Потом молча налил мне полную кружку. Пришлось пояснить:

— Насколько я мог слышать, король не разговаривал сегодня с вами во время праздника.

— Мне тоже так показалось, — согласился он.

До меня наконец дошло, что это всего лишь очередной намек. Послав к чертям эту идиотскую, типично женскую манеру вечно говорить намеками и загадками, я спросил напрямик:

— Вы что же, лорд Эстравен, хотите сказать, что больше не пользуетесь благосклонностью короля?

Я полагал, что уж теперь-то он непременно рассердится, однако он ничем этого не проявил, кроме осторожного упрека:

— Я ничего не хочу сказать вам, господин Аи.

— О Господи, лучше бы вы все-таки хотели!

Он посмотрел на меня с любопытством:

— Ну хорошо. Тогда скажем так: при дворе есть несколько человек, которые, как вы выражаетесь, пользуются благосклонностью короля, но отнюдь не благосклонно относятся ни к вашему присутствию здесь, ни к вашей миссии.

А-а, значит ты спешишь поскорее присоединиться к ним и продаешь меня, чтобы спасти собственную шкуру, подумал я, но говорить об этом, разумеется, было нельзя. Эстравен был настоящим придворным, хитрым и умным политиком, а я — просто доверчивым дураком. Даже в двуполом обществе политик слишком часто не является по-настоящему цельной личностью. Пригласив меня на обед, Эстравен рассчитывал,

что я так же легко приму его предательство, как он его совершил. Очевидно, спасти собственное лицо было для него куда важнее, чем оставаться честным. А потому я заставил себя выговорить:

— Мне очень жаль, что ваше добродетельное отношение ко мне послужило причиной стольких неприятностей.

О черт побери! Я даже ощутил слабое чувство морального превосходства, правда мимолетное: слишком он был непредсказуем.

Он отодвинулся назад, так что блики огня освещали лишь его колени и точеные, маленькие, но сильные руки, державшие серебряную кружку, лицо же оставалось в тени — темнокожее лицо, да еще как бы нарочно затененное пышными, растущими низко надо лбом волосами и густыми бровями; глаза прятались в пушистых густых ресницах, и все вместе это было окутано особой дымкой утонченной обходительности. Может ли человек прочитать чувства, написанные на морде кошки? тюленя? выдры? Некоторые жители планеты Гетен, подумал я, похожи именно на этих животных: у них такие же глубокие, бездонные и одновременно яркие глаза, которые не меняют выражения, о чем бы ты с этими людьми ни говорил.

— Неприятности я навлек на себя сам, — ответил он. — И это не имеет ни малейшего отношения к вам, господин Аи. Вам известно, что Кархайд и Оргорейн ведут тяжбу относительно протяженности нашей границы близ Северного Перевала в долине Синотх? Еще дед нынешнего короля Аргавена предъявил права на эту долину, однако Комменсалы так и не согласились признать ее собственностью Кархайда... Слишком много снега уже принесла эта туча, и снег все еще идет, сугробы становятся все выше. Я помог кое-кому из кархайдских фермеров, что живут в долине, перебраться на восток через старую границу, полагая, что спор этот может погаснуть и сам собой, если эту территорию просто оставить в распоряжении Орготы — ведь граждане Оргорейна живут в этих местах уже несколько тысячелетий. Несколько лет тому назад я входил в состав Административной группы Северного Перевала;

тогда я и познакомился с некоторыми из кархайдских фермеров, проживающих в долине Синотх. Мне было крайне неприятно сознавать, что им постоянно угрожают бандитские погромы, а также ссылка на Добровольческие Фермы Оргорейна. И я подумал: а почему бы, собственно, не устраниТЬ как таковой сам предмет спора?.. Но нет, в Кархайде такая идея была воспринята как в высшей степени непатриотичная. Более того, трусливая и оскорбительная для государства. Мог пострадать шифгретор самого короля!

Его ироничные намеки, хитросплетение интриг, да и сама история конфликта на границе с Оргорейном были мне совершенно неинтересны. Я мысленно вернулся к тому, что нас теперь разделяло с Эстравеном. Доверяю я ему или нет, но все же можно еще попытаться извлечь из него хоть какую-то пользу.

— Мне очень жаль, — сказал я, — но действительно грустно, если вопрос о нескольких фермерах и их правах способен испортить ваши отношения с королем и тем самым обречь на провал мою миссию. Ведь в данном случае речь идет о делах куда более важных, чем несколько километров государственной границы.

— Безусловно. Все это значительно важнее. Но может быть, Экумена, границы которой находятся в тысяче световых лет от границ Кархайда, проявит по отношению к нам некоторое терпение?

— Стабили Экумены — очень терпеливые люди, лорд Эстравен. Они будут ждать и сто лет, и даже пятьсот, пока Кархайд и другие государства планеты Гетен не разберутся и не решат окончательно, стоит ли им присоединяться к остальному человечеству Вселенной. И сказанное мной связано лишь с моей собственной, личной надеждой. И я испытываю сейчас лишь свое собственное, личное разочарование. Признаюсь откровенно: я надеялся с вашей помощью...

— Я тоже. Ничего, ледники тоже не вчера замерзли... — Поговорка, как всегда, была у него наготове, однако в мыслях он явно был где-то далеко. Меня он не замечал. Я почему-то подумал, что он в своей борьбе за власть как бы окружает мои фигуры своими пеш-

ками... — Вы попали к нам, — сказал он наконец, — в странные времена. Все меняется; мы вышли на новый виток. Нет, пожалуй, еще не вышли; мы чересчур далеко зашли по тому пути, которому следовали до сих пор. Я полагал, что ваше присутствие, ваша миссия помогут нам свернуть с неверного пути и откроют перед нами некие новые перспективы. Но — в нужный момент... в нужном месте... Все это слишком неопределенно, господин Аи...

Теряя терпение от бесконечных общих слов, я сказал:

— Вы, стало быть, утверждаете, что этот нужный момент еще не наступил. Может быть, вы посоветуете мне аннулировать аудиенцию?

Я говорил по-кархайдски, так что моя ошибка звучала еще ужаснее, однако Эстравен не улыбнулся и не нахмурился.

— Я боюсь, что *аннулировать* ее имеет право один лишь король, — мягко сказал он.

— О Господи, конечно, я вовсе не это имел в виду! — От стыда я даже закрыл руками лицо. Меня воспитали в обществе свободных и искренних людей Земли, и я, видимо, никогда не смогу усвоить как следует бесконечные правила гетенианского протокола, не научусь той немыслимой бесстрастности, которая так ценится в Кархайде. Я прекрасно понимал, что такое король в своем королевстве, история Земли буквально кишит королями, но у меня не было ни малейшего опыта общения с ними... мне не хватало такта... Я поднял свою кружку и стал жадно пить горячий пьянящий напиток. — Что ж, я расскажу королю меньше, чем собирался, когда рассчитывал на вашу поддержку.

— Хорошо.

— Хорошо? Но чем же? — не удержался я.

— Ну, господин Аи, вы же в своем уме. И я тоже. Но поскольку ни один из нас не является королем, вы же понимаете... Я полагаю, что вы намеревались рассказать Аргавену, в разумных пределах конечно, о том, что целью вашей миссии является попытка объединения Гетен со всей Экуменой. И он, в разумных

пределах конечно, об этом уже знает: об этом ему сказал я, как вам известно. Я не раз обсуждал с ним ваши проблемы, пытаясь заинтересовать его. Но все было не к месту и не вовремя. Я этого не учел — сам слишком всем этим увлекся и забыл, что он король. Все, о чем я ему рассказывал, значит для него лишь одно: его власти что-то угрожает, причем его королевство вдруг оказывается всего лишь пылинкой в космосе, а его власть — просто игрой, шуткой для тех, кто правит сотней миров.

— Но Экумена никем не правит! Она лишь координирует. Ее власть в каждом из входящих в нее государств и миров ничуть не больше власти их собственных правителей. Просто в союзе с Экуменой Кархайд обретет значительно большую стабильность и авторитет, чем когда-либо.

Некоторое время Эстравен молчал. Сидел, уставившись в огонь, отблески которого играли на его серебряной кружке и широкой светлой цепи у него на груди, обозначающей его ранг. В старом доме царила тишина. За ужином нам прислуживал слуга, но жители Кархайда не знают института рабства или иной личной зависимости и нанимают именно работников, а не людей; так что теперь все слуги, конечно же, разошлись по домам. Придворный такого ранга, как Эстравен, по-моему, должен был бы иметь хоть какую-то охрану, поскольку убийства в Кархайде случаются достаточно часто, но я и раньше не заметил ни одного охранника, и сейчас никого в доме не слышал. Мы явно были одни.

Я остался один на один с существом из иного мира в стенах этого мрачного дворца, в странном заснеженном городе посреди Ледникового Периода, наступившего на чужой мне планете.

Все, что говорил я сегодня и вообще с тех пор, как прибыл на планету Гетен, внезапно показалось мне не просто нелепым, но и немыслимым. Как мог я ожидать, чтобы этот вот человек, впрочем, как и любой другой в этой стране, поверил моим сказочкам об иных мирах, народах, о каком-то малопонятном «добром»

правительстве, существующем где-то в черной пустоте космоса? Все это было на редкость глупо. Я прилетел в Кархайд на весьма странном корабле; я действительно по ряду физических признаков существенно отличался от гетенианцев; разумеется, все это следовало как-то объяснить, однако мои собственные разъяснения на этот счет были в достаточной степени абсурдны. Я и сам им не очень-то поверил бы на месте гетенианцев.

— Я вам верю, — сказал мне Эстравен, этот инопланетянин, сидевший прямо передо мной в совершенно пустом доме. И столь велико было в тот миг мое ощущение чужеродности, что я уставился на него в полной растерянности. — Боюсь, что и Аргавен тоже вам верит. Но не доверяет. Отчасти потому, что больше уже не доверяет мне. Я сделал слишком много ошибок, был слишком беспечен. И не могу настаивать на вашем доверии ко мне хотя бы потому, что из-за меня ваша жизнь оказалась под угрозой. Я забыл, кто такой наш король; забыл, что в самом себе он видит весь Кархайд; забыл, что в нашей стране считается патриотизмом и что сам король уже по положению своему истинный патриот. Позвольте мне спросить вас вот о чем, господин Аи: знаете ли вы, что такое патриотизм, убеждались ли вы в том, что он существует, на собственном опыте?

— Нет, — сказал я, потрясенный до глубины души вдруг открывшейся мне яркой индивидуальностью Эстравена и силой его духа. — Не уверен, что хорошо представляю это себе. Если только не называть патриотизмом просто любовь к родине, ибо это-то чувство мне хорошо знакомо.

— Нет, не любовь к родине я имею в виду. Я имею в виду страх. Боязнь всего иного, чем ты сам, чем то, что окружает тебя. И знаете, страх этот не просто поэтическая метафора, он скорее носит политический характер и проявляется в ненависти, соперничестве, агрессивности. И он растет в нас, этот страх. Растет год за годом. Мы слишком далеко зашли по старой дороге. А вы... вы явились из такого мира, где даже

государств уже не существует, причем в течение многих столетий... Вы едва понимаете, о чем я говорю вам, однако именно вы указываете нам новый путь... — Эстравен внезапно умолк: голос его сорвался. Но уже через несколько секунд, полностью овладев собой, он продолжал, как всегда сдержанный и корректный: — Из-за этого страха я и отказался слишком настойчиво защищать ваши идеи перед королем. Во всяком случае, пока. Однако я боюсь не за себя, господин Аи. И мои действия отнюдь не отличаются патриотичностью. В конце концов, на планете Гетен есть и другие государства.

Я понятия не имел, к чему он клонит, но был уверен, что у этих объяснений есть и совсем иной смысл. Из всех темных и загадочных душ, которые встречались мне в этом мрачном, промерзшем городе, душа Эстравена была самой темной и загадочной. Мне не хотелось бродить по бесконечному психологическому лабиринту и играть в прятки с премьер-министром Кархайда. Я не ответил. Но через некоторое время он сам, причем очень осторожно, продолжил начатый разговор:

— Если я правильно вас понял, ваша Экумена главным образом предназначена служению общим интересам человечества. Мы ведь здесь очень различны: у Орготы, например, есть давний опыт подчинения местнических интересов общегосударственным, а у Кархайда такого опыта нет вообще. Да и Комменсалы Оргорейна люди в основном вполне здравомыслящие, хотя и не очень образованные, тогда как король Кархайда не только безумен, но и довольно глуп.

Совершенно очевидно, что должного чинопочтания в Эстравене не было и в помине. Как, видимо, и понятия о верности. С легким отвращением я сказал:

— Если это действительно так, то вам, должно быть, весьма затруднительно служить своему королю.

— Не уверен, что когда-либо ему служил, — ответил королевский премьер-министр. — Или имел таковое намерение. Я никому не служу. Настоящий человек должен отбрасывать свою собственную тень...

Колокола на башне ратуши пробили Час Шестой, полночь, и я, воспользовавшись этим предлогом, извинился и собрался уходить. Когда я в прихожей надевал теплый плащ, Эстравен сказал:

— На данный момент я проиграл, потому что, как мне кажется, вы теперь из Эренранга уедете... — (Интересно, почему это пришло ему в голову?) — Но я верю, что наступит тот день, когда я снова смогу задавать вам вопросы. Я еще так много хотел бы от вас узнать. Особенно об этой вашей способности говорить с помощью мыслей. Вы ведь едва коснулись общих принципов такого общения...

Его любознательность казалась мне совершенно естественной: этакое бесстыдство сильной личности. Впрочем, его обещания помочь мне тоже выглядели вполне искренними. Я сказал, что конечно, в любой момент, и на этом вечер закончился. Он проводил меня через сад, покрытый тонким слоем снега; в небе светила здешняя луна — большая, равнодушная и рыжая. Меня пробрала дрожь: здорово подморозило.

— Вам холодно? — с вежливым удивлением спросил он. Для него, естественно, это была теплая весенняя ночь.

Я чувствовал себя таким усталым и таким здесь чужим, что сказал:

— Мне холодно с тех пор, как я попал в этот мир.

— Как вы называете этот мир на своем языке? Нашу планету?

— Гетен.

— А на вашем языке у вас разве нет для нее названия?

— Есть. Придумали первые Исследователи. Они назвали эту планету Зима.

Мы остановились у ворот. За решеткой, которой был обнесен сад, смутно вырисовывались в снежной мгле здания и крыши Большого Дворца, кое-где на разной высоте горели в окнах слабые золотистые огоньки, отбрасывая свет на соседние строения. Стоя под невысокой каменной аркой ворот, я непроизвольно взглянул вверх и задумался: не был ли этот замковый

камень тоже укреплен по старинке — раствором, замешанным на костях и крови? Эстравен рас прощался и повернулся назад, к дому: он никогда не был многословен при встречах и прощаниях. Я пошел прочь, скрипя башмаками, по молчаливым дворам и аллеям дворца, по легкому, залитому лунным светом снежку, а потом — по глубоким провалам каменных улиц. Я шагал торопливо, потому что замерз, был потрясен изменой и страдал от неуверенности, одиночества и страха.

В СЕРДЦЕ ПУРГИ

Из коллекции аудиозаписей северокархайдских «Сказок у камина»; архив Исторического колледжа Эренранга, автор неизвестен; запись сделана в период правления Аргавена VIII.

Лет двести тому назад в Очаге Шатх государства Перинг, что на самой границе страны Диких Ветров, жили-были два брата, которые стали кеммерингами и поклялись друг другу в вечной любви и верности. В те далекие времена, как и сейчас, родные братья могли быть кеммерингами до тех пор, пока один из них не родит ребенка; после этого им надлежало расстаться навсегда. По закону они не имели права клясться друг другу в вечной преданности. Но те два брата дали друг другу такую клятву. Когда стало ясно, что скоро родится ребенок, правитель Шатха приказал братьям расстаться и никогда не встречаться более. Услышав этот приказ, один из братьев-кеммерингов — тот, что носил во чреве дитя, — впав в отчаяние, добыл яду и покончил с собой. После этого обитатели Очага единодушно изгнали его брата из княжества, возложив на него вину за эту смерть. Поскольку стало известно — а слухи всегда обгоняют путника, — что человек этот изгнан из собственного

Очага, никто не желал дать ему пристанище и, приставляли за ворота. Так скитался он, пока не понял, что на родной земле не осталось больше для него ни капли доброты в чьем-либо сердце и преступление его никогда не будет прощено*. Он не сразу поверил в это, ибо был еще молод и обладал чувствительной душой. Когда же юноша убедился, что это действительно так, то вернулся издалека к родному Очагу и, как подобает изгнаннику, встал у его внешних ворот. И вот что сказал он своей семье: «Для людей я утратил свое лицо: на меня смотрят — и не видят. Я говорю — но меня не слышат. Я прихожу в дом — и не нахожу приюта. У огня не находится для меня места, чтобы я мог согреться, на столе — пищи, чтобы я мог утолить голод, в доме — постели, где я мог бы приклонить голову. Все, что у меня теперь осталось, — это мое имя — Гетерен. И это имя теперь я произношу у ворот вашего Очага как проклятье; я оставляю его здесь, а вместе с ним — свой позор. Сохраните же мое имя и мой позор. А я, безымянный, пойду искать свою смерть». Тут некоторые жители Очага, вознегодовав, хотели наброситься на него и убить, ибо убийство менее позорно для всего рода, чем самоубийство. Но юноша бежал от них; он прошел через всю страну, продвигаясь все дальше на север, к Вечным Льдам. Его преследовали, удрученные неудачной погоней, один за другим возвращались в Шатх. А Гетерен продолжал свой путь и через два дня достиг границ Ледника Перинг**.

Еще два дня шел он по леднику на север. У него не было с собой ни еды, ни палатки — ничего, кроме теплого плаща. На ледниках нет растительности и не водятся никакие звери. Наступил второй месяц осени, Сасми, уже начались сильные снегопады, порой снег шел день и ночь. Но юноша упорно продвигался

* Нарушив закон, контролирующий инцест, он стал настоящим преступником только тогда, когда его отношения с братом привели к самоубийству последнего (Дж. Аи).

** Ледник Перинг — огромный ледниковый щит, покрывающий большую часть северного Кархайда; зимой, когда залив Гутен замерзает, он сливается с ледником Гобрин, что находится в Оргорейне.

далше к северу сквозь пургу. Однако на второй день понял, что слабеет, и вынужден был ночью лечь и немного поспать. А на третий день, проснувшись утром, обнаружил, что руки у него обморожены, как, наверное, и ноги; он так и не смог развязать тесемки башмаков, чтобы выяснить это, ибо руки больше его не слушались. Тогда Гетерен пополз вперед на четвереньках, отталкиваясь коленями и локтями. Не было в том особого смысла, ибо не все ли равно, сколько еще проползет он по леднику, прежде чем умрет, но он чувствовал, что непременно должен двигаться к северу.

Прошло немало времени; снегопад прекратился, ветер стих. Выглянуло солнце. Стоя на четвереньках, он не мог видеть далеко, да и меховая оторочка капюшона наползала ему на глаза. Не ощущая больше холода ни в руках, ни в ногах, ни на лице, он подумал было, что мороз совсем лишил его чувствительности. И все же пока он еще мог двигаться. Снег вокруг него в этих местах выглядел как-то странно: он был похож на высокую белую траву, что проросла сквозь вечные льды. Когда Гетерен касался ее, трава не ломалась, а пригибалась и снова выпрямлялась, как трава-сабля. Тогда он перестал ползти и сел, отбросив назад капюшон, чтобы осмотреться. Повсюду, насколько хватал глаз, расстилались поля, заросшие этой снежной травой, белой и сверкающей под солнцем. Среди полей возвышались купы деревьев, покрытых белоснежной листвой. Небо было ясное, стояло полное безветрие, и все вокруг было бело.

Гетерен снял рукавицы и осмотрел руки. Они тоже были белые, как снег. Но боль от страшных укусов стужи прошла, пальцы снова слушались его, и он снова мог стоять на ногах. Более он не ощущал ни холода, ни голода, ни каких-либо иных страданий.

Вдали на севере он увидел высокую башню, похожую на башни его родного Очага; оттуда кто-то шагал по снегу прямо к нему. Через некоторое время Гетерен смог разглядеть, что человек этот абсолютно наг и кожа у него очень белая. Волосы тоже. Белый человек

подошел еще ближе, совсем близко, с ним уже можно было говорить, и Гетерен спросил его: «Кто ты?»

И белый человек ответил: «Я твой брат и кеммеринг Хоуд».

То было имя его брата-самоубийцы. И Гетерен увидел, что белый человек лицом и фигурой в точности похож на живого Хоуда. Вот только в теле его больше не было жизни, а голос звучал слабо и тонко, словно ломались хрупкие льдинки.

Тогда Гетерен спросил: «Что же это за место такое?»

Хоуд ответил: «Это самое сердце пурги. Мы, убившие себя, живем здесь. Здесь мы с тобой можем схранить верность той клятве, что дали друг другу».

Но Гетерен испугался и сказал: «Я не останусь здесь. Если бы ты тогда убежал со мной на юг, подальше от нашего Очага, мы могли бы навсегда остаться вместе и всю жизнь хранить верность нашей клятве, и никто на свете не узнал бы о том, что мы нарушили закон. Но ты первым изменил клятве, ты предал нас и предал собственную жизнь. И не сможешь теперь звать меня по имени».

И правда, Хоуд шевелил губами, но так и не мог выговорить имени своего родного брата.

Он быстро подошел к Гетерену, протянул к нему руки, обнял его, сжал его левую руку своими руками. Но Гетерен вырвался и убежал. Он бежал на юг и видел, как перед ним вырастает стена пурги, и, пройдя сквозь нее, он снова упал на колени и больше бежать уже не мог, а мог лишь ползти на четвереньках.

На девятый день после того, как он ушел из родного Очага на север, Гетерен был обнаружен в пределах своего княжества неподалеку от Очага Ороч, что находится к северо-востоку от Шатха. Жители его не знали, кто этот человек и откуда он пришел; они нашли его барахтающимся в снегу, умирающим от голода, ослепшим от снега, с почерневшим от мороза и солнечных ожогов лицом; поначалу он не мог даже говорить. И все же Гетерен не только выжил, но и не

заболел, разве что сильно обмороженную левую руку его пришлось отнять. Кое-кто поговаривал, что это тот самый Гетерен из Шатха; но остальные считали, что такого быть не может, потому что Гетерен ушел на Ледник еще во время первых осенних снегопадов и, без сомнения, погиб. Сам же он утверждал, что имя его вовсе не Гетерен. Окончательно поправившись, человек этот покинул Ороч и княжество на границе страны Диких Ветров и отправился на юг и в тех краях стал называть себя Энохом.

Когда Энох был уже совсем старым и жил в долине реки Рир, он как-то повстречался со своим земляком и спросил его, как идут дела в княжестве и Очаге Шатх. И человек тот ответил, что дела там плохи. Нет удачи ни в домашней работе, ни в поле; все пришло в упадок, все больны какой-то странной болезнью, весной зерно в полях вымерзает, а то, что успевает созреть, гниет на корню, и так продолжается уже много лет. Тогда Энох сказал ему: «А знаешь, ведь я Гетерен из Шатха» — и поведал о том, как тогда поднялся на Ледник и кого там встретил. И закончил свой рассказ: «Передай жителям Шатха, что я беру назад свое имя и снимаю с них проклятье». Через несколько дней после этого Гетерен заболел и умер. А тот путешественник рассказал его историю в Шатхе и передал его последние слова. Говорят, что с тех пор сам Очаг и все княжество вновь стали процветать, жизнь снова наладилась в домах и в полях и пошла дальше своим чередом.

СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ

Я проснулся поздно и оставшиеся утренние часы провел за чтением собственных записей, касающихся придворного этикета, а также наблюдений моих предшественников, Исследователей, относительно гетенианской психологии. Я читал невнимательно — в общем-то, я давно уже все это знал наизусть — и сейчас просто старался заглушить тот внутренний голос, что неумолчно бубнил у меня в ушах: «Ты все с самого начала сделал неправильно». Поскольку голос не умолкал, я все-таки начал с ним спорить, утверждая, что смогу в дальнейшем обойтись и без помощи Эстравена; может быть, получится даже лучше. В конце концов, моя задача здесь вполне под силу и одному человеку. Первый Мобиль всегда работает в одиночку. Первые вести из любого нового мира в Экумену всегда передаются голосом одного-единственного человека. Мобиля, разумеется, можно убить, как убили Пеллегля на Четырех Быках, или заточить в сумасшедший дом вместе с другими безумцами, как это произошло по очереди с первыми тремя Посланниками на Гао; и все-таки Экумена продолжает посыпать Мобилей в одиночку, и эта практика вполне оправдывает себя. Порой голос одного-единственного человека, говорящего правду,

куда большая сила, чем целые флоты и армии, особенно если этому человеку дать достаточно времени, но времени-то в Экумене как раз хватает... «У тебя зато его не хватает!» — сказал мой внутренний голос, но я убедительно попросил его заткнуться. В Часу Втором, исполненный спокойствия и рассудительности, я прибыл на аудиенцию к королю Кархайда. Впрочем, вся моя рассудительность улетучилась еще в приемной, прежде чем я успел хотя бы взглянуть на короля.

В королевскую приемную я был препровожден дворцовой стражей через бесчисленные длинные залы и коридоры. Потом один из адъютантов Его Величества попросил меня подождать немного и оставил одного в огромном зале с высокими потолками, но без окон. Перед встречей с королем Кархайда я постарался одеться подобающим образом. Я как раз продал свой четвертый рубин и третью полученной суммы истратил на два костюма — для вчерашнего парада и сегодняшней аудиенции (от наших Исследователей мне было известно, что гетенианцы очень ценят драгоценные камни — значительно больше землян, например, — так что я явился на Гетен с полными карманами рубинов и сапфиров, чтобы при случае было чем расплачиваться). Все на мне было новым, очень тяжелым и прочным; но сшитым хорошо и выглядевшим добротно, даже красиво, как вообще вся одежда в Кархайде: белая, отороченная мехом теплая рубаха, серые узкие штаны, длинная, похожая на камзол куртка *хайэб* из кожи цвета морской волны, новая шапка и новые перчатки, под строго определенным углом торчащие из-под слегка сползающего на бедра ремня, дополняющего *хайэб*, новые башмаки... Уверенность в том, что одет я хорошо, в полном соответствии с этикетом, все-таки прибавляла спокойствия и рассудительности. Я спокойно и рассудительно огляделся.

Как и во всем королевском дворце, в этом зале с высокими потолками и красными стенами царило запустение и стоял запах плесени, как если бы постоянно гулявшие там сквозняки залетали из прошлых веков. В камине ревел огонь, но тепла особого не давал.

Камины в Кархайде существуют для того, чтобы согревать душу, а не тело. Промышленная революция в Кархайде совершилась по крайней мере три тысячи лет тому назад, за эти тридцать веков кархайдцы изобрели прекрасное и экономичное центральное отопление с использованием водяных и электрических радиаторов, а также иных энергетических источников тепла; однако в домах у них по-прежнему центральное отопление отсутствует. Возможно, потому, что они боятся утратить природную сопротивляемость холоду, как это происходит, например, с полярными птицами на Земле: если их хотя бы недолгое время продержать в теплой палатке, а потом выпустить на волю, они тут же погибнут от обморожения конечностей. Я же, будучи вообще пташкой тропической, мерз постоянно; мерз как на улице, так и дома, хоть дома и немного меньше; у меня замерзали руки и ноги, и весь я дрожал от холода. Сейчас я тоже ходил по залу взад-вперед, стараясь согреться. Живыми в этой унылой приемной были только я да огонь в камине; мебели, впрочем, тоже было немного: стол, стул, на столе — каменная ваза и старинный радиоприемник, украшенный серебром, резным деревом и костью, — достойный экспонат для выставки народного творчества. Приемник играл под сурдинку, и я чуточку прибавил звук, услышав, что эпическая песня или баллада сменилась сводкой дворцовых новостей. Как правило, жители Кархайда читают немного и предпочитают слушать, причем не только новости, но и литературные тексты; всяческие инсценировки и спектакли у них недостаточно популярны, а книги и телевизоры распространены гораздо меньше, чем радиоприемники; газет не существует вообще. Утром я сводку новостей проспал, да и теперь слушал вполуха, думая совсем о другом, пока повторенное несколько раз знакомое имя не привлекло мое внимание. Что это они там говорят об Эстравене? Какой-то королевский указ? Информация, видимо, была важной, потому что указ начали читать сначала:

«Терем Харт рем ир Эстравен, лорд Эстре из Керма, данным указом лишается титула князя и почетно-

го членства в Королевском Совете; он обязан покинуть королевство Кархайд и соподчиненные княжества в течение трех дней. По истечении указанного срока, а также если он осмелится когда-либо вернуться в пределы государства, Харт рем ир Эстравен подлежит незамедлительной казни без суда и следствия. Всем жителям Кархайда запрещается вести с ним какие бы то ни было переговоры, а также предоставлять ему кров под страхом тюремного заключения и штрафа. Запрещается также передавать или одолживать Харт рем ир Эстравену любые денежные суммы или товары и возвращать одолженные у него суммы. Доводим до сведения всех жителей Кархайда: Харт рем ир Эстравен совершил тяжкое преступление, за которое осужден на пожизненную ссылку: предательство. Тайными и явными путями он склонял Королевский Совет и короля Кархайда — под предлогом верной службы Его Величеству — к тому, чтобы Объединенное Королевство Кархайд отказалось от своего суверенитета и присоединилось к некоей Лиге Миров, вымышленный характер которой не вызывает у нас ни малейших сомнений; пресловутая Лига Миров — всего лишь беспочвенная выдумка предателей-заговорщиков, которые стремятся ослабить авторитет нашего государства и его Короля в угоду вполне реально существующим врагам. Отгырни Тува, Час Восьмой, Королевский дворец в Эренранге. АРГАВЕН ХАРГЕ».

Далее сообщили, что полный текст только что зачитанного Указа расклеен на воротах многих домов и всех почтовых отделений города.

Сначала я, естественно, просто выключил радио, словно надеясь остановить этот поток враждебных излияний. Потом бросился к двери. Там, разумеется, я остановился. Вернулся на прежнее место, к столу у камина, и задумался. Спокойствия и рассудительности как не бывало. Мне страшно хотелось достать ансамбль и послать срочный вызов Стабилям Хайна. Это желание я тоже подавил, потому что оно было еще глупее предыдущего. К счастью, больше никаких желаний у меня возникнуть не успело. Створки двери в

далнем конце приемной распахнулись, и адъютант, почтительно отступив в сторону и пропуская меня вперед, провозгласил: «Господин Дженир Аи!» Мое имя Дженили, но жители Кархайда звук «л» не произносят. И вот я оказался в знаменитом Красном Зале наедине с королем Аргавеном XV.

Красный Зал поражал своими размерами. Казалось, что от камина до камина в его торцовых стенах никак не меньше полукилометра. И примерно столько же — от пола до потолочных балок, с которых свисали пыльные красные то ли занавеси, то ли знамена, в пятнах и потеках от старости. Окна скорее походили на бойницы в крепостных стенах и почти не пропускали света; слабые его лучи повисали где-то в вышине, под потолком. Мои новые башмаки — тук-тук-тук — прогрохотали через весь зал: я наконец приближался к королю, заканчивая путь длиной в полгода.

Аргавен стоял у третьего, самого большого в этом зале камина на особом возвышении; коренастый, в мрачноватых красных одеждах, с большим выступающим животом, темнокожий, он казался страшно взвинченным и одновременно каким-то тусклым, невыразительным; только на большом пальце у него ярко вспыхивало кольцо — королевский перстень с печатью.

Я остановился у края этого постамента и, согласно этикету, застыл в почтительном молчании.

— Поднимитесь сюда, господин Аи. Садитесь.

Я подчинился и сел в кресло, стоящее справа от камина. Все эти действия входили в ранее изученный мной ритуал. Сам же Аргавен остался стоять метрах в трех от меня спиной к камину, в котором ревело пламя. Через некоторое время он сказал:

— Говорите же, господин Аи. Вы, кажется, что-то должны были мне сообщить? Я слышал, у вас есть для меня некое послание.

На лице его, которое теперь было повернуто ко мне, играли красные блики огня, мелькали темные тени, но само оно выглядело плоским и жестоким, как холодная луна в небесах над этой ледяной планетой, как рыжая и глупая луна планеты Гетен. Вблизи

Аргавен не казался столь величественным и надменно-мужественным, как издали, в толпе своих придворных. У него был высокий пронзительный голос, и он то и дело яростным безумным жестом вскидывал голову, как бы выражая высокомерное изумление.

— Дело в том, Ваше Величество, что все мысли разом как бы улетучились из моей головы, едва я узнал, что лорд Эстравен объявлен вами вне закона.

Аргавен растянул губы в улыбке и молча уставился на меня. Потом вдруг визгливо рассмеялся и стал похож на злобную бабу, которая веселым смехом пытается скрыть досаду.

— Будь он проклят, — пробормотал король, — жалкий гордец! Высокородный преступник! Предатель! Вы ведь обедали с ним вчера, не так ли? И он, конечно, рассказывал вам, насколько он всесилен, как управляет самим королем и как вам легко будет вести со мной разговор о ваших делах после того, как он все должным образом подготовил... Не так ли? Ведь он все это говорил вам, господин Аи?

Я колебался.

— Хорошо, тогда я расскажу вам, что он советовал мне, если вам это интересно. Он, например, советовал мне отказаться от встречи с вами, заставить вас подождать еще; может быть, даже предложить вам сбрать свои вещи и перебраться отсюда подальше — в Оргорейн или на Острова. Последние полмесяца — черт бы его побрал! — он только и делал, что твердил мне об этом. Однако ему самому пришлось собирать вещички и быстренько отправляться в Оргорейн, ха-ха-ха!..

Король снова притворно весело рассмеялся и даже захлопал от удовольствия в ладоши. И тут же из-за занавесей беззвучно вынырнул стражник и застыл у края постамента. Аргавен рявкнул на него, и стражник столь же беззвучно исчез, как и появился. Хрюкая от смеха, Аргавен подошел ко мне еще ближе, буквально нос к носу, и уставился прямо в лицо. Темные радужки его глаз слегка отливали оранжевым. Я опасался его теперь значительно больше, чем мог

предполагать, и совершенно не представлял, как следует вести себя с этим непоследовательным и непредсказуемым человеком. Потом решил, что лучше всего искренность.

— Могу ли я узнать, Ваше Величество, не считаете ли вы и меня соучастником преступных действий Эстравена?

— Вас? Нет! — Он еще более внимательно взгляделся в меня. — Я не знаю, что за чертовщина сидит в вас, господин Аи: то ли вы сексуальный извращенец, то ли искусственно созданное чудовище, то ли действительно пришелец из великой пустоты Космоса; но вы не предатель; вы были всего лишь орудием в руках предателя, всего лишь инструментом. А инструменты я не наказываю. Они приносят вред лишь в руках плохих специалистов. Позвольте посоветовать вам кое-что, господин Аи. — Аргавен выговорил слово «посоветовать» со странным нажимом и удовлетворением, а мне почему-то именно в этот миг пришло в голову, что больше никто за эти два года ни разу ничего мне не посоветовал. Гетенианцы охотно отвечали на мои вопросы, однако открыто ничего никогда не советовали, даже Эстравен, самый лучший мой помощник. Должно быть, это тоже было связано у них с пресловутым шифгретором. — Никому больше не позволяйте использовать вас в корыстных целях, господин Аи, — взяточно проговорил король. — Держитесь подальше от всяких интриг и политических течений. Лгите лучше самостоятельно, и действуйте тоже самостоятельно. И никому не верьте. Вы хоть это-то понимаете? Не верьте никому! Черт бы его побрал, этого лжеца, этого хладнокровного предателя! Я-то ведь ему доверял! Я сам повесил ему на шею серебряную цепь, будь она проклята! Лучше бы я его самого на этой цепи повесил. Нет, по-настоящему я никогда не верил ему! Никогда! И вы никому не доверяйте. А он пусть теперь подыхает от голода на помойках Мишнори, пусть жрет отбросы, пусть кишкы у него сгниют, но никогда... — Король Аргавен весь затрясся и захлебнулся собственной злобой со звуком, похожим на отрыжку; по-

том он повернулся ко мне спиной и начал пинать ногой концы горящих поленьев, пока вверх не взлетел целый сноп искр и черный пепел не запорошил его лицо, волосы и камзол. Искры король ловил на лету голыми руками.

Не оборачиваясь и словно превозмогая боль, он заговорил вдруг своим высоким пронзительным голосом:

— Говорите же! Что вы должны были мне сообщить, господин Аи?

— Можно мне сперва задать вам вопрос, Ваше Величество?

— Задавайте.

Аргавен весь как-то подергивался, покачивался, переступал с ноги на ногу и неотрывно смотрел в огонь. Пришлось обращаться к его спине:

— Вы верите, что я именно тот, за кого себя выдаю?

— Эстравен располагал целой толпой врачей, они буквально завалили меня медицинскими справками; не меньше сведений я получил и от инженеров из Королевских Мастерских, которые занимались вашим кораблем; и от других специалистов тоже. Не могут же все они оказаться лжецами? А они все утверждают, что вы не человек. Что же теперь?

— А теперь, Ваше Величество, вот что. Существуют и другие такие же существа, как я. И я являюсь здесь их представителем...

— О да! Представителем этого их союза, этой Лиги... да-да, очень хорошо!.. Но для чего они послали вас сюда? Ведь вы именно этот вопрос хотите услышать от меня?

Хотя Аргавен явно был не в своем уме, да и проницательностью тоже не отличался, он, безусловно, был хорошо обучен всякого рода словесным уверткам и двусмысленностям, которыми здесь всегда пользуются в разговоре друг с другом те, чьей главной целью является достижение наивысшего уровня шифгретора и упрочение некоего родства между собой по этому признаку. Границы подобного родства все еще были

для меня совершенно неясны, однако я уже кое-что знал о постоянном соперничестве, свойственном этим отношениям, и о вечно возобновляющемся словесном поединке между соперниками, обладающими одинаковым шифгретором. То, что я не веду с Аргавеном никакого словесного поединка, а честно и просто пытаюсь что-то ему объяснить, уже само по себе было ему совершенно непонятно.

— Я никогда не делал из этого тайны, Ваше Величество. Экумена хочет, чтобы государства планеты Гетен стали ее союзниками.

— Но ради чего?

— Ради материальной выгоды. Ради увеличения общей суммы знаний. Ради расширения понятий об интеллекте. Ради более полного и глубокого проникновения в жизнь иных мыслящих существ. Во имя всеобщей гармонии и высшей славы Господней. Ради любопытства. Ради удовольствия и приключений, на конец.

Я говорил на непонятном ему языке, не на том, которым пользуются здесь те, кто правит другими, — короли, завоеватели, диктаторы. На привычном ему языке невозможно было бы дать адекватный ответ на его вопрос. Молча и сердито смотрел Аргавен на пляшущие в камине языки пламени, растерянно переминаясь с ноги на ногу.

— Как велико ваше королевство — в этом космическом Нигде? Эта ваша Экумена?

— Она объединяет восемьдесят три обитаемые планеты, около трех тысяч различных типов гуманоидов...

— Три тысячи народов? Понятно. Теперь объясните мне, зачем нам, одному-единственному народу, иметь дело с целыми толпами чудовищ, живущих в космической пустоте? — Он специально обернулся, чтобы заглянуть мне в глаза: он все еще продолжал вести со мной словесный поединок и задал этот риторический вопрос не без умысла, но как бы в шутку. Впрочем, шутка эта меня почти не задела. Король, как справед-

ливо предупреждал меня Эстравен, был очень и очень взволнован, прямо-таки охвачен тревогой.

— Да, три тысячи различных народов на восьми-десети трех планетах, Ваше Величество; однако ближайшая из них находится на расстоянии семнадцати световых лет от Гетен. Так что если вы боитесь, что Гетен будет вовлечена в какие-то интриги или междоусобицы неведомыми союзниками, то примите во внимание хотя бы то расстояние, которое их от вас отделяет. Местные интриги никак не связаны с соседями той или иной планеты по Космосу. — Я по вполне определенной причине не стал упоминать о космических войнах, ибо в кархайдском языке нет даже слова «война». — А вот подумать о выгодной торговле, по моему, стоит. Например, об обмене научными идеями и технологией, осуществляемом с помощью ансибля; или о торговле различными товарами и произведениями искусства, которые доставят пилотируемые или автоматические межпланетные корабли. Сюда могут прибыть несколько человек оттуда — послы, преподаватели, торговцы, — а представители Гетен отправятся туда. Экумена — это не королевство и не государство, она выполняет скорее функции координатора и казначея при различных формах торговли и обмена знаниями; без такого координатора общение миров, населенных мыслящими существами, происходило бы наудачу, а торговля стала бы слишком рискованной, как вам, должно быть, уже ясно. Жизни человеческие слишком коротки по сравнению с космическими расстояниями, которые невозможно было бы преодолеть одним прыжком без специальной системы связи, без централизованного управления и контроля, без налаженного графика всех работ; вот поэтому и была создана Лига Миров, Экумена... Все мы люди, Ваше Величество. Все. И миры, населенные различными людьми, возникли много-много миллиардов лет тому назад из одного мира — хайнского. Мы отличаемся друг от друга, но все мы сыновья одного Очага...

Но ничто из сказанного мной не заинтересовало короля, не вызвало его доверия. Я еще некоторое

время пытался говорить, надеясь объяснить ему, что ни его шифгретор, ни шифгретор всего Кархайда никак не пострадают от присутствия в его жизни и в жизни планеты Гетен Экумены, но толку по-прежнему не было никакого. Аргавен стоял надувшись, словно сердитая старая выдра, посаженная в клетку, и то покачивался взад-вперед, то переступал с ноги на ногу, оскалив зубы в страдальческой ухмылке. Я наконец иссяк.

— И они все такие же черные?

У гетенианцев кожа чаще всего золотисто-коричневая или красновато-коричневая, но я видел довольно много почти таких же темнокожих людей, как я сам.

— Некоторые еще чернее, — ответил я. — У нас встречаются самые различные цвета кожи. — Я открыл свой портфель, целых четыре раза подвергнутый досмотру, пока я попал в приемную короля; там у меня был ансибль и кое-какие изображения людей — фотографии, кинопленки, рисунки, видеозаписи, кристаллограммы. Настоящая маленькая галерея, посвященная Человеку: людям с планет Хайн, Чиффевар, Цета, Эс, Терра и Альтерра, жителям Дальних Звезд, Капетина, Оллюля, Четырех Быков, Роканнона, Энсбо, Сайма, Где и Шишельского Рая...

Король мельком взглянул на парочку изображений, не выказав особого интереса.

— Что это?

— Это жительница планеты Сайм, женщина. — Я вынужден был использовать то слово, которым гетенианцы обозначают человека, находящегося в кульминационной фазе кеммера женского типа; вторым значением этого слова является понятие «самка животного».

— Постоянно?

— Да.

Он выронил кристаллограмму с изображением женщины и снова застыл, покачиваясь с ноги на ногу и глядя мимо меня; на лице его плясал от свет пламени.

— Они все такие, как она... как вы?..

Это был непреодолимый барьер. И я никак не мог его снизить специально для них. Они должны были в конце концов научиться преодолевать его сами — одним прыжком.

— Да. Половая физиология гетенианцев, насколько мы в данный момент осведомлены, представляет собой совершенно уникальное явление.

— Значит, у всех там, на этих планетах, постоянный кеммер? Это общества сплошных извращенцев? Так мне и лорд Тайб говорил; а я решил, что он шутит. Что ж, возможно, это и правда; однако мне даже думать об этом противно, господин Аи, и я не понимаю, зачем нашим людям стремиться к общению со столь непохожими на них чудовищами или хотя бы терпеть это общение? Впрочем, возможно, вы находитесь здесь только для того, чтобы сообщить, что у меня просто нет иного выбора?

— Выбор — во всяком случае, в отношении Кархайда — всегда остается за вами, Ваше Величество.

— А если я и вам тоже велю собирать вещички?

— Что ж, я подчинюсь. Потом, наверное, я смогу попробовать еще раз — с представителями следующих поколений королей...

Это его задело. Он рявкнул:

— А что, вы бессмертны?

— Нет, отнюдь нет, Ваше Величество. Однако прыжки во времени имеют и свои положительные стороны. Если я покину Гетен прямо сейчас и улечу на ближайшую от нее планету Оллюль, то проведу в пути семнадцать лет общепланетного времени. А прыжки во времени — это перелеты в космосе, совершаемые практически со скоростью света. Один лишь мой путь от Гетен до Оллюль и обратно — те несколько часов, что я проведу в космическом корабле, — здесь будет равен тридцати четырем годам; так что по возвращении я вполне могу начать все сначала.

Но даже рассказ о прыжках во времени, в котором гетенианцы явно видели намек на сказочное бессмертие и слушали меня с восторгом — все, от рыбаков на острове Хорден до премьер-министра лорда

Эстравена, — оставил короля равнодушным. Он вдруг воскликнул своим пронзительным, визгливым голосом:

— А это еще что такое? — и показал на ансибль.

— Ансибль, коммуникационное устройство, Ваше Величество.

— Радиоприемник?

— Нет, его работа не использует ни радиоволн, ни какой-либо другой формы энергии. Константа одновременности — основной принцип его конструкции — в какой-то степени аналогична гравитационному...

Я снова позабыл, что разговариваю отнюдь не с Эстравеном, который самым внимательным образом прочел все рапорты ученых обо мне и моем корабле и всегда с пониманием слушал мои разъяснения. Теперь передо мной был и без того уже раздосадованный король Аргавен.

— Вот что делает этот прибор, Ваше Величество: передает информацию из одной точки Вселенной в другую и — сразу же — ответ. Одновременно соединяет две любые точки во Вселенной. Причем одна из них непременно должна находиться на планете или любом космическом теле, обладающем конкретной массой вещества, а другая — где угодно. У меня как раз второй, как бы переносной конец этой связи. Этот прибор сейчас настроен на координаты нашего Первичного Мира — на планету Хайн... Межпланетному кораблю требуется шестьдесят семь лет, чтобы добраться от Гетен до Хайна, однако мое послание, закодированное с помощью этого вот ключа, услышат на Хайне сразу, пока я еще только буду передавать его. Вы не хотите что-нибудь передать Стабилюм Хайна, Ваше Величество?

— Я не говорю на языке Космоса, — заявил король, злобно и тупо усмехаясь.

— У них там под рукой есть помощник, который говорит по-кархайдски; я их заранее предупредил о нашей встрече.

— Что вы хотите сказать? Как это? Откуда?

— Что ж, как вам известно, Ваше Величество, я здесь не первый инопланетянин. До меня на вашу

планету прилетала команда Исследователей, которые не стали обнаруживать себя, стараясь во всем походить на обычных гетенианцев; не узнанные, они в течение целого года путешествовали по территории Кархайда и Оргорейна, а также обследовали Архипелаг. Потом покинули планету Гeten и составили обширный отчет для Совета Экумены. Это случилось примерно лет сорок тому назад, еще во времена правления вашего дедушки. Их отчет был на редкость благоприятен. А я получил ценнейшую информацию, прежде чем прилетел сюда. Не хотите ли посмотреть, как работает мой ансибль, Ваше Величество?

— Я не любитель фокусов, господин Аи.

— Это не фокус, Ваше Величество. Некоторые из кархайдских ученых сами научились...

— Я не ученый.

— Вы великий правитель, Ваше Величество. Равные вам правители Первичного Мира Экумены ждут от вас хотя бы слова.

Он диковато глянул на меня. Моя лесть и попытки привлечь его внимание загнали короля в тенета престижности, хоть я и добивался совсем не этого. Все вообще шло не так, как надо.

— Ну хорошо. Спросите эту вашу машинку что превращает обычного человека в предателя?

Я осторожно тронул клавиатуру ансибля, настроенного на кархайдскую письменность. «Король Аргавен, правитель Кархайда, спрашивает Стабилей планеты Хайн: что превращает обычного человека в предателя?» Вспыхнувшие на экране буквы быстро пробежали и исчезли. Аргавен внимательно наблюдал за мной, даже прекратив покачиваться и переступать с ноги на ногу.

Последовала довольно долгая пауза. Без сомнения, некто на расстоянии семидесяти двух световых лет от меня с лихорадочной поспешностью вводил полученные данные в компьютер, настроенный на кархайдский язык, а может, и в компьютер общефилософских знаний. Наконец на экране загорелись яркие буквы: «Королю Аргавену, правителю Кархайда на планете

Гете. Примите наши приветствия. Я не знаю, что может превратить обычного человека в предателя. Ни один обычный человек себя предателем не считает; именно это и затрудняет ответ на поставленный так вопрос. С уважением, Спимоль Дж. Ф., от имени Стабилей города Сайре, планета Хайн, 93/1491/45». И надпись медленно растаяла.

Когда из ансибля выползла лента с напечатанным ответом, я оторвал кусок и подал Аргавену. Он уронил ленту на стол и снова отошел кциальному камину — чуть в огонь не влез — и со всей силы пнул ногой горящее полено, гася взметнувшиеся искры руками.

— Столь же «полезный» ответ я мог бы получить у любого из своих предсказателей. Но хитроумных ответов еще недостаточно, господин Аи. Недостаточно и этой вашей машинки. И вашего корабля. Целый мешок хитроумных фокусов и сам фокусник в придачу! Вы хотите, чтобы я поверил вам, вашим сказочкам и «посланиям из Космоса»? Но с какой стати мне верить им, да и вообще слушать вас? Если там, среди звезд, даже и существует восемьдесят тысяч миров, населенных чудовищами, то мне-то что с того? Нам от них ничего не нужно. Мы избрали для себя жизненный путь и давно уже следуем этим путем. Кархайд стоит у ворот новой эпохи, великой Новой Эры. И мы пойдем дальше своим путем... — Он заколебался, словно утратив нить рассуждений — не его собственных, разумеется. Если Эстравен и перестал быть «королевским ухом», то им непременно стал кто-то другой. — А если бы жителям этой Экумены что-нибудь действительно было нужно от нас, они никогда не прислали бы вас одного. Это просто шутка, мистификация. Иначе инопланетяне буквально кишили бы здесь.

— Но ведь для того чтобы отворить одну дверь, тысячи людей вовсе не требуется, Ваше Величество.

— Однако тысячи людей могут потребоваться, чтобы держать ее открытой.

— Экумена подождет, пока вы сами не откроете ее, Ваше Величество. Она ничего не станет требовать у вас силой. Я был послан сюда один и работал в оди-

ночку все это время, чтобы у вас даже возможности не возникло бояться меня.

— Бояться вас? — переспросил король, поворачивая ко мне исчерканное тенями лицо и отвратительно ухмыляясь. Голос его сорвался на крик. — Но я действительно боюсь вас, Посланник! Я боюсь тех, кто послал вас! Я боюсь лжецов, я боюсь трюкачей, но больше всего я боюсь горькой правды. Именно поэтому я столь успешно правлю своей страной. Только поэтому. Ибо мной самим правит страх. Да, страх. И нет ничего сильнее страха. И ничто в этом мире не вечно. Вы тот, за кого себя выдаете, и все же вы всего лишь чья-то шутка, фокус трюкача. Там, меж звездами, ничего нет, там лишь пустота, ужас и тьма; и вы прилетаете оттуда совершенно один, и еще пытаешься испугать меня. Я и так уже достаточно напуган, хоть я и здешний король. Но настоящий правитель здесь — страх! А теперь забирайте ваши звуковые ловушки и прочие штучки и убирайтесь, больше нам не о чем говорить. Я отдал приказ, чтобы в пределах Кархайда вам предоставили полную свободу действий.

Итак, аудиенция была окончена, и — тук-тук-тук — мои башмаки простучали обратно по бесконечному красному полу в красноватом сумраке Красного Зала, пока двустворчатая дверь, выплюнув меня наружу, не захлопнулась за моей спиной.

Я потерпел неудачу. Полную неудачу. Но то, что особенно беспокоило меня, когда, покинув королевский дворец, я шел по аллеям парка, было связано не столько с самим провалом моей деятельности в Кархайде, сколько с ролью в нем Эстравена. Почему король сослал его как защитника союза с Экуменой (что, по всей видимости, и составляло основу его преступления и служило причиной Указа о высылке), если (судя по словам самого короля) на самом деле Эстравен агитировал его против этого союза? Когда именно он начал советовать королю не доверять мне, и почему? Почему в таком случае он сам был сослан, а я оставлен на свободе? Кто из них был большим лжецом и ради какой дьявольской цели они лгали мне оба?

Эстравен — чтобы спасти собственную шкуру, так я тогда решил; ну а король? Наверное, чтобы спасти собственное лицо. Объяснение казалось довольно правдоподобным. Однако я по-прежнему не был уверен, действительно ли Эстравен лгал мне? Я вдруг понял, что вовсе не уверен в этом.

Я как раз шел мимо Углового Красного Дома. Ворота в сад были открыты. Я заглянул туда и увидел деревья серем, склонившие свои беловатые стволы над темной водой пруда; дорожки, посыпанные розовым толченым кирпичом, в сероватом безмятежном свете дня казались заброшенными. Легкий снежок, не успев растаять, все еще лежал в тени за валуном на берегу пруда. Я вспомнил, как Эстравен ждал меня вон там, на крыльце, когда вчера вечером вдруг пошел снег, и сердце мое пронзила обыкновенная человеческая жалость. Еще вчера на параде я видел этого человека, взмокшего в тяжелых доспехах на жаре, однако никак не утратившего своего великолепия и достоинства, — человека на вершине своей карьеры и славы, теперь волей судьбы согнанного со сцены и превращенного в жертву. Сейчас он в спешке бежит к границе, обгоняя свою смерть всего лишь на три дня, совсем один, и никто не смеет ему даже слово сказать... Смертный приговор в Кархайде редкость. На планете Зима жизньдается трудно, и люди там предпочтитаю, чтобы смертный приговор выносила сама природа или в крайнем случае гнев, но не правосудие. Интересно, как Эстравену с таким клеймом удастся выбраться из Кархайда? Вряд ли он бежал в автомобиль — все они здесь являются собственностью короля; может быть, ему удалось нанять снегоход? А вдруг он пешком пробирается сейчас к границе, унося в заплечном мешке все свое жалкое имущество? Жители Кархайда чаще всего передвигаются именно пешком; у них здесь нет выочных животных, нет летательных аппаратов; для энергоемких механизмов серьезным препятствием является слишком холодный климат. Впрочем, они не слишком торопливы. Я представил себе, как этот гордый человек, размеренно шагая по дороге, направляется в ссылку — маленькая усталая

фигурка среди бесконечных заснеженных просторов, устремившаяся на запад, к заливу. Весь этот водоворот мыслей промелькнул в моей голове, пока я стоял у ворот дома Эстравена; в водоворот этот оказались втянутыми и мои собственные невнятные сомнения относительно мотивов и поступков не только Эстравена, но и короля. Оба они вместе просто меня добили. Да, я, разумеется, потерпел неудачу. Но что же теперь?

Наверное, мне следует направиться в Оргорейн, это соседнее с Кархайдом государство и его наиболее сильный соперник. Но как только я туда уеду, мне, вполне возможно, будет уже не очень просто вернуться назад, в Кархайд, а я еще не закончил здесь свои дела. Я должен все время помнить о том, что вся моя жизнь целиком может потребоваться лишь для того, чтобы миссия, с которой послала меня сюда Экумена, была выполнена. Не спеши. Нет никакой особой необходимости сломя голову мчаться в Оргорейн, пока ты не получил еще достаточно полных сведений о Кархайде, и прежде всего о Цитаделях. В течение двух лет я только и делал, что отвечал на вопросы, теперь я, пожалуй, сам задам несколько интересующих меня вопросов. Но не в Эренранге. Я наконец-то понял, о чем Эстравен пытался тогда предупредить меня; хоть и нельзя было полностью доверять его советам, нельзя было и сбрасывать их со счетов. Ведь он явно намекал тогда, хоть и не говорил этого прямо, что мне следует держаться подальше от столицы и королевского дворца. Почему-то мне вдруг вспомнились зубы Тайба... Король предоставил мне свободу передвижения по стране; я этим воспользовуюсь. Как любили говорить в Экуменической Школе, когда активная деятельность перестает приносить пользу, начинайте тихо собирать информацию; когда сбор информации перестает приносить пользу, ложитесь спать. Спать мне пока не хотелось. Я, пожалуй, направлюсь на восток, к Цитаделям; возможно, там мне удастся собрать кое-какую информацию у Предсказателей.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

Восточнокархайдская легенда, рассказанная Тобордом Чорхава из Очага Горинхеринг и записанная Дж. Аи, 93/1492.

Однажды князь Берости рем ир Ипе пришел в Цитадель Танжеринг и предложил сорок драгоценных берииллов и половину урожая всех своих садов в уплату за предсказание. Цена оказалась приемлемой для всех, и князь Берости задал свой вопрос Ткачу Одрену. Вопрос этот звучал так: «В какой день я умру?»

Предсказатели собрались вместе и удалились во Тьму. Когда пребывание во Тьме закончилось, Одрен произнес слова общего ответа всех Предсказателей: «Ты умрешь в день Одстрет» (что значит девятнадцатый день любого месяца. — Дж. Аи).

«Но какой это будет месяц, какой год и сколько лет пройдет до этого дня?» — возопил Берости, однако священная связь между Предсказателями уже распались, и ответа не последовало. Тогда Берости вбежал в круг Предсказателей, схватил Ткача Одрена за горло и стал его душить, требуя, чтобы ему разъяснили ответ. С большим трудом Ткача вырвали из рук князя Берости — он был очень сильный человек и все порывался освободиться и кричал: «Дайте же мне настоящий ответ.»

Одрен сказал тогда: «Настоящий ответ тебе дан. Цена за него уплачена. Уходи».

Разгневанный Берости рем ир Ипе вернулся в Очаг Чаруте, один из трех Очагов, принадлежавших его роду. То было небогатое селение в северном Ознориннере, которое Берости совсем разорил, собирая плату за предсказание. Князь заперся в верхних комнатах центральной башни Очага, как в крепости, и не желал выходить оттуда ни к другу, ни к врагу, ни ради сева, ни ради сбора урожая, ни во время кеммера, ни для развеселых забав. Так прошел один месяц, потом еще один, и еще, и шесть месяцев прошло, и десять, а Берости все сидел в своих покоях как узник и ждал. В дни Оннетерхад и Одстрет (восемнадцатый и девятнадцатый дни месяца. — *Дж. Аи*) он отказывался от пищи и питья, а также совсем не ложился спать.

Его возлюбленным кеммерингом, связанным с ним клятвой верности, был некто Хербор из Рода Геганнер. И вот этот Хербор поздней осенью, уже в месяце Гренде, объявился в Цитадели Танжеринг и сказал Ткачу: «Мне необходимо получить предсказание».

«Чем ты можешь нам заплатить за это?» — спросил Ткач Одрен, заметив, что человек этот одет бедно, на нем старые башмаки, и сани у него тоже старые.

«Я заплачу собственной жизнью», — сказал Хербор.

«А нет ли у тебя чего-нибудь иного, господин мой? — учтиво спросил Одрен, ибо теперь обращался с ним как с самым благородным князем. — Не можешь ли ты расплатиться с нами иначе?»

«Не могу: у меня больше ничего нет, — ответил Хербор. — Но я не уверен, имеет ли моя жизнь какую-либо ценность для вас».

«Нет, — сказал Одрен, — для нас — никакой».

Тогда Хербор упал перед Одреном на колени, сограя от стыда и любви, и крикнул: «Умоляю, ответь на мой вопрос! Это не ради меня».

«Ради кого же?» — спросил Ткач.

«Ради князя моего и кеммеринга Аше Берости, — ответил Хербор и заплакал. — Он больше не ведает ни

любви, ни радости, ни охоты править своим княжеством, получив здесь тот ответ на свой вопрос, который и ответом-то не является. Он умрет от этого».

«Именно так: от чего же еще может умереть человек, как не от смерти? — ответствовал Ткач Одрен. Однако страстные слова Хербора все же тронули его сердце, и, помолчав, он сказал: — Я попробую отыскать ответ на твой вопрос, Хербор, и не запрошу за этот ответ ничего. Но подумай сам: все на свете имеет свою цену. И спрашивающий всегда платит то, что должен».

Тогда Хербор прижал руки Одрена к своим глазам в знак благодарности, и подготовка к предсказанию началась. Предсказатели собирались вместе и ушли во Тьму. Они призвали к себе Хербора, и он задал им свой вопрос, который звучал так: «Сколь долго проживет Аше Берости рем ир Ипе?» Так Хербор надеялся вызнать число дней или лет, оставшихся его возлюбленному, и успокоить его сердце. Вдруг Предсказатели как-то странно, разом все задвигались, зашевелились во Тьме, и Одрен воскликнул с такой болью в голосе, словно его жгли на костре: «Дольше, чем Хербор из рода Геганнер!»

Не на такой ответ надеялся Хербор, однако именно такой ответ получил он и, обладая кротким и терпеливым сердцем, отправился с этим ответом домой, в Чаруте, сквозь метели последнего предзимнего месяца Гренде. Он пересек пределы княжества, добрался до родного Очага, поднялся по лестнице в башню, где на самом верху нашел своего кеммеринга Берости, по-прежнему в тупом оцепенении сидевшего у погасшего камина. Положив руки на стол из красного камня, Берости бессильно уронил на них голову.

«Аше, — сказал Хербор, — я побывал в Цитадели Танжеринг и получил ответ Предсказателей на свой вопрос. Я спросил их, сколько ты еще проживешь, и ответ их гласил: Берости проживет дольше, чем Хербор».

Берости медленно повернул голову, словно шея у него заржавела, и посмотрел на него. Потом сказал:

«Так ты спросил у них, когда же я в таком случае умру?»

«Я спросил, как долго ты еще проживешь».

«Как долго? Ах ты дурак! Отчего же ты не спросил Предсказателей, когда именно мне предстоит умереть — в какой день, месяц, год, сколько еще дней мне осталось! Ты зачем-то спросил “как долго”. Ах ты дурак, дурак лупоглазый, да уж конечно я проживу дольше, чем ты!»

И Берости в гневе легко, словно лист жести, поднял столешницу из красного камня и опустил ее на голову Хербора. Тот упал, а Берости так и застыл в оцепенении. Потом он приподнял каменную плиту и увидел, что раздробил Хербору череп. Тогда Берости водрузил столешницу на место, лег рядом с мертвовцом и обнял его, словно они оба по-прежнему любили друг друга. Так их и нашли жители Очага Чаруте, когда в конце концов взломали дверь и ворвались в верхние покои. С тех пор Берости лишился рассудка, и его пришлось денно и нощно стеречь, ибо он все порывался отправиться на поиски Хербора, который, как ему казалось, находится где-то неподалеку, в пределах княжества. Так он прожил еще месяц, а потом повесился в день Одстрет — девятнадцатый день месяца Терн, первого месяца зимы.

ПРИРУЧЕНИЕ ПРЕДЧУВСТВИЙ

Мой квартирный хозяин, персона весьма достойная, организовал мне путешествие на восток.

— Если хотите посетить Цитадели, сначала нужно перебраться через Каргав, потом по горным дорогам попасть в Старый Кархайд, а потом — в Рир, прежнюю столицу королевства. Вот что я скажу вам по секрету: один мой близкий знакомый водит караваны вездеходов через перевал Эскар; вчера за чашей *орша* он как раз сказал мне, что они отправляются довольно скоро, в первый месяц лета, Гетени Осме, поскольку весна была очень теплой и дороги уже растаяли до самого Энгохара, а на самом перевале дня через два пройдут снегоуплотнители, так что можно будет отправляться в путь. Сам-то я через перевал вовсе не собираюсь: Эренранг стал мне родным домом. А все же таки я *йомешта*, слава девяностам Хранителям Трона и священному Млеку Меше, а выросшие в нашей вере всегда и везде одинаковы. Наша-то религия новая, и Господь наш, Меше, родился всего 2202 года тому назад, тогда как Старый Путь Ханддарты был проложен за 10 000 лет до этого. Чтобы найти Старый Путь, необходимо вернуться в Старый Кархайд. Знаете что, осподин Аи, я сохраню для вас комнату на этом

Острове, и она будет ждать вас, когда бы вы ни вернулись. По-моему, вы поступаете мудро, на время покидая Эренранг: всем ведь известно, что Предатель постарался каждому показать, какой он вам большой друг. Но теперь, когда «королевским ухом» стал старый Тайб, все опять пойдет как надо. Если угодно, можете прямо сейчас спуститься в Новый Порт; там вы найдете моего приятеля, и если он услышит, что вы от меня...

Ну и так далее. Ужасный болтун! К тому же, заметив, что я не слишком забочусь о своем шифгреторе, он охотно использовал любой предлог, чтобы дать мне разумный совет; впрочем, даже и он портил любой, самый искренний совет бесконечными «если» и «как будто». Он был комендантом нашего Острова, а я про себя называл его своей «квартирной хозяйкой» — уж больно толстая, подрагивающая на ходу задница была у него, доброе, полное лицо и по-женски добрая, отзывчивая душа, несмотря на довольно-таки противную привычку вечно подсматривать, вынюхивать и шпионить. Ко мне этот человек относился прекрасно, однако в мое отсутствие водил всяких любопытствующих прощелыг ко мне в комнату: «Посмотрите, господа, вот комната нашего загадочного Посланника!» В нем было столько женского — во внешности и в повадках, — что я однажды спросил, сколько у него детей. Он помрачнел. Сам он никогда еще не производил на свет ребенка. Однако был, так сказать, отцом четырех. Один из тех щелчков по носу, которые я вечно здесь получал. Культурный «шок», который я порой испытывал, был, в общем-то, незначительным по сравнению с тем биологическим шоком, которому я, существо мужского пола, постоянно подвергался среди этих людей, пять шестых своей жизни пребывающих в состоянии некой бесполой стерильности.

Радиосводки новостей по большей части состояли из сообщений о деятельности нового премьер-министра Пеммера Харге рем ир Тайба. Значительная часть новостей была также посвящена конфликту у северной границы, в долине Синотх. По всей вероятности,

Тайб решил возобновить притязания Кархайда на эту территорию; подобная государственная политика в любом другом мире на данном уровне развития цивилизации непременно привела бы к войне. Но на планете Гетен ничто не приводило к войне. Ссоры, убийства, феодальные распри, интриги, вендетты, публичные избиения, пытки, разжигание ненависти — все это входило в репертуар их гуманистических «достижений»; но до войны дело не доходило никогда. Похоже, им не хватало способности *мобилизоваться*. В этом смысле они вели себя подобно животным или женщинам. Но совсем не как мужчины или муравьи-солдаты. Так что, какова бы ни была причина этого, войны у них еще никогда не бывало. То, что я узнал об Оргорейне, однако, указывало, что за последние пять-шесть столетий он значительно повысил свою мобилизационную способность и продолжал ее повышать, в этом смысле становясь гораздо больше похожим на настоящее националистическое государство. Борьба за усиление своего авторитета, постоянное соперничество, прежде всего в области экономики, могли бы заставить и Кархайд вступить в соревнование со своим более крупным соседом и стать единой нацией, а не толпой вздорных родственников, как говорил Эстравен; тогда жители Кархайда, как говорил все тот же Эстравен, превратились бы в подлинных патриотов своего государства. Если бы это произошло, у гетенианцев наконец, вполне возможно, возникли бы великолепные шансы развязать первую в истории планеты войну.

Мне давно хотелось побывать в Оргорейне и самому увидеть, насколько справедливы мои предположения, но сначала нужно было покончить с делами в Кархайде. А потому я продал еще один рубин знакомому ювелиру со шрамом на лице, чей магазин находился на улице Энг, и, почти без багажа, прихватив с собой лишь деньги, ансибль, кое-какие инструменты и смену одежды, попросился в качестве пассажира на один из вездеходов торгового каравана, отправлявшегося к перевалу в первый день лета.

Караван вышел в путь на рассвете, покинув продуваемые всеми ветрами грузовые верфи Нового Порта. Вездеходы прошли под новой аркой и повернули на восток — двадцать неуклюжих, тихоходных, похожих на баржи грузовиков на гусеничном ходу, гуськом ползущих по глубоким улицам Эренранга, тонувшим в предрассветных сумерках. Они везли ящики с линзами, катушки с магнитофонной лентой, мотки медной и платиновой проводки, тюки с матерью из натурального волокна, сырье для которой было выращено близ Западного Перевала, вяленый балык, доставленный с берегов залива Гутен, целые корзины шарикоподшипников и прочих некрупных машинных деталей; десять грузовиков были полностью загружены зерном из Орготы. Все это предназначалось для кархайдского форпоста Перинг, расположенного на пересечении северной и восточной границ государства. Все перевозки грузов на Великом Континенте осуществлялись с помощью этих электровездеходов, которые в теплое время года через многочисленные реки и проливы переправляли на паромах и баржах. В течение долгих зимних месяцев пути лишь кое-где расчищали медлительные снегоуплотнители, так что автосани да еще довольно малочисленные буера на замерзших реках служили здесь единственными средствами передвижения, если не считать лыж и обыкновенных саней, которые людям приходилось тащить самим. В период таяния снегов на Гетен не надежен ни один вид транспорта, а потом большая часть транспортных перевозок осуществляется — причем с великой поспешностью — именно летом. Дороги в это время буквально забиты караванами машин. Движение строго контролируется. Каждое отдельное транспортное средство, как и весь караван, обязано поддерживать постоянную радиосвязь со специальными постами, расположенными вдоль дорог. И движение осуществляется все же вполне равномерно, какими бы забитыми ни казались пути, причем машины движутся со скоростью около сорока километров в час (земной). Гетенианцы могли бы сделать свои машины

более скоростными, но не делают этого. И на вопрос «Почему?» отвечают: «А зачем?» Точно так же как когда нас, землян, спрашивают, зачем нам столь скоростные машины, и мы отвечаем: «А почему бы и нет?» О вкусах, как говорится, не спорят. Землянам присуще вечное стремление вперед, постоянный прогресс. Для людей с планеты Зима, которые вечно живут в Году Первом, прогресс значительно менее важен, чем сам процесс жизни. Мои вкусы были типично земными, так что, покинув Эренранг, я порой прямо-таки терял терпение из-за методичной неторопливо-сти каравана; мне хотелось выскочить из вездехода и побежать вперед. Хотя оказалось удивительно приятно ощутить широкий простор, выбраться из глубоких улиц-ущелий, зажатых каменными стенами, затененными крутыми черными крышами и бесчисленными башнями, — из этого лишенного солнца города, где все мои надежды в итоге обернулись страхом и предательством.

Взираясь к перевалу Каргав, караван довольно часто, хоть и ненадолго, останавливался, чтобы люди могли перекусить в придорожных гостиницах. Уже к полудню, преодолев очередной подъем, мы смогли полюбоваться широкой горной долиной. Отсюда была видна гора Костор, до которой надо было еще ползти вверх километров шесть. Отвесная стена ее западного склона скрывала пока самые северные вершины, порой достигавшие десятикилометровой высоты. К югу от Костора на фоне бесцветного неба тянулась череда белых вершин; я насчитал тринадцать; последняя из них неясным призраком мерцала в дымке на далеком горизонте. Водитель перечислил мне названия всех тринадцати и принялся рассказывать страшные истории о неожиданных снежных обвалах, о том, как вездеходы буквально сдувало с дороги горными ветрами, о снегоуплотнителях, порой на целые недели отрезанных от мира на недосягаемых высотах перевалов, — и так далее, и тому подобное, — должно быть, из самых дружеских побуждений: намереваясь меня, такого отчаянного, чуточку припугнуть. Он описывал, напри-

мер, как шедший перед ним вездеход занесло и машина полетела в пропасть с трехсотметровой высоты; самым удивительным, по его словам, было то, что падал вездеход удивительно медленно, он полдня сполз по склону и наконец совершенно беззвучно исчез в двенадцатиметровом слое снега на дне пропасти, а сползшая за ним следом лавина окончательно поглотила его.

С наступлением Часа Третьего мы остановились на обед в большой придорожной гостинице, где в просторных помещениях ярко горел в каминах огонь, под потолком виднелись балки мощной кровли, а столы изобиловали прекрасной едой; однако ночевать мы не остались. Наш караван следовал безостановочным маршрутом и считался «спальным». Водители спешили (если это слово вообще применимо к особенностям кархайдской жизни и психики) первыми прибыть в Перинг, чтобы, так сказать, снять на местном рынке все сливки с помощью своих агентов. В вездеходах смеяли электробатареи, на вахту заступила новая смена водителей, и мы снова двинулись в путь. Один из вездеходов служил чем-то вроде спального вагона — но только для водителей; для пассажиров там места не нашлось, и я провел ночь на жестком сиденье в холодной кабине водителя. За всю ночь мы только один раз около полуночи сделали остановку, чтобы перекусить в маленькой гостинице высоко в горах. Кархайд — суровая страна, мало приспособленная для комфорта. На рассвете я очнулся от дремоты и увидел, что все живое как бы осталось позади, а впереди — только скалы, льды и тьма, прорезанная светом фар, да узкая дорога, ведущая все вверх и вверх. Дрожа, я подумал, что есть вещи и поважнее комфорта и теплого жилища — если, конечно, ты не старая женщина и не кошка.

На этой дороге, ползущей вверх меж устрашающих стен из снега и гранита, гостиниц больше не попадалось. Для того чтобы перекусить, водители осторожненько подъезжали к стоянке и аккуратно вставали один за другим на заваленной снегом площадке под углом градусов тридцать к краю. Все вылезали из

кабин и собирались у спального вездехода, где шла раздача мисок с горячим супом и нарезанных ломтиками хлебных яблок, а также кружек с кисловатым пивом. Мы стояли на снегу, переступая с ноги на ногу, и жадно поглощали пищу, запивая ее пивом и стараясь повернуться спиной к пронизывающему нас ветру, который нес колючую снежную пыль. Потом возвращались обратно в грузовики и снова двигались в путь — все выше и выше. В полдень на перевале Уехот, на высоте более четырех километров, на солнце было $+26^{\circ}$, а в тени -10° . Электродвигатели работали настолько бесшумно, что слышно было, как ворчат, сползая по бесконечно далеким голубоватым склонам, снежные лавины — где-то километрах в тридцати от дороги.

Ближе к вечеру мы преодолели Эстакар, верхнюю точку перевала на высоте более пяти километров. Глядя на южный склон Костора, по которому мы бесконечно долго, целые сутки, ползли сюда, я заметил странное нагромождение скал примерно на полкилометра выше дороги, очень похожее на стаинный замок.

— Вон, посмотрите, там наверху Цитадель, — сказал водитель.

— Так это построено людьми?

— Да, это Цитадель Арикостор.

— Но ведь на такой высоте жить невозможно!

— Ну, Старики могут. Мне приходилось бывать там с караваном в последние дни лета; мы привозили им продукты из Эренранга. Разумеется, они практически заперты там в течение десяти—одиннадцати месяцев в году, но для них это значения не имеет. Там примерно семь или восемь постоянных Обитателей.

Я смотрел на контрфорсы из грубого камня, столь немыслимые в безлюдном пространстве этих высот, что никак не мог поверить в их реальность; однако оставил свои сомнения при себе. Если какие-то люди способны выжить в этих промороженных местах, то это, безусловно, жители Кархайда.

Дорога теперь пошла вниз, довольно сильно петляя и проходя в опасной близости от отвесных краев

пропасти. Восточный склон Каргава значительно круче западного и образует как бы гигантские ступени сбросов, возникших еще во времена ранних геологических возмущений. На закате мы увидели едва заметную сквозь мощный слой белого тумана цепочку движущихся точек на два километра ниже: караван, который ушел из Эренранга за день до нас. К вечеру следующего дня мы достигли того же участка дороги и потихоньку продолжали спускаться по заваленному плотным снегом склону горы, боясь даже чихнуть, чтобы не вызвать снежной лавины. Отсюда мы увидели далеко внизу, на востоке, теряющиеся в дымке тумана обширные долины, по которым пробегали темные облаков; сквозь туман поблескивали серебряные нити рек. Это была долина реки Рир.

В сумерки, на четвертый день нашего путешествия, мы добрались до самого Рира. Между Эренрангом и Риром было более двух тысяч километров, горная стена в несколько километров высотой и две или три тысячи лет. Караван остановился у западных ворот города, откуда грузы должны были доставить к местам назначения мелкие баржи, специально предназначенные для плавания по узким каналам и речным рукавам. Ни один вездеход или автомобиль въехать в Рир не мог. Город был построен за много веков до того, как жители Кархайда начали использовать энергетические двигатели, а использовали они их уже более двадцати веков. В Рире не существовало обычных улиц, вместо них были крытые переходы, похожие на тунNELи. Летом по ним можно было ходить как внутри, так и снаружи. Отдельные дома, Острова и Очаги строились как заблагорассудится их хозяевам — хаотично, просторно. В Кархайде часто именно анархическая застройка городов придавала им особое очарование. Над городом царили башни Дворца Ун — кроваво-красные и без окон. Построенные семнадцать веков назад, башни эти служили резиденцией королей Кархайда по крайней мере тысячу лет, пока Аргавен Харге Первый не перебрался через Каргав и не основал

поселение в обширной долине за Западным Перевалом.

Все строения Рира отличаются фантастической массивностью, мощным глубоким фундаментом, защищены от любых бурь и паводков. Зимой ветер в горных долинах бывает порой таким сильным, что в городе сдувает почти весь снег; зато, когда при тихой погоде случаются обильные снегопады, жителям не приходится расчищать улицы, потому что улиц там нет. Тогда из дома в дом можно попасть по закрытым каменным переходам или по временным, прорытым прямо в снегу туннелям. А над снежной поверхностью виднеются лишь крыши домов; зимние двери в них устроены прямо на чердаках или в мансардах. Весна — самое трудное здесь время, ибо долина Рира богата реками. Весной пешеходные тунNELи превращаются в сточные трубы, а между домами возникают каналы или озера, по которым жители Рира переправляются на лодках, отталкивая льдинки веслами. Но всегда — летом ли, во время пыльных бурь, или зимой, когда дома по самые крыши утопают в снегу, или во время весенних паводков — красные башни Рира отчетливо видны в небесах — нерушимый, но опустевший ныне оплот, древняя столица Кархайда.

Я остановился в отвратительной и слишком дорогой гостинице, как бы скрючившейся при виде гордых башен. Мне всю ночь снились дурные сны, и я, поднявшись на рассвете, поспешно расплатился за ночлег, завтрак и весьма невнятные указания относительно того, как мне следует идти, и двинулся пешком на поиски Отерхорда, старинной Цитадели, расположенной неподалеку от Рира. Пройдя буквально метров пятьдесят, я сбился с пути. Стارаясь идти все время так, чтобы башни находились у меня за спиной, а белоснежная громада Каргава — справа, я вышел из города по южной дороге, но сынишка какого-то фермера, попавшийся мне навстречу, тут же объяснил, где именно нужно было свернуть, чтобы попасть в Отерхорд.

Я добрался туда к полудню. То есть *куда-то* я добрался, хотя понятия не имел, куда именно. Вокруг был лес или, если угодно, густой кустарник; но деревья выглядели в высшей степени ухоженными даже для этой страны, где лесники весьма и весьма прилежны; тропа, по которой я шел, была очень прямой и вела куда-то вправо по склону горы меж аккуратных деревьев. Через некоторое время я заметил совсем рядом с тропой небольшой деревянный домик, а потом — большое строение, тоже деревянное, но уже слева и чуть дальше; оттуда доносился весьма аппетитный запах жареной рыбы.

Я медленно и несколько неуверенно брел по тропе, понятия не имея, как *ханддараты* отнесутся к появлению такого «туриста». Я маловато знал о Цитаделях. Ханддара — это религия без какой-либо церковной организации, без священнослужителей, без соответствующей иерархии, без обетов и четких установлений. Я до сих пор не могу с уверенностью сказать, есть ли у ханддаратов бог. Ханддара неуловима, непостижима. Она вне времени и пространства. Единственная ее манифестация, постоянная и неизменная, — это ее Цитадели, убежища, куда люди могут удалиться от мира и провести там либо одну ночь, либо всю жизнь. Я бы не стал так уж интересоваться этим совершенно непостижимым культом и тем более лезть в святая святых ханддаратов, если бы мне уже давно не хотелось получить ответ на вопрос, который так и остался не выясненным Исследователями: кто такие Предсказатели и чем они занимаются?

Я уже прожил в Кархайде гораздо дольше самих Исследователей и начал сомневаться в том, что в легендах о Предсказателях и их пророчествах есть рациональное зерно. Легенды о пророчествах широко распространены на всех населенных людьми планетах Вселенной. Пророчествовать могут боги, духи и даже компьютеры. Двусмысленность предсказаний оракулов или простая статистическая вероятность всегда оставляют место для различных толкований, а любые противоречия тут же изживаются Истинной Верой.

Тем не менее легенды о пророчествах всегда представляют интерес для любого Исследователя. Мне, например, пока не удалось убедить ни одного жителя Кархайда в существовании телепатической связи; они не желают верить в нее, не «увидев» собственными глазами. Пожалуй, то же самое испытываю и я в отношении Предсказателей Ханддара.

Я брел по тропе, когда до меня наконец дошло, что это самый центр селения или города, просто дома здесь построены так же далеко друг от друга и хаотично, как в Рире, да еще среди деревьев. Селение выглядело в высшей степени мирным. Над крышей каждого дома, над каждой тропой нависали ветви *хемменов* — самых распространенных деревьев на планете Зима, толстоствольных, невысоких, с густой светло-красной хвоей. Пирамиды хемменов обступали и ту тропу, по которой я шел; воздух был напоен хвойным ароматом; дома были сложены из толстых стволов этих же деревьев. В конце концов я просто остановился, не зная, в какую дверь постучать, и тут из-за деревьев появился человек, неспешно подошел ко мне и вежливо поздоровался.

— Не нужен ли вам ночлег? — спросил он.

— Я пришел, чтобы задать Предсказателям один вопрос.

Я давно уже решил: пусть в любом случае думают, что я житель Кархайда. Как и наши Исследователи, я никогда не испытывал в этом отношении особых трудностей: среди множества кархайдских диалектов акцент мой был практически незаметен, а мои половые «аномалии» скрывали тяжелые теплые одеяллы. У меня, правда, не было такой густой шапки волос и типичных для всех гетенианцев раскосых глаз с чуть опущенными уголками, к тому же я был несколько выше обычного их роста и кожа у меня была темнее, но все же я не настолько уж выходил за пределы нормы. Растительность на лице мне долго и тщательно выводили еще до того, как я улетел с Оллюля (тогда мы еще даже не знали, что на севере, в Перунтере, существуют «волосатые» племена, у которых не толь-

ко чрезвычайно густые бороды, но и тела покрыты курчавой растительностью, как это бывает у белокожих землян). Меня даже спрашивали, когда это я умудрился так сильно сломать нос. Нос мой от природы плоский и широкий, а у гетенианцев носы тонкие, прямые, с четко очерченными изящными ноздрями, очень хорошо приспособленные для того, чтобы дышать леденящим воздухом планеты Зима. Вот и этот человек, встретивший меня на тропе в Оттерхорде, смотрел на мой нос с легким любопытством. Однако на мое заявление спокойно ответил:

— В таком случае вы, наверное, захотите поговорить с Ткачом? Он сейчас внизу, на поляне, если только не уехал за дровами. А может быть, вам угодно будет прежде поговорить с кем-либо из Целомудренных?

— Не знаю, не уверен... Я, знаете, на редкость мало осведомлен...

Молодой человек рассмеялся и поклонился мне.

— Я польщен! — заявил он. — Я прожил здесь три года и все еще чувствую себя весьма мало осведомленным, настолько мало, что об этом и говорить не стоит.

Он почему-то очень развеселился, однако манеры у него были удивительно приятные, с его помощью мне даже удалось припомнить кое-что о Ханддаре и ее особой мудрости: я понял, насколько самонадеянным и хвастливым было мое заявление — все равно что сказать, подойдя к здешним Обитателям: «Знаете, я на редкость хорош собой...»

— Я хотел сказать, что ничего не знаю о Предсказателях...

— Завидно! — сказал молодой Обитатель. — И тем не менее мы всегда вынуждены пачкать чистый снег своими следами, чтобы попасть куда-либо. С вашего позволения, я мог бы проводить вас на поляну. Меня зовут Госс.

— Дженири, — представился я, не упоминая своего «Аи».

Мы углубились в лесную чащу. Узкая тропа постоянно петляла, то поднимаясь по склону, то опускаясь

вниз; тут и там, то совсем рядом с ней, то в отдалении, среди массивных стволов хемменов, стояли небольшие, сложенные из бревен дома. Все здесь было красновато-коричневым, мрачноватым; во влажном воздухе было разлито спокойствие и хвойный аромат. От одного из домов плыли слабые нежные звуки кархайдской флейты. Госс шел легко и быстро в нескольких метрах впереди меня, стройный и изящный, как девушка. Вдруг его теплая белая рубаха как бы вспыхнула в лучах света, и вслед за ним я вышел из густой тени леса на залитый солнцем широкий зеленый луг.

Метрах в шести от нас возвышалась неподвижная, очень прямая фигура человека; он стоял к нам боком, его алый хайэб и белая рубаха, расшитая яркими эмальями, красиво выделялись на зеленом фоне. Подальше из густой травы поднималась вторая «статуя» — человек, одетый в голубое и белое; этот вообще даже не пошевелился и не взглянул в нашу сторону, пока мы разговаривали с первым. Они были заняты практикой психотренинга, так называемого Присутствия, что, по сути дела, является состоянием транса. Ханддараты, как всегда от противного, называют его анти-трансом, имея в виду некую «утрату себя» или «саморастворение», осуществляемые через концентрацию образно-чувственного восприятия. Техника погружения в это состояние явно имеет самое непосредственное отношение к мистицизму и, пожалуй, связана с категорией Имманентности. Впрочем, не берусь уверенно классифицировать ни практику Ханддары, ни ее категории.

Госс что-то сказал человеку в алом хайэбе. Тот медленно возвратился к реальности, посмотрел на нас и сделал несколько неторопливых шагов по направлению ко мне; внезапно меня охватил страх: под полуденным солнцем он светился каким-то иным светом, словно исходящим от него самого.

Он был почти таким же высоким, как и я, только стройнее, с ясными глазами и открытым, красивым лицом. Когда наши взгляды встретились, мне вдруг захотелось заговорить с ним мысленно, попытаться

достигнуть глубин его души с помощью телепатии, которой я ни разу не пользовался с тех пор, как попал на планету Зима, и пока что пользоваться не намеревался. Сейчас, однако, это желание оказалось сильнее запрета: я вышел с ним на телепатическую связь, но ответа не получил. Контакт не состоялся. Он продолжал смотреть мне прямо в лицо. Потом улыбнулся и сказал приятным, довольно высоким голосом:

— Вы тот самый Посланник, да?

— Да, — заикаясь, ответил я.

— Мое имя Фейкс. Нам весьма лестно принимать у себя такого гостя. Вы ведь поживете у нас в Оттерхорде?

— С радостью принимаю ваше приглашение. Мне, если это возможно, хотелось бы немного узнать о практике Предсказаний. А если взамен я смогу сообщить нечто интересующее вас, например относительно того, кто я такой и откуда прибыл, то я...

— Все, что вам будет угодно, — сказал Фейкс с безмятежной улыбкой. — Это просто замечательно! Ведь для того чтобы попасть сюда, вам пришлось пересечь Космический Океан, затем проделать еще две тысячи километров от Эренранга, перебраться через Каргав и...

— Мне давно хотелось побывать в Оттерхорде. Ведь ваши Предсказатели пользуются удивительной славой.

— В таком случае вам, наверное, интересно было бы посмотреть, как это происходит. Или у вас есть свой собственный вопрос к нам?

Его ясные глаза заставляли говорить правду.

— Не знаю, — ответил я.

— *Нусутх*, — сказал он, — неважно. Это не имеет значения. Возможно, если вы останетесь здесь, то в конце концов решите, есть ли у вас вопрос к Предсказателям или совсем нет никаких вопросов... Знаете, есть лишь определенные дни, когда Предсказатели могут собраться все вместе, так что в любом случае вам придется пожить с нами некоторое время.

Я и пожил, и это были очень приятные дни. Мне была предоставлена полная свобода; приходилось лишь порой принимать участие в общих работах — на поле,

например, или в саду, а также заготавливать дрова и ремонтировать жилища. Гости, вроде меня, приглашались теми постоянными Обитателями, которым в данный момент требовалась помощь. В остальное время никто меня не беспокоил, и порой за целый день мне не доводилось ни с кем обменяться даже словом. Наиболее часто моими собеседниками оказывались молодой Госс и Фейкс-Ткач, чей удивительный характер — абсолютно прозрачный и одновременно абсолютно непостижимый, словно бездонный колодец, полный ключевой воды, — как бы воплощал в себе чистоту и загадочность этих мест. По вечерам то в одном, то в другом невысоком, окруженном деревьями домике в гостиной у очага собиралась компания: разговаривали, пили пиво; порой звучала и музыка — энергичные ритмы Кархайда, мелодически несложные, зато всегда в форме весьма изощренных импровизаций. В один из таких вечеров я наблюдал танец двух Стариков Оттерхорда. Это действительно были очень старые люди: волосы их совсем побелели, руки и ноги казались тощими, как палки, а кожистые складки у внешних уголков глаз нависали так, что, по-моему, мешали им видеть. Их танец был медленным, движения точными, рассчитанными, радующими сердце и взор. Старики начали танцевать в Часу Третьем, сразу после обеда. Музыканты совершенно произвольно то вступали, то почти все разом умолкали, за исключением барабанщика, который ни на миг не прекращал, искусно меняя ритм, вести мелодию. В Часу Шестом двое престарелых танцоров все еще продолжали свой танец. Миновала полночь, то есть они протанцевали уже более пяти земных часов. Впервые мне удалось наблюдать феномен *дотхе* — произвольно вызываемую и контролируемую человеком концентрацию энергии; на Земле подобный «истерический» прилив сил может быть вызван, например, сильным душевным волнением, однако *дотхе* землянам неведомо; теперь мне гораздо легче было поверить в немыслимые истории, рассказываемые о Стариках-ханддаратах.

Здесь шла глубокая «интровертная» жизнь — вполне самодостаточная, чуточку застойная; ханддараты были погружены в то самое, воспеваемое ими, особое «неведение», которое является следствием неактивности и невмешательства. Основное правило подобного поведения прекрасно выражено их излюбленным словом *нусутх*, которое приблизительно можно перевести выражением «все равно» или «неважно». Слово это — краеугольный камень культа Ханддара, и я не стану притворяться, что хотя бы отчасти понял его. Зато после двух недель, проведенных в Отерхорде, я начал гораздо лучше понимать Кархайд, за бесконечными государственными праздниками, сложной политикой и страстями которого стоит многовековая, древняя тьма, пассивная, анархическая, молчаливая и в то же время удивительно плодотворная Тьма Ханддары.

Именно среди этого, казалось бы, абсолютного молчания и вспыхивает вдруг необъяснимое откровение Предсказателя.

Молодой Госс, который с удовольствием сопровождал меня повсюду, сказал, что я могу спросить Предсказателей о чем угодно, любым способом сформулировав свой вопрос.

— Чем лучше обдуман вопрос, чем короче он сформулирован, тем точнее будет ответ на него, — сказал он. — Неясность порождает неясность. И на некоторые вопросы, разумеется, ответа не существует.

— А если я задам как раз такой вопрос? — поинтересовался я. Это ограничение казалось мне искусственным, хотя и было уже знакомо.

Госс совершенно неожиданно ответил:

— В таком случае Ткач откажется отвечать вам. Вопросы, не имеющие ответа, разрушили не одну группу Предсказателей.

— Разрушили?

— Вам ведь известна история лорда Шортха, который заставил Предсказателей из Цитадели Эсен отвечать на вопрос «В чем смысл жизни?» Вообще-то случилось это уже более двух тысяч лет назад. Предсказатели в тот раз оставались во Тьме в течение шести

дней и шести ночей. В конце концов все Целомудренные впали в кататонию, Блаженные умерли, а Первверты насмерть забили лорда Шортха камнями, ну а Ткач... Это был человек по имени Меше.

— Основатель культа Йомеш?

— Да, — сказал Госс. И засмеялся, будто сказал что-то веселое. Я так и не понял, над кем он смеялся — над последователями культа Йомеш или надо мной.

И я решил задать такой вопрос, на который можно было бы ответить только «да» или «нет»; тогда по крайней мере можно будет судить о степени ясности или двусмыслинности ответа. Фейкс подтвердил слова Госса о том, что вопрос мой может касаться материй, совершенно неведомых Предсказателям. Я мог спросить, например, будет ли в этом году в северном полуширии планеты Эс хороший урожай культуры ульм, и они ответят на этот вопрос, не имея ни малейшего представления о том, существует ли такая планета. Мне показалось, что все это похоже на самое обыкновенное гадание — вроде обрывания лепестков ромашки или подбрасывания монетки. Нет, заявил мне Фейкс, ничего подобного, среди Предсказателей никто не полагается на удачу. Да и весь процесс предсказания полностью противоположен обычному гаданию.

— Значит, вы читаете мысли?

— Нет, — сказал Фейкс, улыбаясь открыто и безмятежно.

— Но может быть, вы устанавливаете между собой телепатическую связь, не отдавая себе в этом отчета?

— А какой толк тогда был бы в предсказаниях? Если спрашивающий знает ответ, то зачем ему платить нам дорогую цену?

Я выбрал такой вопрос, ответа на который мне определенно недоставало. Одно лишь время могло доказать, правы Предсказатели или нет, если только это не одно — как я отчасти опасался — из тех поистине восхитительных профессиональных «пророчеств», которые применимы для любого исхода дела. Вопрос

мой отнюдь не был тривиальным; я напрочь отказался от идеи спросить, например, когда перестанет идти дождь или иную подобную чушь, ибо осознал, что задавать вопрос Предсказателям дело не только весьма сложное, но и опасное, прежде всего для всех девяти Предсказателей Отерхорда. Цена ответа была высока: два из моих оставшихся рубинов уплыли в казну Цитадели; однако для дающих ответ цена эта была еще выше. И когда я ближе узнал Фейкса и мне стало почти невозможно поверить в то, что он просто ловкий трюкач, не менее трудно оказалось считать его абсолютно честным человеком, заблуждающимся относительно трюкаческого характера самой процедуры предсказания. Его интеллект и проницательность были столь же отточены, ясны и прекрасно огранены, как мои рубины. И я не осмеливался готовить ему ловушку. Так что вопрос мой содержал лишь то, что мне больше всего хотелось узнать.

Итак, в день Оннетерхад, то есть восемнадцатого числа текущего месяца, девять Предсказателей собрались наконец вместе в Большом Доме, который обычно стоял запертым. Это был как бы один огромный зал с каменными, очень холодными полами, слабо освещенный, так как свет падал из двух очень узких, щелеобразных окон под крышей. В глубоком камине, находившемся в одной из торцовых стен зала, горел огонь. Предсказатели, все в плащах с низко надвинутыми капюшонами, уселись кружком прямо на каменный пол — бесформенные застывшие изваяния, похожие на дольмены в слабых отблесках огня, горевшего в камине. Госс и еще двое молодых Обитателей, а также лекарь из ближайшего Очага в молчании наблюдали за ними, сидя на скамьях у камина. Я прошел через весь зал и оказался в кругу Предсказателей. Ничего особо сакрального не происходило, и все же вокруг царило странное напряжение. Один из Предсказателей исподлобья посмотрел на меня, когда я вошел в круг; я успел заметить странное выражение его грубоватого, тяжелого лица и дерзкий, даже какой-то оскорбительный взгляд.

Фейкс неподвижно сидел, скрестив ноги; он был очень сосредоточен, весь поглощен концентрацией сил, отчего его обычно спокойный, негромкий голос прозвучал неожиданно для меня, как раскат грома.

— Спрашивай! — велел он.

Я, застыв в самом центре круга, задал свой вопрос:

— Станет ли ваш мир, планета Гетен, членом Экумены, или Лиги Миров, по прошествии пяти лет?

Воцарилось молчание. Я по-прежнему стоял в кругу, а точнее, висел в центре паутины, сотканной их молчанием.

— Ответ на заданный вопрос существует, — раздался спокойный голос Ткача.

У Предсказателей, казалось, наступила некоторая релаксация. Изваяния в надвинутых капюшонах ожили, задвигались; тот, что так странно смотрел на меня, зашептал что-то на ухо своему соседу. Я вышел из круга и присоединился к сидевшим у камина.

Двое из Предсказателей были как бы обособлены от остальных. Они все время молчали; один время от времени приподнимал левую руку и слегка похлопывал или поглаживал ею пол — он проделал это уже раз десять или двадцать, — потом снова застыпал в той же позе. Ни одного из них я раньше в Цитадели не видел. Это были Блаженные, как называл их Госс. Они были безумны. Госс называл их еще «разделителями времени», что примерно соответствовало нашему понятию «шизофреник». В Кархайде психологи и психиатры, хоть и не умели использовать телепатию, а потому были похожи на слепых хирургов, проявляли прямотаки гениальную изобретательность в изготовлении наркотических средств, лечении гипнозом, в акупунктуре и криотерапии, а также во многих других видах ментальной терапии. Я тихонько спросил Госса:

— А разве нельзя вылечить этих двух психопатов?

— Вылечить? — удивился он. — А вы стали бы лечить певца от его удивительного голоса?

Пятеро следующих за Блаженными по кругу Предсказателей были постоянными Обитателями Отерхорда, как объяснил мне Госс; пока они исполняют функ-

ции Предсказателей, они обязаны хранить обет Целомудрия и не вступать в половую связь в период кеммера. Один из Целомудренных, по всей вероятности, как раз находился в кеммере. Я легко мог выделить его из остальных: уже научился отличать ту, не слишком заметную внешне, физическую активность, напоминающую просветление, которая свидетельствует о первой фазе кеммера.

Рядом с этим человеком сидел второй по степени важности член группы Предсказателей — Перверт.

— Он прибыл сюда из Очага Спрайв вместе с врачом, — сообщил мне Госс. — В некоторых группах Предсказателей искусственно создают Первертов — вводят самым обычным людям женские или мужские гормоны за несколько дней до предсказания. Но лучше, конечно, иметь настоящего Перверта. Этот, например, пришел охотно; он любит славу.

Говоря о Перверте, Госс использовал местоимение, которым гетенианцы обозначают самца животного, а вовсе не то, которое применяется для человека в кеммере мужского типа. Госс даже немного смутился. Жители Кархайда свободно и даже с удовольствием говорят на любые темы, касающиеся вопросов секса или кеммера, — к этому все они без исключения относятся с уважением; однако они очень неохотно обсуждают различные типы извращений — во всяком случае, в разговорах со мной это всегда было так. Слишком затянувшийся период кеммера, когда значительный дисбаланс женских или мужских половых гормонов нарушает привычное поведение гетенианца, здесь называется извращением, или перверсией; это случается, в общем, не так уж и редко; по крайней мере три-четыре процента взрослых являются настоящими первертами, или сексопатами с гетенианской точки зрения, хотя по нашим земным стандартам это вполне нормальные люди. Перверты не считаются изгоями, однако относятся к ним с большим презрением, как, например, к гомосексуалистам в двуполых обществах. На кархайдском сленге их зовут «мертвяками». Перверты бесплодны.

Перверт из числа Предсказателей после того первого долгого и странного взгляда, которым он одарил меня в самом начале, больше не обращал внимания ни на кого, кроме своего непосредственного соседа, пребывавшего в кеммере, причем явно женского типа, который проявлялся тем отчетливее, чем сильнее воздействовала на него несколько преувеличенная — по здешним меркам — мужественность Перверта. Перверт постоянно что-то нашептывал своему соседу; тот отвечал немногословно и, как мне казалось, с некоторым отвращением. Остальные в течение уже довольно длительного времени продолжали хранить молчание. В тишине слышался лишь назойливый шепот Перверта. Фейкс не сводил глаз с одного из Блаженных. Перверт быстро и нежно накрыл своей рукой руку *кеммерера*. Тот с отвращением, а может, и со страхом отдернул ее и посмотрел на Фейкса, сидевшего напротив, как бы в поисках защиты. Фейкс не пошевелился. Кеммерер остался на прежнем месте и в следующий раз, когда Перверт дотронулся до него, даже не дрогнул. Один из Блаженных вдруг поднял лицо и издал длинный, фальшивый, негромкий смешок: ах-ха-ха-ха... хе-хе-хе...

Фейкс поднял руку. И сразу же лица всех Предсказателей в кругу обернулись к нему; он словно собрал их взгляды в некий пучок.

Сеанс предсказания начался в полдень. Шел снег, и свет серого дня вскоре померк, едва просачиваясь сквозь узкие окна-бойницы под козырьком крыши. Слабые светлые полосы света протянулись от окон — словно косые паруса фантастических призрачных судов; на стенах возникли загадочные продолговатые тени; лица Предсказателей, сидящих на полу, слабо светились как бы сами по себе: то взошла уже луна, и лучи ее пробивались сквозь облака и лесную чащу. Огонь в камине давно погас, иного освещения в зале не было, лишь неяркие полосы и треугольники лунного света вырывали порой из темноты то лицо, то руку, то чью-то неподвижную спину. Какое-то время я видел профиль Фейкса, застывший как белый мра-

мор в луче лунной пыли. Потом полоса света упала наискосок на сгорбленную спину кеммерера: голова его лежала на согнутых коленях, руки были уперты в пол, а все тело сотрясалася странная ритмичная дрожь, совпадающая с ударами — шлеп-шлеп-шлеп — рукой по полу одного из Блаженных, что сидел напротив кеммерера в темноте. Все Предсказатели казались связанными между собой, словно узлы единой паутины, я совершенно непроизвольно почувствовал эту связь, этот беззвучный разговор между ними, как бы направляемый Фейксом и контролируемый им. Именно он, Фейкс, был центром паутины, ее Ткачом. Бледный лунный свет распался на отдельные блики; блики скользнули по восточной стене зала и исчезли. Паутина, сотканная внутренней силой Предсказателей, на пряжением и тишиной, становилась все более прочной.

Я попытался прервать мысленный контакт с ними. Мне стало не по себе от этого затянувшегося молчания, наэлектризованного напряжения, от того, что меня помимо моей воли втягивает в круг их отношений, я становлюсь как бы точкой, одним из узелков создаваемой ими паутины. Однако, установив телепатический барьер, я почувствовал себя еще хуже: как бы отгороженным от них и в то же время во власти галлюцинаций, видений, мысленных контактов-прикосновений, диких образов и ощущений; все мои чувства были как-то гиперсексуально окрашены, обладали какой-то гротескной страстью — немыслимое черно-красное кипение эротических символов и желаний. Передо мной мелькали жадно распахнутые колодцы с рваными краями-губами, женские половые органы, раны, похожие на дьявольские пасти... Я полностью утратил равновесие, я куда-то падал... Если я не смогу выплеснуть в крике весь этот хаотический бред, я действительно провалюсь в него, я сойду с ума. Но крикнуть я не мог. Эмфатические и паравербальные силы, что действовали теперь, невероятно могущественные и запутанно-сложные, созданные где-то в недрах секуальной перверсивности и общей нарушенности

половых отношений, в недрах общего безумия Предсказателей, исказившего, казалось, даже само Время, и всепоглощающая необходимость сконцентрироваться и воспринимать лишь непосредственно данную реальность — все это вместе было выше моей способности к телепатической самоизоляции, выше возможностей моего самоконтроля. Но все же эти безумные силы и страсти находились под контролем: центром, управляющим ими, был неподвижный Фейкс. Проходили часы, пролетали секунды; лунный свет больше не заглядывал в зал, скользя лишь по наружной стороне его стен; в самом зале царила тьма. И в самом центре этой тьмы был Фейкс, Ткач, казавшийся теперь женщиной в одеянии из света. Свет лился как серебро: серебряными были странные доспехи, в которые была облачена женщина, и ее меч. Внезапно свет стал жгучим и непереносимо ярким; он потоками струился по ее ногам — расплавленное серебро, жидкий огонь, — и она закричала от ужаса и боли: «Да, да, да!»

Раздался тихий смешок Блаженного — хе-хе-хе! — смешок этот становился все громче, пока не превратился в волнами набегающий крик; казалось, ему не будет конца, хотя, по-моему, невозможно кричать так долго, не переводя дыхания. В темноте послышалось какое-то движение, борьба, передвигалось нечто огромное, перемещались минувшие века, толпились тени грядущих поколений. «Свет, свет, — отчетливо и медленно проговорил чей-то мощный голос и еще раз повторил: — Свет. Подбросьте дров в камин. Дайте света, больше света...»

Оказалось, то был голос врача из Справа. Он давно уже вошел в круг, который полностью распался. Врач стоял на коленях перед Блаженными — самыми хрупкими здесь душевно, но служившими чем-то вроде детонаторов; оба сейчас лежали на полу бесформенными кучами. Тот, что пребывал в кеммере, уронил голову Фейксу на колени и судорожно хватал ртом воздух; его била дрожь. Фейкс с какой-то отстраненной лаской погладил его по голове. Один лишь Пер-

верт забился в угол, мрачный и всеми презираемый. Предсказание завершилось, время обрело свой нормальный ход. Паутина скрытых сил была разорвана; сейчас торжествовали равнодушие и предельная усталость. Но где же ответ на мой вопрос? Как разгадать загадку оракула, двусмысленное изречение пророка?

Я опустился на пол рядом с Фейксом. Он смотрел на меня своими ясными глазами. И на какое-то мгновение я вдруг увидел его таким, каким он предстал во тьме, — женщиной в светлых серебряных доспехах, горящей в огне и с болью выкрикивающей: «Да!»

Фейкс заговорил, и видение тут же исчезло.

— Получил ли ты ответ, о Задавший Вопрос? — мягко спросил он.

— Я получил ответ, о Ткач.

Да, я его получил! Через пять лет, начиная с сегодняшнего дня, Гетен станет членом Экумены. Ответ был утвердительным и очень ясным. Никаких загадок, никаких двусмысленностей. Даже тогда я сознавал, что ответ этот представляет собой не столько пророчество, сколько результат наблюдений и опыта. Я не мог отделаться от ощущения, что ответ этот абсолютно верен, тем более что он совпадал с моими собственными возврениями. Ответ Предсказателей обладал логической ясностью и чистотой обоснованного предвидения.

Экумена владеет целым флотом космических кораблей, умеет перемещать тела и предметы в пространстве почти мгновенно на любые расстояния и в любые миры; нам ведома телепатия, однако предвидение, предчувствие мы пока еще приручить не сумели. Для того чтобы постигнуть эту науку, необходимо попасть на Гетен.

— Я — как бы нить накаливания, — объяснял мне Фейкс через день или два после сеанса предсказания. — Наша общая энергия нарастает как вовне, так и внутри нас, исходит наружу и возвращается назад, каждый раз вдвое усиливая свой импульс, пока не происходит прорыв; тогда в меня входит свет, окружает меня, и я сам как бы становлюсь этим светом... Один Старик из

Цитадели Арбин однажды сказал мне: если бы Ткача удалось в момент ответа поместить в вакуум, он продолжал бы гореть годами. Именно так трактует учение Йомеш состояние, в котором оказался Меше: он ясно видел прошлое и будущее не один лишь миг, а в течение всей своей жизни — из-за вопроса, заданного лордом Шортхом. В это трудно поверить. Я сомневаюсь, что человек способен такое вынести. Впрочем, неважно...

Нусутх — вечный и двусмысленный ответ ханддаратов. Как и всегда.

Мы шли рядом по дорожке, и Фейкс посмотрел на меня. Лицо его — одно из самых красивых человеческих лиц, какие я когда-либо видел, — тонкое и твердое одновременно, казалось вырезанным из камня.

— Во Тьме, — сказал он, — нас было десять; не девять. Там был кто-то еще, не Предсказатель.

— Да, был. Я не сумел мысленно отгородиться от вас. Вы, Фейкс, прирожденный Слушатель, реципиент, к тому же у вас естественный дар проникновения в чужую душу; так что, по всей вероятности, вы прирожденный и весьма сильный телепат. Именно поэтому вы и есть Ткач, тот, кто инициирует и поддерживает напряжение всей группы Предсказателей, объединяя их общий дар предвидения до тех пор, пока связь не нарушится и вместе с ней не исчезнет и та «паутина», что была соткана вами; в этот момент вы и получите ответ.

Он слушал мрачно, но заинтересованно.

— Странно слышать, как тайны моего искусства излагает посторонний человек. Извне... Я-то ощущаю его лишь изнутри, как последователь Ханддары.

— Если вы... если ты позволишь, Фейкс... конечно, если ты сам этого захочешь — что до меня, то мне бы этого очень хотелось! — мы можем попробовать поговорить с тобой мысленно.

Теперь я был уверен, что он прирожденный телепат; его согласие, немного практики — и непроизвольно созданный им барьер исчезнет.

— Если ты научишь меня этому, я смогу слышать, что думают остальные?

— Нет, нет. Во всяком случае, не больше, чем ты слышишь теперь благодаря своему дару Ткача. Телепатия — это сугубо произвольная форма связи между людьми.

— Тогда почему же людям не говорить друг с другом как обычно?

— Как тебе сказать... Разговаривая как обычно, кое-кто может и солгать.

— А при мысленном разговоре?

— Тогда солгать невозможно, во всяком случае — преднамеренно.

Фейкс какое-то время размышлял, потом сказал:

— Это искусство, которым должны бы заинтересоваться короли, политики и деловые люди.

— Деловые люди повели с телепатией яростную борьбу: едва обнаружилось, что этому искусству легко можно научиться, как они на десятилетия объявили его вне закона.

Фейкс улыбнулся:

— А короли?

— У нас больше нет королей.

— Да. Я понимаю, что... Что ж, благодарю тебя, Дженири. Но мое дело — забывать то, что знал, а не учиться новому. И я, пожалуй, пока не стану учиться искусству, которое может полностью изменить наш мир.

— Согласно твоему собственному предсказанию, ваш мир и так изменится не позднее чем через пять лет.

— И я тоже изменюсь с ним вместе, Дженири. Но у меня нет ни малейшего желания самому менять его.

Шел дождь, затяжной мелкий дождь гетенианского лета. Мы поднимались прямо сквозь лес по горному склону чуть выше Цитадели; брали просто так, без дороги. Между темными ветвями виднелось серое пасмурное небо, с алых иголок хемменов стекала чистая дождевая вода. Воздух был пропитан сыростью, но казался довольно теплым. Все вокруг было наполнено шумом дождя.

— Фейкс, скажи мне вот что. У вас, ханддаратов, есть дар, которым жаждут обладать люди всех миров: вы можете предсказывать будущее. И все же вы живете, как и все остальные... как будто вам этот дар *безразличен*...

— Но какую роль в обычной жизни может играть этот дар, Дженири?

— Ну, например... Возьмем этот спор между Кархайдом и Оргорейном по поводу долины Синотх. Мне кажется, в последнее время престиж Кархайда сильно пострадал из-за этого конфликта. Так почему же король Аргавен не посоветуется со своими Предсказателями, не спросит, какую политику избрать, кого из членов киорремии назначить на пост премьер-министра? Или еще что-нибудь в этом роде?

— Такие вопросы задавать трудно.

— Не понимаю почему. Он ведь может просто спросить: «Кто наилучшим образом будет служить мне в качестве премьер-министра?», и больше ничего.

— Спросить-то он может. Вот только не знает, что значит «служить наилучшим образом». Для него это может, например, значить, что избранник непременно отдаст долину Синотх Оргорейну, а может быть — удалится в ссылку, а может быть — убьет короля. Это понятие может означать множество вещей, которых король вовсе не ожидает, да и не желает.

— Тогда ему нужно предельно точно сформулировать свой вопрос.

— Да. Но, видишь ли, вопрос такого рода потянет за собой еще целую цепочку вопросов. Даже король обязан уплатить свою цену за каждый из них.

— А вы ему назначите высокую цену?

— Очень, — спокойно сказал Фейкс. — Задающий вопрос, как тебе известно, платит столько, сколько может себе позволить. Вообще-то короли приходили раньше к Предсказателям за советом; но не слишком часто...

— А что, если один из Предсказателей сам обладает в обществе достаточной властью?

— Обитатели Цитадели не имеют ни власти, ни государственного статуса. Меня, конечно, могут вызвать в Эренранг и даже избрать членом киорремии; что ж, если я соглашусь принять этот пост и поеду туда, то верну себе и общественное положение, и свою тень, но моей роли Ткача тогда придет конец. И если у меня самого возникнет вопрос, мне придется поехать в Цитадель Орни, уплатить цену и получить ответ. Но мы, ханддараты, не стремимся получать ответы. Иногда, правда, трудно подавить это желание, но мы стараемся.

— Фейкс, я что-то не совсем тебя понимаю...

— Дело в том, что наша основная задача здесь — узнать, какие вопросы задавать нельзя.

— Но ведь вы же Те, Кто Дает Ответы!

— Значит, ты все еще не понял, Дженири, зачем мы совершенствуем и практикуем искусство предсказания?

— Наверное, нет...

— Чтобы доказать полную бессмысленность получения ответа на вопрос, который задан неправильно.

Я довольно долго размышлял над этим, пока мы брали под мокрыми от дождя густыми ветвями отерхордского леса. Лицо Фейкса под белым капюшоном казалось усталым, но спокойным; внутренний свет, обычно горевший в его глазах, угас. В глубине души я все-таки почему-то немного побаивался его. Когда он смотрел на меня своими ясными, добрыми, честными глазами, мне в лицо будто заглядывали тринацать тысячелетий развития Ханддары. Этот старинный способ мышления и бытия, прекрасно организованный, всеобъемлющий и последовательный, давал человеку настолько полную свободу мысли и уверенность в себе, такое совершенство дикого, естественного существа, что казалось, будто неведомое Великое и Вечное взирает на тебя из своего непреходящего «сейчас»...

— Неведомое, — тихо звучал в лесу голос Фейкса, — непредсказанное, недоказанное — вот на чем основана жизнь. Лишь неведение пробуждает мысль. Недоказанность — вот основа для любого действия. Если

бы твердо было доказано, что Бога не существует, не существовало бы и религий. Не было бы ни Ханддара, ни Йомеш, не было бы домашних божеств — ничего. Впрочем, если бы имелись четкие доказательства, что Бог существует, религии тоже не существовало бы... Скажи мне, Дженри, что является абсолютно достоверным? Что можно счесть постижимым, предсказуемым, неизбежным?.. Назови хотя бы что-то, известное тебе, что непременно свершится в твоем будущем и моем?

— Мы оба непременно умрем.

— Да. Это верно. Существует один лишь вопрос, на который можно дать твердый ответ, и этот ответ мы уже знаем сами... А потому единственное, что делает продолжение жизни возможным, — это постоянная, порой непереносимая неуверенность в ней, незнание того, что произойдет с тобой в следующий миг...

ОДИН ИЗ ПУТЕЙ, ВЕДУЩИХ В ОРГОРЕЙН

Меня разбудил повар, который всегда приходил в дом очень рано. Спал я крепко, и ему пришлось долго трясти меня, приговаривая мне прямо в ухо:

— Вставайте, вставайте, лорд Эстравен, из королевского дворца гонец прибыл!

Наконец до меня дошло, и я, борясь со сном, с трудом встал и поспешил в гостиную, где ожидал королевский гонец. И голенький, точно новорожденный младенец, угодил пряником в ссылку.

Читая переданное гонцом послание, я довольно спокойно подумал, что, в общем-то, ожидал подобных событий, хотя и не так скоро. Однако, когда гонец на моих глазах стал приколачивать чертов указ к дверям моего дома, мне показалось, что он вбивает гвозди мне прямо в лоб; я отвернулся, но продолжал стоять рядом, лишившись и дома, и родины, терзаемый болью, которой я заранее предусмотреть не сумел.

Впрочем, когда боль от первого удара прошла, я начал прикидывать, что можно еще успеть сделать, и, когда колокол на башне пробил Час Девятый, покинул территорию дворца. Больше ничто меня здесь не

задерживало. Я взял с собой то, что мог унести. Недвижимую собственность продать я не мог, а банковские вклады не мог получить наличными, не подвергая кого-то смертельной опасности. Причем наибольшей опасности подвергались именно те, кто был готов мне помочь. Я написал своему старому другу и кеммерингу Аше, как ему следует наилучшим образом воспользоваться кое-каким моим имуществом, чтобы доход от продажи получили наши с ним сыновья, однако предупредил его, что пытаться переслать деньги мне не стоит, потому что Тайб непременно будет держать всю границу с Оргорейном под контролем. Даже подписать письмо своим именем я не мог. Даже просто позвонить кому-то по телефону в моем положении означало своими руками отправить невинного человека в тюрьму. Так что я поспешил убраться из дома, пока какой-нибудь беспечный приятель не забрел ко мне в гости и не потерял не только свои деньги, но и свободу — в награду за дружбу с изгоем.

Я двинулся по улицам города к западной окраине. Потом на одном из перекрестков остановился и задумался. Почему бы, собственно, мне не пойти на восток, через горы и долины, в свой родной Керм? Преодолеть пешком весь этот далекий путь, подобно самым нищим беднякам, и в таком виде явиться в Очаг Эстре, в тот самый каменный дом на крутом горном склоне, где я родился... Почему бы, в самом деле, мне не вернуться домой? Три или четыре раза я вот так останавливался и смотрел назад, на восток, и каждый раз среди равнодушных лиц прохожих мне попадалось по крайней мере одно заинтересованное — лицо шпиона, подосланного, чтобы проследить, как я уберусь из Эренранга; и каждый раз я понимал, сколь безумны мои намерения вернуться домой. С тем же успехом можно было бы сразу совершить самоубийство. Я от рождения был обречен жить в ссылке — так, во всяком случае, мне казалось, — и путь в родной дом был для меня равносителен пути к смерти. Так что я продолжал шагать на запад и больше уже назад не оглядывался.

Через три обещанных мне дня отсрочки я, если очень повезет, должен оказаться самое дальнее в Кусебене на берегу залива, километрах в ста пятидесяти отсюда. Изгнанников чаще всего предупреждали о королевском указе еще накануне вечером, за ночь до вступления указа в силу, так что обычно у них была возможность сесть на какой-нибудь корабль и плыть по течению реки Сесс к заливу, прежде чем капитаны судов станут по закону ответственны за помочь преступнику. Но Тайб по гнусной природе своей на такое благородство способен не был. Теперь ни один капитан не осмелится взять меня на борт; в порту все меня отлично знают, поскольку именно я строил его для Аргавена. Ни один вездеход не посадит меня в кабину, а до границы с Оргорейном от Эренранга километров шестьсот. Выбора у меня не оставалось: нужно было пешком добраться до Кусебена.

Повар мой успел подумать именно об этом. Я его, разумеется, тотчас же отоспал, но, прежде чем уйти, он выложил на видное место все припасы и тщательно упаковал все, что мог, приготовив мне «горючее» на три дня маршевого броска. Его доброта не только спасла меня, но и поддержала мой боевой дух, ибо каждый раз, останавливаясь по дороге, чтобы перекусить хлебным яблоком и сушеными фруктами, я думал, что есть все-таки хоть один человек, который не считает меня предателем, потому что дал мне эту еду.

Оказалось, что зваться предателем тяжело. Даже странно, до чего это тяжело, ведь так просто назвать предателем кого-то другого. Это слово прилипает к тебе навечно и звучит очень убедительно. Я и сам наполовину поверил в то, что стал предателем.

Я пришел в Кусебен к вечеру на третий день пути — полный тревоги, со стертыми в кровь ногами, потому что последние годы в Эренранге пристрастился к роскоши и обжорству и совершенно утратил былую любовь к пешим прогулкам. В Кусебене у городских ворот меня поджидал Аше.

Мы были кеммерингами целых семь лет; у нас родилось двое сыновей. Поскольку родил их непосредст-

венно Аше, то они носили его имя: Форет рем ир Осборт — и воспитывались в его Очаге Кланхарт. Три года назад Аше удалился в Цитадель Орни и теперь носил золотую цепь Целомудренного. В течение последних трех лет мы не виделись, и все же, когда я заметил его в вечерних сумерках под каменной аркой ворот, мне сразу вспомнилась прежняя теплота наших отношений, словно расстались мы лишь вчера; я сразу понял, что в нем живы любовь и преданность; именно эта любовь и послала его навстречу мне в час невзгод. И, чувствуя, что вновь запутываюсь во всем этом, я рассердился: любовь Аше всегда заставляла меня идти против собственной воли.

Я прошел мимо него. Мне необходимо быть жестоким, так что нечего тянуть, нечего притворяться добре́ньким.

— Терем, — окликнул он меня и пошел следом. Я быстро спускался по крутым улочкам Кусебена к порту. С моря дул южный ветер, трепал в садах черные деревья, и этим теплым летним вечером я удирал от Аше, словно от убийцы. Он все-таки догнал меня — стертые мои ноги не позволяли мне идти достаточно быстро — и сказал: — Терем, я пойду с тобой.

Я не ответил.

— Десять лет назад тоже был месяц Тува, и мы дали клятву.

— А три года назад ты первым нарушил ее и бросил меня. Впрочем, ты поступил разумно.

— Я никогда не нарушал клятву, которую мы тогда дали друг другу, Терем.

— Что ж, верно. Нечего было нарушать. Все это было неправдой. Во второй раз такую клятву не дают. Ты и сам это знаешь; да и тогда знал. Единственный раз я по-настоящему поклялся в верности, так никогда и не произнеся этого вслух, потому что это было невозможно; а теперь тот, которому я поклялся в верности, мертв, а моя клятва уже давно нарушена, так что никакой обет нас не связывает. Отпусти меня.

Я говорил гневно, но обвинял в нашей трагедии не Аше, а скорее себя самого; вся прожитая мной жизнь

была словно нарушенная клятва. Но Аше этого не понял, в глазах его стояли слезы, когда он сказал:

— Ты возьмешь это, Терем? Пусть нас не связывает клятва, но я очень люблю тебя.

И он протянул мне небольшой сверток.

— Нет, Аше. Денег у меня достаточно. Отпусти меня. Я должен уходить один.

Я двинулся дальше, и он не пошел за мной. Но за мной следовала тень моего брата. Плохо я поступил, заговорив о нем. Я вообще всегда все делал плохо.

В гавани мне не повезло. У причалов не оказалось ни единого судна из Оргорейна, на котором я уже к полуночи мог бы оказаться за пределами Кархайда, как было предписано Королевским Указом. Мне встретилось всего несколько человек, да и те спешили домой; я заговорил с рыбаком, возившимся у своей лодки с разобранным двигателем; рыбак только молча взглянул на меня и тут же отвернулся. Мне стало страшно: если этого человека не предупредили заранее, то откуда бы ему меня знать? Значит, слуги Тайба опередили меня и специально стараются задержать в Кархайде, чтобы истекло время отсрочки. Тогда казнь неизбежна. Горечь и злоба душили меня; теперь к ним прибавился страх. Я как-то не думал, что Указ о ссылке — всего лишь предлог, и меня в любом случае намерены физически уничтожить. Едва лишь пробьет Час Шестой, как люди Тайба возьмут меня голыми руками. Тогда бессмысленно будет кричать «Убивают!», ибо свершится правосудие.

Я уселся на мешок с песком. Причал был открыт всем ветрам и взорам. Слышались бесконечные шлепки волн о сваи, внизу качались и подпрыгивали привязанные рыбачьи лодки. У дальнего конца пирса горел фонарь. Я сидел и смотрел на этот огонек и дальше — в темную морскую даль. Некоторые сразу начинают решительную борьбу с опасностью, но только не я. Этим даром я не обладаю; у меня скорее дар предвидения. Когда же угроза становится реальностью, я почему-то резко глупею. А потому я и сидел на мешке с песком, тупо размышляя, сможет ли человек

догнать до Оргорейна без лодки. Воды залива Чарисун только что очистились ото льда — на месяц или два. Некоторое время в ледяной воде можно, конечно, продержаться, но до порта Орготы около двухсот километров. Впрочем, плавать я совсем не умею. Потом я стал смотреть в сторону города и обнаружил, что ищу взглядом Аше; я все еще надеялся, что он последует за мной, несмотря на запрет. И тут я ощутил такой жгучий стыд, что сразу вышел из оцепенения и вновь обрел способность мыслить трезво.

Выбора у меня не оставалось: придется дать взятку или убить его — этого рыбака, что все еще возился со своей лодкой. Кстати, отвратительная лодка, с ней и возиться-то не стоило. И мотор у нее никуда не годится. Еще оставалась кража. Однако рыбаки всегда запирают моторы своих лодок. Так что нужно сперва отомкнуть цепь, которой лодка крепится к причалу, добраться до мотора, завести его, выбраться — при свете яркого фонаря, что горит на пирсе! — в открытое море и плыть одному в Оргорейн, хотя я ни разу в жизни не плавал на моторной лодке. Довольно глупое и, пожалуй, безнадежное предприятие. Впрочем, мне приходилось иметь дело с весельной лодкой — на Ледяном озере в Керме... Я еще раньше заметил одну весельную лодку, привязанную между двумя сваями во внешнем доке. Ну что ж, увидел — украд. Я бросился туда прямо под удивленно уставившимися на меня глазами фонарей, спрыгнул в лодку, легко отвязал ее от причала, вставил весла в уключины и решительно двинулся по кипящей черной воде в открытое море; отблеск фонарей плясал и дробился на волнах. Когда я отплыл уже достаточно далеко, то на минуту остановился, чтобы поправить одно из весел, которое тут поворачивалось в уключине, ведь мне еще предстояло грести и грести, хотя в глубине души я надеялся, что на следующий день меня подберет, например, орготский патрульный корабль или какое-нибудь рыболовное судно. Нагнувшись над уключиной, я неожиданно почувствовал столь сильную слабость, что почти потерял сознание и, скрючившись, застыл на

банке. То было последствие пережитого мной приступа трусости. Я и не подозревал, что способен до такой степени струсить. Я поднял глаза и тут же на самом краю пирса увидел две черные фигуры — как две криевые черные ветки дерева в свете фонаря, раскачивающегося над разделяющей нас водой. Тут до меня дошло, что мой внезапный паралич следствие не столько пережитого страха, сколько непроизвольного предчувствия смерти: кто-то тщательно целился в меня из ружья.

Я сумел разглядеть это ружье у одного из них в руках. Если бы уже перевалило за полночь, то он, по-моему, давно бы с удовольствием застрелил меня; однако выстрел из обыкновенной винтовки производит слишком много шума — пришлось бы объясняться. А потому они воспользовались акустическим ружьем. Когда жертву хотят только оглушить, то заряд рассчитывают метров на тридцать, не больше. Не знаю, на каком расстоянии выстрел из него смертелен, но я отплыл явно недостаточно далеко. Меня всего скрючило, и я упал на дно лодки, извиваясь, как малый ребенок при желудочной колике. Даже вздохнуть было трудно, потому что ослабленный расстоянием выстрел угодил мне прямо в грудь. Поскольку они весьма скоро непременно подыскали бы моторное судно, чтобы догнать и прикончить меня, нельзя было терять ни минуты, и я, задыхаясь, яростно заработал веслами. Тьма лежала за моей спиной, впереди тоже была тьма, и туда, в эту тьму, я направил свою лодку. Руки у меня дрожали от слабости, приходилось следить, чтобы не уронить весла — я их почти не чувствовал. Залив остался позади; вокруг была кромешная тьма. Пришлось ненадолго остановиться. С каждым гребком руки немели все сильнее. Сердце билось неровными толчками, а легкие, казалось, разучились работать вовсе. Я попытался снова грести, но не был уверен, сдвинулся ли хотя бы с места. Тогда я решил на время осушить весла, но не смог даже поднять их. Когда прожектор сторожевого катера засек меня,

плавающего подобно снежинке на угольно-черной воде, я даже не в силах был отвернуться от яркого света.

Они отцепили мои пальцы от весел, вынули меня из лодки и, как большую выпотрошенную черную рыбку, втащили на палубу. Я лежал и чувствовал, что меня рассматривают очень внимательно, однако не понимал, что именно они говорят. Мне показалось только — скорее по интонациям, — что капитан судна сказал: «Час Шестой еще не пробил» — и потом сердито ответил кому-то: «Какое мне дело до этого? Король сослал его, и я подчинюсь королевскому указу, но это ведь тоже человек».

Итак, вопреки приказам, полученным по радио от людей Тайба с берега, вопреки возражениям команды, опасавшейся наказания, этот офицер кусебенской портовой охраны перевез меня через залив Чарисун целым и невредимым и высадил в Оргорейне в порту Шелт. Не знаю, поступил ли он так, руководствуясь собственным шифгретором, восстав против безжалостных слуг Тайба, готовых убить безоружного, или просто из доброты. Это и неважно. Нусутх. Как говорится, прекрасное необъяснимо.

Я впервые поднялся на ноги, когда увидел, как побережье Орготы выплывает из утреннего тумана. Потом я заставил себя как можно скорее пойти прочь от корабля по приморским улочкам Шелта, но вскоре, видимо, снова упал. А когда очнулся, то обнаружил, что нахожусь в общественном госпитале Комменсалии чарисунского Округа номер четыре; в двадцать четвертой Комменсалии Сеннетни. У меня были все возможности в этом удостовериться: эта надпись на орготском языке имелась на спинке кровати, на подставке настольной лампы, на металлической чашке, стоявшей на столике, на самом столике, на одежде сиделки, на простынях и моей ночной рубашке. Вшел врач и сказал:

— Почему вы сопротивлялись дотхе?

— Я не погружался в дотхе, — изумился я. — В меня просто стреляли из акустического ружья.

— Все симптомы указывают на то, что вы сопротивлялись релаксационной фазе дотхе.

Он не допускал возражений, этот строгий врач, и в итоге заставил меня признать, что я, возможно, все-таки использовал силу дотхе, чтобы преодолеть парализующее воздействие акустического шока: ведь я греб как бешеный, даже не отдавая себе отчета в том, что делаю; а потом, утром, во время фазы *танген*, когда нужно соблюдать полный покой, я, оказавшись на территории Орготы, решительно двинулся прочь от набережной и тем самым чуть не убил себя. Когда я все это припомнил и, к его большому удовлетворению, подтвердил первоначальный диагноз, он сообщил мне, что я смогу выйти из больницы лишь через день-два, и переключился на следующего больного. Следом за врачом явился Инспектор.

Следом за каждым человеком в Оргорейне непременно появляется Инспектор.

— Имя?

Я не попросил его прежде назвать свое. Придется учиться жить, не отбрасывая тени, как они это делают в Оргорейне, — не обижаться самому и не обижать без причины других. Но своей родовой фамилии я ему не назвал: никому нет до нее дела.

— Терем Харт? Это не орготское имя. Из какой вы Комменсалии?

— Я из Кархайда.

— Это государство не входит в число комменсалий Оргорейна. Покажите мне ваши документы, разрешение на въезд и удостоверение личности.

А интересно, где мои документы?

Я, видно, достаточно долго провался на улице, прежде чем кто-то подвез меня до госпиталя и сдал туда — без документов, без денег, без верхней одежды, босиком... Когда я узнал об этом, то, вместо того чтобы рассердиться, только засмеялся: упав на дно колодца, не имеет смысла гневаться. Смех мой Инспектора явно оскорбил.

— Разве вы не понимаете, что явились без документов и без разрешения в чужое государство? Как вы намереваетесь вернуться обратно в Кархайд?

— В гробу.

— Прекратите ваши неуместные шутки и отвечайте мне как официальному лицу. Если вы не намерены возвращаться на родину, то здесь вас пошлют на Добровольческую Ферму — там самое место всяkim подонкам и отщепенцам, а также нарушителям государственной границы! Иного места в Оргорейне для прошаек и бунтовщиков нет. Лучше бы вам все-таки заявить о своем намерении вернуться в Кархайд в течение трех дней, иначе я...

— Из Кархайда я выписан навечно.

Врач, который как раз в этот момент кончил заниматься с моим соседом, услышав мое имя, отвел Инспектора в сторонку и о чем-то некоторое время шептался с ним. После чего Инспектор несколько скис и, вернувшись ко мне, прошел сквозь зубы:

— В таком случае, я полагаю, вам следует подать прошение о разрешении на постоянное проживание в Великой Комменсалии Оргорейна и функционировании в качестве одной из государственных единиц — учитывая ваши прежние способности и возможности.

— Да, конечно, — ответил я.

Шутить с этим типом мне абсолютно расхотелось, особенно когда он произнес слово «постоянное» — самое зубодробительное из всех его чудовищных слов.

Через пять дней, согласно моему заявлению, мне был предоставлен вид на жительство: я стал «государственной единицей» города Мишнори (как и просил), получил временное удостоверение личности и мог отправляться туда немедленно. Мне пришлось бы здорово поголодать эти пять дней, если бы старый врач не оставил меня в больнице. Ему доставляло удовольствие держать под своим присмотром в палате премьер-министра Кархайда, и премьер-министр был ему очень за это благодарен.

Я отработал проезд до Мишнори грузчиком на машинах со свежей рыбой, идущих караваном из Шелта.

Это было не очень продолжительное, но очень «пахучее» путешествие, окончившееся на одном из огромных рынков Южного Мишнори, где я вскоре подыскал себе и постоянную работу. В таких местах летом всегда есть работа — разгрузка, погрузка, хранение, упаковка, укладка, перевозка скоропортящихся продуктов. Я имел дело в основном с рыбой; так что и поселился неподалеку от рынка вместе со своими напарниками по работе в леднике. «Рыбный Остров» прозвали они свой дом. Мы буквально провоняли рыбой, но мне нравилось, что большую часть дня приходится проводить в холодном погребе. Мишнори летом напоминает парную баню. С ледников даже не тянет прохладой, вода в реке только что не кипит, люди плавают в собственном поту. В течение целого месяца Окре средняя температура была не ниже пятнадцати градусов, а однажды днем поднялась до тридцати двух! Когда под конец рабочего дня приходилось выбираться из холодного, пропахшего рыбой убежища в это вонючее пекло, я обычно проходил километра три до набережной Кундерер, где росли деревья и можно было сверху смотреть на великую реку, хотя к воде спуститься было нельзя. Там я торчал допоздна, а потом тащился к себе, на Рыбный Остров, и горячий, густой ночной воздух облеплял меня, как влажная простыня. В той части Мишнори, где я жил, уличные фонари обычно бывали разбиты всякой шпаной и прочими любителями темноты. По темным улочкам без конца шныряли машины Инспекторов, высвечивая фарами прохожих, отнимая у бедного люда его единственную собственность — ночь.

Новый закон о регистрации иностранцев, вступивший в действие в следующем месяце, Кус, и ставший новым шагом в поединке Оргорейна с Кархайдом, аннулировал мой вид на жительство, и я, лишившись работы, полмесяца провел в приемных бесконечных Инспекторов. Мои бывшие напарники давали мне денег в долг и воровали для меня рыбу, так что с голоду я умереть не успел, прежде чем мне снова выдали вид на жительство, однако урок получил хороший.

Мне, пожалуй, даже нравились мои новые друзья — надежные, крепкие парни, — хотя жили они в ловушке, выхода из которой не было. Я же должен был делать свое дело и возвращаться в общество таких людей, которые нравились мне куда меньше. Наконец я все-таки позвонил тем, встречу с которыми откладывал долгих три месяца.

На следующий день я стирал свою рубаху в прачечной Рыбного Острова среди прочих его обитателей; все мы были совсем или наполовину голые, кругом клубы пара, рыбная вонь, грязь... и тут сквозь плеск воды я услышал, как кто-то позвал меня, причем моим родовым именем. Это оказался Комменсал Иегей, который и в грязной прачечной выглядел точно так же, как когда-то во время приема Полномочного Посла Архипелага в парадном зале королевского дворца в Эренранге. Это было месяцев семь тому назад.

— Может быть, вы все-таки выйдете отсюда, Эстравен? — громко и высокомерно сказал он своим высоким гнусавым голосом, этот мишнорский богатей. — Да оставьте вы, черт возьми, эту рубаху!

— Другой у меня нет.

— Тогда вылавливайте ее поскорей из этого вонючего супа и ступайте за мной. Здесь несколько жарковато.

Мои соседи уставились на него с суровым любопытством, понимая, что перед ними человек очень богатый. Откуда им было знать, что это не кто-нибудь, а Комменсал. Мне было неприятно, что он сам явился сюда; ему бы следовало послать кого-нибудь за мной. Жители Орготы чаще всего имеют весьма слабое представление о приличиях. Мне хотелось, чтобы он поскорее ушел из прачечной. Мокрую рубашку все равно невозможно было надеть, поэтому я попросил одного бездомного, который вечно слонялся возле нашего Острова, посторечь ее для меня, пока я не вернусь. Долги мои я отдал, за жилье заплатил, документы были в кармане хайэба. Так, без рубашки, я и покинул Рыбный Остров близ рыночной площади и пошел следом за Иегеем туда, где жили власть имущие.

В качестве «секретаря» Иегея я снова был зарегистрирован, но уже не как полноправный житель Оргорейна, а как Депендент. Имен для них всегда недостаточно, им необходимо прежде всего наклеить соответствующий ярлык, тогда в их классификации для тебя моментально находится место, даже если о сущности твоей они и понятия не имеют. Но на этот раз ярлык был точно к месту: я на самом деле был Депендентом, подчиненным и зависимым лицом, и вскоре мне не раз предстояло проклинать ту цель, что привела меня сюда, заставила есть чужой хлеб и быть у кого-то на иждивении, ибо в течение целого месяца в жизни моей не было ни малейшего просвета, ни малейшего намека на то, что я хоть сколько-нибудь приблизился к искомой цели. С тем же успехом можно было оставаться и на Рыбном Острове.

В последний день лета, уже к вечеру, Иегей послал за мной. Шел дождь. Я явился в его кабинет и застал там Комменсала округа Секиве, Обсла, которого знал еще в те времена, когда он возглавлял Представительство торгового флота Орготы в Эренранге. Короткий и важный, с маленькими треугольными глазками на плоском, жирном лице, Обсл составлял странную пару с тощим и изящно-изысканным Иегеем. Старая жирная карга и великосветский щеголь — вот как они выглядели рядом; но было в этом сочетании и что-то неуловимо важное, что исходило сразу от них обоих: оба входили в состав Тридцати Трех, что правили Оргорейном; но и помимо этого в союзе Обсла и Иегея крылась какая-то тайна.

Мы обменялись вежливыми приветствиями и выпили по глотку ситхской «живой воды»; потом Обсл, вздохнув, сказал мне:

— А теперь расскажите, почему вы так вели себя в Сассинотхе, Эстравен, ибо если когда-либо и существовал человек, который, на мой взгляд, не способен ошибиться ни во времени действия, ни в оценке собственного шифретора, то это только вы.

— Страх оказался во мне сильнее осторожности, Комменсал.

— Страх перед кем? Перед самим дьяволом? Чего вы боитесь, Эстравен?

— Того, что сейчас происходит. Продолжения борьбы за престиж в долине Синотх; возможного унижения Кархайда; гнева короля, который неизбежно последует за подобным унижением; и того, что гнев короля правительство Кархайда использует в своих интересах.

— Использует? Но как?

Нет, Обсл все-таки был человеком совершенно невоспитанным. Игей, изящный, но колючий, поспешил вмешаться:

— Комменсал, лорд Эстравен — мой гость, и, право же, не стоит его допрашивать...

— Лорд Эстравен, разумеется, ответит на мои вопросы так и тогда, как и когда сочтет нужным, — он всегда так поступал. — Обсл ухмылялся, словно в той пригоршне грязи, которой он старался испачкать меня, спрятал иголку. — Он же понимает, что находится среди друзей.

— Я всегда и везде признаю своих друзей, Комменсал, но я более не забочусь о том, чтобы сохранить их дружбу.

— Ну это-то мне известно. И все-таки мы вполне можем тащить наши общие сани, даже не будучи кем-мерингами, как говорят у нас в Секиве, — верно, Эстравен? Черт побери, мне же понятно, за что вас со слали, мой дорогой: за то, что вы любите Кархайд больше, чем его короля.

— Точнее, за то, что любил своего короля больше, чем его двоюродного брата.

— Или за то, что любили Кархайд больше, чем Оргорейн, — сказал Игей. — Может, я не прав, лорд Эстравен?

— Вы правы, Комменсал.

— Значит, вы считаете, что Тайб хочет править Кархайдом столь же эффективно, как мы правим Оргорейном? — спросил Обсл.

— Да, я так считаю. Мне кажется, что Тайб, умело используя конфликт в долине Синотх и при необхо-

димости обостряя его, может уже в течение этого года добиться в Кархайде больших перемен, чем за последнюю тысячу лет. У него есть достойный пример: деятельность вашего Сарфа. И он умело играет на страхах Аргавена. Это куда проще, чем пробудить в Аргавене мужество, как — увы, тщетно — пытался сделать я. Если Тайб одержит победу, вы, господа, окажетесь перед лицом врага, вполне вас достойного.

Обсл кивнул.

— Давайте на время забудем о шифгреторе, — сказал Игей. — Я хотел бы понять, чего добиваетесь вы, Эстравен?

— Хочу узнать, смогут ли ужиться на Великом Континенте два Оргорейна.

— О да! Да, конечно, вы точно выразили и мои мысли, — сказал Обсл. — Я тоже не раз думал об этом; именно вы поселили эти опасения в моей душе. И уже давно, Эстравен. Тень Оргорейна становится слишком длинной. Она может накрыть и Кархайд. Да, поистине спор между двумя кланами из-за поместья — это нормально; и грабеж одного города другим с помощью наемной банды — тоже; спор между государствами из-за границы, несколько сожженных амбаров, несколько убийств — все это в порядке вещей. Но спор из-за всей территории государства? Захват имущества, в котором участвуют пятьдесят миллионов человек? Клянусь сладостным Млеком Меше, картина эта огнем пылает в моих ночных кошмарах, и я просыпаюсь весь в холодном поту... Жизнь наша более небезопасна, о нет. И ты тоже понимаешь это, Игей; ты и сам не раз уже говорил об этом, просто другими словами.

— Я вот уже в тринадцатый раз голосовал против усиления давления на противоборствующую сторону в долине Синотх. Но что толку? Среди Тридцати Трех по крайней мере двадцать членов оппозиционной нам партии в любой момент проголосуют за углубление конфликта, и каждое движение Тайба только усиливает контроль Сарфа над этими двадцатью. Он строит через долину стену и ставит вдоль стены свою охрану,

вооруженную винтовками — винтовками! Я-то считал, что их теперь можно только в музеях найти. Кроме того, Тайб, едва в этом возникает нужда, сразу начинает подкармливать доминирующую партию всякими домыслами на наш счет.

— И тем самым укрепляет Оргорейн. Но также и Кархайд. Каждый ваш ответ на его провокации, каждое ваше оскорбление в адрес Кархайда, любое повышение вашего авторитета служат тому, что и Кархайд становится все сильнее и будет становиться все сильнее, пока не превратится в равное вам централизованное государство. И кроме того, винтовки в Кархайде отнюдь не хранят в музеях. Они находятся в распоряжении королевской гвардии.

Иегей налил всем еще по глотку «живой воды». Высший свет Орготы пьет сей драгоценный напиток, доставляемый сюда за восемь тысяч километров по туманным морям из Ситха, так, словно это простое пиво. Обсл вытер губы и подмигнул.

— Ну хорошо, — сказал он, — все оказалось именно так, как я думал и думаю сейчас. А думаю я вот что: перед нами сани, которые нам предстоит тащить всем вместе. Но, прежде чем впрячься в эти сани, я задам один вопрос, Эстравен, а то мне совершенно заморочили этим голову. Что это за бесконечные темные и крайне загадочные слухи о некоем Посланнике, что прибыл с обратной стороны Луны?

Значит, Дженили Аи все-таки испросил разрешение на въезд в Оргорейн.

— Ах, Посланник? Он действительно тот, за кого выдает себя.

— А это значит...

— ...что он прислан из другого мира.

— Да ладно, оставьте вы эти ваши кархайдские метафоры, Эстравен! Я же забыл о своем шифгреторе. Так вы ответите мне или нет?

— Но я уже ответил вам.

— Значит, он действительно инопланетянин? — воскликнули в один голос Обсл и Иегей. — И он действительно получил аудиенцию у короля Аргавена?

Я ответил сразу обоим: да, получил. Они с минуту помолчали, а потом снова заговорили оба сразу, даже не пытаясь скрыть своей заинтересованности. Иегей, правда, пробовал ходить вокруг да около, зато Обсл сразу перешел к делу:

— Какую роль в таком случае вы отводите ему в своих планах? Похоже, вы сделали на него ставку и проиграли. Почему?

— Потому что Тайбу удалось обвести меня вокруг пальца. Я все смотрел в небеса и не заметил, как сел в лужу.

— Вы что же, стали увлекаться астрономией, дорогой мой?

— Нам всем неплохо было бы ею увлечься, Обсл.

— А он не представляет для нас угрозы, этот Посланник?

— Думаю, что нет. Он лишь передал от своего народа предложение установить с нами дипломатические и прочие связи — начать торговлю, подписать разные договоры, завязать сотрудничество. Больше ничего. Он прибыл один, без оружия, без охраны, всего лишь с одним коммуникационным устройством на своем корабле, который, кстати, позволил нам обследовать полностью. По-моему, он не тот, кого следовало бы бояться. И все же именно он, безоружный, положит конец и Королевству, и Комменсалиям.

— Почему?

— А как установить отношения с народами других миров, если не стать подобными им, их братьями? Как сможет Гетен заключить союз с космической организацией, включающей восемьдесят миров, не будучи единым миром?

— Восемьдесят миров? — проговорил Иегей и как-то смущенно засмеялся.

Обсл косо глянул на меня и сказал:

— Мне кажется, вы слишком долго были в обществе безумца в королевском дворце, Эстравен, и сами отчасти утратили разум... Во имя Меше! Что это за ерунда такая — какой-то союз с солнцем и договор с лунами? Как этот парень попал сюда? Прилетел

верхом на комете? На астероиде? На метеорите? Корабль! Что это еще за корабль, который плывет по воздуху? Или по космосу? И все-таки вы, пожалуй, не более безумны, чем всегда, друг мой. То есть вы в своем безумии не только строптивы, но и мудры. Впрочем, все жители Кархайда безумцы. Ну что ж, пошли дальше, лорд Эстравен, я следую за вами! Давайте, давайте! Ведите нас.

— Сам я никуда идти не собираюсь, Обсл. Да и куда вы прикажете мне идти? Вы же тем не менее можете это сделать. Если хоть немного последуете советам Посланника. Только он может показать вам путь, который выведет вас наконец из долины Синотх, заставит свернуть с того злополучного курса, которым мы невольно продолжаем следовать.

— Прекрасно. На старости лет я еще, пожалуй, действительно увлекусь астрономией. Но куда это меня в итоге приведет?

— К величию, если вы пойдете более мудрым путем, чем я. Господа, я много времени провел в обществе Посланника, я видел его корабль, который пересек Великую Пустоту, и я абсолютно уверен, что он является гонцом из другого мира, с иной планеты. Что же касается благородства его намерений и его рассказов об этих иных мирах, то подтвердить, правда ли это, не может никто; можно только судить самому — как и о любом другом человеке. Если бы он был одним из нас, я назвал бы его человеком честным и благородным. Но возможно, вы и сами придете к подобному выводу. В одном лишь я абсолютно точно уверен: для него государственные границы просто линии, прочерченные на земле. У ворот Оргорейна стоит куда более могущественный соперник, чем Кархайд. И народ, который первым пойдет на союз с ним, первым откроет для него двери своего государства, станет править всей планетой. Всеми тремя континентами планеты Гетен. Теперь наши границы — это не линии на земле между двумя конкретными холмами, а орбита, которую описывает наша планета, вращаясь вокруг солнца. Рисковать своим шифгретором

ради какой-либо иной цели теперь было бы просто глупо.

Иегей явно понимал меня, но толстый Обсл только поглядывал своими утонувшими в жирных складках лица глазками и молчал.

— Ладно, примем все это на веру и положим месяц, чтобы окончательно разобраться, — сказал он наконец. — Впрочем, если бы я все это услышал не из ваших, а из чьих-то еще уст, Эстравен, я счел бы подобные рассказы чистейшей воды мистификацией, ловушкой для нашего достоинства, сплетенной из звездного блеска. Но мне известно ваше упрямство. И вы слишком горды и не унизитесь до того, чтобы специально морочить нам голову дурацкими сплетнями. Я не могу поверить в то, что вы рассказываете, но знаю, что любые лживые слова застряли бы у вас в глотке... Ладно, ладно. Станет ли еще он говорить с вами столь же откровенно, как, судя по вашим рассказам, он говорил с вами?

— Он именно этого и хочет: говорить и быть услышанным. Здесь или в другом месте. Тайб заставит его замолчать навсегда, если он еще хоть раз попробует быть услышанным в Кархайде. Я боюсь за него: он, похоже, не понимает нависшей над ним опасности.

— Вы расскажете нам то, что вам известно о нем?

— Расскажу; но разве что-то мешает ему самому приехать сюда и рассказать вам все?

Иегей промолвил, деликатно покусывая ноготь:

— Я полагаю, что нет. Он уже испросил разрешение на въезд в Комменсалию. Кархайд не возражает. Просьба Посланника сейчас рассматривается...

К ВОПРОСУ О ПОЛОВЫХ РАЗЛИЧИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ПЛАНЕТЫ ГЕТЕН

Из полевых записей Исследовательницы первой экуменической группы, приземлившейся на планете Гетен/Зима, Онг Том Оппонг; цикл 93-й, земной год 1448-й.

Г

од 1448, день 81-й. Похоже, они результат некоего эксперимента. Сама мысль об этом уже неприятна. Но теперь, когда существуют доказательства, что люди на Земле, например, тоже появились как результат эксперимента — «приживления» там группы жителей планеты Хайн в сочетании с имевшимися уже автохтонными протогуманоидами, — нельзя сбрасывать со счетов и возможного эксперимента на планете Гетен. Хайнские колонисты явно ставили опыты на генном уровне; ничем иным нельзя объяснить появление хилфов* на планете Эс, или вырождающихся крылатых гоминидов с Роканнона, или особенности гетенианской половой физиологии.

* Хилф — разумное существо (от английской аббревиатуры *hifl* (*highly intelligent life forms*)). — Примеч. ред.

Возможно, эксперимент закончился неудачей; но вряд ли здесь имел место естественный отбор. Их двуполость не имеет практически никакой адаптивной ценности.

Но стоило ли ради эксперимента столь глубоко перепахивать целый мир? Ответа на этот вопрос не найдено. Тинибоссол, например, считает, что колония эта была основана в период наиболее длительного межледникового периода. Вполне возможно, что тогда условия жизни оказались достаточно мягкими — по крайней мере в течение первых сорока—пятидесяти тысячелетий — даже на столь суровой планете, как Гетен. К тому времени как льды вновь начали свое наступление, связь с хайнской цивилизацией была прервана, а колонисты предоставлены самим себе. Об эксперименте забыли.

У меня есть собственная теория относительно сексуальной физиологии гетенианцев. Многие ее положения мне весьма помогла прояснить информация, собранная Оти Нимом в различных районах Оргорейна. Так что сначала я бы хотела перечислить все имеющиеся у меня в распоряжении сведения, а уж потом изложить свою теорию. Всему, как говорится, свой черед.

Сексуальный цикл гетенианцев колеблется от 26 до 28 дней (хотя чаще говорится именно о 26 днях, что соответствует продолжительности здешнего лунного месяца). В течение первых 21-22 дней индивид пребывает в латентном состоянии *сомер*, то есть сексуально неактивен. Примерно на 18-й день под влиянием деятельности гипофиза в кровь начинают поступать гормоны, а на 22-23-й день индивид входит в состояние *кеммера* — период наибольшей сексуальной восприимчивости, или эструса. В течение первой фазы кеммера, обозначаемой кархайдским словом *сечер*, индивид по-прежнему андрогинен. Половые признаки и потенция в изоляции не проявляются вовсе. Таким образом, гетенианец в первой фазе кеммера, находясь в изоляции или в обществе пребывающих в сомере людей, к половому акту не способен. Однако сексуальная активность уже в этой фазе весьма сильна, она

оказывает в этот момент решающее влияние не только на личность данного индивида, но и на его социальную и духовную жизнь и деятельность. Когда индивид обретает партнера по кеммеру, гормональная деятельность получает дополнительный стимул (по всей вероятности, за счет прикосновения, при котором возникает не выясненная пока секреторная деятельность, а может быть, и появляется особый запах), и в итоге один из партнеров обретает гормонально-половую стабильность, превращаясь в женскую или мужскую особь. Половые органы также претерпевают соответствующие внешние изменения, усиливаются эротические ласки, и второй партнер, как бы подстегнутый переменой, происшедшей с первым, обретает признаки противоположного пола. Исключений практически не бывает. Если же и возможно проявление у обоих партнеров по кеммеру одних и тех же половых признаков, то эти случаи настолько редки, что их можно не учитывать. Вторая фаза кеммера (кархайдский термин *торхармен*) — это взаимное обретение половых различий и соответствующей потенции; торхармен, по всей вероятности, длится от двух до двадцати часов. Если у первого из партнеров кеммер успел достигнуть своего полного развития, то второй проходит первые фазы чаще всего значительно быстрее; если же оба вступают в состояние кеммера одновременно, то развитие фаз происходит медленнее. Нормальные индивиды не имеют предварительной предрасположенности к «мужской» или «женской» роли; то есть они даже не знают, кем будут в данном конкретном случае — женщиной или мужчиной, — и не способны выбирать. (Оти Ним писал, что в некоторых районах Оргорейна довольно сильно распространено употребление искусственных гормонов для установления предпочтительной половой принадлежности; ничего подобного я не наблюдала в сельских районах Кархайда.) Когда половая определенность достигнута, она не подлежит изменению до полного окончания кеммера. Кульминационная фаза — называемая по-кархайдски

токеммер — продолжается от двух до пяти дней, во время которых половое влечение и потенция достигают своего максимума. Эта фаза завершается почти внезапно, и, если зачатия не произошло, индивиды возвращаются в состояние сомера в течение нескольких часов.

(Примечание: Оти Ним полагает, что эта четвертая фаза представляет собой некий эквивалент менструации.)

Если же у индивида, выступившего в «женской» роли, наступает беременность, гормональная активность организма, естественно, продолжается, и в течение 8,4 месяца беременности, а также всего периода лактации (6—8 месяцев), грудные железы увеличены, бедра становятся шире. С прекращением лактации индивид постепенно возвращается в состояние сомера, становясь обычным андрогином. Не прослеживается никакого физиологического «привыкания к роли», так что «мать», родившая нескольких детей, может с тем же успехом стать «отцом» еще нескольких.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Все они носят пока весьма поверхностный характер: я слишком много путешествовала и недостаточно долго жила на одном месте, чтобы иметь возможность сделать достаточно обоснованные выводы.

Кеммеринги — это отнюдь не всегда постоянные пары индивидов. Принцип парности, разумеется, — одна из наиболее распространенных традиций, однако в крупных городах в «домах любви» порой образуются довольно большие группы кеммерингов, между которыми происходят беспорядочные половые связи. Наиболее сильно противопоставлена данному явлению традиция «клятвы кеммерингов» (кархайдский термин *оскиоммер*), которая по всем своим целям и намерениям более всего соответствует моногамному браку. Легального статуса оскиоммер не имеет, но с общественной и этической точек зрения представляет собой весьма древний и очень живучий институт. Вся структура кархайдских клановых Очагов и княжеств, несомненно,

основана на институте оскиоммера. Ничего не могу с уверенностью сказать относительно правил «развода»; здесь, в Озоринере, развод хотя и существует, однако после развода или смерти одного из партнеров не допускается заключения нового союза: «клятву кеммерингов» можно дать только один раз.

На всей планете Гетен происхождение, конечно же, определяется по материнской линии, то есть по линии «родительницы» в буквальном смысле этого слова (кархайдский термин *ама*).

Инцест разрешен, правда с различными ограничениями, как между сводными братьями и сестрами, так и между родными (происходящими от одних, давших «клятву кеммерингов» родителей). Родные братья и сестры, однако, не имеют права давать клятву друг другу, а также продолжать быть кеммерингами после того, как у одного из них родится дитя. Инцест между представителями различных поколений строжайше запрещен (во всяком случае, в Кархайде и Оргорейне; говорят, что он разрешен у племен Перунтера, населяющих арктический континент планеты, но возможно, это лишь слухи).

Что же еще могу я прибавить из слышанного мной лично? Пора, пожалуй, подводить итоги.

Существует одна-единственная черта всей этой аномальной физиологии, имеющая, возможно, определенную адаптационную ценность. Поскольку соитие возможно лишь в период фертильности, то высок и процент возможного зачатия — как у всех млекопитающих в период эструса. В суровых климатических условиях, когда столь высока детская смертность, этим свойством, возможно, определяется способность рабы к выживанию. В настоящее время показатели как детской смертности, так и рождаемости в цивилизованных областях планеты Гетен не слишком высоки. Тинибоссол полагает, что на всех трех континентах планеты проживает не более ста миллионов человек, и считает, что численность населения оставалась примерно неизменной в течение последнего тысячелетия. Ритуальная и этическая свобода, а также употребле-

ние контрацептивов сыграли, по всей видимости, основную роль в поддержании столь устойчивого уровня.

Существуют, однако, такие аспекты двуполости, о которых мы могли лишь догадываться или наблюдать их очень поверхностно и которые мы, возможно, никогда не поймем до конца. Разумеется, всех нас, Исследователей, очень занимает феномен кеммера. Но нас-то он занимает с чисто научной точки зрения, а вот что касается самих гетенианцев, то ими он *правит*, он доминирует во всей их жизни. Структура их общества, устройство производства, сельского хозяйства, торговли, размеры их поселений, сюжеты их рассказов и легенд — все так или иначе сопряжено с циклом сомера-кеммера. У каждого раз в месяц бывает отпуск; ни один из жителей, кто бы он ни был по своему положению, не обязан работать, если он находится в кеммере (во всяком случае, его нельзя насилино заставить трудиться). Никто не может быть изгнан из «дома любви», даже если у него нет денег или он кому-то кажется неприятным. Все как бы отступает перед регулярно проявляющимися «томлениями страсти». Это-то нам понять довольно легко. А вот что нам понять весьма трудно: четыре пятых своей жизни жители планеты Гетен не являются сколько-нибудь сексуально ориентированными. Для занятий сексом вроде бы отведено немало места и времени — но как бы отдельно от всей остальной жизни. Общество планеты в своем повседневном функционировании и существовании представляется абсолютно бесполым.

Следует учесть: любой житель планеты Гетен может заниматься чем угодно, взяться за любое дело, владеть любой профессией. Это звучит очень понятно, однако психологические последствия подобной установки непредсказуемы. Например, тот факт, что любой гетенианец от семнадцати до тридцати пяти лет имеет полное право (по определению Нима) «связать себя беременностью». На самом деле беременность никого так уж особенно «не связывает» — во всяком случае, не в такой степени, как женщин из других миров: физиологически и психологически. Нагрузки

и привилегии делятся здесь достаточно равномерно; каждый может подвергнуться риску забеременеть или, наоборот, стать отцом. А потому никто здесь настолько и не свободен в этом отношении, как свободен не состоящий в браке мужчина где-либо в ином мире.

Следует учесть: ребенок полностью лишен психо-сексуальной связи со своими матерью и отцом. Мифа об Эдипе на планете Зима возникнуть не могло.

Следует учесть: при негативном отношении одного из партнеров к другому половой акт здесь невозможен, а потому здесь нет и насилия. У большей части млекопитающих — за исключением человека — сонтие также может происходить лишь при взаимном расположении; в любом другом случае оно невозможно. На планете Гетен существуют, разумеется, соблазнение и разврат, однако развратные действия в таком случае необходимо исключительно точно осуществлять в строго определенный день или даже час.

Следует учесть: здесь отсутствуют такие понятия, как «сильная» и «слабая» половина рода человеческого. Общество не делится на такие категории, как защитники-защищаемые; главенствующие-подчиняющиеся; хозяева-рабы; активные-пассивные. Именно поэтому дуалистическая направленность мышления обычного человека на планете Гетен, по всей вероятности, сильно ослаблена или полностью изменена.

Непременно следует учесть — и это должно войти в мои окончательные выводы, — что при встрече с гетенианцами нельзя и недопустимо вести себя как в обычном двуполом обществе, то есть не должно навязывать конкретному гетенианцу ни роли женщины, ни роли мужчины и строить свое поведение по отношению к нему в зависимости от собственных представлений о его половой принадлежности, а также от предполагаемых сексуальных мотивов его поведения в качестве вашего возможного партнера. Привычное нам поведение, выработанное определенной социосексуальной моделью, здесь совершенно недопустимо. В эту игру они играть просто не могут. Они не вос-

принимают друг друга как мужчин или женщин. С этим нашему разуму и воображению смириться практически невозможно. Каков наш первый вопрос, когда родится ребенок?

И все же не стоит воспринимать гетенианца как существо среднего рода. Это вовсе не так, ведь они отнюдь не бесплодны. Их скорее можно назвать «потенциалами» или «интегралами» — как больше нравится. Поскольку в языке Кархайда нет специального личного местоимения для обозначения человека в состоянии сомера, я вынуждена говорить «он» по той же самой причине, по которой мы употребляем местоимение «он» по отношению к невиданному божеству: понятие «бог», заменяемое местоимением «он», както менее определенно, менее специфично, чем местоимения женского или среднего рода — «она» или «оно». Однако уже само по себе употребление местоимения «он» приводит к тому, что я порой забываю: конкретный житель Кархайда, с которым я в данный момент общаюсь, вовсе не мужчина, а мужчиноженщина, бисексуал.

Первого Мобиля, если он будет сюда послан, необходимо предупредить заранее, что, при отсутствии чрезмерной самоуверенности и будучи человеком еще не старым, он непременно почувствует себя уязвленным, мужская гордость его будет страдать. В мужчине естественно желание, чтобы его мужественность оценивали по достоинству; женщине же хочется, чтобы ее женственностью любовались, какими бы косвенными и незаметными ни были проявления подобных оценок. На планете Зима ничего этого не будет. Каждого уважают и оценивают только в соответствии с его человеческими качествами. Это поразительный и ужасный опыт!

Но вернемся к моей теории. Рассматривая мотивы для проведения подобного эксперимента — если такой действительно состоялся — и пытаясь по возможности оправдать наших хайнских предков, снять с них вину за этот варварский поступок, за то, что они распорядились чужими жизнями как материалом для

научных изысканий, я составила кое-какие предположения относительно возможных — ожидаемых хайнцами — результатов эксперимента.

Сомер-кеммер приводит людей к деградации, возвращает их к эструсу, как это имеет место у низших млекопитающих, коз, оленей и т. п., а соответственно, и подчиняет жизни человеческих существ строго определенным циклам. Возможно, экспериментаторам хотелось выяснить, смогут ли люди, лишенные постоянной сексуальной потенции, сохранить свой разум и культуру.

С другой стороны, ограничение силы полового влечения и сведение его проявлений к непродолжительному отрезку времени, как и «выравнивание» половых различий у андрогинов, должны в значительной степени мешать эксплуатации этого влечения и проявления различных его нарушений. Несомненно, определенные сексуальные отклонения неизбежны, хотя общество планеты по мере сил стремится предотвратить их; однако, пока социальное единство представлено достаточно большой группой людей и пока несколько человек одновременно могут находиться в состоянии кеммера, вполне допустимы и разнообразные формы удовлетворения сексуальных желаний, хотя число вариантов и не становится недопустимым; половые аномалии кончаются обычно вместе с периодом кеммера. И прекрасно, ибо благодаря этому гетенианцы избавлены от серьезных душевных потрясений и потерь. Однако что остается этим людям в состоянии сомера? Стоит ли воспевать подобные преимущества? Чего может достигнуть общество бесполых существ?.. евнухов?.. Впрочем, они, разумеется, вовсе не евнухи и не бесполы; даже в период сомера их скорее можно сравнить с детьми в препубертатный период, предшествующий половому созреванию, когда половые реакции присутствуют, но они как бы стерты, латентны.

А вот другая моя догадка относительно целей этого гипотетического эксперимента: попытка исключить из жизни людей войну. Интересно, исходили ли древние

хайнцы из того постулата, что продолжительная сексуальная активность, как и организованная социальная агрессивность — которые совершенно не свойственны ни одному виду млекопитающих, за исключением человека, — являются причиной и следствием войн? Или они, подобно Тумасу Сонгу Анготу, считали воинственную агрессивность чисто мужской чертой, свидетельством активности именно этой половины человечества, некоей расширенной формой насилия, а потому, проводя данный эксперимент, стремились количественно уменьшить не только проявления излишней «мужественности», приводящие к насилию, но и избыточной «женственности», это насилие провоцирующие? Бог его знает. Но и в самом деле гетенианцы, хотя соперничество среди них развито достаточно сильно (что доказывает, в частности, существующая сложная система социальных иерархических отношений, способствующая различным видам борьбы за первенство, престиж и т. п.), похоже, в целом не слишком агрессивны; во всяком случае, у них никогда не происходило таких массовых столкновений, которые можно было бы назвать войной. Они довольно легко могут убить — одного, двоих, гораздо реже десятых, — но никогда не убивают людей сотнями или тысячами. Почему?

Возможно, в итоге выяснится, что подобное отсутствие агрессивности не имеет ничего общего с психологией андрогинов. В конце концов, население планеты Гетен не так уж велико. Существует также такой немаловажный фактор, как здешний климат. А климат на планете Зима настолько суров, настолько близок к предельно допустимому для существования человеческой жизни, что даже при всей редкостной способности гетенианцев к адаптации в условиях предельно низких температур они, возможно, тратят весь свой воинственный заряд на войну со стужей. Маргинальные народности, то есть существующие практически на пределе возможного, редко являются завоевателями. Таким образом, доминирующим фактором в жизни гетенианцев представляются не взаимоотношения

полов и не какие-либо иные проявления человеческой натуры, но, и прежде всего, окружающая среда, сам их ледяной мир. На этой планете у человека есть куда более жестокий враг, чем сам человек.

Я всего лишь женщина с мирной планеты Чиффевар и вовсе не являюсь специалистом в области различных форм насилия или войн. Кому-то другому, видимо, придется еще решать проблему агрессивности в применении к планете Гетен. Однако я совершенно не представляю, как кто-либо из людей смог бы находить удовлетворение в победах и воинских почестьях, пережив хотя бы один зимний период на планете Гетен, воочию увидев такого противника, как Великие Льды?

ВТОРОЙ ПУТЬ В ОРГОРЕЙН

Я провел это лето скорее в качестве Исследователя, чем Мобиля: мотался по всему Кархайду из конца в конец, из одного города в другой, из одного княжества в другое, наблюдал, слушал — то есть занимался тем, что Мобилю поначалу вообще недоступно, ибо он на незнакомой планете всеми воспринимается как некое чудо и чудовище одновременно и постоянно должен быть готов к тому, чтобы дать очередное представление, где единственным актером будет он сам. Я с удовольствием рассказывал всем, кто давал мне кров в этом сельском краю, в больших Очагах и отдельных деревнях, кто я такой; многие кое-что, хотя и очень мало, слышали обо мне по радио, но весьма смутно представляли, что именно я собой являю. Они были любознательны — одни больше, другие меньше. Очень немногие боялись меня лично или проявляли какую-то ксенофобию вообще. Врагом в Кархайде считается не чужеземец, а захватчик. Любой иностранец, откуда бы он ни явился, считается гостем. Врагом же чаще бывает ближайший сосед.

Весь месяц Кус я прожил в древнем фамильном Очаге Горинхеринг. Очаг — это своеобразное сочетание укрепленного замка, небольшого города и

деревенского поместья. Горинхеринг возвышался на холме над вечными туманами великого океана Годомина. В Очаге было около пятисот жителей, и, явись я на четыре тысячелетия раньше, предки их жили бы в том же самом месте, согласно тем же самым традициям, хотя за это время на планете Гетен были изобретены электродвигатель, радио, различные станки и механизмы, автомобили и сельскохозяйственная техника. Все это уже успело стать привычным, промышленная революция осуществлялась здесь размежено, без каких бы то ни было социальных бурь и потрясений. И за тридцать веков Гетен не достигла того, что на планете Земля свершилось за каких-то тридцать десятилетий. Но никогда Гетен не приходилось платить столь жестокую цену за свои достижения, как Земле.

Планета Зима — мир неприветливый, недружелюбный; за неадекватное поведение, неправильное отношение к себе он наказывает сразу и неизбежно — смертью от холода или голода. И никаких тебе пограничных состояний, никаких отсрочек. Отдельный человек еще может уповать на удачу, однако целое общество себе этого позволить не может; так что культурные сдвиги на Гетен очень редки, как редки и физиологические мутации, однако они порой дают неожиданные и значительные результаты. А потому гетенианцы продвигались по своему историческому пути очень медленно. Взяв за основу любую конкретную точку их истории, поспешный наблюдатель может сделать вывод о полном прекращении промышленного и социального развития на всей территории планеты. Однако ни то ни другое никогда не прекращалось. Сравните бурный поток и движение ледника: оба в итоге своей цели достигают.

Я много беседовал со стариками Горинхеринга и с детьми, которых мне впервые довелось наблюдать непосредственно, потому что в Эренранге все дети живут в закрытых частных или государственных Очагах, или так называемых Школах. Двадцать пять—тридцать процентов всего взрослого населения города постоянно заняты профессиональным воспитанием и

образованием детей. В Горинхеринге воспитанием детей занимались сами жители Очага, в основном старики; за это несли ответственность одновременно все, и никто в отдельности. А потому дети довольно-таки дикими ватагами слонялись по скрывающимся в тумане холмам и пляжам побережья. Когда мне удавалось приманить одну из таких группок и завести беседу, то дети оказывались одновременно застенчивыми и гордыми, но безгранично доверчивыми.

Сила родительского инстинкта столь же сильно варьируется здесь, на Гетен, как и во всей Вселенной. Никаких общих выводов на этот счет сделать нельзя. Я, например, ни разу не видел, чтобы житель Кархайда ударил ребенка. Или хотя бы сердито обругал его. Их доброта по отношению к детям поразила меня прежде всего своей искренностью, деятельным характером и почти полным отсутствием собственнических инстинктов. Последнее, пожалуй, больше всего отличает здешнее отношение к детям от того, что мы на Земле называем «материнским инстинктом». Я подозреваю, что на Гетен вряд ли возможно провести грань между «материнским» и «отцовским» инстинктами; здесь главенствует общий родительский инстинкт — желание прежде всего защитить, поддержать, — что абсолютно не связано с различием полов родителей...

В начале последнего летнего месяца, Хаканна, в Горинхеринге появились упорные слухи, основанные, впрочем, на официальных сообщениях из дворца, о том, что король Аргавен ожидает наследника. Причем не очередного сына от кого-то из своих кеммерингов — он уже был отцом семерых детей, — а собственного, родного сына, во плоти и крови, единственного королевского наследника-принца. Итак, король Аргавен решил сам родить ребенка.

Мне это показалось смешным, как и многим обитателям Горинхеринга — по разным, разумеется, причинам. Хозяева мои говорили, что король уже слишком стар, чтобы рожать детей, и по этому поводу много шутили, и, надо сказать, весьма непристойно. Старики

чесали языки целыми днями. Над Аргавеном они откровенно смеялись, однако сама его персона никого особенно не интересовала. «Кархайд — это не государство, а толпа вздорных родственников», — так когда-то сказал Эстравен, и эти слова — как и многое другое из сказанного им — все чаще приходили мне на ум, поскольку я все больше узнавал об этой стране. То, что казалось единым государством, существовавшим уже многие века, на самом деле представляло собой мешанину из практически неуправляемых княжеств-принципалий, самостоятельных городов и отдельных деревень, «псевдофеодальных племенных экономических единиц» — расползающийся во все стороны союз соперничающих между собой, а порой и враждебных друг другу людей и правителей, которыми весьма неуверенно и непоследовательно пытался править монарх. По-моему, ничто и никогда не сможет сделать Кархайд единой нацией. Даже быстрое распространение различных скоростных коммуникационных и транспортных средств, которое, казалось бы, практически неизбежно должно было бы привести к национальному объединению, ни к чему такому не привело. Экумена не могла обращаться к жителям Кархайда как к единой нации, обществу, государству, способному на некую тотальную мобилизацию; скопее имело бы смысл взывать к их достаточно сильно-му, хотя и недоразвитому, чувству чисто человеческой общности. Меня очень тревожили эти мысли. Я тогда, разумеется, заблуждался; однако эти новые сведения о гетенианцах сослужили мне впоследствии хорошую службу.

Поскольку я не собирался весь год провести в Старом Кархайде, мне необходимо было вернуться к Западному Перевалу до того, как Каргав станет недоступным. Даже здесь, на побережье, уже два раза за этот месяц выпадал снег, хотя лето еще не кончилось. Без особой охоты покинул я эти места и прибыл в Эренранг в самом начале месяца Гор, первого месяца осени. Аргавен уединился в своем летнем дворце Уорривер, назначив на время своего отсутствия Регентом

Пеммера Харге рем ир Тайба. Тайб от души наслаждался предоставленной ему властью. Уже в первые два часа после прибытия в столицу я начал ощущать не только слабые места в собственных выводах относительно Кархайда — выводы эти к тому же весьма устарели, — но и определенный дискомфорт, пожалуй, даже опасность, грозящую мне в Эренранге.

Аргавен явно был не в своем уме; его собственная злобная непоследовательность отравила темной желчью настроение жителей всей столицы. Король Кархайда был буквально пропитан страхом. Все хорошее за годы его правления осуществлялось лишь благодаря министрам и членам киорремии. Впрочем, и осо-бого зла от Аргавена не было тоже. Его неустанный борьба с собственными ночных кошмарами не оказала на королевство разрушительного воздействия. Зато кузен короля, Тайб, принадлежал к иной породе людей: его безумие основывалось на четких логических построениях. Тайб отлично понимал, когда и как нужно действовать в своих интересах. Единственное, чего он не знал, — это когда нужно остановиться.

Тайб довольно много выступал по радио. Эстравен, будучи премьер-министром, никогда так не вел себя, и вообще показуха кархайдцам несвойственна: правительство — это не балаган с актеришками; правители предпочитают действовать скрытно, отнюдь не напрямую. Тайб, однако, продолжал ораторствовать. Снова услышав его голос по радио, я вспомнил длинные, обнаженные в улыбке зубы и лицо, покрытое паутиной морщин. Речи Тайба были громогласны, длинны и напыщены: хвалы в адрес Кархайда, хулы в адрес Оргорейна, разоблачение «подрывающих государственную целостность фракций», демагогические разглагольствования относительно «нерушимости границ королевства», целые лекции по истории, этике и экономике — и все почти на грани истерики, так что от чрезмерной злобы или восторга голос его порой срывался на визг. Он много говорил о гордости за свою страну, об «истинном патриотизме», но маловато о шифгреторе ее граждан, о собственном достоинстве

или личном авторитете каждого. Не слишком ли велики оказались потери со стороны Кархайда из-за конфликта в долине Синотх, что тему шифгретора и авторитета старались не затрагивать вообще? Видимо, все же это было не так, ибо долину Синотх Тайб упоминал довольно часто. Однако о шифгреторе он явно избегал говорить, и я был почти уверен, что он стремится разбудить эмоции более низкого, примитивного, почти неконтролируемого уровня психики. Он хотел вызвать к жизни то, что постоянно подавлялось правилами поведения, соответствующими понятию шифгретора, как бы сублимирующего до безопасного уровня низменные чувства и желания. Он хотел, чтобы слушающие его речи жители Кархайда испытывали одновременно гнев и злобу. А потому основными темами его выступлений были отнюдь не гордость или любовь, хотя эти слова употреблялись им без конца; однако в том контексте, в котором их употреблял он, значили они лишь самовосхваление и ненависть к другим. Он также немало разных слов говорил об Истине, ибо, как он выражался, «копал куда глубже поверхностного налета цивилизации». Это была его излюбленная и, казалось бы, довольно благовидная метафора — насчет «налета цивилизации». Или «облицовки», «штукатурки», «обновления старых стен» и тому подобного, то есть всего того, что скрывает более благородную и древнюю основу. За подобной метафорой может с успехом спрятаться по крайней мере дюжина софизмов. Один из наиболее опасных — признание того, что цивилизация, будучи искусственно созданной, противоречит природе, то есть является нарушением естественности бытия... Разумеется, цивилизация — это никакой не «налет», и примитивная первобытная («естественная») культура и культура цивилизованного общества — лишь ступени общего процесса развития человечества. Если цивилизации и можно что-то противопоставить, так это войну. Так что либо то, либо другое. Но не то и другое вместе. Мне казалось, когда я слушал надоедливые истеричные речи Тайба, что он стремится, насаждая страх и

яростно убеждая в существовании врага, заставить свой народ как-то изменить выбор, сделанный еще до того, как началась его официальная история, — выбор как раз между этими противоположностями: цивилизацией и войной.

Возможно, для этого как раз пришло время. Медленно, как осуществлялся и весь их материально-технический прогресс, мало-помалу, невысоко ценя «прогресс» как таковой, гетенианцы в итоге — в последние пять, десять или пятнадцать веков — все-таки немногого обогнали Природу. Они уже вышли из абсолютной зависимости от своего безжалостного климата; и плохой урожай в отдельной провинции уже не мог привести к голодной смерти; даже особенно холодная и снежная зима не приводила города к изоляции. На основе определенной материальной стабильности Оргорейн постепенно превратился в единое и все более централизующееся государство. Теперь Кархайд тоже должен был «собраться с силами» и совершить аналогичный шаг. Однако Тайб считал, что всякое там развитие самосознания и собственного достоинства, у становление торговых отношений с другими государствами, строительство дорог, ферм, учебных заведений и так далее — все это лишь проклятый «налет цивилизации», который необходимо уничтожить. Перед ним была конкретная и ясная цель, и он шел к ней по самому короткому и проверенному пути. Чтобы превратить народ Кархайда в граждан единого государства, в единую нацию, он избрал путь войны. Его идеи, разумеется, были недостаточно четко сформулированы, однако звучали весьма убедительно. Второй способ столь же быстрого создания единой нации или всеобщей мобилизации людей — это насаждение в государстве новой религии; однако таковой под рукой не оказалось, и Тайб предпочел путь милитаризации.

Я послал Регенту Тайбу записку, в которой изложил суть вопроса, заданного мною Предсказателям, и ответ, который получил от них. Тайб мне не ответил.

Тогда я отправился в посольство Орготы и испросил разрешения на въезд в государство Оргорейн.

У Стабилей всей хайнской Экумены куда меньше помощников, чем чиновников в одном лишь этом посольстве относительно небольшой страны; все они путаются в бесконечных магнитофонных записях, различных досье, очень медлительны и дотошны. Никаких «кое-как», никаких ошибок, никаких подтасовок, столь характерных для официальных лиц Кархайда. Я терпеливо ждал, пока в посольстве закончат возню с оформлением моих документов.

Ожидание, однако, становилось довольно неприятным. Количество королевских гвардейцев и муниципальной полиции на улицах Эренранга увеличивалось, похоже, с каждым днем; все стражники были вооружены до зубов, у них даже начинало вырисовываться некое подобие военной формы. Настроение в городе царило мрачное, хотя торговые и прочие сделки совершались довольно успешно, благосостояние в целом росло и погода была ясной. Меня сторонились уже почти все, даже моя «квартирная хозяйка». Этот толстяк больше не показывал желающим мою комнату и частенько жаловался на травлю со стороны «людей из дворца», а потом начал обращаться со мной не как с уважаемым гостем и Посланником с другой планеты, а скорее как с политическим преступником. Тайб произнес еще одну речь по случаю очередного столкновения в долине Синотх: оказывается, «отважные кархайдские фермеры, истинные патриоты» совершили налет в районе южной границы, близ Сассинотха, на орготскую деревню, сожгли ее, убили девять мирных жителей, а тела их отволокли к границе и бросили в реку Эй; «такую могилу, — вешал Регент, — обретут все враги нашего государства!» Я слушал эту передачу в столовой нашего Острова. Мои соседи выглядели по-разному: кто мрачным, кто равнодушным, а кто и довольным; однако во всех лицах сквозило нечто общее — их словно искажал какой-то легкий тик или чуть заметная гримаска. И взгляд у всех был одинаково беспокойным.

Вечером ко мне в комнату постучался и вошел незнакомый мне человек, первый мой гость с тех пор, как я вернулся в Эренранг. Он двигался легко, у него была нежная кожа, застенчивые манеры, а на груди висела золотая цепь Предсказателя, одного из Целомудренных.

— Я друг одного из тех, кто дружил с вами, — представился он с прямотой застенчивого человека. — Я пришел просить вас о милости — ради него.

— Вы имеете в виду Фейкса?..

— Нет. Эстравена.

Должно быть, выражение участия и готовности помочь на моем лице сменилось чем-то совсем иным; возникла небольшая пауза, потом незнакомец пояснил:

— Эстравена-предателя. Разве вы его не помните?

Застенчивости как не бывало. Теперь в его голосе звучал гнев. Он явно готов был поставить на кон свою честь — предъявить мне свой шифгретор, как здесь говорят. Если бы я хотел ответить ему тем же, то есть практически согласился бы на дуэль, то мне нужно было бы ответить как-нибудь так: «Нет, я не припоминаю его; а скажите, что он собой представляет?» Но играть в эти игры мне вовсе не хотелось: я уже к этому времени достаточно часто сталкивался с вулканическими вспышками кархайдского темперамента. Я неодобрительно посмотрел прямо в гневное лицо незнакомца и сказал:

— Конечно, я его помню.

— Однако дружеских чувств к нему не испытываете. — Его темные, с чуть опущенными вниз уголками глаза смотрели прямо на меня с живым интересом.

— Скорее благодарность и разочарование. Это он послал вас ко мне?

— Он не посыпал.

Я подождал, пока он объяснит. Он сказал:

— Извините меня. Мои выводы были слишком спешны; теперь я пожинаю плоды собственной торопливости и домыслов.

Я едва успел остановить этого надменного гордеца, ибо он тут же направился к двери.

— Пожалуйста, послушайте: я ведь не знаю, кто вы и что вам угодно. Я же не отказал вам, я просто совсем ничего не понимаю, а потому и не выразил сразу согласия помочь. Вы ведь не откажете мне в праве на определенную осторожность? Эстравена сослали за то, что он поддерживал мою деятельность здесь...

— А вы не считаете, что, хотя бы отчасти, в долгу перед ним?

— Ну, отчасти, пожалуй, да. Хотя то, с чем связана моя миссия здесь, выше всех личных долгов и привязанностей.

— Если это так, — сказал незнакомец с яростной убежденностью, — то ваша миссия аморальна.

Это остановило меня. Он говорил как защитник экуменических представлений, и мне крыть было нечего.

— Не думаю, что это так, — ответил я наконец. — В недостатках ее осуществления виновен в данном случае тот, кто ее осуществляет. Во всяком случае, сама идея не виновата ни в чем. Но прошу вас, скажите, что именно от меня требуется.

— У меня есть некая денежная сумма — проценты, долги и тому подобное, — которую мне удалось сбратить. Это остатки состояния моего друга. Услышав, что вы вскоре собираетесь посетить Оргорейн, я решил попросить вас передать ему эти деньги, если, разумеется, вы найдете его. Как вам известно, за контакт с преступником полагается кара. Кроме того, риск может оказаться и бессмысленным, ибо он может находиться как в Мишнори, так и на одной из их проклятых Ферм; а может быть, просто умер. Я не имею возможности выяснить это. Друзей в Оргорейне у меня нет. И здесь тоже нет никого, к кому я мог бы обратиться с подобной просьбой. Я подумал о вас, потому что вы стоите как бы надо всей этой политической и свободны в передвижении по стране. Но я совсем не подумал о том, что и у вас могут быть свои

собственные политические соображения. Прошу прощения за собственную глупость.

— Хорошо, я возьму эти деньги. Но если он умер или его невозможно будет отыскать, кому мне следует их возвратить?

Он уставился на меня. Выражение его лица беспрестанно менялось: он переживал жестокую душевную борьбу. Потом судорожно вздохнул или скорее всхлипнул. У жителей Кархайда в большинстве случаев слезы весьма близко, и они стыдятся их не больше, чем мы смеха. Наконец он проговорил:

— Благодарю вас. Мое имя Форет. Я живу в Цитадели Орны.

— Вы из семьи Эстравена?

— Нет. Я его кеммеринг, Форет рем ир Осбот.

У Эстравена за время нашего знакомства, насколько мне известно, никакого кеммеринга не было; но в отношении этого человека в душе моей не возникло ни малейших сомнений. Он, возможно, поступал неразумно или невольно служил чьим-то корыстным целям, однако его собственные побуждения были чисты и искренни. И он только что преподал мне урок: я понял, что вызов чести в Кархайде может быть сделан в том числе и на уровне этики и победит в этом поединке сильнейший. Ведь он загнал меня в угол буквально с первых двух ходов.

Деньги у него были с собой, и он передал их мне — солидную сумму в банкнотах Королевской Купеческой Гильдии Кархайда, так что никто в случае чего ни в чем не смог бы меня уличить, как, впрочем, и помешать мне просто истратить эти деньги.

— Если вы отыщете его... — Форет запнулся.

— Что-нибудь передать на словах?

— Нет, ничего. Только если бы я знал...

— Если я действительно его найду, то попытаюсь подробно сообщить вам о нем.

— Спасибо, — сказал он и протянул мне обе свои руки — в Кархайде этот жест выражает особое дружеское расположение, так что пользуются им нечасто. — Я желаю вам успеха в выполнении вашей миссии,

господин Аи. Он... Эстравен... он верил, что вы прибыли сюда, чтобы творить добро, я знаю. Он очень, очень верил в это.

Эстравен был для него целью и смыслом жизни. Форет был из тех проклятых, кому на роду написано вечно оставаться однолюбом. Я снова сказал:

— Может быть, вы все-таки хотели бы что-то передать ему еще?

— Передайте ему, что дети здоровы, — сказал он, потом поколебался, тихо прибавил: — Нусутх, неважно все это, — и ушел.

Через два дня я покинул Эренранг и отправился, на этот раз пешком, к северо-западной границе Кархайда. Разрешение на въезд в Оргорейн пришло гораздо скорее, чем можно было ожидать, судя по поведению чиновников посольства; они и сами явно этого не ожидали, так что, когда я явился забирать документы, они были со мной ядовито-вежливы, понимая, что ради моей персоны чьим-то высшим указом нарушены все требования и правила протокола. Поскольку в Кархайде вообще никаких особых правил для отезжающих из страны не существовало, я тут же двинулся в путь. За это лето я убедился, насколько приятно путешествовать пешком по такой стране, как Кархайд. Там великое множество дорог и гостиниц — как для пеших путешественников, так и для пассажиров и водителей транспортных средств. Кроме того, практически всегда можно рассчитывать на кархайдские законы гостеприимства. Горожане, крестьяне, простые фермеры или князья всегда предоставляют путешественнику пищу и кров по этим неписанным правилам по крайней мере на три дня, а на самом деле куда дольше. Но самое лучшее то, что всюду тебя принимают доброжелательно и спокойно, словно долгожданного гостя.

Я не спеша брел по удивительно красивой холмистой долине, расположенной между реками Сесс и Эй, порой отрабатывая свой ночлег на огромных княжеских полях. Шла жатва; урожай спешно убирали в амбары и хранилища, так что каждые рабочие руки,

каждый серп или уборочный комбайн были на счету: необходимо было спасти это море золотистого зерна от приближающейся непогоды. Первая неделя моего пешего странствия была наполнена золотом пшеницы; стояли чудесные теплые дни, и по вечерам, прежде чем улечься спать, я обычно выходил на короткую прогулку по скощенным полям, покинув нейзяко освещенный уединенный домик фермера или сияющую огнями гостиную княжеского поместья, и смотрел на звезды, огни которых в темном ветреном осеннем небе казались огнями далеких городов.

Мне, пожалуй, даже расхотелось покидать эту страну, которая хоть и проявила ко мне, посланцу другого мира, полное безразличие, но ко всем обыкновенным путникам и чужестранцам была очень нежна и гостеприимна. Да и страшновато было начинать все сначала: снова рассказывать о себе на новом языке, снова объяснять цели своей миссии новым слушателям и, возможно, снова потерпеть неудачу. Я забрел чуть севернее, чем нужно, оправдывая изменения в своем маршруте желанием увидеть долину Синотх — предмет давнишнего спора между Кархайдом и Оргорейном. Хотя погода стояла ясная, становилось все холоднее, и в конце концов я все-таки повернул к западу раньше, чем успел добраться до Сассинотха, вспомнив, что там, на границе, как раз построена эта пресловутая стена, через которую могут и не пропустить. Пришлось сделать небольшой крюк к югу и несколько километров пройти по берегу пограничной реки Эй, чтобы добраться до моста, который соединял две маленькие деревушки — Пасерер на кархайдской стороне и Сиувенсин на оргорейнской. Деревушки сонно смотрели друг на друга над бурными водами шумной реки Эй.

Стражник на кархайдской стороне спросил меня только, не собираюсь ли я возвращаться сегодня вечером, и махнул мне на прощанье рукой. Зато на стороне Оргорейна немедленно явился Инспектор, который никак не менее часа исследовал мое удостоверение личности и прочие документы. Паспорт он оставил

у себя, сказав, что я должен явиться за ним завтра утром; вместо паспорта он выдал мне временное разрешение на проживание в специальном Доме для приезжих Комменсалии Сиувенсина. Еще час я провел в кабинете управляющего Домом для приезжих, пока тот читал мои бумаги, а также выданное мне удостоверение и звонил Инспектору пограничного пункта, от которого я только что к нему прибыл.

Не могу точно поручиться, что орготское слово означает именно «комменсалов» или «комменсалию» и корнями своими уходит в понятие «сотрапезники». Слово это используется при обозначении всех национально-государственных институтов Оргорейна, начиная от названия самого государства и его федеральных компонентов до более мелких единиц административно-территориального деления: городов, общественных ферм, шахт, фабрик и так далее. В качестве прилагательного это понятие употребляется во всех перечисленных выше названиях и понятиях; слово «Комменсалы» обычно применяется к главам тридцати трех федераций, или Округов, составляющих правительство Оргорейна, его исполнительный и законодательный органы; однако слово «комменсал» может также означать и просто «житель Великой Комменсалии Оргорейн». Таким образом, все население страны — ее комменсалы. Именно в отсутствии различий между общим и специальным значениями этого слова, в использовании его как для обозначения целого, так и части, как правящей верхушки, так и отдельных граждан государства, в этой его неопределенности и кроется самая суть этого понятия.

В конце концов адекватность моих документов, как и моей личности, была подтверждена, и в Часу Четвертом я наконец — впервые с раннего утра — поел; мне была подана каша из местной пшеницы и ломтики холодного хлебного яблока. При всем невероятном количестве чиновников Сиувенсин оказался маленькой простенькой деревушкой, погруженной в глубокую сельскую дремоту. Дом для приезжих вряд ли соответствовал своему многообещающему названию.

В его столовой помещался всего один стол и пять стульев, даже камина там не было, а еду приносили из деревенской харчевни. Вторая из имеющихся в Доме для приезжих комната была отведена под спальню: шесть кроватей, толстый слой пыли, плесень на стенах. Комната оказалась в полном моем распоряжении. По всей видимости, все в Сиувенсинге сразу же после ужина ложились спать, так что я тоже улегся и уснул, слушая ту оглушительную сельскую тишину, от которой с непривычки звенит в ушах. Проспал я примерно час и проснулся от сдавившего сердце кошмара: в моем сне рвались снаряды, захватчики топтали чужие земли, кого-то без конца убивали, горели дома и стога в полях...

Сон был ужасен; в какой-то момент мне приснилось, что я бегу вниз по какой-то темной улице в толпе странных безликих существ, а дома у меня за спиной взлетают в воздух, и языки пламени пляшут, пожирая обломки, а дети кричат и плачут от страха.

...Кончилось все это тем, что я среди ночи вышел подышать свежим воздухом прямо в чем был и оказался посреди покрытого сухим жнивьем поля. Передо мной чернела какая-то ограда. Половинка луны дурацкого рыжего цвета и несколько звезд выглядывали из-под низко, над самой головой, несущихся облаков. Ветер был пронизывающе ледяным. Рядом со мной возвышался какой-то большой амбар, наверное зернохранилище, а чуть подальше я увидел разлетающиеся на ветру снопы искр.

Я был без теплых штанов и босиком, в одной лишь рубахе, без хайэба (или куртки), однако свой неизменный дорожный тючок я прихватил с собой: там была не только одежда, но и оставшиеся рубины, деньги, документы, мои записи и ансибль. Тючок этот я использовал как подушку во время своего путешествия. По всей вероятности, я и во сне цеплялся за него. Я вытащил оттуда башмаки, штаны, подбитый мехом зимний хайэб и оделся прямо среди холодной темной тишины деревенского поля. Огоньки Сиувенсина мерцали где-то в километре у меня за спиной. Потом я

потихоньку побрел в поисках дороги и скоро вышел на нее. По дороге шли люди. Все они, похоже, были беженцы, как, впрочем, и я, но они по крайней мере знали, куда идут. Я пошел за ними, поскольку не знал, куда мне податься. От Сиувенсина стоило явно держаться подальше: я догадался, что на него напали ночью бандиты из кархайдского селения Пасерер с другого берега реки Эй.

Бандиты подожгли несколько домов и быстро убрались; сражения никакого не было. Вдруг на бредущих по дороге людей упал яркий свет от зажженных фар, и, скорчившись у обочины, мы увидели штук двадцать грузовиков, на полной скорости мчащихся к Сиувенсину. Раз двадцать вспыхнули и пропали фары, прошипели шины, и мы снова оказались в тишине и темноте.

Вскоре мы добрались до фермы, где нас остановили и допросили. Я попытался пристроиться к той группе людей, с которой шел по дороге, но мне не повезло; им, впрочем, тоже не повезло, за исключением тех, кто прихватил с собой документы. Люди без документов — а я к тому же еще и иностранец без паспорта! — были отрезаны от общего стада и на ночь помечены в склад — просторный каменный полуподвал без окон, с единственной дверью, которая запиралась снаружи. То и дело дверь отпирали и вводили очередного беженца в сопровождении местного полицейского, вооруженного акустическим ружьем. При закрытой двери внутри было совершенно темно — ни малейшего лучика света. В столь непроглядной тьме перед глазами обычно начинают вспыхивать снопы искр и плавать огненные круги. Воздух был холодный и густо пропитанный запахом пыли и зерна. Ни у кого даже фонарика с собой не было; всех этих людей среди ночи вышвырнули из собственных постелей; двое из них оказались совершенно голыми, по дороге люди дали им какие-то одеяла, чтобы прикрыть наготу. Своего у них не было ничего. Но самое ценное из их имущества, оставшегося неизвестно где, — это, разу-

меется, документы. В Оргорейне лучше остаться со- всем голым, чем лишиться документов.

Все сидели порознь в обширном, пыльном, слепяще темном помещении. Порой кто-то шептал два-три слова ближайшему соседу, и снова все смолкало. В этой оргорейнской темнице не было и намека на то чувство солидарности, которое бывает обычно у всех заключенных. Никто ни разу не пожаловался.

Слева от себя я услышал шепот:

— Я видел его на улице, возле моей двери. Ему оторвало голову.

— Да, они пользуются старинными винтовками, что стреляют кусочками свинца. Как бандиты!

— Тиена говорит, что они не из самого Пасерера, а из княжества Оворт и что их привезли к реке на вездеходе.

— Но ведь между Овортом и Сиувенсином нет вражды...

Они ничего не понимали; они ни на что не жаловались. Они не протестовали, когда соотечественники заперли их в подвале после того, как их дома были сожжены, а их самих выстрелы бандитов погнали прочь. Они даже не пытались понять причину произошедшего. Вскоре тихий говор — отдельные редкие фразы на гнусавом языке Орготы, по сравнению с которым кархайдские слова звучали как камешки, падающие в пустой котел, — совсем умолк. Люди уснули в темноте и тишине. Какой-то ребенок немножко поскулил, и ему отвечало гулкое подвальное эхо.

Вдруг дверь широко распахнулась, и за ней оказалася ясный день; солнечные лучи ножами ударили мне в глаза, яркие, пугающие. Я, спотыкаясь, вышел наружу и машинально следовал за остальными, пока не услышал собственное имя. Я не сразу узнал его, хотя бы потому, что в Оргорейне звук «л» произносят. Кто-то повторял его снова и снова; наверное, с тех пор, как открыли дверь.

— Пожалуйста, пройдите сюда, господин Аи, — торопливо проговорил некто в красном, и я сразу

перестал быть жалким беженцем. Меня отсекли от тех безымянных, вместе с которыми я брел в поисках спасения по темной дороге, вместе с которыми, утратив документы и перестав, таким образом, быть личностью, я всю ночь просидел в темном подвале. Теперь я вновь обрел свое имя, меня узнали и признали человеком, я снова существовал как личность. Что ж, существенное облегчение. Я с радостью последовал за незнакомым мне человеком.

Служащие местного Управления Фермами Комменсалии были возбуждены и расстроены; они всячески старались проявить заботу и даже извинились за неудобства, причиненные прошлой ночью. «Ах, напрасно, напрасно вчера вы решили заночевать в Сиувенсине! — все сокрущался какой-то толстый Инспектор. — Ах, если бы вы сразу прибыли в Оргорейн, как все!» Они не понимали, кто я такой и почему мне следует оказывать особое внимание; их неосведомленность на этот счет была совершенно очевидной, однако и это мне было безразлично. Господина зовут Дженили Аи, он — Посланник, с ним следует обращаться с должным почтением. Что они и делали. Так что к полудню я уже ехал в автомобиле по дороге в Мишнори; автомобиль был предоставлен в мое распоряжение Управлением Фермами Комменсалии Восточного Хомсвашома, восьмой Округ. Я получил новый паспорт и бесплатный пропуск во все Дома для приезжих, находящиеся на пути моего следования, а также переданное по телеграфу приглашение прибыть в резиденцию Комиссара путей сообщения и портов первого Округа Комменсалии господина Утха Шусгиса.

Радиоприемник в моем маленьком автомобиле включался вместе с двигателем и работал непрерывно, так что весь день, пока я ехал через бескрайние, богатые ручьями и засаженные пшеницей поля Восточного Оргорейна (ограды там отсутствуют, поскольку нет никаких стадных животных), радио не умолкало. Меня проинформировали о погоде, об урожае, о состоянии дорог; меня предупредили, чтобы я осторожнее вел машину; мне передали самые разнообразные

новости изо всех тридцати трех Округов, данные о производительности труда на самых различных предприятиях и грузообороте морских и речных портов; потом я прослушал несколько монотонных гимнов Йомеш, потом снова сводку погоды. Все это было очень мило — во всяком случае, после бесконечных громогласных заявлений, которых я вдоволь наслушался в Эренранге. Не последовало ни единого упоминания о налете на Сиувенсин: правительство Орготы явно не было намерено разжигать страсти. В сводках новостей, которые передавались весьма часто, говорилось лишь, что в районе восточной границы по-прежнему поддерживается и будет поддерживаться порядок. Мне это понравилось: информация не содержала никаких провокационных намеков и носила спокойный, уверенный характер. Качество, которое я всегда особенно ценил в гетенианцах, — это уверенность; порядок поддерживается — и точка... Теперь я был рад, что уехал из Кархайда с его непредсказуемой политикой, стремящегося к развязыванию войны и руководимого беременным королем-параноиком и эгоистичным маньяком Регентом. Мне радостно было ехать вот так, неторопливо, с усыпляющей скоростью сорок километров в час через обширные, разделенные прямыми межами поля, сплошь засеянные пшеницей, под ровным серым небом, по направлению к столице Оргорейна, правительство которого верило в Порядок.

На дороге часто встречались полицейские патрули (в отличие от Кархайда, где вечно надо было спрашивать дорогу у прохожих или ехать наугад), которые предупреждали меня, что машину остановят на таком-то инспекционном пункте, принадлежащем тому-то Округу Комменсалии; на этих пунктах необходимо было предъявить Инспектору свое удостоверение личности и зарегистрироваться в специальном журнале. Мои документы каждый раз вызывали уважение: мне приветливо махали рукой на прощанье после самой минимальной задержки и вдобавок вежливо сообщали, как далеко до ближайшего Дома для

приезжих, где, если мне будет угодно, я смогу поесть или переночевать. При скорости сорок километров в час поездка от Северного Перевала до Мишнори мероприятие довольно серьезное, так что ночевать в пути мне пришлось дважды. Еда в Домах для приезжих была невкусной, но обильной; ночлег вполне пристойный. Даже отсутствие отдельной комнаты в какой-то степени компенсировалось молчаливостью и сдержанностью моих гостиничных соседей. У меня ни разу не возникло ни одного дорожного знакомства или хотя бы краткого разговора во время этих остановок, хотя лично я несколько раз такие попытки предпринимал. Жители Орготы не похожи на людей недружелюбных, скорее они просто нелюбопытны: в целом они какие-то бесцветные, очень спокойные и покорные. Мне они нравились. Я уже прожил два года в холодном климате среди слишком горячих и холерически страстных кархайдцев. И теперешняя перемена была мне приятна.

Следуя вдоль восточного берега великой реки Кундерер, я на третье утро добрался наконец до Мишнори, столицы и самого крупного города Оргорейна.

Когда в редкие перерывы между проливными осенними дождями выглядело солнце, город этот выглядел весьма забавно: он казался состоящим сплошь из глухих каменных стен, в которых лишь кое-где на очень большой высоте были прорублены узкие окошки; широкие улицы были заполнены народом, но люди среди этих домов выглядели карликами; уличные фонари зажигались на невероятно высоких столбах; крыши домов вздымались ввысь, точно руки молящегося гиганта, а козырьки над дверями, торчавшие из стен на высоте метров шести от земли, казались чем-то вроде нелепых книжных полок. На редкость уродливый, какой-то гротескный город представлял передо мной в лучах солнца. Однако он был построен не для этих теплых и солнечных дней. Он был построен для зимы. Зимой вам тут же стала бы ясна и разумность его архитектуры, и экономичность, и своеобразная красота: когда улицы эти на три метра поднялись бы

вверх, вымощенные толстенным, плотным слоем снега, а крутые крыши высились бы над этими улицами изящными черными зигзагами — крутизна не позволяет снегу и льду скапливаться на них, — а под навесами у дверей стояли бы сани, а узкие окна-щели светились бы теплым желтым светом сквозь метель и пургу.

Мишнори был чище, больше и светлее, чем Эренранг, а кроме того, выглядел более открытым и импозантным. В нем преобладали дома из желтовато-белого камня, простой, но величественной архитектуры; застройка велась в соответствии со строгим планом; в большей части этих зданий размещались различные правительственные учреждения и службы Комменсалии, а также многочисленные храмы культа Йомеш, основной религии государства. Здесь не ощущалось веяния тайных слухов и давления чьей-то «высочайшей» вывихнутой психики; не ощущалось и постоянного присутствия чьей-то огромной и мрачной тени, как в Эренранге. Здесь все было просто, величаво и аккуратно. Я чувствовал себя так, словно вырвался из мрачной тьмы давно минувших веков, и жалел, что зря проторчал целых два года в Кархайде. Наконец-то я попал в страну, которая, с моей точки зрения, готова была вступить в экуменическую эру.

Я немного покатался по городу, потом вернул автомобиль в Региональное бюро и пешком направился в резиденцию Комиссара путей сообщения и портов первого Округа Комменсалии. Я так и не смог до конца взять в толк, было ли его приглашение просьбой или вежливым приказом. *Нусутх*. Я прибыл в Оргрейн, чтобы говорить от лица Экумены, и с тем же успехом могу начать выполнять свою миссию здесь, как и в любом другом месте.

Мои первые впечатления о жителях Орготы как людях флегматичных и сдержаных были поколеблены Комиссаром Шусгисом, который с улыбкой и радостными криками бросился мне навстречу, схватил обе моих руки — тем жестом, который кархайдцы приберегают для выражения наиболее сильных интимных

своих чувств, — и, энергично встряхивая их, словно пытаясь выбить искру в моем внутреннем двигателе, проревел приветствия в адрес «посла Экумены, Лиги Всех Миров, на планете Гетеи».

Это был настоящий сюрприз. Ибо ни один из двенадцати или четырнадцати чиновников (Инспекторов!), изучавших мои документы, не выказал ни малейшей осведомленности относительно того, что означают мое имя, мой статус Посланника Экумены или само понятие Экумены; каждому жителю Кархайда все это было, по крайней мере приблизительно, известно. Я уж было решил, что Кархайд постарался не допустить, чтобы хоть малейшее радиосообщение обо мне просочилось в Орготу, окружив мою персону строжайшей государственной тайной.

— Не Посол, господин Шусгис. Всего лишь Посланник.

— Ну, значит, будущий Посол. Ну разумеется, Посол, клянусь Меше! — Шусгис, плотный, сияющий радостной улыбкой, осмотрел меня с головы до ног и снова засмеялся. — Вы вовсе не такой, как я ожидал, господин Аи! Просто ничего похожего! По слухам, вы должны были быть высоким, как уличный фонарь, тощим, как санный полоз, совершенно черным и к тому же косоглазым — одним словом, ледяное чудовище, страх! Так ведь ничего подобного! Только вы чуть темнее, чем большинство из нас.

— Для Земли это нормально, — сказал я.

— Неужели вы оказались в Сиувенсине именно в ту ночь, когда эти бандиты совершили свой налет? Клянусь грудями Меше! Ах, в каком ужасном мире мы живем! Ведь вас могли бы застрелить, еще когда вы только шли по мосту через реку Эй, — и это после всего вашего долгого пути в Оргорейн! Ну хорошо! Хорошо! Вы все-таки здесь в конце концов. И множество людей жаждет вас видеть и слышать, и все рады приветствовать вас в Оргорейне!

Он тут же устроил меня в собственном доме, не принимая никаких возражений. Всего лишь чинов-

ник высокого ранга, хоть и очень богатый человек, Шусгис жил так, как в Кархайде не жил никто, даже знатнейшие князья. Его дом представлял собой целый Остров, где проживало не менее сотни работников — его прислуга, клерки, технические советники и так далее; зато не было никого из родственников или членов клана. Система расширенных феодальных семей, всех этих Очагов и княжеств, хотя и достаточно еще различимая в структуре Комменсалии, была в Оргорейне «национализирована» уже несколько веков назад. Все дети старше одного года жили здесь отдельно от родителей и воспитывались в специальных Очагах Комменсалии. Никакого иерархического деления по степени знатности здесь не было. Частные завещания законными не считались: умирая, человек оставлял все свое имущество государству. Все одинаково начинали с нуля. Однако позже, что совершенно естественно, возникали должностные и имущественные различия. Шусгис был богат и со своими богатствами обращался весьма вольно. В моих апартаментах были такие предметы роскоши, о существовании которых на планете Зима я и не подозревал: например душ. А также электрокамин — в дополнение к прекрасному настоящему камину. Шусгис только смеялся:

— Мне было сказано: Посланника нужно держать в тепле; он прибыл из мира жаркого, как печка, ему трудно переносить наши холода. Обращайся с ним так, как с человеком, ждущим ребенка; постель его накрой меховыми одеялами, а в комнату дополнительно поставь электрокамин; подогревай ему воду для умывания, а окна держи закрытыми! Ну как, все хорошо? Удобно вам тут будет? Пожалуйста, скажите непременно, если вам что-нибудь еще понадобится.

Удобно ли мне! Ни один человек в Кархайде ни разу и ни при каких обстоятельствах не спросил меня об этом.

— Господин Шусгис, — проникновенно сказал я, — я чувствую себя здесь как дома.

Но ему все было мало, так что, пока на моей постели не появилось еще одно одеяло из меха *пестри*, а в камин не подбросили еще охапку дров, он не успокоился.

— Я знаю, как это бывает, — сказал он. — Когда я ждал ребенка, то никак не мог согреться... ноги у меня вечно были как лед, и я всю зиму просидел у камина. Это, конечно, было уже давно, но я все прекрасно помню!

Гетенианцы рано заводят детей и примерно после двадцати четырех лет начинают применять контрацептивы; в своей женской ипостаси они утрачивают фертильность где-то лет в сорок. Шусгису было за пятьдесят, отсюда и это «уже давно»; впрочем, очень трудно было представить его в роли юной матери. Это был опытный политик с твердыми убеждениями, проницательный, общительный, искусно пользующийся доброжелательностью в своих интересах; в центре же его интересов был прежде всего он сам. Это общественный тип. Я встречал таких на Земле, на Хайне, на Оллюле... Полагаю, что таких людей можно встретить даже в аду.

— Вы очень хорошо информированы относительно моих взглядов и вкусов, господин Шусгис. И это весьма лестно. Ведь я полагал, что известия обо мне до вас еще добраться не успели.

— Нет, — сказал он, прекрасно понимая, что я имею в виду, — они бы, разумеется, предпочли похоронить вас под снегом у себя в Эренранге, не так ли? Однако они отпустили вас, отпустили; и именно тогда мы здесь поняли, что вы не просто еще один из этих кархайдских безумцев, а нечто настоящее.

— Боюсь, я не совсем понимаю вас.

— Почему Аргавен и его приспешники боятся вас, господин Аи? Боятся и одновременно хотят, чтобы вы вернулись? Они боятся, что если они попробуют плохо обращаться с вами или попытаются заставить вас молчать, то им, возможно, придется за это расплачиваться. Они боятся нацеленных на них ружей — из

Космоса! Разве нет? Вот потому-то они и не осмеливаются вас трогать. Они просто попытались заглушить ваш голос. Потому что боятся и вас, и того, что несете вы на планету Гетен!

Это было явное преувеличение; мое имя, разумеется, не раз упоминалось в кархайдских новостях, по крайней мере до тех пор, пока у власти находился Эстравен. Но у меня уже возникало ощущение, что по некоторым причинам информация о моей персоне не слишком-то распространена в Оргорейне; Шусгис мои опасения подтвердил.

— Значит, сами вы не боитесь того, что я несу на планету Гетен?

— Нет, мой дорогой, мы не боимся!

— Зато этого порой боюсь я.

В ответ он предпочел весело рассмеяться. Я не стал ничего уточнять. Я не торговец и не продаю Прогресс отстающим цивилизациям. Представители миров должны встречаться на равных, испытывая друг к другу хоть какое-то уважение, искренне стараясь понять друг друга, только тогда моя миссия сможет по-настоящему начаться.

— Господин Аи, вас ждет множество людей; все они жаждут с вами познакомиться; это важные персоны и самые обычные люди, но кое-кто, несомненно, вызовет ваш интерес: именно они вершат здесь делами. Я просил о чести лично принимать вас, потому что у меня, во-первых, большой дом, а во-вторых, я известен как лицо нейтральное; я не Доминатор, не сторонник Открытой Торговли, а простой Комиссар путей сообщения, который выполняет возложенные на него государственные функции; и я постараюсь, чтобы вам не досаждали всякими сплетнями насчет хозяина этого дома, в котором вы живете. — Он засмеялся. — Однако сие означает, что вам придется довольно много есть — если вы не возражаете, конечно.

— Я в вашем распоряжении, господин Шусгис.

— В таком случае сегодня у нас небольшой ужин с Ванаке Слозом.

— Комменсалом Куверы? Это третий Округ, я не ошибся?

Разумеется, прежде чем приехать сюда, мне пришлось как-то подготовиться, выучить кое-какие «уроки». Шусгис выказал несколько преувеличенный восторг по поводу того, что я соблаговолил узнать столь многое о его родном Оргорейне. Его манера вести себя все-таки очень сильно отличалась от кархайдской; там подобный восторг сочли бы унизительным — либо для него, хозяина, либо для меня, уважаемого гостя; я не могу сказать точно, но чай-то шифгретор, безусловно, пострадал бы, а возможно, и оба.

Для парадного обеда мне нужна была соответствующая одежда, поскольку мой красивый эренрангский костюм исчез во время налета на Сиувенсин, а потому днем я взял государственное такси, отправился в центр города и приобрел там полную орготскую экипировку. Хайэб и рубаха очень походили на кархайдские, однако вместо легких летних штанов здесь носили высокие, до бедер, гетры, мешковатые и неуклюжие; наиболее популярны были ярко-синий и красный цвета; качество ткани и покрой костюма казались старомодными и лишенными изящества. Вот что значит массовый пошив. Эта одежда помогла мне понять, чего именно не хватало впечатляющему массивными, добродушными зданиями городу: элегантности. Однако отсутствие элегантности в одежде — небольшая цена за столь ценные знания; я уплатил ее с радостью. Вернувшись в дом Шусгиса, я тут же отправился под горячий душ, струйки которого били сразу со всех сторон, окутывая тело словно колючим туманом. Я подумал о холодных цинковых ваннах Восточного Кархайда, где стучал зубами от холода все лето, и о своей собственной ванне в Эренранге, где вода по краям покрывалась ледяной коркой. Может, это тоже своего рода элегантность? Нет уж, да здравствует комфорт! Я надел свой нарядно вышитый красный костюм и в сопровождении Шусгиса на его личном автомобиле отправился на торжественный ужин.

В Оргорейне значительно больше домашних слуг и всяческих служб быта, чем в Кархайде. Это потому, что все жители Орготы являются ее гражданами, а государство обязано всех своих граждан обеспечить работой. И делает это. Таково, во всяком случае, общепринятое объяснение, хотя, как и многие другие объяснения экономического порядка, оно под определенным углом явно обходит нечто более существенное.

В чрезвычайно ярко освещенной высокой и белоснежной парадной гостиной Комменсала Слоза было десятка два-три гостей. Трое были Комменсалами, а все остальные происходили явно из весьма благородных семей и сами по себе были людьми уважаемыми. Это чувствовалось сразу; передо мной были не просто жители Орготы, пришедшие из любопытства поглязеть на инопланетянина. Я не был здесь ни диковинкой, как в течение целого года в Кархайде, ни чудовищем-извращенцем, ни загадкой. Как мне показалось, они видели во мне ключ к решению некоей важной проблемы.

Но что за дверь предстояло мне отпереть? У некоторых этих государственных мужей и высокопоставленных чиновников явно была на этот счет своя точка зрения, и они весьма бурно приветствовали меня, но я-то оставался в полном неведении!

И во время ужина ничего выяснить мне тоже, разумеется, не удастся. На всей планете Зима, даже в стране варваров, в насквозь промерзшем Перунгере, считается исключительно неприличным говорить о делах во время еды. Поскольку ужин не замедлил явиться, я отложил все свои вопросы и принялся за клейкий рыбный суп, рассматривая хозяина дома и его гостей. Слоз был хрупким моложавым человеком с необычайно светлыми и ясными глазами, с глубоким, чуть глуховатым голосом; похоже, он был чистой воды идеалистом, искренне и целиком посвятившим себя высокой цели. Мне он в общем понравился, но было бы весьма любопытно узнать, какой именно цели

посвятил он свою жизнь. Слева от меня сидел другой Комменсал, толстомордый тип по имени Обсл. Он был тучный, добродушный и назойливо любопытный. Уже после третьей ложки супа он как начал спрашивать меня, так и не мог остановиться: какого черта, неужели я взаправду родился на какой-то другой планете? А чем она отличается от Гетен? Все говорят, что там жарче, но насколько, черт побери, жарче?

— Ну как вам сказать... Например, в этих широтах на Земле снег не выпадает никогда.

— Снег не выпадает! Надо же! Неужели никогда? — Он на редкость радостно рассмеялся — так дети радуются добродушной шутке, желая, чтобы с ними продолжали забавную игру.

— Наши заполярные регионы очень похожи на ваши Зоны обитания; мы уже очень давно, гораздо раньше, чем вы, пережили свой последний ледниковый период, хотя и у нас он еще не совсем закончился. По сути своей Земля и Гетен очень схожи. Как, впрочем, и все обитаемые миры. Человек может жить лишь при довольно строго определенных условиях. Гетен в этом смысле находится где-то у самых пределов данной системы...

— Значит, существуют планеты еще более жаркие, чем ваша?

— Большая их часть значительно теплее Земли. На некоторых постоянная жара. Например, планета Где в основном представляет собой каменистую пустыню. В самом начале там было просто тепло, но население так эксплуатировало внутренние энергетические ресурсы своей планеты, что нарушило природный баланс, еще пятьдесят или шестьдесят тысячелетий тому назад, например, вырубив леса на топливо. Там еще продолжают жить люди, но планета Где похожа теперь — если я правильно разобрался в ваших священных Книгах — на то место, куда, согласно учению Йомеш, после смерти попадают всякие воры и мошенники.

Тут на устах Обсла появилась усмешка — такая спокойная и одобрительная, что я внезапно понял, что недооценил этого человека.

— Некоторые последователи культа Йомеш считают, что места, куда попадают люди после смерти, существуют на самом деле и находятся в иных мирах, на других планетах. Вы не знакомы с такой точкой зрения, господин Аи?

— Нет; меня кем только не считали, но пока еще никто не заподозрил во мне привидение, явившееся с того света.

И тут мне удалось, наконец, посмотреть направо: произнося слово «привидение», я словно увидел одно из них. Темнокожее, в темных одеждах существо, неподвижное и словно окутанное мраком, сидело рядом со мной — призрак смерти на веселом пиру.

Обсла отвлек от меня его сосед с другой стороны; большая часть гостей внимала речам Слоза, сидевшего во главе стола. Я обернулся вправо и проговорил шепотом:

— Не ожидал встретить вас здесь, лорд Эстравен.

— Неожиданное и делает жизнь возможной, — ответил он.

— Мне поручено кое-что передать вам.

Он беспокойно посмотрел на меня.

— Это всего лишь деньги — часть ваших собственных доходов; их посыпает вам Форет рем ир Осбот. Вся сумма при мне, в доме господина Шусгиса. Я по-забочусь о том, чтобы как можно скорее вручить их вам.

— Очень любезно с вашей стороны, господин Аи.

Он был тихий, покорный и словно уменьшившийся в размерах — изгнаник, живущий за счет своих способностей и умений в чужой стране. Похоже, он не слишком стремился к беседе со мной, и я даже рад был этому. Но время от времени в течение этого утомительного, наполненного бесконечными речами, вопросами и ответами вечера, хотя все мое внимание и было приковано к представителям непростой и

могущественной Орготы, намеревавшейся то ли завязать со мной дружеские отношения, то ли как-то иначе использовать меня, я посматривал на Эстравена, ощущая его присутствие, замечая его вроде бы совершенно равнодушное лицо. И в голову мне вдруг пришла мысль — хотя я тут же постарался отринуть ее как безосновательную, — что я по собственной доброй воле никогда не приехал бы в Мишнори и не ел бы сейчас жареную чернорыбицу с Комменсалами Оргорейна; а Комменсалы и палец о палец не ударили бы, чтобы я оказался здесь. Все это сделал он.

ЭСТРАВЕН-ПРЕДАТЕЛЬ

Восточнокархайдская легенда, рассказанная жителем Очага Горинхеринг Тобордом Чорхавой и записанная Дж. Аи. История эта широко известна и имеет множество версий; существует также пьеса театра «Хаббен», основанная на том же сюжете; эту пьесу часто исполняют странствующие актеры в районах восточнее массива Каргав.

Д

авным-давно, задолго до того как король Аргавен I создал единое государство Кархайд, тяжкая распрая шла между княжеством Сток и княжеством Эстре земли Керм. Налеты и грабежи с обеих сторон продолжались в течение трех поколений, и конца этому спору не предвиделось, ибо спор был связан с земельными владениями. Хорошей пахотной земли в Керме мало, и слава любого княжества — в протяженности его границ, а правят там люди гордые, вспыльчивые, отбрасывающие черные тени.

Случилось так, что родной сын и наследник лорда Эстре во время охоты на пестри бежал на лыжах по Ледяному озеру в первый месяц весны, Иррем, попал в трещину и провалился под лед. Однако, положив

поперек полыни одну лыжу, он все-таки выбрался из воды. И оказался в не менее ужасном положении: он промок насквозь, а было очень холодно, настоящий *курем**¹, к тому же близилась ночь. Юноша не чувствовал в себе сил, чтобы добраться до дому, — до Очага было не менее десяти километров вверх по склону холма, — а потому направился к деревне Эбос на северном берегу озера. Когда наступила ночь, все затянуло туманом, спустившимся с ледника, и над озером сгустилась такая мгла, что он ничего не видел перед собой, не видел даже, куда ставит лыжи. Он шел медленно, опасаясь трещин, но все-таки старался двигаться вперед, потому что уже промерз до костей и понимал, что вскоре не сможет двигаться вовсе. Наконец во тьме и тумане он разглядел впереди огонек. Он снял лыжи, потому что берег озера здесь был неровным, каменистым и местами совсем лишенным снега. Едва держась на ногах, из последних сил устремился он к этому огоньку, находившемуся явно в стороне от Эбоса. Оказалось, что это светится окно однокого домика, со всех сторон окруженного густыми деревьями *тор*, единственными, что могут расти на земле Керм. Деревья тесно обступили домик, и, хотя они были невысоки, он буквально утонул в зелени. Юноша кулаками застучал в дверь и громко позвал на помощь; кто-то впустил его в дом и подвел к огню, пылающему в очаге.

Там был всего один человек, больше никого. Этот человек раздел Эстравена**, хотя одежды его задубели на морозе и превратились в металлический панцирь, потом завернул его голым в меховые одеяла и, согревая собственным телом, изгнал ледяной холод из тела и членов. Потом напоил горячим пивом, и юноша в конце концов пришел в себя и уставился на своего спасителя и благодетеля.

* Мороз от -20° до -40° С при очень высокой влажности (Дж. Ау).

** Суффикс «вен» означает «уроженец». Эстравен — букв.: уроженец Эстре (Дж. Ау).

Человек этот не был ему знаком; они были примерно ровесниками и смотрели друг другу в лицо. Оба были красивы, стройны и хорошо сложены, с тонкими чертами лица, темнокожие. Эстравен заметил в глазах незнакомца огонек кеммера. И сказал:

— Я Арек из Эстре.

— А я Терем из Стока, — откликнулся тот.

При этих словах Эстравен рассмеялся, потому что был еще слишком слаб, и сказал:

— Значит, ты отогрел меня и спас от смерти, чтобы потом убить, Стоквен?

— Нет, — ответил тот, протянул руку и дотронулся до Эстравена, чтобы убедиться, что холод совсем покинул тело юноши. И тут Эстравену, хотя ему оставалось еще день или два до наступления кеммера, показалось, что в душе его разгорается огонь. И оба они застыли, едва касаясь друг друга руками. — Смотри, они совсем одинаковые, — сказал Стоквен и положил свою ладонь на ладонь Эстравена, и ладони действительно почти совпали: одинаковой длины и формы — словно левая и правая рука одного человека, просто сложившего их вместе. — Я тебя никогда раньше не видел, — сказал Стоквен. — И мы с тобой смертельные враги.

Он встал и поворотил дрова в камине; потом вернулся к своему гостю.

— Да, мы смертельные враги, — сказал Эстравен. — Мы заклятые враги, но я бы дал тебе клятву кеммеринга.

— А я тебе, — сказал Стоквен.

И тогда они поклялись друг другу в вечной верности, а в земле Керм — как тогда, так и сейчас — клятва эта нерушима и неизменна. Ту ночь и следующий день и еще одну ночь провели они в хижине на берегу замерзшего озера. Наутро небольшой отряд явился из княжества Сток, и один из пришедших узнал наследника лорда Эстре. Ни слова не говоря и никого не предупредив, он вытащил нож и на глазах у юного Стоквена, на глазах у всех зарезал Эстравена, вонзив

клинову ему в грудь и горло. Юноша, обливаясь кровью, замертво рухнул на холодную золу в очаге.

— Он был единственным наследником Эстре, — сказал его убийца.

Стоквен ответил:

— В таком случае кладите его в свои сани и везите в Эстре: пусть его с честью похоронят там.

А сам вернулся в Сток. Однако убийцы хоть и пустились было в путь, но не повезли тело Эстравена домой, а оставили в дальнем лесу на растерзание диким зверям и той же ночью вернулись в Сток. Терем в присутствии своего родителя по крови лорда Хариша рем ир Стоквена спросил их:

— Сделали вы то, что я велел вам?

— Да, — ответили они.

И Терем сказал:

— Вы лжете, ибо никогда не вернулись бы из Эстре живыми, если бы выполнили мой приказ. Итак, вы его не выполнили и вдобавок солгали, чтобы скрыть это; я прошу изгнать этих людей из Стока.

И по приказу лорда Хариша убийцы были изгнаны из Очага и княжества и объявлены вне закона.

Вскоре после случившегося Терем покинул родной дом, сказав, что мечтает некоторое время пожить в Цитадели Ротерер, и на целый год исчез из княжества Сток.

А в княжестве Эстре все это время тщетно искали юного Арека в горах и на равнинах, а потом оплакали его гибель; горько оплакивали его все лето и осень, ибо он был единственным родным сыном князя и его наследником. Однако к концу месяца Терн, когда тяжелым снежным покровом накрывает землю зима, пришел со стороны гор некий лыжник и подал стражнику у ворот сверток из меха, сказав:

— Это Терем, сын сына лорда Эстре.

А потом, подобно камню, скатывающемуся по крутым склонам горы, он ринулся вниз на своих лыжах и исчез из виду прежде, чем кому-то пришло в голову задержать его.

В свертке оказался новорожденный младенец. Он плакал. Люди отнесли его старому лорду Сорве и передали то, что сообщил им незнакомец; и душа лорда, исполненная грусти, узнала в младенце своего утраченного сына Арека. Он приказал объявить ребенка сыном своей семьи и дал ему имя Терем, хоть подобное имя никогда раньше не встречалось в роду Эстре.

Ребенок рос красивым, умным и сильным; это был темнокожий и молчаливый мальчик, и все же каждый замечал в нем сходство с покойным Ареком. Когда Терем вырос, лорд Сорве, будучи главой семьи, объявил его наследником Эстре. И тут ожесточились сердца многих сводных его братьев, отцом которых был старый князь; каждый из них обладал своими достоинствами и силой, каждый давно дождался места правителя. И они сговорились устроить юному Терему ловушку, когда тот в одиночестве отправился поохотиться на пестри в первый месяц весны, Иррем. Юноша оказался хорошо вооружен, и заговорщикам не удалось застать его врасплох. Двоих он застрелил в тумане, что толстым покрывалом укутывает Ледяное озеро в начале весны, а с третьим дрался на ножах и убил его, хотя и сам оказался тяжело ранен — в грудь и в шею. После схватки он бессильно стоял над телом брата и смотрел, как на землю опускается ночь. Терем слабел и страдал от боли, раны его сильно кровоточили, и он решил обратиться в ближайшую деревушку Эбос за помощью, однако во тьме и тумане сбился с пути и забрел в густой лес на восточном берегу Ледяного озера. Там в зарослях деревьев тор он заметил уединенную хижину, открыл дверь, вошел, но был слишком слаб и не смог разжечь огонь в очаге, а без сил упал на его холодные камни и лишился чувств. Кровь же продолжала сочиться из его неперевязанных ран.

Среди ночи кто-то тихонько вошел в хижину. То был никому не известный одинокий путник. Человек этот так и застыл на пороге, увидев юношу, лежащего

в луже собственной крови. Потом торопливо устроил удобное и теплое ложе из меховых одеял, которые достал из сундука, развел в очаге огонь, промыл и перевязал раны Терема. Заметив, что юноша пришел в себя и смотрит на него, незнакомец сказал:

— Я Терем из Стока.

— А я Терем из Эстре.

И оба вдруг умолкли. Потом юноша улыбнулся и спросил:

— Ты перевязал мне раны и спас меня, чтобы потом убить, Стоквен?

— Нет, — ответил старший из этих двух Теремов.

Тогда Эстравен спросил:

— Но как случилось, что ты, правитель княжества Сток, оказался здесь один, в столь опасном месте, на земле, из-за которой идет вражда?

— Я часто прихожу сюда, — спокойно ответил Стоквен.

Он взял юношу за руку, чтобы проверить, нет ли у того жара; на какое-то мгновение ладонь его легла на ладонь юного Эстравена — каждый палец, каждая линия этих двух рук в точности совпали, словно то были руки одного человека.

— Мы с тобой смертельные враги, — сказал Стоквен.

И Эстравен ответил:

— Да, мы смертельные враги. Но я никогда не видел тебя раньше.

Стоквен чуть отвернулся.

— Когда-то очень давно я однажды видел тебя, — сказал он. — Я бы очень хотел, чтобы между нашими Очагами и княжествами установился мир.

И Эстравен сказал:

— Клянусь, что между мной и тобой всегда будет мир.

Итак, они поклялись друг другу хранить мир и больше уже ни о чем не говорили. Раненый уснул. А рано утром Стоквен покинул хижину, но вскоре из деревни Эбос за Эстравеном пришли люди и перенесли его

домой, в Эстре. Больше ни один человек не осмеливался оспаривать волю старого князя: справедливость его решения доказана была кровью троих сыновей, пролитой на льду замерзшего озера; и после смерти старого Сорве лордом Эстре стал Терем. Уже через год он прекратил старую распрю, передав половину оспариваемых земель княжеству Сток. За это, а также за убийство трех своих братьев его прозвали Эстравен-Предатель. Однако имя его, Терем, по-прежнему очень часто дают детям княжества Эстре.

ПЕРЕГОВОРЫ В МИШНОРИ

На следующее утро, когда я покончил с поздним завтраком, который мне подали прямо в спальню, вежливо заблеял домашний телефон. Когда я снял трубку, на том конце послышалось:

— Это Терем Харт. Можно мне подняться к вам?
— Да, пожалуйста.

Я был рад одним махом покончить со всеми неясностями. Разумеется, никаких дружеских отношений между нами существовать не могло. И пусть его позор и изгнание, хотя бы номинально, на моей совести, я все же не мог полностью взять на себя ответственность за его судьбу и не чувствовал за собой особой вины. Там, в Эренранге, он так и не сделал ни малейшего шага мне навстречу, не объяснил ни своих действий, ни намерений, и я не в силах был поверить этому человеку. Я предпочел бы, чтобы он не был так тесно связан с теми представителями Орготы, которые, если уж честно, приняли меня как родного. Его неожиданное присутствие в Мишнори могло привести лишь к осложнениям.

Эстравена проводил ко мне один из многочисленных слуг Шусгиса. Я усадил его в огромное мягкое кресло и предложил выпить со мной горячего пива.

Он отказался. Он отнюдь не чувствовал себя смущенным — застенчивость давно уже не была ему свойственна, если он вообще когда-либо обладал ею, — однако держался весьма отчужденно и настороженно.

— Вот и первый настоящий снег, — сказал он и, заметив, как я глянул на плотно занавешенные окна, спросил: — Вы разве не видели, что делается на улице?

Я посмотрел и увидел: снег кружился в порывах легкого ветерка, плотным слоем устилал улицы и крыши домов; за ночь выпало не меньше семидесяти—восьмидесяти миллиметров осадков. Сегодня был Одархад Гор, семнадцатый день первого месяца осени.

— Рановато, пожалуй, — сказал я, словно зачарованный глядя на белоснежную зиму за окном.

— В этом году предсказывают суровую зиму.

Я раздернул шторы. Тусклый ровный свет осеннего дня упал на лицо Эстравена. Он выглядел постаревшим. Видно, нелегко ему пришлось с тех пор, как я в последний раз виделся с ним в Угловом Красном Доме Королевского дворца в Эренранге. Тогда мы сидели у камина в его собственной гостиной.

— Вот то, что меня просили передать вам, — сказал я и протянул ему плотно завернутые в фольгу деньги, которые предусмотрительно выложил на стол сразу же после его звонка. Он взял их и мрачно поблагодарил. Я продолжал стоять. Через некоторое время, по-прежнему держа пакет с деньгами в руках, поднялся и он.

На душе у меня почему-то скребли кошки, но я подавил эту жалость. Я был намерен навсегда отбить у него охоту являться ко мне. То, что сейчас приходилось так унижать его достоинство, было грустно.

Он смотрел прямо на меня. Он, конечно, был меньше меня ростом, даже меньше, чем большинство женщин моей расы, коротконогий и довольно плотный. И все-таки, когда он смотрел мне в глаза, не возникало ощущения, что смотрит он снизу вверх. Я не ответил на его взгляд. Я с подчеркнуто заинтересованным видом рассматривал радиоприемник на столе.

— Нельзя верить всему, что здесь услышишь по радио, — добродушным и довольно веселым тоном сказал он. — По-моему, в Мишнори вам придется искать иной источник достоверной информации. И советчики вам тоже понадобятся.

— Похоже, многие стремятся оказать мне такую услугу.

— А по-вашему, гарантия надежности именно в большом числе советчиков, да? То есть десять, безусловно, надежнее одного. Извините, мне не следовало говорить здесь по-кархайдски, я совсем забыл. — Дальше он продолжал на языке Орготы. — Изгнанники никогда не должны говорить на своем родном языке: в их устах он особенно горек. К тому же родной язык всегда удобней предателям, господин Аи. Я имею полное право отблагодарить вас. Вы помогли не только мне, но и моему старому другу и кеммерингу Аше Форету, так что благодарю вас не только от своего имени, но и от его тоже. Если позволите, моя благодарность будет иметь форму совета. — Он помолчал; я тоже не говорил ни слова. Я никогда раньше не слышал, чтобы он так нарочито светски-изысканно обращался ко мне, и понятия не имел, что бы это могло значить. Он продолжал: — В Мишнори вы тот, кем не стали в Эренранге. Там вас славословили; здесь же дадут понять, что вы ничего особенного собой не представляете. Вас просто используют в борьбе оппозиционных партий. Я вам советую: будьте очень осторожны в том, как и для чего они используют вас. А заодно выясните, что это за враждующие партии и кто их представляет. Самое же лучшее — вообще не позволяйте никому из их представителей использовать вас, ибо цели у них недобрые.

Он умолк. Я уже намеревался попросить его быть немного поконкретнее в своих предостережениях, но он быстро проговорил:

— Прощайте, господин Аи, — повернулся и вышел.

Я стоял ошеломленный. Этот человек действовал на меня как удар электрического тока: ничего внешне

не заметно, но не знаешь, что именно с тобой произошло.

Ему, конечно же, удалось совершенно испортить то состояние покоя и самодовольства, в котором я находился, поглощая завтрак. Я подошел к узкому окну и снова выглянул наружу. Снегопад чуть ослалился. Зрелище было дивное: снежинки падали легкими белыми хлопьями, подобно лепесткам цветущей вишни под весенным ветерком в садах моей родины, на Земле, на теплой Земле, где все деревья весной в цвету. И тут внезапно меня охватило ощущение полного одиночества, отчужденности, страшной тоски... Два года провел я на этой проклятой планете; и снова, хотя осень еще не успела начаться, начиналась зима, третья моя зима здесь — долгие месяцы безжалостного, беспощадного холода, бесконечного воя пурги, льда, ветра, дождя со снегом, снега с дождем и снова холода, холода, холода — холода внутри, холода снаружи, холода, пронизывающего до костей, парализующего мозг. И среди этого холода я снова буду совершенно одиноким, чужим для всех, и ни единой родной души рядом, никого, кому можно было бы полностью доверять. Бедный Дженли! Может, поплачим? Я увидел, как на улицу прямо под моим окном вышел Эстравен — темная, приземистая (оттого, что я смотрел сверху) фигура, окруженная мутным серо-белым облаком снегопада. Он огляделся, поправляя свободно застегнутый ремень на своем хайэбе — теплой куртки он не носил, — и с удивительной быстротой устремился куда-то по улице легкой, изящной походкой. В эту минуту он казался единственным живым существом в целом Мишнори.

Я отвернулся от окна, отошел в тепло комнаты. Ее роскошное убранство выглядело довольно нелепо: огромный электрокамин, широкие мягкие кресла, кровать, застланная меховыми одеялами, всякие тряпки, занавески, барабаны...

Тогда я надел теплую куртку и вышел прогуляться, пребывая в мрачном настроении, навеянном этим мрачным миром.

В тот день мне предстоял «ленч» с Комменсалами Обслом и Иегеем, а также кое с кем из тех, кого я видел вчера. Меня также должны были представить некоторым неизвестным мне лицам. Ленч здесь обычно подается в буфетной и съедается а-ля фуршет — возможно, для того, чтобы людям не казалось, что они почти весь день тратят на сидение за обеденным столом. Однако на этот раз для столь официальной церемонии были накрыты столы, а что касается буфета, то запасы в нем были поистине неисчерпаемы; было подано восемнадцать или двадцать холодных или горячих блюд — в основном различными способами приготовленные яйца *сьюбе* и хлебные яблоки. Еще до начала трапезы, пока не вступил в силу запрет на деловые разговоры, Обсл незаметно шепнул мне, накладывая на тарелку огромное количество обжаренных во взбитом тесте яиц *сьюбе*:

— Вон тот тип, по имени Мерсен, — шпион из Эренранга, а вон там стоит некто Гаум — так это штатный сотрудник Сарфа. Имейте это в виду. — И он тут же разразился хохотом, будто в ответ на собственную шутку получил не менее забавную, а потом двинулся к блюду с маринованной чернорыбицей.

Я понятия не имел, что такое этот Сарф.

Когда люди уже начали рассаживаться за столами, торопливо вошел молодой человек и что-то сказал хозяину дома Иегею, который немедленно повернулся к нам.

— Новости из Кархайда, — сообщил он. — Сегодня утром у короля Аргавена родился ребенок, который умер, не прожив и часа.

Наступила тишина, потом возник неясный шум, а потом привлекательный молодой человек по имени Гаум рассмеялся и поднял свою пивную кружку.

— Да будет столь же долгой жизнь всех королей Кархайда! — воскликнул он.

Некоторые чокнулись с ним, однако большинство тоста не поддержали.

— Клянусь Меше! Смеяться, когда умер ребенок? — возмущенно сказал какой-то толстый старик в пур-

пурных одеждах и тяжело плюхнулся рядом со мной; его толстые гетры собирались вокруг бедер, как юбка. Лицо его было искажено от отвращения.

Завязался спор относительно того, кому из своих сыновей Аргавен теперь отдаст предпочтение, ведь королю было уже далеко за сорок, и вряд ли он решился бы снова родить себе кровного сына и подлинного наследника. Интересовало компанию и то, сколь долго Тайб пробудет еще в роли Регента. Некоторые считали, что его регентству незамедлительно будет положен конец; другие сомневались.

— А что думаете вы, господин Аи? — спросил человек по имени Мерсен, которого Обсл назвал кархайдским шпионом (а стало быть, человеком Тайба). — Вы ведь совсем недавно прибыли из Эренранга; там, говорят, прошел слух о том, что Аргавен отрекся от престола, не объявляя об этом публично, и передал бразды правления своему кузену?

— Ну, вообще-то да, такие слухи и до меня долетали.

— Как вы думаете, имеют ли они реальные основания?

— К сожалению, не располагаю ни малейшими сведениями на этот счет, — ответил я, но тут вмешался хозяин дома и что-то сказал насчет погоды, потому что все уже приступили к еде.

После того как слуги убрали грязную посуду и груды жареной и маринованной пищи, все мы уселись за одним длинным столом, и были поданы крошечные рюмочки с крепчайшим напитком, «живой водой», как его здесь называют. Впрочем, такое название часто встречается и на Земле. И вот тут-то меня буквально засыпали вопросами.

С тех пор как в первые месяцы моего пребывания на Гетен меня непрерывно обследовали кархайдские врачи и ученые, я ни разу больше не сталкивался с таким количеством людей, желавшим получить информацию обо мне и удовлетворить свое любопытство. Очень немногие из жителей Кархайда, даже из тех рыбаков и фермеров, среди которых я провел свои первые месяцы на этой планете, изъявили отчетливое

желание задать мне вопрос, хотя порой им явно этого хотелось. Какие-то все они были слишком сложные, типичные интраверты, любители ходить вокруг да около. Во всяком случае, конкретные вопросы и ответы им не нравились. Я вспомнил вдруг о Цитадели Отерхорд и о том, что Ткач Фейкс говорил мне по поводу ответов... В Кархайде даже ученые-специалисты ограничивали свои вопросы ко мне чисто физиологической тематикой, касавшейся, например, деятельности желез внутренней секреции или системы кровообращения — именно этим я прежде всего отличался от гетенианцев. Они никогда не заходили настолько далеко, чтобы, например, спросить, как половой инстинкт моей расы влияет на те или иные общественные институты, или о том, как мы справляемся с нашим «постоянным кеммером». Они, однако, весьма внимательно слушали, когда я что-либо рассказывал по собственной воле; так, психологи выслушали мой рассказ о телепатии, однако ни один не сподобился задать хотя бы какие-то самые общие вопросы на этот счет или получить адекватное представление о земном или экуменическом сообществе — кроме, пожалуй, Эстравена.

Здесь же, в Орготе, по всей вероятности, люди не были настолько связаны понятием шифгретора, а потому ни задавать вопросы, ни отвечать на них не считалось зазорным. Однако вскоре я заметил, что некоторые из этих вопросов носят явно провокационный характер: меня как бы пытались уличить во лжи, доказать, что я всего лишь самозванец. На какое-то мгновение мне даже стало не по себе. Я, разумеется, и раньше встречался с недоверием — еще в Кархайде, — но крайне редко со столь явной провокацией. Тайб однажды прекрасно продемонстрировал мне, как следует вести себя с обманщиком и мистификатором, — во время парада в Эренранге, — но, как я давно уже понял, то было лишь частью игры, имевшей целью дискредитацию Эстравена в моих глазах. Я догадывался, что на самом деле Тайб вполне верит мне. Он, в конце концов, видел мой корабль; у него, как и у

любого другого, был свободный доступ к отчетам инженеров относительно устройства этой небольшой посадочной ракеты, а также моего ансибля. Никто из жителей Орготы моего корабля не видел, но и он, пожалуй, не показался бы им артефактом с чужой планеты и сколько-нибудь убедительным доказательством. Устройство посадочной ракеты, как и ансибля, было бы настолько им непонятно, что эти предметы они успешно отнесли бы к разряду мистификаций. Старинный закон, запрещающий всякий экспорт культуры, стоял на страже и не допускал ввоза поддающихся анализу или копированию предметов чужой цивилизации на другие планеты, находящиеся на более ранней стадии научно-технического развития. А потому у меня с собой не было ничего, кроме посадочной ракеты и ансибля, коробки со всевозможными цветными изображениями, несомненных странностей моей анатомии и физиологии и недоказуемых особенностей моего интеллекта. Картинки пошли по кругу, сидящие за столом рассматривали их с вежливо-уклончивым интересом — так люди часто рассматривают фотографии членов чьей-то чужой семьи. Вопросы, однако, продолжали сыпаться.

— Что такое Экумена? — спросил, например, Обсл. — Это одна из планет или союз нескольких миров? Это конкретная страна или чье-то правительство?

— Ну, в понятие «Экумена» включены сразу все эти понятия. Но ни одно из них в отдельности ему не соответствует. Экумена — это наше, земное слово; обычно оно трактуется как «место проживания людей»; в языке Кархайда для него, пожалуй, подойдет слово «очаг». Что касается языка Орготы, то я не уверен, что найду подходящее слово: я еще недостаточно хорошо знаю ваш язык. По-моему, слово «комменсалия» не годится, хотя есть несомненное сходство в том, как организовано управление Комменсалией и Экуменой. Однако Экумена по сути своей вообще не государство и не форма правления. Это как бы попытка объединить мистику с политикой, что само по себе, разумеется, обречено на провал. Однако даже

неудачные эти попытки уже принесли человечеству куда больше добра, чем все предшествующие формы сосуществования различных миров. Экумена — это, безусловно, некое сообщество, и оно, хотя бы потенциально, обладает определенной культурой, некоей специфической формой культурного просветительства. Можно даже сказать, что это просто очень большая школа — Очень Большая Школа для всего человечества. Ее суть — объединение и сотрудничество, а потому это еще и некий союз. Лига Миров, обладающая определенным уровнем централизованной и обусловленной организованности. И сейчас я представляю здесь Экумену прежде всего именно как Лигу Миров. Экумена как политическое содружество функционирует благодаря четкому координированию, а не жестким методам правления. Она не навязывает законы силой; решения принимаются совещательно и при согласии всех, а не по приказу. Как экономическое объединение Экумена чрезвычайно активна; там заботятся о постоянных внутренних связях между планетами-участницами и поддерживают баланс в торговле между восемьюдесятью различными мирами. Точнее, восемьюдесятью четырьмя, если Гетен присоединится к нам...

— Что вы имеете в виду, говоря, что она не навязывает своих законов? — спросил Слоз.

— У нее их просто нет. Государства-союзники развиваются и живут по своим собственным внутренним законам; если возникает конфликт, Экумена оценивает ситуацию, предпринимает юридические или этические попытки исправить положение, помочь разобраться, может быть, сделать иной выбор. Теперь же, если Экумена как эксперимент с высшими формами органической жизни потерпит крах, ей придется превратиться просто в некую силу, поддерживающую мир и порядок, в институт, отчасти напоминающий полицию. Но пока в этом нет никакой необходимости. Все центральные миры еще не оправились после Эры Великих Катастроф, окончившейся каких-то два столетия тому назад; там возрождают утраченные искусства

и ремесла, утраченные идеалы, умение говорить друг с другом...

Как иначе мог я объяснить этим людям, у которых нет даже слова «война», что такое Эра Космических Войн и каковы ее последствия?

— Это выглядит на редкость привлекательно, господин Аи, — сказал хозяин дома Комменсал Иегей, изящный, щегольски одетый человек с неторопливой речью и острым взглядом. — Но я не могу понять, какой им смысл заключать союз с нами? Какую реальную пользу извлекут они из своего восемьдесят четвертого мира? И не очень-то, я бы сказал, высоко развитого, ибо мы не обладаем ни Звездными Кораблями, ни многим другим, что есть у них.

— Ни у кого из нас их не было, пока нас не посетили жители Хайна и Эс. И многим мирам не позволялось их иметь еще много веков, пока Экумена не выработала свод законов, подобный тому, что у вас здесь называется, по-моему, Открытой Торговлей.

Мои слова вызвали смех, потому что именно так называлась возглавляемая Иегеем партия.

— Открытая торговля — это первая и основная цель моего прибытия на вашу планету. Разумеется, это торговля не только товарами материальными, но и знаниями, технологией, научными идеями, философскими воззрениями, искусством, медициной, результатами опытов и теоретических исследований... Я сомневаюсь, чтобы планета Гетен особенно стремилась к космическим путешествиям в иные миры. Отсюда семнадцать световых лет до ближайшего экуменического мира — планеты Оллюль, вращающейся вокруг звезды, которую вы называете Асиомсе; самая же дальняя планета Экумены находится от вас на расстоянии двухсот пятидесяти световых лет, и вы даже не можете увидеть то солнце, вокруг которого она обращается. С помощью моего коммуникационного устройства — вот этого ансибля — вы сможете, однако, разговаривать с ее жителями, словно по радио. Но я не уверен, что вы когда-либо встретитесь с кем-либо из них... Тот вид торговли, о котором я говорил, может

оказаться удивительно выгодным для вас, только представляет он собой скорее обмен информацией, а не ввоз и вывоз конкретных товаров. По сути дела, моя задача состоит в том, чтобы выяснить, хотите ли вы вступить в контакт с остальным человечеством Вселенной.

— Вы, — с нажимом повторил за мной Слоз, чуть наклоняясь вперед, — это значит Оргорейн или вся планета Гетен в целом?

Мгновение я колебался, потому что совсем не ожидал такой постановки вопроса.

— Пока что — на данный момент — это значит Оргорейн. Но договор не может носить эксклюзивного характера. Если Ситх, или Островные государства, или Кархайд решат присоединиться к Экумене, они вправе это сделать. Всякий раз вопрос решается сугубо индивидуально. А затем, как это обычно происходит на планетах столь же высокого уровня развития, как Гетен, различные расы, географические регионы или государства в конце концов устанавливают систему представительств, выполняющих функции координаторов как на самой данной планете, так и в ее отношениях с другими планетами. Локальная группа Стабилей — так у нас это называется. Подобная система экономит массу времени, а также средств, поскольку расходы делятся на всех поровну; например, если вы здесь решите создать межзвездный корабль...

— Клянусь Млеком Меше! — сказал толстый Хьюмери рядом со мной. — Вы что ж, хотите, чтобы мы согласились выстреливать своими людьми в Космическую Пустоту? Уф! — Он всхлипнул, как аккордеон на слишком высокой ноте, выражая одновременно отвращение и восторг.

— А где *ваш* корабль, господин Аи? — вкрадчиво, с полуулыбкой спросил Гаум, словно сам ответ почти не имеет значения, а он лишь хочет, чтобы замечено было тонкое коварство его вопроса. Он был поразительно хорош собой по меркам любой расы и любого пола; я просто глаз от него не мог отвести, отвечая

ему и попутно размышляя, что же все-таки представляет собой Сарф.

— Как?! Но ведь это вовсе не тайна! Об этом весьма много сообщалось в различных кархайдских радиопередачах. Ракета, на которой я осуществил посадку на острове Хорден, в данный момент находится в литеиной мастерской Королевской Школы Ремесел; однако там осталась лишь основная ее часть: по-моему, различные эксперты, обследовав ее, унесли с собой каждый по кусочку.

— Ракета? — переспросил толстяк Хьюмери, потому что я употребил то слово, которое у жителей Орготы обозначает всякие хлопушки и шутихи.

— Используя это слово, легче всего объяснить принцип работы этого посадочного устройства, господин Хьюмери.

Толстяк снова всхлипнул, как аккордеон. Гаум смиренно улыбнулся и сказал:

— В таком случае у вас больше нет возможности вернуться на... ну, туда, откуда вы прибыли?

— О, конечно же, есть! Я могу поговорить с Оллюль с помощью ансибля и попросить прислать за мной патрульный корабль. Правда, он прибудет сюда только через семнадцать лет. Или же я могу послать радиосигнал большому звездолету, который принес меня в вашу солнечную систему и теперь вращается вокруг вашего солнца. Он сможет совершить посадку на Гетен через несколько дней.

Эти слова произвели настоящую сенсацию — судя по шуму и потрясенным лицам; даже Гаум не смог скрыть изумления. В этом пункте было некое противоречие с той информацией, которой располагал Кархайд. Наличие звездолета на орбите я держал пока в тайне даже от Эстравена. Если бы, как мне до сих пор это преподносили, в Орготе знали обо мне лишь то, что Кархайд пожелал им сообщить, то данная информация явилась бы просто одним из множества сюрпризов, которые им еще предстояло получить. Однако дело обстояло иначе. Это был *слишком большой сюрприз*.

— Так где же этот корабль, господин Аи? — спросил Иегей.

— На своей орбите, вращается вокруг вашего солнца, где-то между орбитами Гетен и Кухурн.

— Как же вы попали оттуда сюда?

— На шутихе прилетел, — сказал старый толстый Хьюмери.

— Именно так. Мы не сажаем большие межзвездные корабли на обитаемые планеты до тех пор, пока не установлена открытая радиосвязь или планета уже не вступила в Лигу Миров. Так что приземлился я с помощью небольшой ракеты, или посадочного устройства, на острове Хорден.

— И вы можете связаться с... с большим кораблем при помощи обычного радио, господин Аи? — Это задал свой вопрос Обсл.

— Да. — Я решил пока что не упоминать о существовании маленького радиоспутника, специально запущенного мной на орбиту Гетен: мне не хотелось, чтобы у них создалось впечатление, что их небеса битком набиты моими железками. — Потребуется, правда, довольно мощный радиопередатчик, но у вас таких много.

— Тогда, значит, и мы можем связаться с вашим кораблем по радио?

— Да, если будете знать пароль и пошлете верный сигнал. Люди на борту корабля находятся в состоянии стазиса, или, по-вашему, спячки, чтобы не терять бессмысленно годы своей жизни, ожидая результатов моей работы. Верный сигнал, переданный на нужной волне, включит специальные механизмы, которые выведут экипаж из спячки; после чего мои товарищи связутся со мной либо по радио, либо с помощью ансисбля, используя планету Оллюль как ретранслятор.

Кто-то встревоженно спросил:

— А сколько их там?

— Одиннадцать.

Это сообщение вызвало вздох облегчения и даже смех. Напряжение несколько ослабело.

— А что, если вы никогда не пошлете им этот сигнал? — спросил Обсл.

— Тогда они автоматически выйдут из стазиса года через четыре.

— И совершают посадку, чтобы забрать вас?

— Не совершают, пока не узнают, что со мной. Сначала они с помощью ансибля проконсультируются со Стабилями на Оллюль и Хайне. Скорее всего они предпримут вторую попытку и пошлют на Гетен кого-то еще. Тоже в качестве Посланника. Второму Посланнику обычно приходится значительно легче, чем первому. Ему меньше приходится объяснять, что самое важное, да и люди верят ему более охотно...

Обсл ухмыльнулся. Остальные в основном оставались мрачными и настороженными. Гаум едва заметно кивнул мне, словно одобряя ту быстроту, с которой я нашел нужный ответ: это был знак заговорщика. Слоз смотрел горящими глазами куда-то в пространство, словно что-то напряженно искал в собственной душе. Потом, как бы оторвавшись от загадочного видения, он вдруг резко повернулся ко мне.

— Но почему же, — сказал он, — господин Посланник, за целые два года вы ни разу не поговорили с этим своим кораблем?

— А откуда вам знать, говорил он с кораблем или нет? — откликнулся, улыбаясь, Гаум.

— Мы, черт возьми, прекрасно знаем, что не говорил, господин Гаум, — сказал, также улыбаясь, Иегей.

— Не говорил, — сказал я. — И вот почему: сама мысль о том, что где-то в небесах меня ожидает огромный корабль, могла бы стать причиной народных волнений в Кархайде. По-моему, и кто-то из вас считает точно так же. Будучи в Кархайде, я никогда не подходил к столу опасной черте, даже в самых откровенных разговорах с теми, с кем постоянно имел дело. У вас же здесь было гораздо больше времени подумать о том, кто я такой; вы выражаете готовность позволить мне выступить открыто перед населением Оргорейна; страх не до такой степени правит вами. И я решил пойти на риск, так как считаю, что для этого

пришло время и что Оргорейн именно то место, которое мне требовалось.

— Вы правы, господин Аи, вы правы! — страстно воскликнул Слоз. — Уже через месяц вы сможете послать за своим кораблем, и его будут приветствовать в Оргорейне как священное доказательство, как знак, как символ новой эры! И тогда глаза тех, кто не видит, откроются!

Разговор продолжался в том же духе, пока нам не подали обед. Мы поели, выпили и разошлись по домам; я — абсолютно измочаленный, однако очень и очень довольный тем, как складываются дела. Конечно, странные намеки и неясности имели место. Слоз явно хотел сделать из меня новое божество, Гаум — мошенника. Мерсен, похоже, жаждал убедить всех, что не он является тайным агентом Кархайда, а я. Но Обсл, Иегей и некоторые другие вели себя гораздо разумнее. Они хотели выйти на связь со Стабилями и посадить один из звездолетов Экумены на территории Орготы, чтобы убедить Комменсалию Оргорейн в необходимости союза с Экуменой. Они полагали, что благодаря этому Оргорейн не только одержит решительную победу над Кархайдом, но и укрепит свой государственный престиж, а Комменсалы, которые возглавляют борьбу за союз с Экуменой, тоже обретут немалый дополнительный вес и авторитет в правительстве. Партия Открытой Торговли, составляющая меньшинство в правительстве Тридцати Трех, находилась в оппозиции к тем, кто жаждал продолжения распри в долине Синотх, и в основном состояла из сторонников консервативной, неагрессивной, антинационалистической политики. Они давно уже не имели большинства в правительстве и рассчитывали, что при известном риске смогут вернуть эту власть тем путем, который я перед ними изобразил. То, что они не видели дальше своего носа и рассматривали мою миссию лишь как средство для достижения собственных целей, особого зла не представляло. Оказавшись на верном пути, они вскоре неизбежно поймут, куда

именно он ведет. Впрочем, при всей недальновидности они по крайней мере были реалистами.

Обсл, убеждая других, высказал, например, следующую мысль:

— Или Кархайд, опасаясь той силы, которую придаст Оргорейну новый союз, — а Кархайд всегда, как известно, опасался новых путей развития и новых идей, — снова окажется в хвосте и безнадежно отстанет от нас, или, что возможно, правительство Эренранга все-таки соберет все свое мужество и тоже попросит включить его в этот союз — вторыми после нас. В любом случае шифгретор Кархайда сильно пострадает; в любом случае править санями будем именно мы. Если у нас хватит ума воспользоваться этой возможностью сейчас, то мы приобретем постоянное и очень надежное преимущество! — И, обернувшись ко мне, он прибавил: — Но Экумена должна тоже захотеть помочь нам, господин Аи. Нам нужно нечто большее, чем вы один, и более конкретное, чтобы показать его народу Оргорейна; тем более вас и так уже хорошо знают в Эренранге.

— Мне это понятно, Комменсал. Вы хотели бы иметь хорошее, весомое, вещественное доказательство, да и мне хотелось бы вам такое представить. Но я не могу посадить корабль, пока, хотя бы до определенной степени, нельзя гарантировать его безопасность, пока не будет достигнуто единство ваших мнений, господа Комменсалы. Мне необходимо согласие вашего правительства и определенные гарантии с его стороны; таким образом, лишь общее собрание Комменсалов, видимо, имеет право принять подобное решение и объявить о нем публично.

Обсл посмотрел на меня сурово, однако сказал:

— Что ж, весьма справедливо.

Возвращаясь домой с Шусгисом, который в сего-дняшнее мероприятие не привнес ничего, кроме своего радостного смеха, я спросил:

— Господин Шусгис, а что такое этот Сарф?

— Один из постоянно действующих и весьма активных отделов Внутреннего Управления. Они занима-

ются самыми различными вопросами — например, фальшивыми документами, несанкционированными путешествиями по стране, фиктивными должностями, всякими подделками и прочей ерундой. Собственно, *сарф* на жаргоне Орготы значит «хлам». Так его люди и прозвали.

— Значит, все эти бесконечные Инспектора и таможенники агенты Сарфа?

— Ну, во всяком случае, некоторые.

— А полиция, я полагаю, также до некоторой степени находится под его опекой? — Я очень осторожно задал этот вопрос и получил не менее осторожный ответ:

— Думаю, что да. Я, правда, сотрудник Внешнего Управления. И не могу сделать так, чтобы все государственные службы функционировали честно и не были связаны с Внутренним Управлением.

— Разумеется, оба эти Управления все же как-то контактируют друг с другом. Ну вот расскажите, пожалуйста, как осуществляется, например, управление водными путями?

Своим последним вопросом я попытался увести наш разговор как можно дальше от самого Сарфа. То, о чем умолчал Шусгис, могло бы остаться незамеченным для уроженца планеты Хайн или еще более счастливой планеты Чиффевар, но я-то родился на Земле. Это не всегда такое уж несчастье — иметь в числе предков преступников. От совершившего поджоги прадеда можно получить в наследство способность улавливать даже самый слабый запах дыма.

Было удивительно интересно обнаружить здесь, на планете Гетен, государства, столь похожие на те, что существовали некогда на Земле: монархию и рядом с ней цветущую пышным цветом бюрократию. Последнее новообразование было не менее интересным, но вовсе не столь забавным. Странно, но чем менее примитивным оказывается то или иное общество, тем более зловещие ноты звучат в его политике.

Итак, Гаум, который хотел, чтобы я выглядел лжецом, был тайным агентом полиции Оргорейна. Знал

ли он, что это известно Обслу? Без сомнения, знал. Был ли он в таком случае агентом-провокатором? Являлся ли он номинально сторонником партии Обсла или ее противником? Какие из фракций в рамках правительства Тридцати Трех контролировали деятельность Сарфа, какие из них сами находились под его контролем? Хорошо было бы прямо сразу выяснить все как следует, однако задача эта не из легких. Путь, который сперва казался мне таким ясным и исполненным надежд, теперь представлялся куда более извилистым и темным, как это уже было со мной в Эренранге. Я-то полагал, что здесь дело сразу пошло как надо; однако лишь до тех пор, пока возле меня, подобно призраку, не возник вчера вечером Эстравен.

— А каковы позиция и положение лорда Эстравена здесь, в Мишнори? — спросил я Шусгиса, который приткнулся в углу плавно движущейся машины и, казалось, задремал.

— Эстравен? Знаете, здесь его называют Харт. У нас тут, в Оргорейне, титулов нет, отменили все это с началом Новой Эры. Что ж, насколько я понимаю, он Депендент, подчиненный Комменсала Иегея.

— Он у него и живет?

— По-моему, да.

Я уже хотел было вслух удивиться, почему же в таком случае он вчера был у Слоза, а сегодня у Иегея — нет, когда вдруг понял, что в свете нашей короткой утренней беседы с Эстравеном все это отнюдь не так уж странно. И все же мысль о том, что он держится в стороне намеренно, встревожила меня.

— Его отыскали, — снова заговорил Шусгис, удобнее устраивая свой толстый зад на подушках сиденья, — где-то в южной части города — то ли на клеевой фабрике, то ли на рыбоконсервном заводе, что-то в этом роде; буквально из помойной ямы вытащили. Это, уж конечно, партия Открытой Торговли рассталась. Разумеется, он был им весьма полезен, когда был в Кархайде членом киорремии и премьером, так что они и теперь его поддержали. Впрочем, в основном для того, чтобы досадить Мерсену, как мне кажется.

Ха-ха! Мерсен — шпион Тайба, и он, конечно же, думает, что об этом никто не знает, хотя знают абсолютно все; он потому и Харта на дух не переносит: все никак не поймет, кто же он такой — то ли предатель, то ли двойной агент; сам-то не может никак догадаться, а спросить не хочет, боится шифгретором рисковать. Ха-ха!

— А с вашей, господин Шусгис, точки зрения, кто такой Харт?

— Предатель, господин Аи. Самый обыкновенный предатель. Предал в долине Синотх интересы собственной страны, только чтобы помешать Тайбу оказаться на самом верху. Вот только вел себя не слишком умно. Его вполне могло бы постигнуть куда более жестокое наказание, чем просто ссылка. Клянусь грудями Меше! Если играешь сразу против всех бывших союзников, проиграешь непременно. Вот чего эти люди никак не могут понять, потому что начисто лишены патриотизма, лишь самих себя любят. Хотя, по-моему, Харту, в общем-то, все равно, где он в данный момент находится, пока он продолжает, хотя бы ползком, продвигаться к власти. Надо сказать, он не так уж плохо продвинулся и здесь — всего-то за пять месяцев, между прочим.

— Неплохо.

— Вы ведь ему тоже не слишком-то доверяете, а?

— Нет, не доверяю.

— Рад это слышать, господин Аи. Не понимаю, что Иегей и Обсл нашли в этом человеке. Это же стопроцентный шпион, его интересует только собственная выгода, и, кроме того, он пытается прицепиться к вашим саням, господин Аи, пока ему самому идти трудно. Вот как мне все это представляется. Что ж, не уверен, что соглашусь просто так подвезти его на своих санях, если он меня хоть раз об этом попросит. — Шусгис фыркнул и энергично кивнул, как бы подтверждая свое мнение о Харте, потом улыбнулся мне так, как один порядочный человек улыбается другому. Автомобиль плавно двигался по широким, хорошо освещенным улицам. Утренний снег почти растаял,

только вдоль тротуаров тянулись грязные серые полосы невысоких сугробов; шел дождь, мелкий, холодный.

Огромные здания в центре Мишнори — государственные учреждения, Школы, храмы Йомеш — выглядели в мелкой дождевой пыли такими блестящими и скользкими, что казалось, будто они оплывают в лучах высоких уличных фонарей. Углы домов таяли в дымке, фасады были заляпаны мокрой грязью. Нечто расплывчатое, непрочное виделось мне в тяжеловесной архитектуре этого города, как бы сложенного из монолитов, да и в самом этом с виду монолитном государстве, в котором и часть, и целое назывались одним и тем же словом. И сам Шусгис, мой радущий хозяин, приземистый, толстый человек, казалось бы, очень прочно стоящий на земле, — даже он во всех своих «очертаниях» и проявлениях представлялся мне неясным, немножко — совсем чуть-чуть — ненастоящим.

С тех пор как я, проехав через обширные золотистые поля Оргорейна, четыре дня назад начал свое успешное продвижение к «святыням» Мишнори, мне все время чего-то не хватало. Но чего? Я чувствовал здесь себя особенно одиноким. В эти последние дни от холода я не страдал — здесь хорошо топили во всех домах. Ел я, впрочем, без удовольствия. Кухня Орготы вообще довольно пресная, безвкусная, на мой взгляд. Но ведь и это не беда. Вот только почему люди, с которыми я встречался, вне зависимости от того, хорошо или плохо они ко мне относились, тоже казались мне какими-то пресными? Попадались ведь и весьма яркие личности — например, Обсл, Слоз и этот отвратительный красавец Гаум, — но все-таки каждому чего-то не хватало, какого-то качества, какой-то стороны души, что ли. Никому из них не удавалось выглядеть достаточно убедительным. Все они были как бы недостаточно прочными, настоящими...

Как если бы они не отбрасывали тени, подумал я вдруг.

Подобные заумные рассуждения — весьма существенная часть моей работы. Без предрасположенности

к столь высоколобому анализу меня никогда не назначили бы Мобилем; я прошел специальную тренировку, стажировался на Хайне, жители которого называют эту способность Искусством Надуманных Ситуаций. Конечная цель при этом сводится к тому, что индивид интуитивно постигает законы некоей морально-этической всеобщности, а потому и само понятие это скорее можно выразить не в рациональных символах, а с помощью метафоры. Я никогда особенными талантами в Искусстве Надуманных Ситуаций не блистал, а в этот вечер не верил и собственной интуиции: чересчур устал. Вернувшись к себе, я бросился под спасительный горячий душ. Но даже и там мне было как-то неуютно, даже эта горячая вода казалась мне нереальной, ненастоящей, готовой вот-вот исчезнуть.

МИШНОРИ. РАЗГОВОРЫ С САМИМ СОБОЙ

Мишнори. Стрем Сузми. Я не очень-то исполнен надежд, хотя стече-
ние обстоятельств указывает, что надежда есть. Обсл напрямую торгуется и заключает сделки со своими
приятелями, Иегей использует льстивые уговоры. Слоз обращает в новую веру, и число их сторонников рас-
тет... Все это люди достаточно хитрые и проницатель-
ные, в своих партиях пользуются значительным влия-
нием. Всего лишь семеро из Тридцати Трех являются
подлинными сторонниками Открытой Торговли; что
же касается остальных, то Обсл полагает добиться на-
дежной поддержки со стороны еще десятерых, что
уже дает определяющее преимущество.

Один из Комменсалов, похоже, проявляет непод-
дельный интерес к Посланнику; это Комменсал
Округа Айниен по имени Итепен; он интересовался
инопланетной миссией, еще будучи простым сотрудником
Сарфа и занимаясь цензированием радиопередач,
специально подготовленных для них в Эренранге.
Похоже, что тогдашние функции до сих пор тяготят его
совесть. Именно он предложил Обслу, чтобы Тридцать
Три объявили о приглашении Звездного Корабля на

Гетен не только жителям Оргорейна, но и жителям Кархайда, одновременно попросив Аргавена присоединиться к этому, общепланетному в таком случае, приглашению. Благородная идея, однако никто ей не последует. Они ни за что не обратятся с подобной просьбой к Кархайду.

Члены Сарфа из числа Тридцати Трех, разумеется, будут против как просто пребывания Посланника на нашей планете, так и его миссии. Что касается тех вялых и абсолютно равнодушных десятерых членов правительства, которых Обсл надеется переманить на свою сторону, то, по-моему, они просто побаиваются Посланника, как и Аргавен, как и большая часть его придворных в Кархайде; с той лишь разницей, что Аргавен считал Посланника сумасшедшим (как и он сам), а эти уверены, что Посланник просто лжет (как и они сами). Кроме того, они боятся публичной дискредитации в том случае, если все это просто мистификация, которой отказался поверить Кархайд, а может быть, которую сам Кархайд и придумал. Что будет с их шифгретором, если они присоединят свои голоса к всепланетному приглашению инопланетян, а никакого Звездного Корабля на самом деле не окажется?

Ничего не скажешь, Дженили Аи требует от нас необычайного и полного доверия.

Для него, по всей видимости, ничего необычайного в таком доверии нет.

А Обсл и Иегей думают, что большинство в правительстве Тридцати Трех можно будет убедить в необходимости поверить ему. Не знаю почему, но у меня куда меньше надежды на это; может быть, потому, что в действительности-то мне и не очень хочется, чтобы Оргорейн проявил себя более просвещенным государством, чем Кархайд, чтобы именно он пошел на риск и прославился, оставив Кархайд в тени. Если это патриотические чувства, то возникли они слишком поздно: едва я понял, что Тайб вскоре уберет меня со сцены, я сделал все возможное, чтобы обеспечить неизменное появление Посланника в Оргорейне, а ока-

завшись здесь в ссылке, постарался превратить Комменсалов в его сторонников.

Благодаря тем деньгам, которые он передал мне от Аше, я теперь снова живу независимо, как самостоятельная «государственная единица», а не Депендент. Я больше не хожу на банкеты, не появляюсь нигде в компании Обсла или других сторонников Дженли Аи; я не видел Посланника вот уже больше полумесяца — с его второго дня в Мишнори.

В тот день он передал мне присланные Аше деньги так, как выдают плату наемному убийце. Мне нечасто приходилось испытывать подобный гнев, и я совершенно сознательно оскорбил его. Он понял, что я разгневан, однако вряд ли он понимал, что его самого тоже оскорбляют; он, похоже, вполне серьезно *принял мой совет*, не обратив внимания на то, в каких выражениях этот совет был ему дан; так что, остыв, я это осознал и забеспокоился. Возможно, что в Эренранге он все время искал именно моего совета, не зная, как мне об этом намекнуть? Если так оно и было, то он почти наверняка не понял и половины из того, что я говорил ему в моем доме у камина, а вторую половину понял в лучшем случае неправильно — в ту злополучную ночь после церемонии у Новых ворот. Его шифгретор необходимо укрепить, необходимо дать ему дополнительную информацию и поддержать, хотя его понятия о чести и достоинстве совсем иные, чем у нас. Именно поэтому мое абсолютно прямое и откровенное поведение он, вполне возможно, воспринял как лживую уловку, считая, что я, как всегда, темню.

Его самое слабое место — в неверной интерпретации наших моральных устоев. Все его ошибки проистекают отсюда. Он плохо знает нас, а мы — его. Он бесконечно чужд нам, а я, дурак, еще допустил, чтобы моя тень пересекла тот луч света, что исходит от принесенной им надежды. Я подавил свое мирское тщеславие. Я убрался с его пути, потому что именно этого он и хочет. Он прав. Кархайдский предатель, изгой не принесет пользы его делу.

В соответствии с законом Орготы о том, что каждая «государственная единица» должна иметь работу, я работаю — с Часа Восьмого до полудня на фабрике пластмассовых изделий. Работа легкая: я управляю машиной, которая соединяет и при помощи нагревания склеивает кусочки пластика. Получаются маленькие прозрачные коробочки. Понятия не имею, для чего они предназначены. К полудню, совершенно отупев, я начинаю вспоминать те искусства, которыми некогда занимался в Цитадели Ротерер. Приятно убедиться, что не совсем утратил способность управлять силой дотхе или входить в антитранс; вот только что проку от этого? Так же, впрочем, как и от умения впадать в летаргию или долгое время голодать? Ведь я теперь практически начинаю с нуля, как ребенок. Попробовал было поголодать один только день, и живот мой вопит от голода. А если неделю? А месяц?

Ночами теперь подмораживает; сегодня сильный ветер несет дождь со снегом. Весь вечер я неотступно думал об Эстре, и вой ветра за окном кажется мне отзвуком тех родных ветров, что дуют в Керме. Вечером написал сыну письмо, довольно длинное. И пока писал, то постоянно чувствовал рядом присутствие Арека, словно он стоял у меня за спиной. Зачем я храню такие вот записи? Чтобы их прочел мой сын? Мало же добра принесут они ему. Возможно, я пишу просто для того, чтобы выражать мысли на родном языке.

Харахад Сузми. По-прежнему ни единого упоминания о Посланнике по радио Оргорейна. Ни словечка. Интересно, замечает ли это Дженили Аи? Несмотря на оживленную деятельность внутри правительственно-го аппарата, ничего видимого на поверхности не про-исходит, ничего не говорится вслух. Государственная машина хранит свои махинации в тайне.

Тайб хочет научить Кархайд лгать. Уроки сам он берет у Оргорейна: хорошая школа. Полагаю, однако, что с обучением этому предмету — искусству настоящей лжи — у нас будут сложности: настолько давно мы привыкли ходить вокруг да около правды, так и не

касаясь ее и не говоря ни единого лживого слова при этом.

Вчера Оргота совершила бандитский налет на Кархайд через реку Эй; налетчики сожгли зернохранилища Текембера. Именно это и требуется Сарфу; именно этого хочет Тайб. А что в итоге?

Слоз, которому удалось окутать туманом веры Йомеш якобы мистические заявления Посланника, изображает прибытие Посланника Экумены на нашу планету как пришествие Царствия Меше в мир людей; в этом мистическом тумане сама цель совершенено теряется. «Мы должны прекратить соперничество с Кархайдом раньше, чем придут Новые Люди, — говорит Слоз. — Мы должны очистить свои души до их прихода. Мы должны смирить свой шифгретор, отказаться от мести друг другу и объединиться, не завидуя, став братьями одного Очага».

Но как того добиться до их пришествия? Как разорвать этот порочный круг?

Гырни Сузми. Слоз возглавляет комитет по борьбе с порнографическими спектаклями, разыгрываемыми в здешних Домах любви. Дома эти, должно быть, весьма похожи на кархайдские, *хухутх*. Слоз их решительный противник, а вульгарные спектакли эти считает настоящим богохульством.

Противостоять чему-либо порой означает поддерживать это.

Здесь часто говорят: «Все дороги ведут в Мишнори». И правда: даже если повернуться к Мишнори спиной, пойти от него прочь, то идти-то все равно будешь по дороге, ведущей в Мишнори. Выступать против вульгарности, например, неизбежно означает то, что и сам становишься вульгарным. Нужно непременно идти совсем в другом направлении, непременно иметь совсем иную цель, только тогда и выйдешь на другую дорогу.

Иегей сегодня в зале Тридцати Трех заявил: «Я в любом случае против блокады экспорта зерна в Кархайд и против насаждения злобного соперничества, которое лежит в основе этой блокады». Достаточно

верное заявление, но так он с дороги в Мишнори не свернет. Он должен предложить некую альтернативу. Оргорейн и Кархайд — оба должны свернуть с того пути, на который слишком давно встали; должны избрать другое направление, пойти в другую сторону — и разорвать наконец порочный круг. Иегей, по-моему, должен был бы говорить только о Посланнике, и ни о чем больше.

Быть атеистом — в сущности, значит поддерживать Бога. Есть Бог или его нет — в плоскости доказательств это примерно одно и то же. Именно поэтому слово «доказательство» не часто употребляется ханддараатами, которые решили не рассматривать Бога как факт, как объект для построения доказательств или для безграничной веры: они разорвали круг и оказались на свободе.

Узнать, какие вопросы не имеют ответа, и *не отвечать на них*; это искусство более всего необходимо во времена смуты и тьмы.

Торменбод Сузми. Мое беспокойство растет: по-прежнему ни единого слова о Посланнике в передачах Центрального Радио. Никакой информации о нем, содержавшейся в передачах из Эренранга, здешняя цензура не пропускала, а слухи, исходящие от владельцев нелегальных радиоприемников, по-моему, здесь всегда распространялись с трудом. Сарф обладает гораздо более полным контролем над всеми здешними средствами связи, чем мне это представлялось. Безграничность такого контроля пугает. В Кархайде король и киорремия тоже в значительной степени контролируют деятельность масс, однако слухами управлять почти не способны, а уж рты заткнуть — тем более. Здесь же правительству ведомо все, даже мысли граждан. Конечно же, никому не следовало бы обладать подобной властью над другими.

Шусгис и кое-кто еще открыто взят Дженили Аи по городу. Интересно, догадывается ли он, что подобная открытость и вседозволенность призваны скрыть от него самого то, что его как Посланника иного мира скрывают от людей? Я порой спрашиваю своих на-

парников на фабрике, но они не знают ровным счетом ничего и уверены, что я имею в виду какого-то помешанного из последователей Йомеш. Итак, информации нет — нет и интереса, а стало быть, нет ничего, что могло бы способствовать продвижению дела Аи или хотя бы способно было защитить его самого.

К сожалению, он слишком похож на нас внешне. В Эренранге на него частенько показывали на улице пальцем — кое-что знали, кое-что слышали и, уж во всяком случае, были уверены в том, что он действительно существует. Здесь, где присутствие Посланника держат в тайне, он открыто ходит по улицам, оставаясь неузнанным. Они, конечно же, видят его таким, каким я и сам когда-то впервые увидел его: очень высокий, сильный, очень темнокожий молодой человек, у которого как раз наступает кеммер. В прошлом году я изучил медицинские отчеты о нем. Его отличие от нас весьма глубоко. И отнюдь не ограничивается внешними признаками. Необходимо достаточно хорошо и близко знать его, чтобы догадаться, что это инопланетянин.

Но тогда почему же они скрывают его? Почему ни один из Комменсалов не напишет о нем в газету, не упомянет его в публичном выступлении или по радио? Почему молчит даже Обсл? Боятся.

Мой король боялся Посланника; эти люди боятся друг друга.

По-моему, я единственный, кому Обсл доверяет, поскольку я иностранец. Он даже получает удовольствие от общения со мной (как и я от общения с ним) и несколько раз, отбросив шифгретор, искренне просил моего совета. Но когда я почти вынуждаю его рассказать о Посланнике вслух, пробудить к нему общественный интерес — хотя бы в качестве защиты от фракционных интриг, — он меня как будто не слышит.

«Если бы вся Комменсалия обратила на Посланника внимание, Сарф никогда не осмелился бы его тронуть, — говорю я. — Как и тебя, Обсл». Обсл только вздыхает: «Да-да, но мы этого сделать не можем,

Эстравен. Что же нам, выступать с проповедями на перекрестках, как верующим-фанатикам?»

«Ну хорошо, — говорю я, — но кто-то ведь может специально поговорить с людьми, пустить нужные слухи; мне именно так и пришлось вести себя в прошлом году в Эренранге. Нужно заставить людей задавать вопросы, те вопросы, на которые у вас есть ответ: Посланник собственной персоной».

«Ах, если бы он посадил здесь этот свой проклятый корабль, нам было бы что показать людям! Но в данный момент...»

«Он не посадит корабль, пока не будет уверен, что вы действуете с добрыми намерениями». «А с какими же! — выкрикивает Обсл, раздуваясь как огромный радиоприемник, как груда местных бюллетеней и научной периодики (все это в руках Сарфа!). — Ну что я могу? По-прежнему притворяться? Разве я весь прошлый месяц не занимался его делами? Во имя веры! Он рассчитывает, что мы поверим всему, что бы он нам ни говорил, а сам в ответ нам же и не верит!» Обсл возмущен. «А стоит ли ему верить вам?» — говорю я. Обсл пыхтит и не отвечает.

Он наиболее честен из всех остальных правительственныех чиновников Орготы, известных мне.

Одгетени Сузми. Чтобы стать в Сарфе высокопоставленным лицом, необходимо, как мне кажется, обладать определенным комплексом или, точнее, комплексной формой глупости. Пример тому Гаум. Он видит во мне агента Кархайда, пытающегося привести Оргорейн к колоссальной потере престижа, убедив его граждан поверить в фокус с Посланником Экумены; он думает, что, будучи премьер-министром, я тратил свое время именно на подготовку этой мистификации. Клянусь Богом, у меня есть дела поинтереснее, чем бросать вызов этому мерзавцу. Но даже этот, совершенно очевидный, факт он разглядеть не способен. Теперь, когда Иегей практически от меня отрекся, Гаум полагает, что меня можно подкупить, и явно намерен попытаться сделать это, действуя своими собственными, весьма любопытными методами. Он либо

следил за мной, либо приставлял ко мне наблюдателей — во всяком случае, я все время был у него «под присмотром», — так, им известно, что я, например, вступлю в первую фазу кеммера на двенадцатый или тринадцатый день этого месяца — в день Постхе или Торменбод. Именно поэтому он, якобы случайно, и подвернулся мне в самом расцвете собственного кеммера, явно стимулированного гормонами, чтобы соблазнить меня. Чисто случайная встреча на улице Пье-нефен. «Харт! Я вас целых полмесяца не видел! Где это вы прятались? Пойдемте выпьем кружечку пива».

Он выбрал пивную рядом с одним из государственных Домов любви. Но заказал не пиво, а «живую воду»: явно не собирался терять время даром. После первой рюмки он положил руку мне на ладонь и, приблизив свое лицо к моему, страстно прошептал: «Ведь мы не случайно встретились сегодня: я ждал вас. Молю, будьте моим кеммерингом!» — и назвал меня моим домашним именем. Я не отрезал ему язык только потому, что, с тех пор как покинул Эстре, не ношу с собой ножа, и сообщил, что намерен в ссылке блюсти воздержание. Он продолжал ворковать, что-то бормотать и цепляться за руки. У него был женский тип кеммера, и он очень быстро входил в полную фазу. Гаум в состоянии кеммера особенно красив, и он очень рассчитывал на свою красоту и сексуальную неотразимость, зная, по-моему, что, будучи ханддаратом, я вряд ли стану принимать средства, снижающие половую активность, так что особенно упорствовать не стану. Он забыл, что отвращение порой действует не хуже иного лекарства. Я высвободился из его объятий — разумеется, не совсем оставшись равнодушным — и предложил ему воспользоваться услугами ближайшего Дома любви. И тут он посмотрел на меня с ненавистью, достойной сострадания, потому что, как бы недостойны ни были его цели, сейчас он действительно находился в глубоком кеммере и был очень сильно возбужден.

Неужели он всерьез рассчитывал, что я польщусь на его дрянную красоту? Он, должно быть, думал, что

после той истории мне будет здорово не по себе; и мне действительно стало здорово не по себе.

Будь они все прокляты, эти грязные людишки! Среди них нет ни одного с чистой душой.

Одсордни Сузми. Сегодня днем Дженили Аи выступил с речью в Зале Тридцати Трех. Больше никого туда не пустили, и никакой радиопередачи сделано не было, но Обсл потом пригласил меня к себе и прокрутил собственную магнитофонную запись заседания. Посланник говорил хорошо, с трогательной искренностью и убедительностью. Есть в нем некая невинность, которую я привык считать чуждой нам и довольно глупой; и все же в отдельные моменты именно за этой кажущейся невинностью открывается такая широта знаний и такая дальновидность, что мне становится страшно. Его устами говорит уверенный в себе и очень великодушный народ — такой народ, который сплел воедино премудрость древнего, немыслимо глубокого и невообразимо разнообразного жизненного опыта множества человеческих обществ. Но сам-то Аи еще молод, нетерпелив, неопытен. Он выше нас и видит шире, но, как бы то ни было, он всего лишь обычный человек.

Теперь он говорит куда лучше, чем в Эренранге: проще, искуснее, — постепенно выучился и этому мастерству. Как, впрочем, и все мы.

Его речь часто прерывали члены доминирующей партии, требуя, чтобы председательствующий остановил этого безумца, выдворил его из Зала и вернулся к обычному распорядку дня. Комменсал Иеменбей вел себя особенно шумно и непредсказуемо. «Неужто ты готов жрать этот словесный бред, это дерзкое гиши-миши?» — орал он время от времени, обращаясь к Обслу. В аудитории стоял такой невообразимый шум, что даже на пленке было почти невозможно его слушать; шум, по словам Обсла, был специально организован Кахаросайлом и его сообщниками.

Цитирую по памяти:

Альшель (председательствующий): Господин Посланник, мы находим вашу информацию, а также предло-

жения, сделанные господином Обслом, господином Слозом, господином Итепеном, господином Иегеем и другими лицами, весьма и весьма интересными, весьма и весьма обнадеживающими. Нам нужно, однако, нечто большее, чтобы развивать наши отношения. (Смех в зале.) Поскольку король Кархайда запер вашу... хм, тот механизм, на котором вы прилетели, и мы лишены возможности видеть его, то нельзя ли, как это вами же и было предложено, вызвать вашу... э... ваш Звездный Корабль и посадить его в Оргорейне? Как вы называете этот механизм?

Ai: «Звездный Корабль» — хорошее название, господин председатель.

Альшель: А? Но как вы сами-то его называете?

Ai: Ну, с технической точки зрения это искусственный межзвездный планетолет, цетианская модель НАФАЛ-20.

Голос из зала: Вы уверены, что это не санки Святого Петете? (Смех.)

Альшель: Прошу вас! Да. Хорошо. Так вот, если бы вы могли посадить ваш корабль здесь — чтобы он обрел, так сказать, твердую почву под собой, — а мы могли бы, так сказать, получить некое, вполне материальное...

Голос из зала: Вполне материальное рыбье дермо!

Ai: Я очень хотел бы посадить этот корабль, господин Альшель, — как в качестве доказательства, так и в качестве свидетельства нашего взаимного расположения. Я жду лишь вашего предварительного публичного заявления об этом событии.

Кахаросайл: Разве вы не видите, Комменсалы, что это такое? Это ведь не просто глупая шутка. Это по своему замыслу публичное издевательство над нашим доверием, точнее — нашей доверчивостью! И человек этот издевается над нами с невероятной настойчивостью и наглостью, глядя нам прямо в глаза. Вы ведь знаете, что он из Кархайда. Знаете, что он кархайдский агент. Вы все можете убедиться, что это извращенец, Перверт, которые в Кархайде в связи с распространенным там культом Тьмы не только не

подвергаются лечению, но даже искусственно создаются для оргий кархайдских Предсказателей. И тем не менее, когда он говорит, что прилетел из далекого Космоса, некоторые из вас отказываются верить собственным глазам, глушат голос разума и *верят* ему? Никогда не думал я, что такое возможно! (И так далее, и тому подобное.)

Если судить по записи, Аи реагировал на гнусные намеки и оскорблении терпеливо. Обсл сказал, что он вообще держался хорошо. Я бродил вокруг зала Тридцати Трех, чтобы увидеть, как все они будут выходить. Вид у Аи был мрачно-задумчивый. Что ж, причин задуматься у него хватало.

Моя беспомощность непереносима. Именно я запустил эту машину и теперь не способен контролировать ее деятельность. Надвинув на лицо капюшон, я прокрадывался по улицам, чтобы только взглянуть на Посланника. И для этой жизни — крадучись, ползком! — я отказался от власти, денег, друзей? Что ты за дурак, Терем!

Почему я всегда прилепляюсь сердцем к чему-то недопустимому, невозможному?

Одес Сузми. Коммуникационное устройство Дженили Аи теперь передано Тридцати Трем под ответственность Обсла; но и оно ничего не изменит в представлениях кого бы то ни было. Без сомнения, устройство функционирует именно так, как говорит Аи, однако если королевский математик Шорст способен был сказать о нем лишь: «Я не понимаю принципов его работы», то и любой математик или инженер Орготы скажет не больше, и ничего не будет ни доказано, ни опровергнуто. Замечательный результат — если бы эта страна представляла собой, например, одну из Цитаделей Ханддары, но, увы, мы должны идти дальше, пятна свои следами свежий и рыхлый снег, доказывая и опровергая, задавая вопросы и отвечая на них.

Еще раз я попытался надавить на Обсла, требуя, чтобы Аи была предоставлена возможность связаться

по радио со своим большим кораблем, разбудить команду и попросить кого-то из них переговорить с Тридцатью Тремя. На этот раз у Обсла уже была заранее подготовлена причина, согласно которой делать это ни в коем случае не следовало. «Послушайте, Эстравен, дорогой мой, всем нашим радио заправляет Сарф, теперь вам это известно. И я понятия не имею — даже я! — кто из людей в Бюро Связи работает на Сарфа; большая часть, без сомнения, ибо мне достоверно известно, что они свободно пользуются передатчиками и радиоприемниками любых категорий, вплоть до тех, что находятся в ремонтных мастерских. Они могут — и непременно это сделают — заблокировать или фальсифицировать любой радиосигнал, который к нам поступит. Если он действительно поступит! Вы представляете себе подобную сцену в Зале? Мы, “жертвы внешнего Космоса”, жертвы собственной мистификации, затаив дыхание, будем слушать лишь электрические разряды — и ничего больше! Ни ответа, ни привета!»

«А у вас, конечно, нет денег, чтобы нанять для такого сеанса порядочных техников или перекупить кого-то из команды Сарфа?» — спросил я; впрочем, без толку. Он боится за свой престиж. Его поведение по отношению ко мне уже изменилось. И если сегодня он отменит прием в честь Посланника, то дела совсем плохи.

Одархад Сузми. Прием он отменил.

Утром я отправился на встречу с Посланником в полном соответствии с орготскими правилами приличий. Не явился открыто с визитом в дом Шусгиса, где все нашпиговано людьми Сарфа, да и сам Шусгис — один из них, но встретился с ним на улице, «случайно», в стиле Гаума. Тайком, украдкой. «Господин Аи, не уделите ли мне минутку?» Он изумленно огляделся и, узнав меня, встревожился. Впрочем, через минуту он взорвался: «Что, в конце концов, вам от меня нужно, господин Харт? Вы же знаете, что я не могу полагаться на ваши слова с тех пор как в Эренранге...»

Это было по крайней мере искренне, хотя и очень непонятно. Впрочем, все же отчасти понятно: он знал, что я хочу дать ему совет, а не просить у него что-то, и сказал так, чтобы пощадить мою гордость.

«Это Мишнори, а не Эренранг, — сказал я, — но опасность, которой вы подвергаетесь, везде одна и та же. Если вы не сможете убедить Обсла и Иегея, что вам необходимо связаться по радио с вашим кораблем, чтобы люди на борту, оставаясь в безопасности, могли бы как-то подтвердить ваши заявления, тогда, как мне кажется, вам следует немедленно использовать этот ансибль и вызвать корабль на Гетен. Риск, которому в таком случае подвергнется он, меньше, чем тот риск, которому подвергаетесь теперь вы в одиночку».

«Споры между Комменсалами относительно моих радиопосланий держатся от меня в секрете. Откуда вам известно о моих “заявлениях”, господин Харт?»

«Дело моей жизни — знать...»

«Но в данном случае это вовсе не ваше дело. Это дело Комменсалов Оргорейна».

«Говорю вам, что жизнь ваша в смертельной опасности, господин Аи», — сказал я; на это он не ответил ничего, и я ушел.

Мне, конечно же, следовало поговорить с ним еще несколько дней назад. Теперь слишком поздно. Страх разрушает и его затею, и мои надежды, снова разрушает все. Но не страх перед этим инопланетянином, не страх перед кем-то из иного мира, с иной планеты. В Орготе у них на это не хватает ни широты мышления, ни широты души — понять то, что в действительности и невероятно, и странно. Они даже не видят этого. Они смотрят на человека из иного мира и видят — что? Какого-то шпиона из Кархайда, Первверта, агента, жалкую «государственную единицу» — единичку, подобную им самим.

Если он немедленно не пошлет за кораблем, то завтра будет поздно; возможно, уже слишком поздно.

Это моя вина. Я все сделал неправильно.

О ВРЕМЕНИ И ТЬМЕ

Из «Поучений Тухулме, Верховного Жреца»; «Канон Йомеш», Северный Оргорейн. Запись текста произведена около 900 лет назад.

M еще есть Центр Всех Времен. Он ясно увидел все сущее, когда прожил на этой земле уже тридцать лет. И еще тридцать лет прожил он после того, так что Ясное Видение приходится на самую середину его жизни. Века, прошедшие до мгновения Ясного Видения, столь же долгие, как и те, что придут им на смену, ибо Ясновидение Меше было Центром Всех Времен, где нет ни прошлого, ни будущего. Но есть и прошлое и будущее одновременно. Прошлого не было, и будущее не наступит. Есть Центр Всех Времен. И все — в нем.

Невидимого для Меше не существует.

Когда тот бедняк из Шенея пришел к Меше, жалуясь, что ему нечем накормить свое кровное дитя, что нет у него даже зерна для посева, ибо дожди еще в полях сгноили весь урожай, и теперь семья его голодает, Меше сказал: «Выкопай яму на каменистом поле Тюэрреша; в ней — множество серебра и драгоценных камней, ибо вижу я, как король хоронит в этом

месте свое сокровище десять тысяч лет тому назад, опасаясь соседа, с которым у него давняя тяжба».

Бедняк из Шенея вырыл в мореновой гряде Тюэр-реща яму и в том самом месте, которое указал Меше, извлек на поверхность целую груду старинных драгоценностей. При виде их он громко закричал от радости. Но Меше, стоя с ним рядом, заплакал и сказал: «Я вижу, как некий человек убивает брата своего из-за одного лишь такого блестящего камушка. И происходит это десять тысяч лет спустя. Эта вот яма, откуда достал ты сокровище, станет могилой убиенного, о человек из Шенея. Я знаю также, где твоя собственная могила, ибо я вижу тебя лежащим в ней».

Жизнь каждого человека — в Центре Времен; все жизни были ясно увидены Меше и запечатились в его Глазу. Мы, люди, стали зеницами очей его. А действия наши — его Ясновидением. Бытие наше дало ему Знание.

В самой гуще леса Орнен, что раскинулся на сто тысяч шагов в длину и сто тысяч шагов в ширину, стояло дерево хеммен. Дерево было старым, раскидистым, с сотней крупных ветвей, и на каждой сотня мелких веточек, а на каждой веточке — сотни сотен иголок. И дерево это сказало своей душе, что гнездится в корнях: «Видны все мои листья-иглы, кроме одной; эту единственную иголку скрывают во тьме остальные. Это моя великая тайна. Кто распознает ее во тьме, среди бесчисленных моих игл? Кто сочтет их все?»

В своих скитаниях Меше проходил как-то через лес Орнен и именно с этого дерева хеммен сорвал именно ту маленькую веточку с заветной иголкой, которую и сломал.

Ни одна дождевая капля не упадет снова с небес во время осенней непогоды, если она падала раньше; а осенние дожди выпадали и раньше, и выпадают сейчас, и будут выпадать всегда в это время года. Меше видит каждую каплю, знает, куда она падала, падает и упадет в будущем.

У Меше в зенице ока — все звезды и тьма междузвездная; все это залито ярким светом.

Отвечая на тот Вопрос лорда Шортха, в миг Ясновидения Меше узрел все небеса разом, как если бы все это было одно лишь солнце. Над землей и под землей — вся сфера небесная была залита светом, как поверхность солнца, и тьмы не было вовсе. Ибо видел он не то, что было, и не то, что будет, но то, что есть. Те звезды, что, исчезая с небосклона, уносят с собой свой свет, единовременно запечателись в его Глазу и светили теперь все сразу*.

Тьма есть лишь в глазу смертного, считающего, что он видит все, однако не видит ничего. Во взгляде Меше тьмы не существует.

А потому те, кто взывает ко Тьме**, обезумели и были исторгнуты со слюной изо рта Меше, ибо они дают имена тому, чего не существует, называя это несуществующее Истоком и Концом.

Нет ни истока, ни конца, и все существует лишь в Центре Времен. Подобно тому как все звезды разом могут отразиться в одной лишь капле дождя, падающей с небес в ночи, так и капля эта тоже отражается сразу во всех звездах мира. Не существует ни тьмы, ни смерти, ибо все сущее — лишь в великом Миге Ясновидения, и концы и начала едины.

Един Центр Всех Времен, как един миг Ясного Видения, как един закон и вечный свет. Так загляни же теперь в Глаз Меше!

* Мистическая интерпретация одной из теорий, поддерживающих гипотезу о расширяющихся границах Вселенной; гипотеза впервые выдвинута Математической школой Ситха более четырех тысячелетий назад и в целом принятая на вооружение последующими поколениями космологов, хотя метеорологические условия на планете Гетен не позволяют собрать достаточных доказательств при наблюдении астрономических тел. Скорость расширения Вселенной (константа Хаббла; константа Рерхерека) может фактически оцениваться в соответствии с зафиксированным количеством спекта, исходящего из ночного неба; основной постулат теории: если бы Вселенная не расширялась, ночное небо не казалось бы темным (Дж. Ау).

** Ханддараты (Дж. Ау).

НА ФЕРМЕ

О беспокоенный внезапным появлением Эстравена, его осведомленностью и яростной настойчивостью его предстережений, я остановил такси и помчался прямо к Комменсалу Обслу, намереваясь спросить, откуда Эстравену известно столь многое и почему он внезапно возник передо мной буквально из пустоты, пытаясь заставить меня сделать именно то, что еще вчера сам Обсл советовал мне ни в коем случае не делать. Комменсала дома не оказалось; привратник не знал, где он и когда вернется. Тогда я поехал к Иегею, но с тем же результатом. Шел сильный снег; это был самый мощный снегопад за всю осень; шофер отказался везти меня дальше, поскольку резина у него на колесах была нешипованная, и отвез к Шусгису. В тот вечер мне также не удалось и по телефону связаться ни с Обслом, ни с Иегеем, ни со Слозом.

За обедом Шусгис объяснил мне: идет праздник Йомеш; на торжественной церемонии ожидается присутствие Святых, а также высокопоставленных лиц и администрации Комменсалии. Он также объяснил мне поведение Эстравена, и, надо сказать, довольно-таки злобно: как поведение человека, некогда могущественного, но утратившего власть, который хватается за любую возможность повлиять на кого-то или

на что-то, но поступает все более и более неразумно, со все возрастающим отчаянием, ибо сознает, что неизбежно погружается в бессильную безвестность. Я согласился; это, пожалуй, соответствовало возбужденному, почти отчаянному поведению Эстравена. Однако по-прежнему не мог избавиться от беспокойства, странным образом охватившего и меня после той встречи. В течение всей долгой и обильной трапезы я чувствовал какую-то смутную тревогу. Шусгис говорил не умолкая, обращаясь не только ко мне, но и к своим многочисленным помощникам и лизоблюдам, которые каждый вечер садились с ним вместе за стол; я никогда еще не видел его столь велеречивым и оживленным. Когда обед наконец закончился, было уже достаточно поздно, чтобы снова куда-то ехать. К тому же, как сказал Шусгис, торжественная церемония еще продолжается и окончится далеко за полночь, так что все Комменсалы все равно будут заняты. Я решил отказаться от ужина и пораньше лег спать. Где-то среди ночи, когда до рассвета было еще далеко, меня разбудили какие-то неизвестные мне люди и сообщили, что я арестован; после чего меня под стражей проводили в тюрьму Кундершаден.

Кундершаден — очень старое, одно из немногих древних строений, еще сохранившихся в Мишнори. Я часто обращал на него внимание, когда бродил по городу: это длинное мрачное и даже какое-то зловещее здание со множеством башен весьма отличалось от светлых каменных кубов и прочих геометрически правильных форм, свойственных архитектуре периода Комменсалии. Здание полностью соответствует своему назначению и названию. Это *настоящая тюрьма*. Не просто название, за которым скрывается что-то иное, не метафора, это тюрьма как явление жизни, полностью соответствующая значению этого слова.

Тюремщики — грубые коренастые люди — претащили меня по коридорам и на какое-то время оставили одного в маленькой комнате, очень грязной и очень ярко освещенной. Почти сразу же в комнатку ввалилась новая толпа стражников, во главе которых шел

человек с тонкими чертами лица и весьма важным видом. Он выставил их всех за дверь, оставив в комнате лишь двоих. Я спросил, нельзя ли передать записку Комменсалу Обслу.

— Комменсал знает о вашем аресте.

— Знает? — переспросил я с довольно глупым видом.

— Разумеется, мое руководство действует в соответствии с указаниями Тридцати Трех... Вы будете подвергнуты допросу.

Стражники схватили меня за руки. Я начал вырываться, сердито приговаривая:

— Я и так с готовностью отвечу на все ваши вопросы, может быть, можно обойтись и без этого возмутительного насилия?

Человек с тонким лицом не обратил на мои возражения ни малейшего внимания, лишь позвал на помощь еще одного стражника. Втроем им удалось наконец растянуть меня на столе, намертво закрепить руки и ноги и сделать мне какой-то укол. По-моему, мне ввели «эликсир правды».

Не знаю, сколько длился допрос и о чем вообще шла речь, потому что мне без конца делали инъекции, видимо вводя дополнительные дозы сильного наркотика. Так что я плохо что-либо помню. Когда я снова пришел в себя, то понятия не имел, сколько времени провел в Кундершадене: дня четыре-пять, судя по внешнему виду и физическому состоянию; но в этом я не был уверен. Я еще довольно долго никак не мог сообразить, какой же может быть день и месяц, и вообще еле-еле, с трудом начал осознавать, где именно нахожусь.

А находился я в грузовике, очень похожем на тот, что привез меня через перевал Каргав в Рир; только тогда я ехал в кабине, а теперь — в крытом кузове. Там кроме меня было еще человек двадцать—тридцать; точнее определить было трудно: окна отсутствовали и свет проникал только сквозь щель в задней стенке, загороженной к тому же четырьмя слоями стальной сетки. Мы, по всей очевидности, уже давно были в

пути, когда я, очнувшись, обрел наконец способность соображать. У каждого в фургоне было свое определенное место, в воздухе висел тяжкий запах испражнений, рвоты и пота, который не исчезал ни на минуту, но вроде бы и не усиливался. Все мы были друг другу абсолютно незнакомы. Ни один не знал, куда нас везут. Разговаривали мало. Во второй раз я оказался запертым в темноте вместе с покорными, ни на что не жалующимися и ни на что не надеющимися жителями Оргорейна. Теперь я понял, что за знак был дан мне в мою первую ночь в этой стране. Тогда я не придал должного значения пребыванию в темном подвале и отправился искать сущность оргорейнцев на поверхности земли, при солнечном свете. Ничего удивительного, что там все казалось мне ненастоящим.

По-моему, грузовик наш двигался на восток; я так и не смог до конца отделаться от этого ощущения, даже когда стало совершенно ясно, что движется он на запад, все дальше и дальше в глубь Оргорейна. Чувство ориентации относительно полюсов часто подводит человека на чужой планете, а в тех случаях, когда разум не способен или просто не имеет возможности компенсировать это неверное восприятие визуально, наступает растерянность, ощущение полного одиночества.

Один из нас — из того живого груза, который везли в кузове, — в ту ночь умер. Его, видимо, раньше сильно избили дубинкой или ударили сапогом в живот: умер он от непрерывного кровотечения изо рта и анального отверстия. Никто ничем ему не помог; да и помочь, собственно, было нечем. Пластиковый кувшин с водой, который сунули в фургон несколько часов назад, давно уже был пуст. Умирающий был моим соседом справа, и я положил его голову к себе на колени, чтобы ему легче было дышать; у меня на коленях он и умер. Все мы были голыми, но потом я будто оделся: мои ноги, бедра и руки покрыла сухая, жесткая, коричневая корка, его кровь — одеяние, не дающее тепла.

Ночью становилось жутко холодно, и мы были вынуждены жаться друг к дружке, чтобы согреться. Труп,

поскольку тепла он дать нам не мог, просто отбросили в сторону — как бы исключили из общества. Остальные сплелись в клубок, покачиваясь и подпрыгивая на ухабах. Тьма внутри нашей стальной коробки была всепоглощающей. Мы ползли по какой-то сельской дороге, и за нами явно не шла ни одна машина; даже вплотную прижав лицо к стальной решетке, невозможно было ничего разглядеть сквозь щель в двери, кроме темноты и неясных мелькающих теней — снежных хлопьев.

Падающий снег; снег, только выпавший; давно выпавший снег; снег после дождя или дождь, перешедший в снег; снежный наст... В Орготе и Кархайде для каждого из этих понятий было свое слово. В кархайдском языке (который я знал лучше) существовало, по моим подсчетам, шестьдесят два слова для обозначения различных видов, состояний, долговременности и прочих качеств снежного покрова; вот теперь это был *снег падающий*, снегопад; примерно столько же слов существует для ледостава; еще один из лексических наборов — штук двадцать словосочетаний, если не больше, — определяет такие свойства погоды, как уровень температуры, сила ветра и общее количество осадков за последние дни. Всю ночь я пытался воскресить в памяти списки этих словосочетаний. Каждый раз, вспоминая еще одно, я повторял весь список сначала, расставляя понятия в алфавитном порядке.

Вскоре после рассвета грузовик остановился. Люди кричали в дверную щель, что в кузове мертвец и что его надо вынуть. Кричали все по очереди. И все вместе. Что было сил колотили по стенам и полу своей стальной коробки, устроив такой дьявольский концерт, что в конце концов сами не выдержали. Однако никто так и не пришел. Грузовик несколько часов стоял без движения, наконец снаружи послышались голоса, грузовик дернулся, буксая на заледенелой дороге, и снова двинулся в путь. Через щель было видно, что уже довольно позднее утро, светит солнце, а движемся мы по заросшим лесом склонам гор.

Грузовик прежним манером полз еще три дня и три ночи — прошло уже четверо суток с тех пор, как я очнулся. Мы совсем не останавливались на контрольных пунктах, потому что, наверное, обезжали все города и селения стороной, по окольным, секретным дорогам. Впрочем, грузовик все-таки иногда останавливался, например, чтобы сменить шоferа и перезарядить батареи питания; были и другие, более длительные остановки, причину которых невозможно было установить, находясь внутри наглухо закрытого фургона. В течение двух дней мы с полудня до темноты стояли на месте, а потом всю ночь ехали без остановок. Один раз в день, около полудня, через дверцу в задней стенке нам просовывали большой кувшин с водой.

Считая покойника, нас было двадцать шесть, два раза по тринадцать. Гетенианцы часто считают «чертовыми дюжинами»: двадцать шесть, пятьдесят два, — скорее всего, видимо, потому, что лунный цикл составляет у них двадцать шесть дней, то есть примерно соответствует продолжительности их полового цикла. Труп плотно притиснули к щели в дверях, где было холоднее всего. Живые же, то есть мы, сидели или лежали скрючившись — каждый на своем месте, на своей территории, в своем княжестве — до наступления ночи, когда холод становился настолько невыносимым, что все потихоньку начинали сползаться все ближе и ближе друг к другу и в конце концов снова сплетались в клубок в центре кузова. Этот человеческий комок в сердцевине своей хранил тепло, а по краям был очень холодным.

Еще от него исходила доброта. Я и некоторые другие, например один старик и еще один человек, которого мучил кашель, были негласно признаны наименее стойкими к холоду, так что каждую ночь мы неизменно оказывались в центре этого клубка из двадцати пяти человеческих тел, где было тепло. Мы не боролись за теплое местечко — просто оказывались там каждую ночь. Сколь поразительна и ужасна эта сила человеческой доброты! Ужасна потому, что все мы в итоге

предсгали нагими и нищими перед всепобеждающими холодом и тьмой. Доброта была нашим единственным достоянием. Мы, прежде столь богатые, полные сил люди, в итоге вынуждены были довольствоваться такой вот малостью. Больше нам нечего было дать друг другу.

Несмотря на то что ночью мы жались друг к дружке как можно теснее, буквально сплетались телами, все пассажиры грузовика были необычайно разобщены. Некоторые еще не совсем пришли в себя после инъекций наркотиков; некоторые, возможно, были умственно отсталыми или ущербными; и, наконец, все были ошеломлены и напуганы. Но все-таки странно, что из двадцати пяти человек ни один даже ни разу не заговорил, обращаясь ко всем сразу, даже ни разу никто не выругался вслух. Доброта и долготерпение чувствовались в этих людях, но — лишь в молчании,ечно в молчании. Сбитые, точно сельди в бочке, в этой прокисшей тьме, отчетливо ощущая смертность друг друга, мы стукались локтями, тряслись на ухабах, дышали одним и тем же воздухом, много раз перемешанным нашими легкими; чтобы согреться, складывали свои тела вместе, как складывают поленья в очаге или костре, но при этом оставались друг другу чужими. Я так и не знаю имен тех, кто проделал столь долгий путь на этом грузовике.

Однажды, правда, — я думаю, то было на третий день, когда грузовикостоял много часов неподвижно и уже стало казаться, что нас попросту бросили в пустыне, чтобы мы так и сгнили заживо в этом фургоне, — один из них заговорил со мной. Он долго рассказывал о том, как работал на мельнице в Южном Оргорейне и как влип в историю, поспорив с надзирателем. Он все говорил и говорил тихим, монотонным голосом и все время касался ладонью моей руки, как бы для того, чтобы убедиться, что я его слушаю. Солнце уже клонилось к западу, а мы все стояли на обочине пустынной дороги. Неожиданно солнечный луч проник сквозь щели в двери, осветив все вокруг, даже тех, кто сидел в самом темном углу, и я вдруг

увидел перед собой девушку. Грязную, глупенькую, но очень хорошенкую и измученную. Она заглядывала мне в лицо с застенчивой улыбкой, словно искала утешения. Это был кеммер женского типа, и ее явно тянуло ко мне. Единственный раз кто-то из моих несчастных сокамерников просил у меня помоши, но этой помоши я дать не мог. Я встал и подошел к щели в задней двери, как бы желая подышать воздухом и посмотреть, что там снаружи, и долгое время не возвращался.

В ту ночь грузовик без конца полз по холмистым склонам то вверх, то вниз. Время от времени по совершенно необъяснимым причинам он останавливался. При каждой остановке вокруг нашего стально-го ящика воцарялась мертвая звенящая тишина — тишина бескрайних, пустынных высокогорных долин. Тот, что был в кеммере, по-прежнему льнул ко мне и все порывался коснуться меня рукой. Я снова очень долгоостоял у дверной щели, прижавшись лицом к стальной сетке и дыша чистым воздухом, который огнем жег горло и легкие. Пальцев своих, вцепившихся в решетку, я не чувствовал. В конце концов я осознал, что они либо уже отморожены, либо очень скоро это произойдет. От моего дыхания между губами и сеткой нарос целый ледяной мостик. Пришлось ломать его пальцами, прежде чем я смог отвернуться. Когда я наконец присоединился к остальным, уже сбившимся в тесный клубок, то меня начала бить такая сильная дрожь, что все тело подпрыгивало и содрогалось, будто в конвульсиях. Потом грузовик двинулся дальше. Шум и движение создавали слабую иллюзию живого тепла, но меня не оставляла лихорадка, я так и не смог уснуть в ту ночь. По-моему, большую часть ночи мы ехали на очень большой высоте, но точно определить ее я бы не смог; в таких условиях частота дыхания и пульса и даже давление слишком ненадежные показатели.

Как я узнал позже, в ту ночь мы преодолевали перевал Сембенсиен и находились на высоте более трех километров.

Голод меня не особенно мучил. Последний раз я ел, похоже, как раз во время длительной и обильной трапезы в доме Шусгиса; возможно, меня кормили и в Кундершадене, но этого я не помню. Еда как бы не вписывалась в ту жизнь, которую мы вели в своей стальной коробке, и я почти не думал о ней. Жажда, однако, казалась основополагающим фактором здешней жизни. Один раз в день во время остановки маленькая дверца-ловушка в тяжелой задней двери грузовика, явно предназначенная специально для этого, открывалась, кто-нибудь из нас просовывал наружу пустой пластиковый кувшин для воды, и вскоре его всовывали обратно, но уже полным; вместе с ним влетал и глоток свежего ледяного воздуха. У нас не было никакой возможности как-то разделить воду между собой. Кувшин просто пускали по рядам, и каждый делал по три-четыре больших глотка, прежде чем передать кувшин следующему. Никто — ни в одиночку, ни группой — не пытался захватить кувшин надолго, но никто и не позабочился о том, чтобы сберечь немного воды для того человека, который давно уже сильно кашлял, а теперь еще и горел в жару. Я как-то раз предложил оставить ему немного, мои соседи кивнули в знак согласия, однако так ничего и не сделали. Воду делили более или менее поровну — никто не пытался выпить больше, чем ему полагалось; кувшин пустел в течение нескольких минут. Однажды троим последним, что сидели в дальнем углу, у кабины, воды не досталось; кувшин, достигнув их, оказался пуст. На следующий день двое из них потребовали, чтобы им дали напиться первыми, что и было сделано. Третий лежал, скрючившись, в своем углу и не шевелился; и снова никто не позабочился о том, чтобы он получил свою долю. Почему же это не попытался сделать я? Не знаю. То был уже мой четвертый день в кузове грузовика, и, если бы меня тоже вот так обделили, я не уверен, что предпринял бы хоть малейшую попытку добиться своей порции. Умом я понимал, что тот человек, наверное, очень хочет пить, что он жестоко страдает, как и больной, что разрывался от

кашля; что все остальные страдают тоже. Я воспринимал их страдания значительно отчетливей, чем свои собственные, но был не в состоянии хоть чем-то облегчить участь этих людей, а потому принимал все как должное, спокойно и покорно.

Я знаю, что в одинаковых обстоятельствах разные люди могут вести себя очень по-разному. Сейчас вокруг меня были жители Орготы, с рождения приученные к дисциплине, совместному труду, покорности и послушанию во имя достижения общей цели, установленной для них свыше. В них весьма ослаблены были такие качества, как независимость и способность принимать самостоятельные решения. Не слишком способны они были и на проявление гнева. Они образовывали нечто целостное, включавшее и меня; каждый чувствовал это единство, и лишь оно служило убежищем и спасением в бесконечной ночи — то было единство тесно прижавшихся друг к другу людей, только так могущих сохранить жизнь. Но люди, ставшие единым целым, безмолвствовали; ни один голос не прозвучал от имени всей группы; общность эта была как бы обезглавленной и оттого абсолютно пассивной.

На пятое утро — если мой отсчет времени был правилен — грузовик остановился. Мы услышали, как снаружи переговаривались люди. Замок в стальных дверях нашей камеры отперли, и створки широко распахнулись.

Один за другим мы подползали к разверзшемуся стальному зеву и спрыгивали или кулем падали на землю. Из грузовика живыми выбралось двадцать четырех человека. Двое были мертвы: давнишний покойник и еще один, новый, тот, что в течение двух дней не получал своей порции воды. Мертвцевов вытащили из кузова.

Снаружи оказалось очень холодно, так холодно и так нестерпимо светло из-за яркого солнца, отражавшегося в белоснежном покрывале долины, что покинуть свое зловонное убежище в кузове грузовика было непросто; некоторые из узников плакали. Мы так и

стояли, сбившись в кучу, у борта огромного грузовика — все нагие, воюющие, наше маленькое сообщество, ночное наше братство. И прямо на нас светили безжалостные лучи солнца. Нас вскоре разогнали и заставили построиться в колонну, а потом повели к какому-то зданию, расположенному не более чем в полукилометре. Металлические стены здания и покрытая белым снегом крыша, просторная заснеженная долина, величественная ограда гор в ледяных шапках, сияющих под утренним солнцем, бескрайнее ясное небо — все, казалось, переливалось и сверкало в немыслимо яростных потоках света.

Сначала нас остановили в каком-то ветхом строении, чтобы мы смыли грязь; однако все тут же начали пить воду, предназначавшуюся для мытья. После того как мы все же умылись, нас отвели в главное здание и выдали нижнее белье, теплые рубахи из серого войлока, теплые штаны, гетры и войлочные башмаки. Охранник проверил по списку наши имена, и нас отвели в столовую, где вместе с другими людьми в сером — их было не меньше сотни — мы сели за привинченные к полу столы и получили завтрак: кашу из зерен местной пшеницы и пиво. После завтрака всех нас, как новеньких, так и «стариков», разделили на группы по двенадцать человек. Мою группу забрали на лесопилку, находившуюся неподалеку и окруженную забором. Сразу за этим забором начинался лес; заросшие лесом склоны гор простирались на север так далеко, насколько хватал глаз. Под присмотром охранника мы таскали от здания лесопилки доски и укладывали их в сарай, где зимой хранились пиломатериалы.

После нескольких дней, проведенных в тесноте грузовика, было не так-то легко даже ходить, а тем более наклоняться и поднимать тяжести. Нам не позволяли и минуты стоять без дела, но и не особенно подгоняли. Примерно в полдень выдали по миске чего-то вроде неперебродившей барды — жидкого варева из зерен пшеницы под названием *ори*; перед заходом солнца нас отвели обратно в бараки и накормили обедом —

каша, немного овощей и пиво. С наступлением ночи заперли в спальне, где до самого утра ярко горел свет. Спали мы на двухметровых нарах, установленных вдоль стен в два яруса. Старые заключенные, естественно, захватили лучшие, верхние нары: там было гораздо теплее. Каждому у двери выдали спальный мешок. Мешок был грубым, тяжелым и теплым. Для меня главным его недостатком была длина. Гетенианец обычного роста легко помещался в таком мешке с головой, а я не мог даже вытянуться во весь рост.

Место, где я теперь жил, называлось Третьей Добровольческой Фермой Комменсалии Пулефен и было подотчетно Агентству по вопросам переселения. Пулефен — тридцатый Округ — это самый-самый северо-запад обитаемой территории Оргорейна, с одной стороны ограниченный горным массивом Сембенсиен, с другой — рекой Исагель и побережьем океана. Территория Округа населена мало, крупных городов здесь нет. Самым близким считается Туруф, расположенный в нескольких километрах от Пулефена, на юго-западе; впрочем, я так никогда его и не видел. Ферма находилась на самом краю обширного безлюдного лесного района Тарренпет. Это были слишком северные места, чтобы здесь могли расти такие крупные деревья, как хеммены, серемы или черные *вейты*, так что лес был весьма однообразен: сплошь кривоватые и низкорослые хвойные деревья (метра три-четыре высотой) с серыми иголками. Назывались они *тор*. Хотя флора и фауна на планете Зима небогата, количество представителей каждого ее вида весьма велико: в лесном массиве Тарренпет тысячи квадратных километров, заросших деревьями тор, только тор, и никакими другими. С природой, даже дикой, на планете Гетен обращались всегда очень бережно и аккуратно, а потому, хоть в этих лесах и производилась промышленная добыча древесины, там не было ни единой проплещины, ни одной покрытой жалкими пнями вырубки, ни одного эрозированного горного склона. Казалось, что каждое деревце в этом лесу поставлено на учет и ни единая крошка опилок с нашей

лесопилки не пропадает зря. На Ферме была своя небольшая лесоперерабатывающая фабрика, и когда из-за погодных условий заключенные не могли выходить из лесозаготовки, то все работали либо на фабрике, либо на лесопилке, например, собирая и прессуя щепки, кору и опилки в брикеты различной формы, а также извлекая из хвои деревьев тор смолу, используемую при производстве пластмасс.

Что касается работы, то работали мы как следует, и нас никто особенно не подгонял. Если бы еще чуть лучше питаться и одеваться теплее, то работа здесь по большей части была бы даже приятной. Однако до этого было весьма далеко: мы постоянно мерзли и голодали. Охрана редко проявляла по отношению к нам грубость и никогда — жестокость. Охранники, как правило, были флегматичными, неряшливыми, тяжеловесными людьми и, на мой взгляд, какими-то женоподобными — отнюдь не в смысле хрупкости или чего-то в этом роде, а как раз наоборот: они были похожи на крупных, мягкотелых, мясистых, добродушных и смешливых теток. Здесь, в этой тюрьме, я впервые на планете Зима испытал некое странное чувство: мне показалось, что я единственный мужчина среди множества женщин. Или евнухов. У заключенных-гетенианцев была какая-то свойственная евнухам бабистость и одновременно грубость, и они всегда были какие-то равнодушные, так что трудно было даже рассказать о каждом из них в отдельности. Беседы их отличались поразительной мелочной тривиальностью. Сначала мне показалось, что эта безжизненность и тупость — следствие недостаточного питания, холода и несвободы, но вскоре я убедился, что все гораздо сложнее: это было вызвано препаратами, которые давали всем заключенным, чтобы предотвратить у них наступление кеммера.

Я знал о существовании фармацевтических средств, способных уменьшить или практически свести на нет наиболее активную фазу полового цикла гетенианцев; они применялись в тех случаях, когда определенные условия, медицинские показания или вопросы мора-

ли требовали воздержания. Таким способом можно было пропустить одну или несколько фаз кеммера без особого вреда для организма. Свободное применение этих препаратов было вполне распространенным и даже приветствовалось. Но мне и в голову не приходило, что ими могут кормить людей насилино, против их воли.

Причины для этого были весьма серьезны. Заключенный в состоянии кеммера стал бы чем-то вроде детонатора в своей группе. Даже если его освободить от работы, то как быть дальше, особенно если в данный момент среди заключенных нет больше ни одного человека в том же состоянии? Так чаще всего и случалось, ибо на Ферме нас было всего человек сто пятьдесят. Гетенианцу пройти фазу кеммера без партнера крайне тяжело; а стало быть, лучше просто избежать этого жалкого в подобных условиях состояния и связанных с ним страданий, а заодно и необходимости освобождать людей от работы. Так что заключенных предохраняли от наступления кеммера искусственно.

Те, кто пробыл на Ферме уже несколько лет, и психологически, и, по-моему, в какой-то степени даже физиологически адаптировались к подобной химической кастрации. Они напоминали рабочих волов. И были настолько же бесстыдны и лишены каких бы то ни было желаний. Но ведь это совсем несвойственно людям — не иметь ни стыда, ни желаний.

Будучи уже по самой природе своей весьма организованными и ограниченными в половой жизни, гетенианцы не страдают от особенно сильных общественных ограничений в этой сфере. Здесь значительно меньше всяческих условностей, общепринятых правил и норм, а также подавления проявлений сексуальности и сексапильности, чем в любом известном мне обществе, где люди четко противопоставлены по половым признакам. Воздержание соблюдается исключительно по собственной воле; и всегда можно найти оправдание, если нечаянно его нарушить. Сексуальные неврозы, расстройства и извращения встречаются

исключительно редко. На Ферме я впервые столкнулся с примером общественно необходимого вмешательства в частную половую жизнь. Но поскольку сексуальное влечение подавлялось насилиственno, а не добровольно, это повлекло за собой не просто и не только физиологические нарушения, но нечто более опасное, особенно, как мне кажется, если подавление половой функции затягивалось: тотальную пассивность.

На планете Зима не существует общественных насекомых. Гетенианцы не создают на своей земле поселений маленьких бесполых работников-рабов, не обладающих иными инстинктами, кроме инстинкта покорности, подчинения интересам той общности, к которой конкретный индивид принадлежит, как это было весьма распространено на Земле во всех древних обществах. Если бы на планете Зима существовали муравьи, гетенианцы, вполне возможно, уже давно попытались бы имитировать «социальное» устройство их колоний. Режим содержания людей на Добровольческих Фермах весьма недавнее изобретение, ограниченное пределами одного государства и практически не известное ни в одной другой стране. Однако и это весьма зловещий признак; неизвестно, какое направление общество этих людей, столь уязвимых в плане любого контроля над сексуальностью, может избрать.

На Ферме Пулефен нас, как я уже говорил, явно недокармливали, а одежда наша, прежде всего обувь, совершенно не соответствовала тамошним холодам. Охрана — в основном бывшие заключенные, проходящие испытательный срок, — содержалась ненамного лучше. Основной целью пребывания здесь, как и самого режима Фермы, было наказание людей, а не уничтожение их, и я думаю, что все было бы вполне переносимо, если бы нас не пичкали лекарствами и не подвергали бесконечным «осмотрам».

Некоторые заключенные проходили «осмотр» группами, человек по двенадцать; они декламировали некий свод правил, вроде тюремного катехизиса, получали свою порцию гормональной дряни и вновь приступали к работе. Другие — например политические —

подвергались допросу индивидуально каждые пять дней, причем с применением особых наркотических средств — «эликсира правды».

Не знаю, что за наркотики они использовали. Не знаю, с какой целью велись эти допросы. Понятия не имею, о чем именно меня спрашивали. Обычно я приходил в себя только в спальню через несколько часов после допроса, лежа, как и остальные шесть-семь моих товарищей по несчастью, на своих нарах; кое-кто, как и я, уже через несколько часов был способен соображать, но некоторые продолжали довольно долго оставаться в полной прострации. Когда мы уже могли стоять на ногах, охранники отводили нас на фабрику; однако после третьего или четвертого «осмотра» я подняться просто не смог. Меня оставили в покое, и на следующий день я, пошатываясь, все-таки вышел на работу вместе со своей группой. Очередной «осмотр» заставил меня беспомощно провалиться два дня. Какой-то препарат — то ли гормональные средства, то ли проклятый «эликсир правды» — явно действовал на меня токсично, и прежде всего на мою земную нервную систему; причем токсины эти обладали способностью накапливаться в организме.

Я еще помню, как во время очередного «осмотра» мечтал попросить Инспектора сделать для меня исключение. Я бы начал с обещания отвечать правдиво на любой вопрос, который он мне задаст, безо всяких инъекций; а потом я бы сказал ему: «Разве вы не видите, насколько бессмысленно получать ответ на неправильно заданный вопрос?» И тогда Инспектор обернулся бы Фейксом с золотой цепью Предсказателя на шее, и я бы долго-долго беседовал с ним, причем беседовал бы с удовольствием. Грезя об этом, я следил, как из трубы в бак со щепками и опилками капает определенными порциями кислота. Но, разумеется, едва я вошел в ту маленькую комнатку, где нас обычно «осматривали», как помощник Инспектора задрал мне рубаху и всадил иглу прежде, чем я успел открыть рот, так что единственное, что я запомнил после этого «осмотра», а может, и после предыду-

щего, — это как молодой Инспектор с грязными ногтями устало повторял: «Ты должен отвечать мне на языке Орготы. Ты не должен говорить ни на каком другом языке. Ты должен говорить на языке Орготы...»

Никакой больницы на Ферме не было. Основной принцип: работай или умирай. На самом деле кое-какие послабления все же оставались — как бы перерывами на отдых между работой и смертью, которые давали нам охранники. Как я уже говорил, жестокими они не были; впрочем, и добрыми тоже. Они были неряшливыми, равнодушными и небрежными во всем и, до тех пор пока им ничто не грозило, не слишком заботились о том, что делается вокруг. Они, например, позволяли мне и еще одному заключенному оставаться днем в спальне — просто «забывали» нас, спрятавшихся в спальных мешках, как бы по недосмотру, когда видели, что мы совершенно не держимся на ногах. Особенно плохо мне было после последнего «осмотра»; второй доходяга, человек средних лет, явно страдал какой-то болезнью почек и практически уже умирал. Однако поскольку сразу взять и умереть он не мог, то ему позволили растянуть это удовольствие, и он без всякой помощи валялся на нарах.

Его я помню более отчетливо, чем кого-либо на Ферме. Он принадлежал к ярко выраженному физическому типу гетенианцев с Великого Континента: ладно скроен — правда, ноги и руки чуть коротковаты — и даже во время болезни выглядел крепким и упитанным благодаря довольно толстому слою подкожного жира. У него были изящные маленькие руки и ноги, довольно широкие бедра и чуть впалая грудь; грудные железы чуть больше развиты, чем обычно у мужчин земной расы; кожа темного, красновато-коричневого оттенка; волосы мягкие, похожие на шерстку зверька. Лицо широкое, с мелкими, но очень четкими чертами; скулы высокие, выступающие. Этот тип людей схож с некоторыми этническими группами землян, живущих в очень высоких широтах, близ полюса, например в Арктике. Моего нового знакомого звали Ас-ра; он был плотником.

Мы часто беседовали.

Асра, как мне кажется, не то чтобы не хотел умирать, но просто боялся самого процесса умирания и искал способа отвлечься от этого страха.

У нас было мало общего, кроме близкой смерти, а это вовсе не та тема, которую нам хотелось бы обсуждать. По большей части мы вообще не слишком-то хорошо понимали друг друга. Для него это практически не имело значения. Мне же, поскольку я был моложе и настроен более мрачно, хотелось понимания, сочувствия, совета. Однако ни советов, ни сочувствия не было. Мы просто беседовали.

По ночам в спальне горел яркий свет, там было полно народу, шум и гам. Днем свет выключали, огромное помещение погружалось в сумрак и становилось пустым и тихим. Мы лежали по соседству на нарах и негромко разговаривали. Асра любил рассказывать длинные цветистые истории о днях своей юности в Комменсалии Кундерер — в той самой обширной и прекрасной долине, которую я почти целиком пересек, направляясь от границы с Кархайдом в Мишнори. Диалект Асры сильно отличался от общеупотребимого в Орготе языка, обычаев и механизмов; я этих слов совсем не знал, так что редко понимал больше половины — скорее общую суть воспоминаний. Когда он чувствовал себя лучше, обычно где-то к полуночи, я просил его рассказать мне какой-нибудь миф или сказку. Большинство гетенианцев знают их великое множество. Гетенианская литература, хоть существует и ее письменная форма, — это скорее живая фольклорная устная традиция; в этом отношении все гетенианцы достаточно хорошо образованы. Асра без конца мог рассказывать истории и легенды, краткие притчи-поучения Йомеш, отрывки из сказания о Парсиде, отдельные части Великого Эпоса, а также-саги Морских Торговцев, похожие на авантюрные или рыцарские романы. Все это, да еще разные сказки, которые он помнил с детства, Асра легко и плавно рассказывал мне на орготском диалекте, а потом, устав, просил и меня рассказать какую-нибудь историю. «А что

рассказывают у вас в Кархайде?» — обычно спрашивал он, растирая ноги, которые у него сильно болели, и глядя на меня со своей застенчивой, терпеливой и одновременно лукавой улыбкой. Однажды я сказал:

— Я знаю историю о людях, которые живут в другом мире.

— Что же это за мир такой?

— Он похож на этот, в общем и целом, только находится на планете, не принадлежащей к вашей солнечной системе. Та, другая планета вращается вокруг звезды, которую вы называете Селеми. Это тоже желтая звезда, она похожа на ваше солнце, и на той планете, под чужим солнцем, тоже живут люди.

— Это же вероучение Санови — о других мирах. Был в нашем селении старый сумасшедший священник, последователь Санови; он частенько приходил к нам домой — я тогда был еще совсем маленьким — и рассказывал нам, детям, обо всем таком: куда, например, деваются лжецы, когда умирают, и куда — самоубийцы, а куда — воры. Ведь мы-то с тобой, верно, тоже в одно из этих мест попадем, а?

— Нет, в той стране, о которой я рассказываю, живут не духи мертвых. В том мире живут настоящие люди. Живые. И они живут в настоящем мире. Они такие же живые, как и вы здесь, и похожи на вас. Но только давным-давно научились летать.

Асра ухмыльнулся.

— Нет, они, конечно, не хлопают при этом руками, как крыльями. Они летают в машинах, похожих на автомобили. — Все это, однако, было ужасно трудно выразить на языке Орготы, в котором нет даже точно-го слова со значением «летать»; наиболее близкое по смыслу было слово «скользить, планировать». — Видишь ли, они научились делать машины, которые скользят по воздуху, как сани — по заснеженному склону горы. Постепенно они заставляли эти машины двигаться все быстрее и быстрее, улетать все дальше и дальше, а потом они, словно камешек, выпущенный из пращи, стали улетать далеко за облака, прорывая воздушный слой вокруг Земли, и попадали

в иные миры, в которых светят иные солнца. Попадая в иные миры, они обнаруживали там таких же людей...

— Скользящих по воздуху?

— Иногда да, а иногда нет... Когда, например, они прилетели в мой мир, мы уже умели передвигаться по воздуху. Но зато они научили нас перелетать из одного мира в другой — у нас тогда еще не было для этого своих машин.

Асра был совершенно озадачен тем, что я, рассказчик, вдруг сам поместил себя внутрь сказки. Меня лихорадило, меня мучили язвы, появившиеся на руках и груди после инъекций наркотика, и я уже не мог вспомнить, как сначала намеревался построить свой рассказ.

— Продолжай, — сказал он, пытаясь все же уловить смысл истории. — А чем еще они занимались в этом мире, кроме того, что скользили по воздуху?

— О, они занимаются многим из того, что делают люди и здесь. Но только все они постоянно находятся в кеммере.

Он смущенно хихикнул. Конечно, при той жизни, которую мы вели на Ферме, скрыть что бы то ни было оказывалось невозможно, так что мое прозвище среди заключенных и охраны было, разумеется, Перверт. Но там, где нет ни полового влечения, ни стыда, никто, какими бы половыми аномалиями он ни страдал, из общей массы не выделяется. И я думаю, что Асра никак не связал это сообщение ни со мной, ни с особенностями моей физиологии. Он воспринял это все-го лишь как одну из вариаций на старую тему, а потому похихикал и сказал:

— Все время в кеммере... Тогда... это мир вознаграждения? Или наказания?

— Не знаю, Асра. А каков, по-твоему, мир Гетен? Это мир вознаграждения или наказания?

— Ни тот ни другой, сынок. Этот мир, что вокруг, — настоящий; в нем все так, как и должно быть. Ты просто рождаешься здесь... и все идет как полагается...

— Я родился не здесь. Я сюда прилетел. Я избрал этот мир для себя.

Повисло молчание. Вокруг стоял мрак. За стенами барака стояла здешняя немыслимая тишина, нарушаемая лишь негромким визгом ручной пилы. Больше ни звука.

— Ну хорошо... хорошо, — пробормотал Асра и вздохнул; потом снова потер ноги, невольно постывая при этом. — А у нас никто сам себе мира не выбирает, — сказал он.

Через одну или две ночи после этого разговора у него началась кома, и вскоре он умер. Я так и не узнал, за что его отправили на Добровольческую Ферму, за какое преступление, ошибку или нарушение правил оформления документов. Мне было известно только, что пробыл он на Ферме Пулефен меньше года.

Через день после смерти Асры меня вызвали на очередной «осмотр»; на этот раз им пришлось нести меня туда на руках, и больше я уже ничего вспомнить не могу.

БЕГСТВО

Когда Обсл и Иегей вдруг оба срочно уехали из города, а привратник

Слоза отказался впустить меня в дом, я понял, что пришло время обратиться за помощью к врагам, ибо от друзей моих ничего хорошего больше ждать не приходилось. Я явился в роли отъявленного шантажиста к Комиссару Шусгису: поскольку у меня не хватало денег, чтобы просто подкупить его, я вынужден был жертвовать своей репутацией. Среди людей вероломных прозвище Предатель уже само по себе звучит весомо. Я сообщил Шусгису, что в Оргорейне пребываю как тайный агент партии кархайдской аристократии, и конечная цель моей деятельности — убийство Тайба, а он, Шусгис, по нашим планам должен был бы выполнять функцию моего связного с Сарфом; если же он откажется выдать мне необходимую информацию, я немедленно сообщаю в Эренранг, что Шусгис — двойной агент, состоящий также на службе Партии Открытой Торговли. Информация моя, разумеется, тут же вернется в Мишнори и станет достоянием Сарфа. Как ни странно, чертов болван мне поверил. И довольно быстро сообщил все, что я хотел знать; даже поинтересовался, доволен ли я.

Непосредственная опасность со стороны моих «верных» друзей — Обсла и Иегея — мне пока не угрожала.

Свою же безопасность они купили, принеся в жертву Посланника, и надеялись, доверяя мне, что я не стану вредить ни им, ни себе. Пока я открыто не заявился к Шусгису, ни один человек из Сарфа, кроме Гаума, не считал меня достойным внимания, зато теперь они, разумеется, будут ходить за мной по пятам. Я должен быстро закончить свои дела и исчезнуть. Не имея возможности передать весточку кому-либо из Кархайда лично, поскольку почта перлюстрируется, а телефонные и радиоразговоры прослушиваются, я впервые за все это время отправился в Королевское Посольство Кархайда. Послом был Сардон рем ир Ченевич, которого я достаточно хорошо знал при дворе в Эренранге. Он тут же согласился послать официальное письмо Аргавену о том, что именно произошло с Посланником, где находится место его заключения и так далее. Я вполне доверял Ченевичу; это умный и честный человек, и я надеялся, что письмо нигде не перехватят. Однако догадаться о том, как поступит Аргавен, получив его, было абсолютно невозможно. Я хотел все же, чтобы Аргавен располагал данной информацией — хотя бы на тот случай, если вдруг сквозь облака на землю упадет Звездный Корабль Посланника. Тогда у меня еще была какая-то надежда, что Аи успел до своего ареста послать на корабль сигнал.

Теперь я действительно был в опасности, и опасность эта усиливалась, поскольку кто-нибудь наверняка заметил, как я входил в Посольство Кархайда. Так что прямо от дверей Посольства я направился на автостанцию в южной части города и в тот же день еще до обеда покинул Мишнори тем же способом, каким явился сюда, — в качестве грузчика. Старые документы и пропуска у меня были с собой, хотя они не совсем соответствовали моей новой работе. Подделка документов в Оргорейне — дело весьма рискованное; здесь по пятьдесят два раза на дню их проверяют, однако мне не так уж редко приходилось рисковать в жизни, а старые приятели по Рыбному Острову отлично научили меня, как подделать в случае чего бумаги. Меня несколько раздражало чужое имя, но ино-

го выхода не было. Под собственным именем я никогда спокойно не добрался бы через весь Оргорейн до побережья Западного моря.

Мысли мои уже были там, на западе, пока наш караван, спотыкаясь, продвигался по мосту Кундерер — прочь от Мишнори. Осень постепенно поворачивалась лицом к зиме. Я непременно должен был добраться до своей цели, прежде чем дороги закроются для относительно скоростных видов транспорта и пока еще есть хоть какой-то смысл добираться туда. Мне уже доводилось видеть Добровольческую Ферму в Комсвашоме, когда я служил в Управлении долины Синотх, приходилось и беседовать с бывшими узниками таких Ферм. И теперь увиденное и услышанное много лет назад камнем лежало у меня на душе. Постланник, столь уязвимый для холода, кутавшийся в теплый хайэб даже при нуле, не выдержит зимы в Пулефене. Уверенность в этом гнала и гнала меня вперед, но караван двигался медленно, петляя от одного города к другому, шел то к северу, то к югу, то принимая грузы, то разгружаясь, так что прошло полмесяца, прежде чем я добрался до Этвена, что в устье реки Исаэль.

В Этвене мне повезло. Беседуя с людьми в Доме для приезжих, я узнал, что в ближайшее время торговцы мехами — имеющие лицензии охотники-трапперы — на санях или ледоходах двинутся вверх по реке до леса Тарренпет, почти к самому Леднику. Как раз начинался охотничий сезон, и у меня возникла идея самому превратиться в траппера. В Керме, как и в районе Ледника Гобрин, водятся белоснежные пестри; эти зверьки любят селиться поближе к Великим Льдам. Когда-то в молодости я часто охотился на пестри в лесах Керма, так почему бы мне не поохотиться теперь в точно таких же лесах Пулефена среди низкорослых деревьев тор?

На дальнем северо-западе Оргорейна, в диком краю у западных отрогов Сембенсиена, люди появляются и исчезают как и когда им заблагорассудится: там явно не хватает Инспекторов, чтобы зарегистрировать всех:

Там даже в Новую Эру сохранилось что-то от прежней свободы. Сам Этвен — серый портовый город, построенный на серых скалах в устье реки Исагель; морской ветер часто несет по его улицам серые косые дожди, а люди там — мрачноватые моряки — говорят всегда прямо. Я с благодарностью оглядываюсь назад, вспоминая Этвен, где мне улыбнулось счастье.

Я купил лыжи, снегоступы, различные капканы и провизию; обзавелся охотничьей лицензией и разрешением, а также удостоверением охотника и прочими бумагами в бюро Комменсалии и двинулся вверх по течению Исагели с группой трапперов, которую вел старик по имени Маврива. Река еще не замерзла, и колесный транспорт по дорогам пока ходил, ибо в этих приморских краях чаще шли дожди, чем снег, несмотря на последний месяц осени. Большая часть охотников ждала в Этвене настоящей зимы и с наступлением месяца Терн поднималась вверх по Исагели на ледоходах, но Маврива спешил забраться по дальше на север и обогнать остальных: он намеревался ставить ловушки уже на самых первых пестри, которые как раз в конце осени спускаются с гор в тамошние леса. Маврива знал районы Гобрина, Северного Сембенсиена и Огненных Холмов так же хорошо, как те, кто там родился, так что за время пути я успел многому от него научиться. Все это весьма пригодилось мне впоследствии.

В городе под названием Туруф я отстал от группы, притворившись больным. Они пошли дальше на север, а я, чуть выждав, двинулся на северо-восток, в предгорья Сембенсиена, уже сам по себе. Несколько дней мне потребовалось, чтобы обследовать местность. Потом, спрятав большую часть своего имущества километрах в пятнадцати—двадцати от Туруфа в уединенной лощине, я вернулся в город по южной дороге и на несколько дней поселился в Доме для приезжих. Как бы запасаясь необходимым для долгой охоты, я купил еще одни лыжи, еще одни снегоступы, пополнил запас провизии, купил меховой спальный мешок, зимнюю одежду — все снова; а еще — переносную печку

Чейба, многослойную палатку и легкие сани, чтобы погрузить все это имущество. Теперь оставалось только ждать, когда дождь превратится в снег, а грязь — в лед; не так уж долго, если учесть, что целый месяц потребовался мне, только чтобы добраться от Мишнори до Туруфа. На четвертый день первого месяца зимы, Архад Терн, зима полностью вступила в свои права; пошел снег, которого я так ждал.

Поздним утром я пробрался через электрозаграждение на Пулефенской Ферме, следы мои почти сразу исчезли под снегом. Сани я оставил в лощине у ручья, в густом лесу к востоку от Фермы, и с одним только рюкзаком, надев снегоступы, вернулся назад, на дорогу. Потом в открытую пошел прямо к главным воротам Фермы. Там я предъявил документы, которые мне успели еще раз подделать в Туруфе. Теперь они были с «синей печатью» и удостоверяли, что я, Тонер Бент, освобожденный из заключения досрочно, согласно предписанию, обязан не позднее Эпс Терн, третьего дня зимы, явиться на третью Добровольческую Ферму Комменсалии Пулефен для несения караульной службы в течение двух лет. Какой-нибудь востроглазый Инспектор непременно заметил бы, что документы поддельные, но там востроглазых было ма-ловато.

Оказалось, что попасть в тюрьму легче легкого. Я даже как-то приободрился.

Начальник охраны выбранил меня за то, что явился я на день позже предписанного, и отоспал в барак. На обед я опоздал, и, к счастью, было уже слишком поздно, так что положенной мне униформы я не получил и остался в собственной хорошей и теплой одежде. Ружья никакого мне не дали, но я присмотрел более-менее подходящее, слоняясь возле кухни и выпрашивая у повара хоть что-нибудь поесть. Повар держал свое ружье на крючке за печью. Его я и украл. Убить из него было нельзя — оно не обладало для этого необходимой мощностью. Скорее всего у охранников все ружья были такие. На этих Фермах нет необходимости

убивать людей из ружей: там позволяют голоду, зиме и отчаянию сделать это.

Всего я насчитал тридцать—сорок охранников и полтораста заключенных. Ни один не был одет как следует, по-зимнему; большая часть людей уже крепко спала, хотя едва начался вечер, Час Четвертый. Я заставил одного молодого охранника провести меня по всей территории и показать спящих заключенных. Наконец я их увидел: при слепяще ярком свете они спали в общей большой комнате, и я уже простился с надеждой на незамедлительное осуществление своего плана, опасаясь сам попасть под подозрение. Заключенные попрятались в спальные мешки, скрючившись там, словно младенцы во чреве матери, совершенно неотличимые друг от друга. Все — кроме одного: мешок был слишком короток, чтобы он мог в нем спрятаться; лицо его стало похоже на обтянутый темной кожей череп, закрытые глаза провалились в глазницы, на голове — копна длинных выющихся волос.

Счастье, которое улыбалось мне в Этвене, теперь поворачивало колесо Судьбы, и я ощущал, что одним прикосновением могу сейчас перевернуть весь мир. У меня никогда не было особых талантов, кроме одного: я всегда чувствовал, когда именно можно тронуть рукой гигантское колесо фортуны, чтобы знать и действовать. Мне уж было показалось, что я утратил свой дар прорицания — в этом мне не раз приходилось, к сожалению, убеждаться в прошлом году в Эренранге — и он никогда больше не возродится в моей душе. И ужасно обрадовался, вновь ощущив в себе эту уверенность — уверенность в том, что можешь управлять собственной судьбой и удачей даже в тревожное время, как санями на крутом и опасном спуске.

Поскольку я продолжал слоняться вокруг и всюду совал свой нос, изображая чересчур любопытного кретина, меня записали в самую позднюю смену караула; к полуночи все в тюрьме, кроме меня и еще одного охранника, спали. Я продолжал по-прежнему тупо бродить по комнатам и коридорам, время от времени заглядывая в спальню с двумя рядами нар вдоль стен.

Я уже все спланировал и начал готовить душу и тело ко вхождению в дотхе, ибо моих собственных сил никогда не хватило бы для выполнения задуманного и необходимо было призвать на помощь силы Тьмы. Незадолго до рассвета я в очередной раз зашел в спальню и из украденного у повара акустического ружья выпустил в голову Дженли Аи заряд, чтобы как следует его оглушить, потом вместе со спальным мешком взвалил его на плечо и потащил в караулку.

— В чем дело? — проворчал мой полусонный напарник. — Оставь ты его в покое!

— Да ведь он умер!

— Как, еще один? О всемогущий Меше, ведь еще и зима-то как следует не началась... — Он наклонился, чтобы заглянуть Посланнику в лицо: тот висел у меня на плече головой вниз, как куль. — А, это тот, Первверт. Клянусь Великим Глазом, я не верил гнусным сплетням насчет кархайдцев, пока сам на него не посмотрел: до чего же мерзкий урод! И ведь целую неделю провалялся на нарах — все стонал да вздыхал, я и не думал, что он возьмет и померет. Ладно, вынеси его куда-нибудь наружу, пусть до рассвета там полежит. Чего стоишь, как грузчик с мешком *турдов*...

У контрольно-пропускного пункта я остановился; хотя я и был всего лишь охранником, меня никто не окликнул, когда я вошел внутрь и долго искал — и наконец нашел! — настенную панель со всякими кнопками и выключателями. На самих выключателях ничего написано не было, однако охранники написали рядом на стене краткие обозначения, чтобы не особенно утруждать свою память, если вдруг поднимут по тревоге. Я решил, что «Ог.» обозначает «электроограждение», и повернул выключатель, вырубив электричество по внешней ограде Фермы. Потом взвалил Аи на плечи и пошел по коридору дальше. У входных дверей, правда, пришлось объясняться с постовыми. Я старательно изображал, пыхтя, как мне тяжело в одиночку тащить здоровенного покойника; сила дотхе во мне уже достигла своего предела, но мне вовсе не хотелось, чтобы постовые заметили, что мне ничего не

стоит вот так нести человека, который значительно тяжелее меня самого. Я сказал:

— Заключенный вот. Умер. Велели вытащить на улицу. Куда бы мне его пристроить?

— Не знаю. Отнеси подальше. Только смотри под крышу положи, не то его снегом занесет, а потом весной, как таять начнет, он, глядишь, и всплынет, да еще вонять будет. Снег так и валит, настоящая *педиция*.

У нас в Кархайде такой тяжелый, влажный снегопад называется *соув*. Но все равно, трудно было придумать для меня лучшую весть.

— Ладно, так и быть, подальше оттащу, — сказал я и, свернув со своей ношей за угол барака, шел все дальше и дальше, пока барак не скрылся из виду. Тогда я поудобнее взвалил Аи на плечи, повернул на северо-восток и через несколько сотен метров перебрался через отключенную ограду, перетащил Аи, снова взвалил его на плечо и двинулся по направлению к реке с такой скоростью, на какую только был способен. Я еще не успел достаточно далеко отойти от ограждения, когда позади заверещали свистки и зажглись мощные прожекторы. Валил достаточно густой снег, и меня самого нельзя было увидеть даже при ярком свете, однако вряд ли снег успел за считанные минуты скрыть мои следы. И все же, когда я спустился к реке, они на мой след еще не вышли. Я двинулся на север по черной земле под густыми деревьями или прямо по воде там, где землю уже занесло снегом; речка, небольшой, но бурный приток Исагели, еще не замерзла. Теперь, когда рассвело, видимость стала значительно лучше, так что я шел очень быстро. Я уже достиг полного дотхе, и Посланник не казался мне таким уж тяжелым, хотя нести его, длинного и неуклюжего, было весьма неудобно. Берегом ручья я пробрался в лес, к той лощине, где были спрятаны сани. На них я взвалил самого Посланника, а вещи набросал вокруг него, так, что он совсем скрылся в этой куче; а сверху еще и палатку привязал. Потом перебрался, съел немного особой высококалорийной пи-

щи, потому что меня уже донимал невыносимый голод, свойственный человеку при затянувшемся дотхе, и двинулся прямо на север, через лес, по широкой дороге. Вскоре меня нагнали двое лыжников.

Теперь, когда я был одет и снаряжен как обычный траппер, мне нетрудно было сорвать, что я пытаюсь догнать группу Мавривы, которая ушла на север еще в последние дни месяца Гренде. Они Мавриву знали и восприняли мою историю вполне нормально, но в документы все-таки заглянули. Им и в голову не приходило, что беглецы могут устремиться на север, потому что к северу от Пулефена ничего нет, кроме леса и льдов; впрочем, возможно, беглецы их вообще не интересовали. Да и с какой, собственно, стати они должны были бы их интересовать? Лыжники двинулись дальше и только через час снова проехали мимо меня, возвращаясь на Ферму. Один из них оказался моим напарником по ночному дежурству. К счастью, он так и не разглядел тогда моего лица, хотя оно маячило у него перед носом добрую половину ночи.

Когда они скрылись из виду, я свернулся с дороги и весь остаток дня шел в обратном направлении по лесу и по холмам восточнее Фермы. Наконец я вышел к ней с восточной стороны, остановившись в той самой укромной лесистой лощине чуть выше Туруфа, где давно уже припрятал остальное снаряжение. Тащить сани по покрытой бесконечными складками замерзшей земле было нелегко, тем более что поклажа значительно превосходила мой собственный вес, однако снег падал густой, ложась довольно плотным покровом, а я к тому же по-прежнему пребывал в дотхе. Я вынужден был оставаться в дотхе, постоянно стимулируя себя, потому что если хоть немного ослабить напряжение, то потом больше ни на что не будешь годиться. Я никогда раньше не пребывал в дотхе больше часа, но знал, что некоторые из Стариков способны поддерживать в себе силу дотхе целый день и еще целую ночь, а порой и более суток, так что прежний опыт сослужил мне теперь хорошую службу. В состоянии дотхе человек обычно не испытывает никакого

беспокойства, так что единственное, о чем я все-таки беспокоился, — это состояние Посланника. Он должен был давно уже очнуться после того легкого акустического выстрела в голову, однако до сих пор даже не пошевелился. А у меня не было времени просто наклониться к нему. Неужели он отличается от нас настолько, что даже легкий акустический шок, вызывающий в крайнем случае лишь переменный паралич, для него оказался смертельным? Когда колесо Судьбы поворачивается под твоей рукой, надо быть особенно осторожным со словами, а я уже дважды назвал его мертвым, да и тащил на плече так, как тащат мертвое тело. Порой у меня даже возникала мысль, что через все эти бесконечные холмы и леса я везу в санях мертвеца и что выпавшая мне удача, как и сама его жизнь, в конце концов потрачена зря. От таких мыслей я весь покрывался испариной и начинал ругаться и чертиться, тут же сила дотけ уходила из меня, как вода из треснувшего кувшина. Но все-таки шел дальше, и сила моя меня не подвела: я достиг тайника у подножия гор, поставил палатку и сделал все, что мог, для Аи — открыл коробку сверхпитательных кубиков, большую часть проглотил сам, но и ему влил в рот немного бульона. Выглядел он так, будто вот-вот умрет от истощения. На руках и на груди у него были ужасные язвы, которые еще больше воспалились от прикосновений грубого вонючего спального мешка. Когда я обработал эти страшные раны, уложил Аи в теплый меховой спальник и замаскировал палатку так, как лишь зима и дикие края могут спрятать человека, не осталось больше ничего, что я смог бы еще для него сделать. Наступила уже ночь, но на меня надвигалась иная тьма — расплата за самовольное вызволнение всех сил и возможностей своего тела; и тьме этой должен был я доверить теперь и себя, и его.

Мы спали. Падал снег. Всю ту ночь и день и еще ночь моего танген-сна, видимо, непрерывно шел снег. То была не какая-нибудь пороша, а настоящий мощный первый снегопад новой зимы. В конце концов я очнулся и, чуть приподнявшись, заставил себя выгля-

нуть наружу: палатка наполовину была засыпана снегом. Солнечные пятна и голубые тени от сугробов чередовались на белоснежном покрывале, укутавшем землю и все вокруг. Далеко на востоке, в вышине, висело небольшое серое облачко, смущая ослепительную яркость небес: дым над вулканом Уденушреке, ближайшим из Огненных Холмов. Вокруг крошечного горбика палатки лежали снега; холмы, горные вершины, пропасти, склоны — все было белым-белом, все было покрыто девственno чистым снежным ковром.

Я медленно восстанавливал силы, испытывая постоянную сильную слабость и желание спать; но когда все-таки заставлял себя подняться, то непременно давал Аи немножко питательного бульона; и к вечеру второго дня нашего общего забытья он очнулся, хотя и не совсем сознавал, что с ним. Он сел, громко вскрикнув, словно от ужаса, а когда я опустился перед ним на колени, почему-то стал вырываться изо всех сил, однако такой расход энергии был для него чрезмерен, и он снова потерял сознание. В ту ночь он без конца бредил на каком-то абсолютно неведомом мне языке. Очень странно было в темной неподвижности этих диких гор слушать, как он бормочет слова того языка, который был для него родным в совсем ином мире. Следующий день оказался еще труднее: когда я пытался хотя бы покормить его, он, видимо принимая меня за кого-то из этих мерзавцев с Фермы, приходил в ужас от того, что ему снова могут дать какой-нибудь наркотик. Он разражался бурными мольбами на жуткой смеси кархайдского и орготского, жалобно просил: «Не надо!» — и с паническим упорством сопротивлялся мне. Это тянулось без конца, а я все еще пребывал в состоянии танген, по-прежнему ощущая не только физическую, но и душевную слабость, так что порой был просто не в силах заботиться о нем. В какой-то момент я подумал, что они не только без конца кололи его наркотиками, но и давали ему специальные препараты, подавляющие интеллект. И тогда я решил, что если это так, то лучше бы он умер во время нашего путешествия через лес, и

лучше бы мне никогда больше *так* не везло, и лучше бы меня самого арестовали, когда я бежал из Мишнори, и отправили на какую-нибудь Ферму, чтобы там я отрабатывал свое проклятое везенье.

Очнувшись от сна, я заметил, что он глядит прямо на меня, и, видно, давно.

— Эстравен? — изумленно прошептал он.

И тут у меня с души будто камень свалился. Я заверил его, что я — это я, немного покормил, уложил поудобнее, и в ту ночь впервые мы оба спали спокойно.

На следующий день ему стало значительно лучше, он начал нормально есть. Раны на его теле подживали. Я спросил, откуда они.

— Не знаю. Мне кажется, это из-за уколов; они все время делали мне какие-то уколы...

— Чтобы предотвратить кеммер? — Мне уже приходилось слышать подобное от бывших заключенных — тех, кто либо сбежал, либо был освобожден по закону, отработав свое на Добровольческой Ферме.

— Да. И еще другие. Не знаю, что они мне кололи, по-моему, какой-то «эликсир правды» или что-то в этом роде. Я совсем раскис от этих уколов, но они все равно продолжали колоть. Что они хотели узнать? Что такого особенного мог я им сказать?

— Они не столько пытались что-то выяснить у вас, сколько хотели вас *приручить*.

— Приручить?

— Сделать вас послушным, насилием приучив к одной из разновидностей *оргриеви*, наркотика. В Кархайде это тоже практикуется. А возможно, они просто ставили на вас, как и на всех остальных, какие-то опыты. Мне рассказывали, что на этих Фермах испытывают, например, препараты, способные подавлять интеллект. Я, когда впервые услышал об этом, еще сомневался, теперь больше не сомневаюсь.

— В Кархайде у вас тоже такие Фермы есть?

— В Кархайде? — переспросил я. — Нет.

Он в волнении потер лоб рукой.

— В Мишнори мне тоже говорили, помнится, что в Оргорейне таких ужасных мест нет.

— Наоборот! Они своими Фермами даже хващаются; они любят демонстрировать фотографии и прослушивать записи, сделанные на Добровольческих Фермах, где досрочно освобожденные преступники якобы «вновь привыкают» к нормальной жизни, а вымирающие племена находят надежное убежище. Они вполне могли бы показать вам, например, Добровольческую Ферму первого Округа — это совсем рядом с Мишнори, чудесное место, прямо веди кого хочешь. Если вы думаете, что в Кархайде тоже есть подобные Фермы, то явно переоцениваете нас: мы не настолько изощренный народ.

Он долгое время лежал, глядя на светящуюся печку Чейба, которую я включил на такую мощность, что сам вскоре начал задыхаться от жары. Потом снова посмотрел на меня:

— Вы, кажется, уже говорили мне утром, но голова у меня, видно, совсем не соображала, и я ничего не помню... Где мы, как мы сюда попали?

Я снова рассказал ему.

— Значит, вы просто... вышли оттуда и вынесли меня?

— Господин Аи, любой из заключенных в одиночку или вместе с другими может выйти оттуда в любую ночь. Если бы вас настолько не заморили голодом, если бы вы все не были так измучены, запуганы и отравлены наркотиками, если бы у вас была нормальная зимняя одежда, если бы вам было куда пойти... В этом-то все и дело. Куда бы, например, пошли вы? В город? Но у вас нет документов — так что это тупик. В дикие края? Но там вам негде укрыться — так что это смерть. Летом скорее всего они значительно увеличивают число охранников. Зимой же Ферму охраняет сама зима.

По-моему, он совсем не слушал меня.

— Но вы бы не смогли пронести меня на спине и тридцать метров, Эстравен. Не говоря уже о том, чтобы бежать со мной по холмам в темноте десятки километров..

— Я был в состоянии дотхе.

Он все еще сомневался.

— Это вариант самовозбуждения?

— Да.

— Так вы... вы один из ханддаратов?

— Я вырос в вере Ханддара и целых два года провел в Цитадели Ротерер. В Керме большая часть жителей — ханддараты.

— Я полагал, что после дотхе, этого почти немыслимого выброса энергии, возникает некий коллапс...

— Да, у нас это называется танген, «темный сон». Он длится значительно дольше, чем дотхе, и если танген уже начался, то сопротивляться этому сну очень опасно. Я проспал две ночи подряд и все еще находусь в тангене. Сейчас я бы не смог и вокруг этого холма обойти. А страшный голод — вечный спутник релаксационного периода; я уже съел большую часть припасов, которых в обычном состоянии мне должно было хватить на неделю.

— Ну хорошо, — с какой-то сварливой поспешностью проворчал он. — Ладно, я верю вам... что мне еще остается, как не верить вам. Вот он я, вот вы... Но я все-таки не понимаю! Не понимаю, зачем вы это сделали.

Тут терпение у меня лопнуло. Я уставился на ледоруб, что все время был у меня под рукой, и постарался не смотреть на Аи и не отвечать ему, пока не усмирил свой бешеный гнев. К счастью, мой энергетический баланс еще не восстановился, и на слишком быстрые действия способен я не был. А еще я сказал себе: он ведь ничего не понимает, он чужой на этой земле, с ним очень плохо обращались, его запугали. И постепенно справедливость восторжествовала. Я наконец смог выговорить:

— Отчасти есть и моя вина в том, что вы попали в Оргорейн и на Ферму Пулефен. Я пытаюсь искупить свою ошибку.

— Но вы же никак не связаны с приездом в Оргорейн.

— Господин Аи, мы с вами все время смотрим на одно и то же, но очень разными глазами; я ошибался,

полагая, что мы можем видеть что-то одинаково. Позвольте напомнить вам прошлую весну. Тогда я как раз начал уговаривать Аргавена немного подождать, не принимать никакого решения относительно вас или вашей миссии — еще за полмесяца до церемонии Возложения замкового камня. Ваша аудиенция тогда была запланирована, и, какказалось, это было к лучшему, хотя особых результатов ожидать не следовало. Я полагал, что вы все это понимаете, но я ошибался. Я слишком многое принимал на веру и не хотел вас обижать своими советами; я думал, вам и так ясно, какую опасность представляет и сам Пеммер Харгрэм ир Тайб, и его внезапное возвышение и доминирующее положение в киорремии. Если бы Тайб знал, по какой причине вас следует опасаться, он бы непременно обвинил вас в поддержке какой-либо из оппозиционных фракций, и Аргавен, преследуемый бесчисленным множеством фобий, скорее всего приказал бы вас уничтожить. Я хотел, чтобы вы, потерпев поражение, остались в живых, хотя у власти пребывает Тайб. Случилось так, что вместе с вами потерпел поражение и я. Это должно было случиться, хоть я и не предполагал, что именно в ту ночь, когда мы с вами беседовали у камина. Никто не задерживается на посту королевского премьер-министра слишком долго. Получив приказ о высылке, я уже не мог ничего сообщить вам, ибо, будучи изгояем, навлек бы на вас еще большую опасность. Я приехал сюда, в Оргорейн. Я всячески пытался сделать так, чтобы вы сочли необходимым тоже приехать сюда. Я заставил тех Комменсалов из числа Тридцати Трех, которым не доверял в меньшей степени, чем остальным, выдать вам разрешение на въезд в страну; вы бы этого разрешения никогда не получили без их вмешательства. Они видели в дружбе с вами — и я старательно поддерживал в них эту веру — путь к власти, путь, ведущий к прекращению усиливающегося соперничества с Кархайдом, к восстановлению Открытой Торговли, а также возможность хоть как-то ослабить мертвую хватку Сарфса. Но это люди чересчур осторожные и действовать

боятся. Вместо того чтобы всячески вас рекламировать, они вас прятали — и, естественно, потеряли надежду на успех и проиграли; ну а потом попросту продали вас Сарфу, чтобы спасти собственные шкуры. Я возлагал на них слишком большие надежды, а потому это исключительно моя ошибка.

— Но какова была ваша цель... все эти интриги, таинственность, борьба за власть, заговоры — для чего все это, Эстравен? К чему вы стремились?

— Я стремился к тому же, что и вы: союзу моего мира с вашими мирами. А вы что думали?

Мы не мигая смотрели друг на друга, склоняясь над раскаленной печкой, как парочка деревянных идолов.

— Вы хотите сказать, что, даже если бы первым согласился вступить в союз Оргорейн...

— Даже если бы первым был Оргорейн, Кархайд так или иначе вскоре последовал бы его примеру. Неужели вы думаете, что я стал бы понапрасну рисковать шифгретором, когда на карту поставлено столь многое, когда решается судьба всех нас, всего населения моей планеты? Разве имеет значение, какая страна проснется первой, если следом проснемся мы все?

— Но как, черт побери, мне верить всему, что вы тут говорите! — взорвался он вдруг. От слабости голос его звучал не гневно, а скорее грустно и жалобно. — Если все это действительно так, то неужели вы не могли объяснить мне хоть что-то немного раньше, еще прошлой весной, и избавить нас обоих от увлекательного посещения Фермы Пулефен? Ваши попытки помочь мне...

— ...окончились неудачей. И благодаря им вы попали в беду, познали позор, подверглись опасности... Я понимаю. Но если бы я тогда попытался бороться ради вас с Тайбом, вас бы сейчас здесь попросту не было: вы были бы в могиле, в Эренранге. А теперь в Кархайде есть несколько человек, которые верят вашим словам, потому что прислушивались ко мне; и еще несколько в Оргорейне. Они еще очень могут вам пригодиться. Самой большой моей ошибкой было то, что я, как вы это сказали, не объяснился с вами рань-

ше. Но я не привык так вести себя. Я не привык ни давать, ни принимать — ни советы, ни обвинения.

— Мне не хотелось бы быть несправедливым, Эстравен...

— И все-таки вы несправедливы. Странно. Я единственный человек на всей планете Гетен, который до конца поверил вам, и я же единственный человек на этой планете, которому отказались верить вы.

Аи уронил голову на руки и долго молчал. Потом проговорил:

— Простите меня, Эстравен. — Это звучало одновременно как извинение и как признание моей правоты.

— Дело в том, — сказал я, — что вы не способны или просто не хотите поверить в то, что я в вас верю. — Я встал, потому что ноги мои свела судорога, и обнаружил, что дрожу от гнева и усталости. — Научите меня языку мыслей, — сказал я, пытаясь говорить легко и беззлобно, — вашему языку, который не способен лгать. Научите меня говорить на нем, а потом спросите, почему я сделал то, что сделал.

— Мне бы очень этого хотелось, Эстравен.

ПУТЬ ВО ЛЬДЫ

Я проснулся. До сих пор мне казалось невероятно странным просыпаться внутри этого неясно различимого конуса тепла и слушать доказательства собственного разума: это палатка, а я лежу в ней живой, а Ферма Пулефен уже далеко. На этот раз, проснувшись, я уже не испытал никаких тревог — лишь благодарное ощущение покоя. Я сел и пальцами попытался зачесать назад свои свалявшиеся, отросшие патлы. Потом посмотрел на Эстравена, вытянувшегося поверх спального мешка и крепко спящего буквально в полуметре от меня. Он был голый по пояс: ему было жарко. Темнокожее таинственное лицо его освещала раскаленная печка; оно было совершенно открыто моему взгляду. Во сне Эстравен выглядел немного глуповатым, как, впрочем, и любой другой человек, наверное. Скуластое волевое лицо его было сейчас расслабленным и мечтательным, над верхней губой и над тяжелыми бровями выступили крошечные капельки пота. Я вспомнил, как он обливался потом весной, на параде в Эренранге, во всей подобающей его положению парадной амуниции под горячими лучами солнца. Теперь он лежал передо мной беззащитный, полуголый, освещенный холодноватым светом печки, и впервые я увидел его таким, каким он был на самом деле.

Он проснулся, как всегда, поздно, с трудом. В конце концов, позевывая, он воздвигся посреди палатки, натянул рубаху и высунул голову наружу — посмотреть, что там творится; потом спросил, не хочу ли я чашечку орша. Обнаружив, что я уже успел сварить целый котелок этого питья, использовав ту воду, в которую превратился кусок льда, с вечера оставленный им на печке, он сдержанно поблагодарил меня, принял из моих рук чашку, сел и стал пить.

— Куда мы направимся теперь, Эстравен?

— В зависимости от того, куда вы сами захотите пойти, господин Аи. И от того, сколько вы сможете пройти.

— Надо идти на запад. К побережью. Это километров сорок отсюда.

— А потом что?

— Заливы вскоре замерзнут, если уже не замерзли. В любом случае зимой ни один корабль в открытое море не выйдет. Стало быть, придется спрятаться и ждать до следующей весны, когда большие грузовые суда вновь поплынут в Ситх и Перунтер. Но ни одно не поплынет в Кархайд — если эмбарго на торговлю не будет отменено. Насчет судна — надо еще подумать. У меня, как назло, совсем нет денег...

— А если в другую сторону?

— Тогда Кархайд. Путешествие по суше.

— Далековато!.. Тысячи полторы километров, не меньше?

— По дороге — да. Только дороги теперь не для нас. Остановит первый же Инспектор. Остается единственный приемлемый путь: на север по горным тропам, потом на восток через Гобрин и вниз к границе у залива Гутен.

— Через Гобрин? Вы имеете в виду сам Ледник?

Он кивнул.

— Это ведь невозможно зимой?

— Полагаю, что так; но если повезет, а везение хорошо при любом путешествии... Вообще-то идти через Ледник лучше именно зимой. Понимаете, небо над ним в это время обычно ясное, так что там даже

теплее, поскольку лед отражает солнечные лучи; бури же как бы отодвинуты к самым границам Великих Льдов. Отсюда, между прочим, все эти легенды о тихом месте в сердце пурги... Возможно, это было бы нам на руку. А больше надеяться не на что.

— Значит, вы серьезно намереваетесь...

— Иначе не имело бы смысла вытаскивать вас с Фермы Пулефен.

Он все еще вел себя очень сдержанно, казался уязвленным и мрачным. Вчерашний ночной разговор потряс нас обоих.

— Насколько я понимаю, вы считаете, что пересечь Ледник зимой — это меньший риск, чем ждать тут до весны, чтобы сесть на корабль?

Он кивнул и лаконично пояснил:

— Там, во льдах, мы будем одни.

Я некоторое время обдумывал его слова.

— Надеюсь, вы приняли во внимание мою неприспособленность к здешним условиям? Я не настолько «морозоустойчив», как вы, даже сравнивать нечего. И довольно плохой лыжник. К тому же и состояние у меня не ахти, хотя мне уже значительно лучше.

Он снова кивнул.

— Я считаю, что нам стоит попробовать, — сказал он с той абсолютной простотой, которую я так долго принимал за ироничность.

— Хорошо.

Он взглянул на меня и допил свой орш. Этот напиток вполне мог сойти за чай; орш варят из поджаренных зерен особой морозоустойчивой пшеницы; получается коричневый кисло-сладкий напиток, богатый витаминами А и С, сахарозой и весьма приятным тонизирующим веществом типа лобелина. Там, где на планете Гетен нет пива, всегда есть орш; там же, где нет ни пива, ни орша, нет и людей.

— Это будет непросто, — сказал он, поставив чашку на пол. — Очень непросто. Если не повезет, нам не выбраться.

— Лучше уж умереть там, во Льдах, чем в помойке, из которой вы меня вытащили.

Он отрезал пару ломтиков сущеного хлебного яблока, предложил мне и сам тоже стал задумчиво жевать.

— Нам понадобится еще еда, — сказал он.

— А что будет, если мы доберемся до Кархайда?.. Я имею в виду — с вами? Вы ведь все еще считаетесь изгнаниником.

Он глянул на меня своими темными глазами — глазами выдры.

— Да. Видимо, мне лучше будет остаться по эту сторону.

— А когда в Оргорейне обнаружат, что именно вы помогли их пленнику бежать?..

— Чего уж тут обнаруживать. — Он слабо улыбнулся и сказал: — Прежде всего нам необходимо перебраться через Ледник.

Я не выдержал:

— Послушайте, Эстравен, вы, пожалуйста, простите меня за то, что я сказал вчера...

— Нусутх. — Он встал, все еще что-то жуя, надел свой хайэб, плащ, теплые башмаки и, словно выдра, скользнул наружу, в щель самоуплотняющейся войлочной двери. Потом снова просунул голову внутрь: — Я, может быть, вернусь довольно поздно или даже завтра. Вы тут продержитесь без меня?

— Конечно.

— Хорошо.

И исчез. Я никогда не встречал человека, который бы столь полно и мгновенно умел перестраиваться в изменившихся условиях, как Эстравен. Я поправлялся и почти готов был двинуться в путь; он же как раз вышел из состояния танген; и едва это стало ему ясно, как он уже был готов. Он никогда не спешил, не порол горячку, но он всегда был готов. Без сомнения, в этом и крылась тайна его необыкновенной политической карьеры (которой он пожертвовал ради меня), этим объяснялось его доверие ко мне и преданность моему делу. Когда я только еще прибыл на Гетен, он уже был готов к этому. Никто больше на планете Зима готов к этому не был.

И все же он считал себя человеком довольно медлительным, не слишком расторопным и очень не любил резкую смену обстоятельств. Однажды он сказал мне, что, будучи изрядным тутодумом, вынужден порой руководствоваться некоей «общей интуицией», якобы подсказывающей ему, куда в данный момент поворачивается колесо фортуны, добавив, что эта интуиция редко его подводит. Он рассказывал об этом очень серьезно; вполне возможно, что это так и есть на самом деле. Предсказатели в Цитаделях не единственные люди на планете Зима, обладающие даром предвидения. Интуиция давно уже подвластна им, они ее особым образом тренируют, не пытаясь, впрочем, увеличить вероятность событий. В этом плане у последователей культа Йомеш тоже есть определенные возможности; их дар связан, правда, не столько и не только непосредственно с предсказанием событий, но скорее является специфической способностью видеть все *одновременно*, целостно, словно в порыве Озарения.

Пока Эстравена не было, наша печка все время работала на максимуме, и я наконец-то прогрелся весь — впервые за долгий срок. Вот только какой? Я решил, что сейчас, наверное, уже наступил Терн, первый месяц зимы и Нового года, очередного Года Первого. На Ферме Пулефен я совершенно потерял счет времени.

Наша печка-плита представляла собой одно из самых замечательных и на редкость экономичных устройств, созданных гетенианцами за долгие тысячелетия беспощадной борьбы с холодом. Улучшить ее могло бы, пожалуй, только использование особых сплавов в батарее питания. Ее биобатареи были рассчитаны на четырнадцать месяцев непрерывной эксплуатации, КПД был весьма высок; она выполняла функции обогревателя, плитки и светильника одновременно и весила всего около полутора килограммов. Нам никогда не удалось бы пройти эти семьдесят километров от Фермы без нее. Должно быть, на ее покупку и ушла большая часть денег Эстравена — тех самых, которые я столь высокомерно вручил ему в Мишнори. Палат-

ка, сделанная из особого пластика, способного выдерживать сильные морозы и противостоять — в весьма значительной степени — конденсации влаги на внутренних стенках (а ведь это настояще бедствие во всех остальных палатках в холодную непогоду); теплайшие спальные мешки из меха пестри; эта удобная одежда, лыжи, сани, запас продовольствия — все самого лучшего качества, все легкое, прочное, долгоносное, дорогое. Если он отправился пополнять наши продовольственные запасы, то на какие, интересно, средства?

Он вернулся лишь к ночи следующего дня. Я несколько раз выходил из палатки — учился передвигаться на снегоступах и заодно набирался сил на свежем воздухе, бродя по склонам заснеженной лощины. Я вполне прилично бегал на лыжах, но снегоступами пользоваться почти не умел. Далеко уходить я не осмеливался, опасаясь потерять собственный след; то были дикие края: горы, изрезанные трещинами и расщелинами, круто поднимались сразу за палаткой, загораживая восток, вершины их скрывались в облаках. У меня вполне хватило времени обдумать, что я стану делать один в этом забытом Богом месте, если Эстравен не вернется.

Он птицей слетел по склону погружающегося в сумерки холма — потрясающий был лыжник! — и остановился точно рядом со мной, грязный, усталый, с тяжелой поклажей. За спиной у него был темно-коричневый мешок, полный всяких свертков: прямо Дед Мороз, явившийся через дымоход под Рожество, — совсем как на старой нашей Земле. В бесчисленных свертках и пакетах было зерно *кадик*, сущенные хлебные яблоки, чай и куски твердого красного, похожего по вкусу на земной, сахара, который гетенианцы добывают из одного клубневого растения.

— Как вам удалось достать все это?

— Украл, — просто ответил мне бывший премьер-министр Кархайда, держа руки над печкой, которую он, как ни странно, переключать пока не стал: он — даже он! — замерз. — В Туруфе. Это довольно далеко отсюда.

Вот и все, что я узнал о его походе. Он отнюдь не гордился своим подвигом, но и с юмором к нему относиться не мог: воровство на планете Гетен считается тяжким преступлением; действительно, худшим преступником может оказаться разве что самоубийца.

— Сначала используем вот это, — показал он на мешок, пока я ставил на печку котелок со снегом. — Это все лишняя тяжесть.

Большая часть той пищи, которую он заготовил заранее, представляла собой «сверхпитательные кубики» — усиленную белками, дегидрированную и сублимированную смесь различных высококалорийных продуктов. В Оргорейне эти кубики называют гиши-миши, мы тоже называли их так, хотя, разумеется, оба разговаривали на кархайдском. У нас было достаточно гиши-миши, чтобы продержаться дней шестьдесят при минимальном рационе: по фунту в день на каждого. После того как Эстравен вымылся и поел, он в тот вечер долго сидел у печки, составляя точный график использования имеющихся в нашем распоряжении продуктов. Весов у нас не было, так что он отмерял продукты, пользуясь коробкой из-под гиши-миши в качестве мерки. Он, как и большинство гетенианцев, прекрасно знал калорийность и питательную ценность каждого продукта, а также свои собственные потребности в пище при различных погодных условиях, а исходя из этого, сумел рассчитать и мои (как потом оказалось, с большой точностью). Подобные знания имеют высочайшую жизненную ценность на этой планете — планете Зима.

Покончив наконец с графиком, он завернулся в спальник и тут же заснул. Однако всю ночь я слышал, как даже во сне он все еще бормочет что-то про фунты, дни, километры...

Нам при самой грубой прикидке предстоял путь более чем в тысячу километров. Первые полторы сотни — на север или чуть восточнее, через леса и отроги гряды Сембенсиен до самих Великих Льдов, того чудовищного ледяного одеяла, что покрывает как бы двудольный Великий Континент планеты повсюду се-

вернее 45° , а местами опускается даже до 35° . Одним из таких спускающихся к югу языков Ледника и был район Огненных Холмов, ближайших к нам горных вершин массива Сембенсиен. Это была наша первая цель. Оттуда, как справедливо полагал Эстравен, мы сможем попасть на сам ледниковый щит, либо поднявшись по ледовому языку, либо спустившись на щит со склона одной из гор. Затем пойдем туда уже непосредственно по поверхности Ледника прямо к востоку; идти нам придется километров восемьсот. Там, где один из языков Ледника изгибается к северу вблизи залива Гутен, мы спустимся вниз, повернем на юг, и нам останется пройти последние восемьдесят—сто километров по болотам Шенши, которые зимой скрываются под шестиметровой толщей снега, до самой границы Кархайда.

Маршрут целиком пролегал вдали от обитаемых или хоть сколько-нибудь пригодных для обитания районов. Так что встреча с Инспекторами нам вообще не грозила, и это, вне всякого сомнения, было особенно важно: у меня никаких документов не было и в помине, а Эстравен сказал, что его документы просто не выдержат еще одной подделки. К тому же я, хоть и мог сойти за гетенианца, все же при более внимательном рассмотрении явно от них отличался. Уже по одной только этой причине путь, который предложил Эстравен, был выбран в высшей степени удачно.

Во всех же остальных аспектах затея эта была абсолютно безумна.

Свое мнение, впрочем, я оставил при себе: я на самом деле считал, что лучше умереть на пути к свободе, если уж придется выбирать, где умереть лучше. Эстравен, однако, все же перебирал в уме различные варианты. На следующий день, который мы целиком посвятили сборам и погрузке вещей на сани, он вдруг спросил:

— Если вы пошлете сигнал на Звездный Корабль, то когда он сможет прибыть сюда?

— Потребуется от восьми до четырнадцати дней — в зависимости от точки его нахождения на солнечной

орбите. Может быть, он сейчас весьма далеко от Гетен.

— А быстрее нельзя?

— Нельзя. Межгалактические скорости нельзя использовать внутри одной солнечной системы. Корабль требуется сажать вручную, используя его посадочный двигатель. А на это потребуется как минимум дней восемь. А что?

Он плотно натянул веревку, завязал узел и только потом ответил мне:

— Я все думал, не лучше ли попытаться искать помощи у вашего мира, поскольку мой мир нам помощи явно не окажет. В Туруфе есть радиомаяк.

— Мощный?

— Не очень. Ближайший крупный радиопередатчик скорее всего в Кухумее; это километрах в шестистах отсюда к югу.

— Кухумей ведь большой город, да?

— Двести пятьдесят тысяч.

— Плохо. Придется где-то прятаться неизвестно сколько, а Сарф, поднятый по тревоге, будет рыскать вокруг... Отсидеться вряд ли удастся.

Он кивнул.

Я вытащил последний мешочек с зернами кадик из палатки, пристроил его в подходящую щель между тюками и сказал:

— Если бы я тогда сразу, в ту же ночь в Мишнори, вызвал корабль... в ту ночь, когда вы сказали, чтобы я... в ту самую ночь, когда меня арестовали... Но мой ансибль был у Обсла; он, по-моему, и сейчас еще у него.

— Он может воспользоваться им?

— Нет. Это невозможно даже случайно, просто наугад крутя ручку. Настройка его исключительно сложна. Но если бы тогда я им воспользовался сам!..

— Если бы тогда я сам наверняка знал, что игра уже окончена... — откликнулся Эстравен с улыбкой. Он был не из тех, кто предается сожалениям.

— Но вы, по-моему, уже знали. Только вот я вам не поверил.

Когда сани были уложены, он настоял на том, чтобы остаток дня мы совсем ничего не делали — копили энергию. Лежа в палатке, он что-то быстро писал в маленькой записной книжке мелкими и острыми булавками — скорее всего то, что рассказано в предыдущей главе. У него не хватало времени как следует вести свой дневник в течение прошлого месяца, что очень его раздражало; он весьма аккуратно вел его, воспринимая это как святую обязанность по отношению к своей семье, к своему Очагу в Эстре. Дневник как бы связывал его с домом. Это я, правда, узнал значительно позже, а в то время я и понятия не имел, что он там пишет, и сначала натирал мазью лыжи, а потом просто бездельничал. Громко на свистывая какую-то танцевальную мелодию, я вдруг оборвал себя: у нас ведь только одна палатка, и если нам предстоит в течение долгого времени делить этот кров, стараясь не слишком действовать друг другу на нервы, то, безусловно, надо быть сдержаннее, корректнее по отношению друг к другу... Эстравен, правда, лишь поднял голову, едва я засвистел, и совершенно спокойно посмотрел на меня. Без малейшего раздражения, даже, пожалуй, мечтательно. Потом сказал:

— Жаль, что я не знал о вашем корабле еще в прошлом году... Почему вас отпустили в чужой мир одного?

— Первый Посланник всегда работает в одиночку. Если один инопланетянин — всего лишь диковинка, то двое — уже вторжение.

— Дешево же ценится жизнь первого Посланника.

— Нет. В Экумене вообще ни одна жизнь не ценится дешево. Именно поэтому лучше подвергнуть риску жизнь одного человека, чем двоих или двадцати. Не говоря уж о том, что, как вы теперь знаете, совершить прыжок во времени — удовольствие довольно дорогое. Да и вообще, я ведь сам просил послать меня, сам вызвался.

— Честь обретешь, лишь рискуя, — сказал он, явно что-то цитируя, и смягчил торжественность своих

слов: — Здорово же мы прославимся, когда доберемся до Кархайда...

И тут я вдруг почувствовал, что мы непременно доберемся до Кархайда, что мы обязательно пройдем этот бесконечный путь по горам, минуем все пропасти и трещины, чудовищные вулканы и ледники, замерзшие болота, замерзшие заливы — все это пустынное, бесприютное, безжизненное пространство в период зимних выног, посреди Ледникового Периода. Он сидел и писал в своем дневнике с таким же высокомерным терпением и упрямством, с каким безумный король Аргавен цементировал замковый камень на Новых Воротах. С тем же видом он сказал и «...когда мы доберемся до Кархайда...»

В этом *когда*, впрочем, звучала определенная надежда. Он намеревался достигнуть границы Кархайда к четвертому дню четвертого месяца зимы, Архад Аннер. А выйти в путь мы должны были тринадцатого числа первого месяца зимы, в день Торменбод Терн. Наших запасов пищи, которые он так хорошо распределил, хватило бы самое большое на три гетенианских месяца, то есть на семьдесят восемь дней; так что нам предстояло делать по двадцать километров в день и добраться до Кархайда за семьдесят дней, к намеченному дню Архад Аннер. Все было рассчитано точно. И теперь оставалось только хорошенько выспаться перед долгой дорогой.

Мы вышли на рассвете, надев снегоступы. Падал легкий снежок, ветра не было. Холмы укрывал снег *бесса*, то есть мягкий, пушистый, нетронутый; на Земле лыжники называют это снежной целиной. Сани были тяжелыми; Эстравен полагал, что в целом они весят около ста килограммов. Тащить такие сани по рыхлому снегу оказалось довольно трудно, хотя они были очень удобные, легко управляемые и напоминали чудесную маленькую лодку; полозья их — настоящее чудо! — были покрыты особой полимерной пленкой, которая уменьшала трение практически до нуля, что, однако, порой страшно мешало, когда тяжеловесные сани начинали «плыть» по снегу не в ту сторо-

ну. В итоге, учитывая глубину и рыхлость снега, а также бесконечные подъемы и спуски, мы решили, что лучше идти так: один тащит сани спереди, другой толкает их сзади. Весь день непрерывно шел снег, легкий, пушистый. Дважды мы останавливались, чтобы перекусить. Бескрайняя холмистая страна словно застыла в молчании. Мы упорно продвигались вперед и не заметили, как спустились сумерки. На ночлег мы остановились в лощине, очень похожей на ту, которую покинули сегодня утром, между двумя укрытыми белым покрывалом холмами. Я настолько устал, что без конца спотыкался, но, несмотря на это, трудно было поверить, что день кончился так быстро. На указателе пройденного расстояния была цифра «20» — столько километров мы прошли сегодня.

Если мы смогли идти так быстро по рыхлому снегу с тяжелыми санями, да еще по такой местности, где каждая складка пролегала поперек загадочного маршрута, то мы, безусловно, сможем двигаться значительно быстрее, оказавшись на ледниковом щите, где снег очень плотный, поверхность ровная, да и сани к тому времени станут куда легче. До выхода в путь я скорее заставлял себя верить Эстравену, теперь же я доверял ему полностью. Мы действительно доберемся до Кархайда за семьдесят дней.

— Вам уже приходилось путешествовать таким способом? — спросил я его.

— На санях? Часто.

— На большие расстояния?

— Как-то раз осенью я ушел километров на триста к Леднику Керм. Только давно уже.

Нижний конец полуострова Керм, гористого и сильно выдающегося к югу, самой южной окраины субконтинента Кархайд, так же как и его северная часть, покрыт ледниками. Люди на Великом Континенте планеты Гетен живут как бы на узкой полоске между двумя белыми ледяными стенами. Дальнейшее уменьшение солнечной радиации всего лишь на восемь процентов, согласно подсчетам гетенианцев, заставит эти

стены сомкнуться. И тогда не останется ни людей, ни земли, — только лед.

— А зачем вы ходили во Льды?

— Из любопытства, ради приключений. — Он поколебался и чуть улыбнулся: — Для нервной разрядки!

Это было одно из моих «экуменических» выражений.

— Ага: вы сознательно продлевали эволюционную тенденцию, заложенную изначально в человеческом существе, одним из проявлений которой и является страсть к исследованиям.

Мы оба были довольны собой, сидя в теплой палатке, попивая горячий орш и дожидаясь, когда закипит каша из зерен кадик.

— Да, именно так, — сказал он. — Нас тогда было шестеро. Все очень молодые. Мой брат и я — из Эстре, четверо наших друзей из Стока. У нас не было особой цели. Нам просто захотелось посмотреть на Теремандер, вершина которого торчала прямо над Ледником. Не многие видели ее с близкого расстояния.

Каша была готова; это было совсем не то, что застывший плотный комок вареных отрубей на Ферме Пулефен; по вкусу каша напоминала жареные земные каштаны и приятно обжигала рот. Прогревшись теперь и изнутри, я благодушно изрек:

— Самую лучшую еду я пробовал на Гетен всегда в вашем обществе, Эстравен.

— Но только не на том банкете в Мишнори.

— Это уж точно... Вы ведь ненавидите Оргорейн, не правда ли?

— Мало кто из жителей Орготы умеет по-настоящему готовить. Ненавижу Оргорейн? Нет, с какой стати? Как можно ненавидеть или любить целую страну? Тайб, правда, что-то в этом духе вещает, но я его способностями не обладаю. Я знаю каких-то определенных людей, города и фермы, холмы и реки, я знаю горы, знаю, как солнце скрывается за холмом на том или ином краю пашни; но какой смысл в том, чтобы проводить через все это границы и называть отрезанный таким способом кусок земли государством и пере-

ставать любить то, к чему новое название этого государства относится? Что значит любовь к своей стране? Ненависть к тому, что находится за ее пределами? И то и другое одинаково плохо. А может, это просто любовь к самому себе? Это, в общем, естественно, только не стоит превращать любовь к себе в добродетель или... в профессию. Поскольку я люблю жизнь, я люблю и холмы княжества Эстре, но такая любовь никак не сопряжена с ненавистью, якобы определяемой территориальными границами. Иное *понимание* вещей мне, я полагаю, неведомо и недоступно.

В данном случае слово «понимание» было им явно употреблено в ханддаратском смысле: не воспринимаю абстракций, но воспринимаю конкретную вещь как таковую. В подобном мировосприятии было нечто женское, некий отказ от голых абстракций, от понятий идеального, некая покорность данности; мне лично это скорее было даже неприятно.

И все же, стараясь объяснить получше, он добавил:

— Человек, который не отвергает плохое правительство своей страны, глуп. Если бы нашей планетой правили хорошие люди, с какой радостью я служил бы им!

В этом мы друг друга понимали.

— Мне такая радость знакома, — сказал я.

— Да, так мне и показалось.

Я ополоснул чашки горячей водой и выплеснул воду, чуть приоткрыв войлочную дверь палатки. Снаружи была непроницаемая тьма; кружился мелкий легкий снежок, едва различимый в узкой полосе света. Я плотно закрыл дверцу, оказавшись снова в сухом благодатном тепле; мы расстелили спальные мешки. Он проговорил что-то вроде: «Передайте-ка мне чашки, господин Аи», а я сказал:

— Мы так и будем величать друг друга «господин» в течение всего перехода через Гобрин?

Он поднял голову, посмотрел на меня и засмеялся:

— А я не знаю, как следует вас называть.

— Мое имя Дженили Аи.

— Это я знаю. Но вы называете меня моим родовым княжеским именем.

— Но я ведь тоже не знаю, как можно вас называть.

— Харт.

— Тогда пусть я буду Аи. А кто называет друг друга просто по имени?

— Братья или друзья, — сказал он; эти слова прозвучали как бы издалека — не достать и не увидеть, — хотя между нами было всего полметра, да и вся палатка — метра три по диагонали. Что ответить на это и что может звучать более высокомерно, чем откровенность? Охладив свой пыл, я нырнул в меховой спальник.

— Спокойной ночи, Аи, — сказал один инопланетянин.

И другой инопланетянин ответил:

— Спокойной ночи, Харт.

Друг. Что значит друг в этом мире, где любой друг может стать твоей возлюбленной с новым приходом луны? Но только не я, навсегда запертый в рамках своей «мужественности»: не мог я быть другом Терему Харту, как и никому другому из его расы. Расы то ли мужчин, то ли женщин. Ни тех, ни других, но тех и других одновременно, подчиненных странным циклическим изменениям, зависящим от фаз луны, меняющих свой пол при прикосновении ладоней. Оборотни уже с колыбели. Мы не были с ним одной крови; не могли они быть моими друзьями; не могло быть между нами любви.

Мы уснули. Лишь раз я проснулся среди ночи и услышал, как густой снег, падая, мягко шуршит снаружи.

Эстравен поднялся на рассвете и стал готовить завтрак. Разгорался ясный день. Мы нагрузили сани и снялись с места, когда солнце едва коснулось верхушек коряевых кустарников, окаймлявших лощину. Эстравен впряжен в сани спереди, я толкал сзади, заодно правя рулем. Снег начал покрываться корочкой; на гладких склонах мы бежали вниз, словно ездовые собаки. В тот день мы сначала шли по опушке лесного

массива, что граничит с территорией Фермы Пулевен, потом пошли напрямик. Лес состоял из карликовых деревьев тор, толстых, кривоногих, с ледяными хвойными бородами. Мы не осмелились выйти на главную дорогу, что вела прямо на север, однако порой пользовались тропками, ведущими к лесозаготовкам. В лесу поддерживался безукоризненный порядок, там не было ни валежника, ни подлеска, так что мы относительно легко и быстро продвигались вперед. В лесу Тарренпет поверхность была значительно более ровной, крутых склонов почти не попадалось. Судя по счетчику, мы прошли почти тридцать километров, а устали гораздо меньше, чем накануне.

Одно из преимуществ зимы на планете Гетен — долгие и светлые дни. Орбита планеты проходит под очень незначительным углом к своей эклиптике, так что продолжительность дня в низких и высоких широтах различается мало. Смена сезонов здесь не зависит от северного и южного полушарий; она происходит одновременно на всей планете вследствие ее движения по эллиптоидной орбите. Двигаясь с наименьшей скоростью, в точке афелия Гетен каждый раз теряет достаточно солнечного тепла, чтобы изменить к худшему и без того тяжелые погодные условия: окончательно заморозить то, что уже стало достаточно холодным, превращая дождливое серое лето в жестокую белоснежную зиму. Будучи сезоном более сузанным, чем остальные, зима здесь могла бы быть даже приятной, если бы не страшные холода. Солнце при ясной погоде светит вовсю и зимой; здесь нет медленного исчезновения света и смены полярного дня полярной ночью, как это происходит на полюсах Земли, где холод и ночь приходят одновременно. Зима на планете Гетен солнечная, страшно жестокая, но все-таки... солнечная!

Три дня мы пробирались через лес Тарренпет. В тот день, когда мы вот-вот должны были выйти из него, Эстравен сделал остановку неожиданно рано, мы разбили лагерь, и он отправился ставить силки. Ему хотелось поймать несколько пестри. Это одно из наиболее

крупных животных планеты, размером примерно с лису. Пестри — яйцекладущие травоядные зверьки с замечательным мехом, серым или белым. Однако Эстравена интересовало прежде всего их мясо, ибо пестри вполне съедобны. В это время они как раз мигрировали к югу огромными стаями; они так легконоги и нелюбопытны, что мы за все эти дни видели всего двух-трех зверьков, однако снег был испещрен их следами, особенно на прогалинах. Пестри явно направлялись к югу. Ловушки Эстравена были полны уже через час или два. Попалось шесть зверьков. Он освежевал тушки, подвесил на ветку несколько кусков мяса, чтобы как следует замерзли, а из остальных приготовил рагу нам на ужин. Гетенианцы не охотники, да здесь и не на кого охотиться: нет ни крупных травоядных, ни крупных хищников, которые, впрочем, кишают в морях. Здесь в основном занимаются рыбной ловлей и земледелием. Я еще никогда не видел гетенианца с обагренными кровью животного руками.

Эстравен посмотрел на белоснежные шкурки.

— Продав это, охотник на пестри мог бы безбедно существовать целую неделю, — сказал он. — Зря пропадут. — И протянул мне одну.

Мех был таким мягким и густым, что нежное его прикосновение почти не ощущалось. Наши спальные мешки и куртки с капюшонами — все было подбито этим самым мехом, замечательно теплым и очень красивым.

— Вряд ли стоило убивать их, — сказал я. — Ради рагу.

Эстравен быстро глянул на меня своими темными глазами и бросил только:

— Нам нужен белок.

Потом отшвырнул шкурки прочь, подальше от палатки, где за ночь *русси*, маленькие крысозмеи, сожрут не только сами шкурки, но и все остальное и вылижут дочиста окровавленный снег.

Он был прав; в общем-то, он был прав. В каждом пестри было около килограмма вполне съедобного мяса. Я и не заметил, как съел свою порцию. И готов

был съесть в два раза больше. На следующее утро, когда мы снова начали подъем, я толкал сани с удвоенной энергией.

Весь тот день мы шли вверх. Густой снег, плотный снеговой покров и *кроксет*, — безветренная погода при температуре от -5° до -15° , — сопровождавшие нас во время перехода через лес Тарренпет и помогавшие нам скрыться от возможных преследователей, теперь сменилась, к сожалению, плюсовой температурой и дождем. Я на собственной шкуре начинал понимать, почему гетенианцы жалуются на погоду, если температура зимой поднимается выше нуля, и радуются, когда вновь подмораживает. В городе дождь зимой — всего лишь неудобство; однако для путешественника по диким краям это настоящая катастрофа. Мы все утро волоком втаскивали сани, карабкаясь по отрогам Сембенсиена в густой каше из размокшего снега. К полудню на самых крутых склонах снега почти не осталось. С неба обрушивались потоки дождя, под ногами на многие километры вокруг — грязь, щебень, валуны. Мы заменили полозья в санях колесами и продолжали тащиться вверх. Став обычной колесной повозкой, сани повели себя исключительно гнусно: каждую минуту они увязали в грязи или опрокидывались. Стемнело прежде, чем мы успели подыскать какое-нибудь укрытие — утес или пещеру, — чтобы разбить палатку, так что, несмотря на наши усилия, все промокло насквозь. Эстравен говорил, что такая палатка, как у нас, должна хорошо сохранять тепло при любой погоде, однако до тех пор, пока внутри ее будет сухо. «Если у нас не будет возможности высушить поклажу, мы всю ночь будем мерзнуть, и выситься не удастся. Этого мы себе позволять не должны: у нас слишком ограниченные запасы пищи, так что силы терять нельзя. А если нельзя будет рассчитывать и на солнце, которое могло бы высушить вещи, то придется просто смириться с тем, что они мокрые». Я тогда слушал его очень внимательно и всегда старался по его примеру удалить с поверхности палатки всякий лишний снег, так что внутри влажность была минимальной. Влага,

естественно, конденсировалась, но в основном когда готовили еду или просто от нашего дыхания. Но сегодня ночью все промокло насеквоздь прежде, чем мы успели поставить палатку. Мы прижались друг к другу возле печки и быстренько приготовили жаркое из пестри, горячую и сытную еду, вполне компенсирующую все энергетические затраты. Счетчик показал, что, несмотря на наши героические усилия, за весь день мы прошли только четырнадцать километров.

— Впервые мы сделали меньше нормы, — сказал я.

Эстравен кивнул и аккуратно разгрыз косточку, высыпав мозг. Он снял и разложил на просушку мокрую верхнюю одежду, так что сидел в одной рубахе с распахнутым воротом, в легких штанах и босиком. Я же недостаточно согрелся даже для того, чтобы снять куртку, хайэб и теплые сапоги. А он сидел себе и грыз мозговые косточки как ни в чем не бывало, аккуратный, собранный, выносливый; его гладкие, похожие на звериную шерсть волосы отталкивали влагу, словно птичьи перья; с них капало прямо ему на плечи, как весной с крыши, но он этого даже не замечал. Он не был ни удручен, ни обескуражен. Это была его родина.

Уже после нашей первой мясной трапезы у меня немного болел живот. Ночью же боли стали очень сильными. Я провалялся без сна во влажной тесноте палатки, слушая неумолчный шум дождя.

За завтраком Эстравен сказал:

— У вас была тяжелая ночь.
— Откуда вы знаете? — Он спал очень крепко и не шелохнулся, даже когда я выходил из палатки.

Он снова метнул в меня тот свой взгляд — взгляд выdry:

— В чем дело?
— Желудок расстроился.
— Это из-за мяса, — мрачно сказал он и нахмурился.
— Я тоже так думаю.
— Это моя ошибка. Я должен был...
— Да все уже в порядке.
— Вы можете идти?

— Вполне.

Дождь лил и лил. Западный ветер с моря принес оттепель, было выше нуля даже здесь, на высоте примерно полутора километров над уровнем моря. Видимость была не более двухсот метров, все скрывалось в густой серой дымке и потоках дождя. Что за склоны вздымались теперь над нашими головами, я даже не рассмотрел: все равно ничего видно не было, лишь бесконечные нити дождя. Мы шли по компасу, стараясь держаться северного направления, насколько позволяли уже довольно крутые склоны гор.

Сами Льды были уже близко, сразу за этими горами. Сотни тысяч лет Ледник полз по этой северной местности, то наступая, то отступая; везде остались его следы — гранитные валуны морен, прямые и длинные борозды, словно вырубленные в камне гигантским долотом. Мы иногда могли тащить свои сани по такой борозде, словно по дороге.

Я изо всех сил налегал на постремки: эта тяжелая работа согревала меня. Когда мы остановились перекусить, голова у меня кружилась от слабости, меня знобило, и есть я не стал. Снова двинулись в путь, снова без конца карабкались вверх. Дождь лил, лил, лил. Эстравен решил разбить лагерь под огромным выступом черной скалы, когда до вечера было еще далеко. Он уже успел поставить палатку, пока я с трудом «распрягался», и приказал мне немедленно лечь.

— Да все в порядке, — возразил я.

— Нет, не в порядке, — сказал он. — Идите и ложитесь.

Я подчинился, но мне не понравился его тон. Когда он сам вошел наконец в палатку, неся то, что нам нужно было для ночлега, я принялся готовить еду, поскольку была моя очередь. Он тем же повелительно-высокомерным тоном велел мне лежать спокойно.

— Не нужно мне приказывать, — сказал я.

— Простите, — сурово ответил он, не оборачиваясь.

— Я не болен, вы же знаете.

— Нет, я не знал. Если вы не будете говорить мне о своем самочувствии честно, я вынужден буду вести себя в соответствии с тем, как вы выглядите. Вы еще явно не восстановили свои силы, а подъем был тяжелым. Мне неизвестны пределы вашей выносливости.

— Я вам скажу, когда достигну этих пределов.

Меня раздражала его опека. Он был на голову ниже меня, да и фигура у него была скорее женской, а не мужской: больше жира, чем мускулов. Когда мы вместе впрягались в сани, я вынужден был шагать не так широко, чтобы приспособиться к нему, и сдерживать свою силу, чтобы он не выдохся окончательно: жеребец в одной упряжке с мулом...

— Значит, вы больше не больны?

— Нет. Хотя, конечно же, я устал. Как и вы, впрочем.

— Да, я тоже устал, — сказал он. — Я очень беспокоился из-за вас. Впереди еще долгий путь.

Он и не думал меня опекать. Он просто с самого начала считал, что я болен, а больные обязаны подчиняться. Он был совершенно искренен и ожидал ответной искренности, а я, возможно, и не смог бы быть искренним по отношению к нему. Он, в конце концов, вообще понятия не имел, что такая мужская гордость: у него была только его собственная, гетенианская гордость.

С другой стороны, если бы он мог несколько уступить требованиям своего шифгретора — что, по моему теперешнему разумению, он и проделал в отношении со мной, — то и я, возможно, мог бы поступиться некоторыми понятиями «мужской чести», о которых он знал столь же мало, как и я о его шифгреторе...

— Сколько мы сегодня прошли?

Он посмотрел и чуть-чуть, но вполне добродушно, усмехнулся.

— Девять километров, — сказал он.

На следующий день мы прошли одиннадцать, потом — четырнадцать, а еще через день вышли из-под нависших дождевых туч, а также из обитаемых земель.

Это случилось на девятый день нашего путешествия. Теперь мы находились на высокогорном плато, на высоте около двух километров, и везде были следы недавних геологических подвижек и вулканических извержений. Перед нами вздымались знаменитые Огненные Холмы массива Сембенсиен. Плато постепенно понижалось, переходя в долину, а долина, сужаясь, превращалась в ущелье между двумя горными хребтами. По мере того как мы все ближе подходили к ущелью, тяжелые дождевые тучи становились легче, постепенно рассеивались. Вскоре их яростно разогнал совсем ледяной, пронзительный северный ветер, оголявший острые вершины скал справа и слева от нас; черный базальт, покрытый кое-где снегом, словно яркое лоскутное одеяло, раскинутое по скалам, вдруг осветило вынырнувшее из туч солнце. Впереди простирались исхлестанные и обнаженные пронзительным ветром каменистые складчатые долины, зажатые меж гор, ступенями спускавшиеся на многие сотни метров вниз, полные льда и валунов. А за этими долинами возвышалась огромная стена изо льда, и, поднимая глаза все выше и выше до самой верхней кромки, мы видели лишь Его Величество Лед. Ледник Гобрин, ослепительный и бескрайний, простирающийся на север, куда-то за горизонт, — беспредельная белизна, на которую было больно, невозможно смотреть.

Из долин, заполненных валунами и галькой, среди бесчисленных утесов и оползней, у самой кромки гигантского ледяного поля беспорядочно поднимались черные горные вершины, словно это чудовищное месиво изо льда и камней вспутилось в отдельных местах черными неясными холмами, как бы открывавшими ворота в иную страну; мы стояли в этих воротах и смотрели, как навстречу нам тяжело ползут километровые языки дыма. А дальше над Ледником виднелись и другие остроконечные вершины и черные дымящиеся конусы вулканов. Дымы яростно вырывались из чудовищной пасти Великих Льдов, разверстой прямо в небеса.

Мы с Эстравеном стояли рядом в одной упряжке и глядели на этот поразительный, неописуемый, немыслимо пустынный мир.

— Я рад, что дожил до этого, — сказал он.

Я чувствовал примерно то же. Хорошо знать, что у твоего путешествия существует конец; но в конце концов, самое главное — это само путешествие.

На этих обращенных к северу склонах дождей никогда не бывало. Бесконечные заснеженные поля спускались к ущелью, пропаханному мореной. Мы сняли и упаковали колеса, вновь надев полозья; встали на лыжи и двинулись в путь — вниз, на север, дальше, в безмолвное царство огня и льда, где на огромных черно-белых скрижалях гор словно было начертано: СМЕРТЬ, СМЕРТЬ. Сани шли превосходно и казались легкими как перышко, и мы смеялись от радости.

МЕЖДУ ДРАМНЕРОМ И ДРЕМЕГОЛОМ

Одирин Терн. Аи спрашивает, лежа в своем мешке:

— Что это вы там пишете, Харт?

— Так, дневник.

Он чуть усмехается:

— Мне бы тоже следовало вести дневник для архивов Экумены, но я никак не могу заставить себя делать это вручную, без диктофона.

Объясняю ему, что записки мои предназначены для Очага Эстре, а потом их в соответствующем виде включат в мысли о родном Доме, о сыне; я снова стараюсь отвлечься и спрашиваю Аи:

— А ваш родитель... ваши родители, так, кажется, — они живы?

— Нет, — говорит он. — Умерли семьдесят лет назад.

Я в страшном изумлении. Аи всего-то лет тридцать, не больше.

— У вас, наверное, год другой протяженности? Вы иначе считаете время?

— Нет. А, понял! Дело в том, что я совершил прыжок во времени. От Земли до Хайна расстояние двадцать световых лет, от Хайна до Оллполь — пятьдесят,

от Оллюль сюда — семнадцать. Из-за прыжков во времени получается, что я прожил вне Земли всего семь лет, а на самом деле я родился там сто двадцать лет назад.

Уже давно, еще в Эренранге, он объяснял мне, как сокращается протяженность времени в межзвездных кораблях, которые летят почти так же быстро, как свет от одной звезды до другой, но я как-то не соотнес этот факт с протяженностью человеческой жизни или с жизнями тех, кого космический путешественник оставляет на своей родной планете. Для него всего несколько часов на этом невообразимом корабле, летящем меж звезд, равны целой жизни тех, кого он оставил дома; его близкие стареют и умирают, успевают постареть и их дети... После долгого молчания я сказал:

— А я считал изгнанником себя.

— Вы стали им ради меня, я — ради вас, — ответил он и засмеялся. Легко прозвучал его радостный смех, нарушив тяжелую тишину. Эти три дня, после того как мы вышли из ущелья, были наполнены тяжелым трудом и не слишком приблизили нас к конечной цели, но Аи больше не впадает в уныние, как не лелеет и чрезмерных надежд, и ко мне он теперь относится значительно терпимей. Возможно, его организм с течением времени освобождается от наркотиков, а может быть, мы просто приспособились друг к другу, научились вместе тащить одни сани?

Весь сегодняшний день мы потратили на спуск с базальтового лба, на который вчера целый день взбирались. Из долины ущелье казалось вполне хорошей дорогой, ведущей прямо на Ледник, но чем выше мы поднимались, тем больше попадалось каменистых осипей и огромных скользких валунов, подъем становился все круче, так что иногда даже и без саней мы не могли сразу преодолеть его. Сегодня мы снова спустились к самому основанию моренной гряды, в каменную долину. Здесь ничего не растет. Скалы, щебень, валуны, глина, жидккая грязь. Один из языков Ледника протянулся сюда, за пятьдесят или сто лет

дочиста обглодав земные «кости»; исчезла сама плоть планеты, как и ее травяной покров. Поднимающийся из бесчисленных фумарол дымок сливается над землей в тяжелую, медленно ползущую пелену. В воздухе пахнет серой. Примерно -10° , ветра нет. Небо покрыто тучами. Надеюсь, что не будет сильного снегопада, пока мы не выберемся из этого зловещего места между фумаролами и языком Ледника, который уже виден в нескольких километрах к западу. Похоже на широкую ледяную реку, стекающую с плато меж двух вулканов, накрытых шапками испарений и дыма. Если мы сумеем спуститься на Ледник со склона ближайшего вулкана, то, возможно, путь на сам ледниковый щит будет значительно легче. К востоку от нас ледяной язычок поменьше стекает в замерзшее озеро, но не прямо, а извиваясь, и даже отсюда видны в его поверхности глубокие трещины; нам, с нашим теплешним снаряжением, по такой поверхности не пройти. Мы договорились попробовать добраться до Великих Льдов по ледяной реке меж двух вулканов, хотя для этого сначала придется идти на запад, и мы, таким образом, теряем по крайней мере два дня пути: один — чтобы добраться до сползшего ледяного языка, второй — чтобы восстановить прежнее направление.

Оппостхе Терн. Начался незерем*. При нем двигаться вперед нельзя. Оба весь день проспали. Почти полмесяца мы без устали тащим сани; сон пойдет нам на пользу.

Отторменбод Терн. Незерем. Выспались. Аи научил меня играть в го; у них есть на Земле такая игра; играют на расчерченной квадратиками доске маленькими камешками. Прекрасная игра и очень трудная. Он шутит, говорит, камешков для игры в го здесь более чем достаточно.

Он уже неплохо приспособился к холоду, а если соберет все мужество, перенесет его не хуже снежного червя. Странно видеть, как он кутается в хайэб и

* Мелкий сухой сильный снег, пурга при умеренном ветре (Дж. Аи).

плащ с поднятым капюшоном, когда и мороза-то еще никакого нет, но, когда мы впряженемся в сани, особенно при солнце и не слишком пронзительном ветре, он вскоре тоже снимает плащ и даже начинает потеть, как и мы. Постоянно спорим по поводу печки: ему все хочется включить ее на максимум, я же предпочитаю минимальный нагрев. То, что приятно одному, тут же приводит к воспалению легких у другого. Так что мы придерживаемся золотой середины: он дрожит от холода и согревается только в спальном мешке, а я, если залезаю в свой, купаюсь в поту, но, если учесть, *откуда* мы оба попали в эту маленькую палатку, которую нам придется не так уж долго держать, в целом мы уживаемся вполне хорошо.

Гетени Танерн. Пурга прекратилась, небо ясное. Ветер стих. Термометр весь день показывает около -10° . Мы разбили лагерь у самого основания западного склона ближайшего к нам вулкана: на моей карте Оргорейна он обозначен как Дремегол. Его дружок, тот, что на том берегу ледяной реки, называется Драмнер. Карта очень плохая; например, к западу отчетливо видна высокая вершина, на карте даже не отмеченная; масштаб совершенно не соблюден. Жители Орготы явно не слишком часто посещают свои знаменитые Огненные Холмы. В общем-то, здесь действительно нечем особенно любоваться, разве что величием природы. Сегодня прошли пятнадцать километров, дорога очень тяжелая, сплошные камни. Аи уже спит. Я порвал связку на стопе — как последний дурак дернул ногу, застрявшую между камней. Весь день хромал. Ночной отдых, надеюсь, залечит. Завтра, по моим расчетам, мы должны были бы спуститься на Ледник.

На первый взгляд кажется, что запасы пищи у нас уменьшаются катастрофически, но это только потому, что едим мы наиболее объемные и тяжелые продукты. У нас было килограммов двадцать пять—тридцать таких припасов, половина из них — украденное в Туруфе; через пятнадцать дней пути около восемнадцати килограммов было съедено. Теперь я уже начал использовать гиши-миши — по фунту в день на каж-

дого, — отложив про запас два мешочка кадик, немного сахара и коробку рыбных сухариков — для разнообразия. Я рад избавиться от добытых в Туруфе продуктов: сани стало тащить куда легче.

Сордни Танерн. Температура -5° . Снег с дождем, который тут же превращается в лед. Ветер мчится вниз по ледяной реке, словно горный поток по узкому ущелью. Палатку поставили в полукилометре от края Ледника, на длинной ровной полосе фирна. Спуск с крутого склона Дремегола был тяжелым: без конца голые скалы и каменистые осыпи; край Ледника покрыт глубокими трещинами; огромное количество гальки и валунов вмерзло в лед, так что пришлось попытаться снова поставить сани на колеса. Но уже через какие-то сто метров колесо напрочь заклинило, а ось погнулась. С тех пор пользуемся только полозьями. Сегодня прошли всего шесть километров; до сих пор еще не повернули туда, куда нам нужно. Извивающийся язык Ледника, похоже, изгибается плавной дугой к западу, где он когда-то сошел с ледяного плато. Здесь меж двух вулканов ледяная река в ширину не менее пяти километров, и по ней, если держаться ближе к середине, идти, видимо, будет не слишком трудно, хотя трещин во льду оказалось гораздо больше, чем я предполагал, да и поверхность далеко не идеальная — слишком много камней.

Драмнер весьма активен. Ледяная корка, облепившая нам губы, пахнет дымом и серой. Целый день над вершиной Драмнера висит темная туча, ниже мрачных серых небес. Время от времени все вокруг — темная туча, ледяной дождь, серые небеса — вспыхивает темно-красным, потом, словно подернутые пеплом угли, снова темнеет неспешно. Лед под ногами слегка вздрагивает.

Эскичве рем ир Гер высказал предположение, что вулканическая активность в северо-западном Оргорейне и на Архипелаге в течение последних десяти—двадцати тысячелетий непрерывно росла и продолжает возрастать — явное свидетельство конца Ледникового Периода или, как минимум, ослабления холдов.

Наступает межледниковый период. Двуокись углерода, выделяемая вулканами в атмосферу, со временем превратится в достаточно плотную изолирующую пленку, которая будет создавать и известный парниковый эффект, задерживая тепло, излучаемое планетой, и одновременно пропуская в атмосферу солнечные лучи. В связи с этим среднегодовая температура, по мнению этого ученого, повысится в итоге градусов на тридцать и достигнет примерно 20°С. Я рад, что меня тогда уже не будет в живых. Аи говорит, что подобные теории выдвигались и их учеными относительно последнего, все еще не завершившегося ледникового периода на Земле. Все подобные теории, впрочем, в большинстве своем одинаково неопровергимы и недоказуемы; никто точно не знает, отчего Великие Льды приходят, а потом уходят. Снежный покров Неведения доселе остается нетронутым.

Над Драмнером в темноте полыхает неяркое, но мощное зарево.

Эпс Танерн. По счетчику сегодня прошли двадцать два километра, но по прямой мы не далее чем в десяти километрах от нашей вчерашней стоянки. Все еще находимся в залитом льдом ущелье между двумя вулканами. Драмнер все больше активизируется. Черви огня ползут, извиваясь, по его черным бокам, их видно, когда ветер разгоняет мутные кипящие облака дыма и белого пара. В воздухе непрерывно слышится какое-то шипение, бормотание, это как бы дыхание самой земли, и оно настолько всеобъемлюще, что, если специально остановиться и прислушаться, можно и не уловить отдельных вздохов; тем не менее оно захватывает тебя целиком, до мельчайшей клеточки. Ледник сотрясается, чихает и кашляет, подпрыгивая у нас под ногами. Все сугробы и наносы, прикрывавшие щели и пропасти, исчезли, их как бы стряхнуло, сбило вниз этими непрерывными толчками, этой дрожью Великих Льдов, а под ними — самой земли. Мы то движемся вперед, то возвращаемся назад, без конца пытаясь определить границы очередной щели, вполне способной проглотить без следа и нас, и наши сани.

Потом все повторяется снова: мы пытаемся идти на север, но постоянно что-то заставляет нас двигаться то на запад, то на восток. Над нашими головами Дремегол из сочувствия к страданиям Драмнера тоже ворчит и испускает вонючие дымы.

Этим утром Аи сильно обморозил лицо: нос, уши, подбородок — все было мертвенно-серым, когда я случайно взглянул на него. Я быстренько растер его как следует, так что опасность миновала, однако следует быть осторожнее. Тот ветер, что дует на нас как бы сверху, с Ледника, прямо-таки дышит смертью; а мы, когда тащим сани, вынуждены все время идти к ветру лицом.

Хорошо было бы поскорее выбраться из узкого ущелья и сойти с морщинистой лапы Ледника, протянувшейся между двумя ворчащими чудовищами. На горы лучше смотреть издали. Лучше не слушать, когда они начинают говорить.

Архад Танерн. Погода удачная, соув, около -10° . Сегодня прошли около двадцати километров и примерно на пять приблизились к цели; северный край Гобрина в вышине стал виден значительно отчетливее. Теперь очевидно, что его ледяная рука в ширину не меньше нескольких десятков километров, а тот ледничок, что просунулся в ущелье между Драмнером и Дремеголом, — всего лишь один палец этой гигантской ледяной руки; теперь мы взобрались как бы на тыльную сторону «ладони». Когда смотришь назад от нашей сегодняшней стоянки, то видно, что ледниковая река вся в трещинах, она словно проткнута и разорвана черными дымящимися вершинами гор, которые препятствуют ее плавному течению. А если посмотреть вперед, то увидишь, как ледяной поток ширится, восходя к небесам, медленно изгинаясь и подминая под себя темные поперечные складки земли, и там вдали, в вышине, сливается с ледяной стеной, окутанной вуалью облаков, дымом и снежной пеленой. С неба на нас вместе со снегом падают пепел и зола, снег буквально пропитан выбросами вулкани-

ческого организма; они покрывают его поверхность, вмерзли в лед. Идти довольно легко, зато трудно тащить сани; на полозьях уже пора менять покрытие. Раза два-три вылетевшие из жерла вулкана острые камни вонзались в снег совсем рядом с нами. Сопротивляясь холоду, они из последних сил громко шипели, прожигая отверстие в ледниковом щите. Вокруг слышится шуршание и стук отяжелевшей от пепла снежной крупы. Мы карабкаемся вверх, к северу, бесконечно медленно, через горы и хаос нарождающегося нового мира.

Слава же незавершенности мира!

Нетерхад Танерн. С утра снег совсем не идет; на небе сумрачные тучи, ветрено. Температура около -10° . Бесчисленные ледяные речки и ручьи отовсюду стекаются в долину, распостертую перед нами; мы уже находимся в самой восточной ее точке. Дремегол и Драмнер остались далеко позади, хотя острая вершина Дремегола все еще торчит на востоке, практически на уровне глаз. Мы теперь всползли, вскарабкались наконец на сам Ледник и должны выбирать: либо следовать течению ледовой реки и двигаться на запад, а затем наверх, к плато Гобрин, либо осуществить весьма рискованный подъем по ледяным утесам километрах в полутора от нашей сегодняшней стоянки, благодаря чему можно сэкономить километров тридцать—сорок очень тяжелого пути.

Аи предпочитает рискнуть.

Есть в нем какая-то непонятная хрупкость. Он весь кажется незащищенным, открытым, уязвимым; даже половые его органы всегда находятся снаружи, и он не может втянуть их в брюшную полость, спрятать. Зато он сильный, невероятно сильный. Не уверен, что он смог бы тащить сани дольше, чем я, но он может тащить более тяжелый груз и значительно быстрее, чем я, — раза в два. Он, например, легко может поднять сани за передок или за корму, чтобы устраниć какую-либо помеху, вытащить камень. Я не могу ни поднять, ни тем более удержать на весу такую тя-

жесть, разве что в состоянии дотхе. Странная смесь хрупкости и силы в нем прекрасно сочетается со способностью легко предаваться отчаянию и столь же легко бросать вызов судьбе. Неукротимая нетерпеливая храбрость. Та монотонная, тяжкая, отчасти даже унизительная работа, которую мы выполняли все это время, настолько извела его, что, будь он представителем моей расы, я бы счел его трусом; однако он ни в коем случае не трус; он всегда готов к смелому, мужественному поступку, я такой готовности больше ни в ком не встречал. Он всегда готов к решительным действиям, полон энтузиазма, готов поставить собственную жизнь на кон в любой жестокой и рискованной авантюре.

«Огонь и страх хорошие слуги, да плохие хозяева», — говорят у нас. Он заставляет страх служить ему. Я бы позволил страху вести меня кружным, длинным путем. Смелость и уверенность всегда при нем. Есть ли смысл искать более безопасные пути во время *такого* путешествия? Существуют, правда, пути бессмысленные, по которым я никогда не пойду, однако безопасного пути для нас нет.

Стрет Танерн. Не везет. Невозможно втащить сани наверх, хотя мы потратили на это весь день.

Густой снег соув сыплется как бы пригоршнями; снег смешан с пеплом; густой слой пепла лежит на всем. Весь день было почти темно, потому что ветер, то и дело менявший направление, снова подул с запада и принес целое облако вонючего дыма с Драмнера. На этой высоте подземные толчки ощущаются меньше, но нас все-таки здорово тряхнуло, когда мы пытались взобраться на выступ ледяного утеса; закрепленные было сани отцепились, и меня протащило вместе с ними метра на два вниз, но Аи успел крепко ухватиться за сани и спас нас обоих от падения к самому основанию утеса — с высоты по крайней мере метров шесть. Если один из нас сломает ногу или руку во время этих упражнений, то, возможно, путешествие для нас обоих будет окончено; честно говоря, весь риск именно в этом; перспектива довольно-таки безо-

бразная, если как следует подумать. Долина у нас за спиной бела от пара: там извергающаяся лава соприкасается с вечными льдами. Теперь мы действительно не можем вернуться. Завтра начнем восхождение чуть западнее.

Берен Танерн. Не везет. Вынуждены были пройти еще дальше к западу. Весь день темно, словно вечером в сумерках. Легкие раздражены, но не от мороза — по-прежнему не очень холодно даже по ночам из-за западного ветра, — а от вулканических испарений и пепла. К вечеру второго дня, после очередной тщетной попытки взобраться, всползти на брюхе по изломанным страшным давлением ледяным утесам, где путь без конца преграждают то отвесные стены, то крутые выступы, после бесконечных подъемов чуть выше и падений вниз, вниз, вниз, Аи совершенно выбился из сил и потерял терпение. Я думаю, что он считает слезы чем-то нехорошим или постыдным. Даже когда он был совсем болен и слаб — в те первые дни нашего бегства, — он всегда прятал от меня лицо, если плакал. Каковы тому причины — личные ли они, или вся его раса ведет себя так? А может, эти представления имеют социальные корни, откуда мне знать? Я не знаю, почему Аи не должен плакать. И все же его имя — это какой-то крик боли. Об этом я спросил его впервые еще в Эренранге; теперь кажется, что это было давным-давно. Услышав разговор о каком-то «инопланетянине», я спросил, как его имя, и услышал в ответ исходящий из человеческого горла крик боли в ночи. Теперь он спит. Его руки непроизвольно подергиваются от чрезмерной усталости. Мир вокруг нас — лед, скалы, засыпанный пеплом снег, огонь и ночная тьма — тоже вздрагивает, подергивается, что-то бормочет. Минуту назад, выглянув наружу, я увидел над вулканом сияние — словно бледно-красный цветок распустился прямо на брюхе нависших над горной тьмой тяжелых облаков.

Орни Танерн. Не везет. Это двадцать второй день нашего путешествия, и уже с десятого дня мы ни сколько не продвинулись к востоку, совершенно зря

потратили время и прошли лишних двадцать пять—тридцать километров к западу; с восемнадцатого дня пути мы вообще не продвинулись ни на шаг, с тем же успехом мы могли бы просто сидеть в палатке. А если мы когда-либо и в самом деле поднимемся на Ледник, то хватит ли нам теперь еды, чтобы пройти весь этот путь до конца? Я неотступно думаю об этом. Туман и дым не позволяют видеть далеко, так что мы даже не можем как следует выбрать направление. Аи готов идти на штурм в любом месте, каким бы крутым ни был подъем, даже если там не окажется ни единого выступа. Его раздражает моя осторожность. Нам непременно нужно следить за собой. Я через день-два вступаю в кеммер, так что малейшая неурядица может вызвать бурю. А пока мы бодаем лбами ледяные утесы в холодной полутиме, в тучах пепла. Если бы я писал новый Канон Йомеш, я бы именно сюда ссылал воров после смерти. Тех, например, что под покровом ночи крадут сумки с едой в городе Туруфе. Или тех, что крадут у человека его дом, его имя и с позором высылают его из страны. Голова пухнет от усталости; потом перечитаю написанное сегодня, сейчас не в силах.

Хархад Танерн. Наконец-то! На двадцать третий день нашего путешествия поднялись на Ледник Гобрин. Сегодня утром, едва успели двинуться в путь, сразу заметили всего в нескольких сотнях метров от стоянки проход, ведущий прямо на Ледник, — широкую извилистую дорогу меж ледяных утесов с посыпаными пеплом обочинами, покрытую валунами и трещинами. Мы пошли прямо по ней, словно по набережной реки Сесс. И вот мы на Леднике. Снова идем на восток — идем домой.

Аи и меня заразил своей искренней радостью — результатом нашего успешного восхождения. Честно говоря, идти здесь ничуть не легче, чем раньше. Так же плохо. Идем по самому краю плато. Пропасти — а некоторые из них так велики, что в них может провалиться целая деревня, причем не просто дом за домом, а вся сразу, — уходят куда-то в глубь Льдов, дна

в них не видно. Чаще всего они пересекают наш путь, вынуждая двигаться на север, а не на восток. Поверхность плохая. Мы с трудом протаскиваем сани между огромными глыбами и осколками льда — кругом невероятный хаос, созданный напряжением и движением огромного ледникового щита, пролегающего между Огненными Холмами. Под страшным давлением толща льда складывается в складки, ломаясь, принимает забавные формы: перевернутых башен, безногих гигантов, катапульт. Здесь, обладая для начала «всего» полуторакилометровой толщиной, Ледник растет, крепнет, становится все мощнее, пытаясь преодолеть горные вершины, задушить молодые вулканы, обволакивая их своим молчанием. На севере, в нескольких километрах отсюда, прямо из Ледника торчит новая вершина — острый, совершенно голый каменный пик. Это молодой вулкан, на несколько тысяч лет моложе того ледяного чудовища, что жует и перемалывает скалы, чья шкура сплошь покрыта морщинами трещин и опухолями гигантских глыб и складок, достигая здесь двухкилометровой толщины, так что отсюда невозможно увидеть, где начинается эта стена.

Днем, в очередной раз свернув в сторону, мы увидели дымы над вулканом Драмнер; дымы висели серо-коричневой стеной и казались продолжением самого Ледника. Над ледниковым щитом постоянно дует северо-восточный ветер, очищающий воздух от тех мерзостных испарений и вони, которые извергают внутренности планеты и которыми мы дышали долгие дни; ветер разгоняет поднимающийся позади нас дым, который темной завесой скрывает дальние языки Ледника, и более низкие вершины гор, и каменистые долины, и всю остальную землю... Ледник как бы говорит: здесь нет ничего, кроме моих Льдов... Однако юный вулкан, что виден на севере, явно имеет на этот счет совсем иное мнение.

Снега нет, небо покрыто высокими перистыми облаками. Ночью на плато -20° . Под ногами — фирн, свежая ледяная корка и старый мощный лед. Моло-

дой ледок таит страшную опасность, его скользкая голубоватая поверхность чуть замаскирована белой изморозью. Мы оба падали уже множество раз. На одном из особенно скользких участков я по крайней мере метров пять проехал на собственном брюхе. Аи в своей упряжке согнулся прямо-таки пополам от смеха. Потом извинился и объяснил, что раньше считал себя единственным человеком на планете Гетен, который способен вот так поскользнуться на льду.

Сегодня прошли восемнадцать километров; но если попробуем и впредь сохранять такую же скорость, двигаясь по изломанной, заваленной ледяными глыбами, изрезанной глубокими трещинами и ледяными складками местности, то вскоре совершенно выбьемся из сил, если с нами не произойдет чего-нибудь похуже катания по льду на собственном брюхе.

Прибывающая луна висит низко, она буро-красного цвета, словно запекшаяся кровь; вокруг нее большой коричневато-красный сияющий круг.

Гъирни Танерн. Идет снег, поднялся ветер, мороз усилился. Сегодня опять прошли около восемнадцати километров, то есть с первого дня пути всего километров триста семьдесят. В среднем по пятнадцать в день или даже по семнадцать, если не учитывать те два дня, что нам пришлось пережидать пургу. Из пройденных километров по крайней мере сто двадцать, а то и все сто пятьдесят ни на йоту не приблизили нас к намеченной цели. Кархайд от нас сейчас почти так же далек, как и в самом начале пути. Зато теперь, как мне кажется, у нас появилось значительно больше шансов туда все-таки добраться.

С тех пор как мы вышли из загаженного извержением вулкана ущелья, после всех тягот трудного дневного перехода и бесконечных волнений у нас все-таки остаются еще душевые силы, так что мы снова стали подолгу беседовать, устроившись после ужина в палатке. Поскольку сейчас у меня кеммер, я предпочел бы вообще не видеть Аи, что весьма затруднительно,

поскольку палатка у нас двухместная. Разумеется, основная трудность в том, что у него, благодаря любопытным особенностям земного организма, тоже как бы кеммер, причем постоянный. Должно быть, это весьма странное, необычное для гетенианцев и не слишком активное половое влечение, раз оно растянуто на целый год и всегда точно известно, к мужскому или женскому типу оно относится. Вот с чем я столкнулся, да еще в таком состоянии! Сегодня вечером мое возбуждение было довольно трудно не заметить, а я слишком устал, чтобы произвольно впасть в антитранс или как-то иначе подавить свои чувства в соответствии с учением Ханддара. В конце концов он спросил, не обидел ли он меня. Я с некоторым смущением объяснил собственное молчание. Боялся, что он станет надо мной смеяться. Он уже давно перестал быть для меня диковинкой или сексуальным извращенцем. Я сам таков. Здесь, на Леднике, каждый из нас уникален, каждый воспринимается как данность, по отдельности; я отрезан от мне подобных, от своего общества и его законов точно так же, как и он от своего. В этом ледяном мире не существует других гетенианцев, способных подтвердить и объяснить мою нормальность. Наконец-то мы оба равны. Равны и чужды друг другу. И оба одиноки. Он, конечно же, смеяться не стал. Но в его обращении со мной вдруг проявилась такая нежность, о которой я и не подозревал: никогда не думал, что он может быть так мягок. Потом он заговорил об одиночестве, об изолированности от своего мира:

— Ваша раса удивительно одинока даже в своем собственном мире. Здесь нет больше никого из млекопитающих. Никого из двуполых. Нет даже достаточно разумных животных, которых можно было бы приручить. Это, безусловно, повлияло на образ вашего мышления — я имею в виду не только научное мышление, хотя вы обладаете просто поразительной способностью строить гипотезы. Не менее поразительно и то, что вы сумели выработать определенную кон-

цепцию эволюции, несмотря на непреодолимую пропасть между вами самими и находящимися на крайне низком уровне развития прочими живыми существами. Но я прежде всего имел в виду вашу философию и чувственное восприятие: быть единственным исключением в столь враждебной среде немыслимо трудно; это неизбежно должно было сказаться на вашем мировоззрении.

— Последователи Йомеш сказали бы, что божественность человека и проявляется в его уникальности.

— Да, пожалуй. Человек — царь природы. Другие религии в других мирах сделали тот же вывод. Это чаще всего религии обществ динамичных, агрессивных, разрушительно воздействующих на экологию. Оргорейн тоже пошел по этому пути — со своими особенностями, конечно. Они, похоже, склоняются к тому, чтобы в итоге подчинить себе весь окружающий мир. А что по этому поводу говорят ханддараты?

— Что ж, в Ханддаре... понимаете, там не существует никакой теории, никаких догм... Возможно, ханддараты меньше обращают внимание на пропасти, что разделяют человека и животных, значительно больше интересуясь их сходством, их связями друг с другом, тем единством, тем целым, которое включает в себя все живые существа. — В тот день у меня все время в голове вертелись стихи Тормера Лая, и я произнес их вслух:

Свет — рука левая тьмы,
Тьма — рука правая света.
Двое — в одном, жизнь и смерть,
И лежат они вместе.
Сплелись нераздельно,
Как руки любимых,
Как путь и конец.

Голос мой дрожал, когда я произносил эти строки: я вспомнил, как в своем предсмертном письме ко мне мой брат процитировал те же стихи.

Аи долго думал, потом сказал:

— Вы все одиноки и в то же время неотделимы друг от друга. Возможно, вы в той же степени находитесь под влиянием своей целостности, своего монизма, как мы — под влиянием дуализма.

— Но мы ведь тоже дуалисты. Двойственность мира — в основе всего, разве нет? Хотя бы пока существуют понятия «я» и «другой».

— Я и Ты, — сказал он. — Да, это действительно в конце концов значительно более широкое понятие, чем просто половая противопоставленность...

— Расскажи мне, каковы особенности представителей иного, чем твой, пола?

Он выглядел озадаченным; да, по правде говоря, и меня озадачил мой собственный вопрос; при кеммере иногда вылетают такие вот неожиданные вопросы, проявляются неожиданные эмоции. Нам обоим стало неловко.

— Я никогда об этом не думал, — сказал он. — А ты никогда не видел *женщины*. — Он использовал свое, земное слово, которое я знал.

— Я видел у тебя их изображения. Они — эти женщины — похожи на гетенианца в период беременности, только груди у них побольше. А они сильно отличаются от вас своим менталитетом, поведением? Может быть, это просто другая разновидность людей?

— Нет. Да. Нет, конечно же, нет. По крайней мере в основном. Но отличия очень существенные. Я считаю, что наиболее важным, определяющим фактором в жизни любого человека является то, кем он родился: мужчиной или женщиной. По большей части в человеческих обществах с этим фактором связано все: ожидания и надежды, трудовая деятельность, перспективы, кругозор, этика, внешность и поведение — почти все. Лексика. Семиотика. Одежда. Даже отношение к еде. Женщины... женщины обычно едят меньше мужчин... Невероятно трудно отделить врожденные различия полов от тех, что привиты цивилизацией. Даже в тех обществах, где женщины столь же социально активны, как и мужчины, им по-прежнему приходится вы-

нашивать детей, и — чаще всего — заниматься их воспитанием...

— В таком случае у вас равноправие вовсе не основной закон? Может быть, они уступают мужчинам в умственном отношении?

— Не знаю. У них, похоже, не слишком часто проявляются способности к математике или композиции. Или к изобретательству, или просто к абстрактному мышлению. Но это не потому, что они глупее мужчин. Физически они немного слабее, но, с другой стороны, намного выносливее. Психологически же...

Он внезапно умолк, уставился на раскаленную печку и затих; потом потряс головой и сказал:

— Харт, ну не могу я объяснить тебе, что такое женщины! Я как-то никогда не думал об этом абстрактно и — о Господи! — практически позабыл, какие они, понимаешь? Я ведь уже два года здесь... Тебе этого не понять. В некотором смысле женщины для меня куда более чужие, чем ты. Куда большие «инопланетяне». С тобой я как-никак все-таки одного пола... — Он отвернулся и рассмеялся, горестно и неловко. У меня самого чувства были сложными, и мы оставили эту тему.

Йирни Танерн. Сегодня прошли двадцать пять километров. Двигались по компасу на северо-восток, шли на лыжах. Уже через час совершенно перестали попадаться горосы и трещины. Впряглись в сани цугом, я впереди со щупом, чтобы определить плотность покрова, однако в этом, как оказалось, не было нужды: фирн слоем в полметра покоялся на мощном ледниковом щите, а сверху фирна насыпало еще по крайней мере сантиметров двадцать плотного снега; поверхность почти ровная. Идти очень легко и тащить сани ничего не стоит, даже трудно поверить, что на них еще по крайней мере килограммов тридцать поклажи. Весь день тянули сани по очереди — при такой замечательной поверхности и один мог с этим справиться без труда. Жаль, что самая трудная часть нашего путешествия — подъем и путь по каменистому ущелью — пришлась на те дни, когда сани были еще тяжело

нагружены. Теперь мы идем налегке. *Слишком* налегке; я все время ловлю себя на мысли о еде. Питаемся мы, по словам Аи, словно эльфы. Весь день шли легко и быстро по ровной поверхности ледяного плато, абсолютно белой под серо-голубыми небесами, по девственно чистым, нетронутым снегам, и эта ровная белизна лишь кое-где, далеко позади нас, как бы проткнута темными вершинами молодых вулканов, да еще совсем далеко, за этими вершинами, совсем над горизонтом, темная дымка — дыхание Драмнера. И вокруг ничего, лишь солнце под вуалью тумана и Лед.

МИФ О СОЗДАНИИ ОРГОТЫ

Корнями этот миф уходит в доисторический период; он существует во множестве вариантов и версий. Это — одна из наиболее примитивных версий. Она взята из до-Йомешского письменного источника, обнаруженного в пещерном храме Исеннет обитаемых районов Ледника Гобрин.

В самом начале не было ничего, кроме льда и солнца.

За много-много лет солнце, растопив льды, выжгло в них глубокую трещину. По краям этой бездонной пропасти лежали большие ледяные глыбы самой различной формы. Ледяные глыбы таяли, и капли талой воды все падали и падали вниз, в пропасть. Одна из глыб сказала: «У меня кровь идет». Вторая сказала: «Я плачу». А третья сказала: «Я потею».

И тогда эти ледяные глыбы отодвинулись подальше от края пропасти и встали посреди ледяной равнины. Та, что сказала, что у нее идет кровь, дотянулась до солнца, вытащила пригоршню экскрементов из его живота и сотворила из них земляные холмы и поля. Та, что сказала, что плачет, дохнула на лед и, растопив его, создала моря и реки. Та, что сказала, что потеет, смешала землю и воду морскую и сотворила

деревья, травы, полезные злаки, зверей и людей. Растения росли на земле и на дне морском, звери бегали по суще и плавали в водах океана, но люди никак не просыпались. И было их всего тридцать девять. Они спали на льду и не шевелились.

Тогда все три глыбы льда быстро согнулись и сели, задрав вверх колени, а потом позволили солнцу расстопить их до конца. Они таяли, превращаясь в молоко, которое потекло прямо во рты спящих, и спящие проснулись. И молоко это с тех пор пьют лишь дети человеческие, ибо без этого молока не пробудятся они к жизни.

Первым пробудился Эдондурат. И таким он был высоким, что, когда встал, голова его задела небо, и выпал снег. Он увидел, что остальные ворочаются, просыпаясь, испугался того, что они двигаются, и от страха убил их одного за другим лишь слабым ударом своей огромной руки. Он успел убить уже тридцать шесть человек, когда один из спящих, предпоследний, убежал. И получил он имя Хахарат. Далеко убежал он по ледяной равнине, за земляные поля, а Эдондурат упорно преследовал его, наконец догнал и слегка ударил ладонью. Хахарат упал и умер. Тогда Эдондурат вернулся к Месту Рождения на Ледник Гобрин, где лежали тридцать шесть мертвых тел, но последний оставшийся в живых человек исчез. Ему удалось спастись, пока Эдондурат преследовал Хахарата.

Из замерзших тел своих братьев Эдондурат построил дом, засел внутри и стал поджидать, когда вернется тот, оставшийся в живых. Каждый день кто-то из мертвцов непременно спрашивал вслух: «Жжется ли он? Жжется ли он?» А остальные, едва ворочая замерзшими языками, говорили в ответ: «Нет, нет». Потом Эдондурат во сне вступил в кеммер, спал беспокойно, ворочался и разговаривал вслух, а когда проснулся, все мертвцы в один голос твердили: «Он жжется, жжется!» И тот последний, что остался в живых, самый младший его брат, услышал, как они говорят, и пришел в дом Эдондурата, построенный из мертвых тел, и они полюбили друг друга. А потом у них родились

дети, от которых пошли разные народы; плоть от плоти Эдондурата были эти дети, из чрева Эдондурата вышли они в этот мир. Имя же второго брата и отца детей неизвестно.

При каждом из рожденных братьями детей была некая частица тьмы, которая следовала за ними повсюду, куда бы они ни пошли при свете дня. Эдондурат сказал: «Почему это моих сыновей повсюду преследует тьма?» А его кеммеринг ответил: «Потому что они родились в доме, построенном из мертвый человеческой плоти, вот смерть и преследует их по пятам. Они все — как бы посреди времен. В начале были только солнце и лед и не было никакой тени. В конце, когда мы исчезнем, солнце поглотит самого себя и тень поглотит свет, и тогда не останется ничего, только Лед и Тьма».

НА ЛЕДЯНОМ ПЛАТО

Г

орой, засыпая в темной тихой комнате, я на мгновение ощущаю себя во власти бесценной иллюзии вернувшегося прошлого. Стенка палатки как бы снова касается моего лица, совершенно невидимая, но за ней отчетливо слышен легкий, скользящий, слабый звук: шуршание снега, несомого ветром. Кругом непроницаемая тьма. Свет в печке выключен, и сейчас она представляет собой лишь источник тепла, самую его сердцевину. Чуть влажное ограниченное пространство тесноватого спального мешка... шорох снега... едва слышное дыхание Эстравена, спящего рядом; темнота. И больше ничего. Мы оба находимся внутри ее, в теплом убежище, в покое, как бы в центре всего сущего. За стенами палатки распростерта великая вечная тьма, холодное мертвящее одиночество.

В такие счастливые моменты, засыпая, я совершенно определенно знаю, что самое главное в моей жизни — там, в том времени, что прошло, ушло навсегда и все-таки существует вечно: бесконечно длился миг, средоточие тепла.

Я не пытаюсь доказать, что был счастлив в те долгие недели, когда тащил сани по ледяному полю гибельной зимой. Я был голоден, истощен, меня часто мучила тревога, и тяготы со временем только усили-

вались. Нет, конечно же, счастлив я не был. Счастья не бывает без причины, и лишь разумная причина вызывает счастье. Но то, что было дано мне тогда, нельзя заслужить, нельзя удержать и часто даже нельзя распознать. Я имею в виду радость.

Я всегда просыпался первым, обычно еще до рассвета. Скорость метаболических процессов в моем организме чуть выше гетенианских норм, и сам я выше и тяжелее; Эстравен все это учел, рассчитывая наш рацион, причем учел с той дотошной скрупулезностью, которая обычно свойственна либо опытной домашней хозяйке, либо истинному ученому; так что с самого начала я имел в день граммов на пятьдесят больше пищи, чем он. Протесты по поводу столь «ненсправедливого» дележа пришлось прекратить ввиду неразумности. Но как бы тщательно он еду ни делил, порция все равно была очень маленькой. Я все время был голоден, голоден постоянно, и с каждым днем голод усиливался. Я просыпался от того, что страшно хотел есть.

Если все еще было темно, я включал печку на максимум и ставил на нее котелок с подтаявшим за ночь куском льда, который вносили в палатку с вечера. Эстравен тем временем, как обычно, молча и яростно боролся со сном, словно со злым духом. Одержав победу, он садился, уставившись на меня мутным взором, тряс головой и окончательно просыпался. Пока мы одевались, обувались, собирали и укладывали вещи, поспевал завтрак: котелок кипящего орша и по одному кубику гиши-миши, который мы разбавляли горячей водой, превращая в тестообразную кашицу. Мы вкушали пищу медленно, торжественно, подбирая каждую упавшую крошку. Пока мы ели, печка остывала. Мы упаковывали ее вместе со сковородкой и котелком, надевали свои куртки с капюшонами, теплые рукавицы и выползали наружу, на свежий воздух. Все время было невероятно, непереносимо холодно. Каждое утро мне приходилось снова и снова заставлять себя поверить в то, что все случившееся со мной — правда. Если же приходилось выходить на улицу

дважды, то во второй раз покинуть палатку оказывалось еще труднее.

Иногда шел снег, а порой длинные лучи восходящего солнца ложились удивительными золотисто-голубыми полосами на бесконечные километры ледяной поверхности; чаще же всего небо было серым.

По ночам мы убирали термометр в палатку, и, когда выносили наружу, забавно было видеть, как ртуть резко устремлялась вправо (у гетенианцев шкала расположена против часовой стрелки). Температура падала настолько стремительно, что трудно было уследить, как она минует отметку 0° . Останавливалась она обычно между -20° и -50° .

Пока один из нас складывал и упаковывал палатку, второй пристраивал на сани печку, дорожные сумки и тому подобное; палаткой мы прикрывали сверху все остальное, и можно было трогаться в путь. В нашем распоряжении было мало металлических предметов, но постремки скреплялись алюминиевыми пряжками. Слишком тонкими, чтобы застегнуть их в рукавицах, и они обжигали голые пальцы на морозе так, словно были раскалены докрасна. Мне приходилось быть особенно осторожным, действуя голыми руками при -30° и ниже. Особенно если дул ветер. Я удивительно быстро обмораживался. Зато ноги у меня совсем не страдали, а это при подобном зимнем путешествии самое главное, ведь за какой-то час можно на неделю, а то и на всю жизнь превратиться в хромого калеку. Эстравену, собираясь в путь, пришлось угадывать мой размер обуви, и сапоги, которые он мне купил, были немного великоваты, однако лишняя пара носков прекрасно решала этот вопрос. Итак, мы надевали лыжи, как можно скорее впрягались в постремки, застегивались и одним рывком отирали примерзшие полозья от снега. Начинался очередной переход.

По утрам после обильного снегопада порой приходилось какое-то время откапываться. Свежий снег отгрести было нетрудно, хотя палатку и сани заметало весьма внушительного вида сугробами; такие сугро-

бы, пожалуй, были теперь основным препятствием в нашем долгом, в сотни километров, пути по ледниковому плато.

Мы шли на восток по компасу. Ветер обычно дул с севера, с Ледника. День за днем он упорно дул слева, и капюшон от него не спасал. Я надел еще маску, чтобы защитить нос и левую щеку от обморожения. И все-таки умудрился отморозить левое веко; веко распухло, и глаз целый день не открывался; я уж решил, что навсегда утратил способность видеть им: даже когда Эстравен отогрел его с помощью языка и дыхания, как-то заставив веки раскрыться, я некоторое время ничего не видел им — наверное, отморозил и что-то внутри. В солнечную погоду мы оба надевали особые гетенианские надглазные щитки, чтобы избежать снежной слепоты. Гигантский Ледник, как объяснял Эстравен, удерживал над своей центральной частью мощный антициклон, и тысячи квадратных километров заснеженных льдов являли собой сплошное, нестерпимо сверкающее в солнечных лучах поле. Мы, однако, находились не в центральной части Ледника, а на самом ее краешке, как бы между зоной высокого давления и зоной вихрей, отражающихся от поверхности Ледника; здесь бывают страшные метели, которые Ледник частенько насыпает и на прилегающие к нему районы. Ветер, дующий точно с севера, приносил с собой устойчивую ясную погоду, однако если он начинал дуть с востока или с запада, то разыгрывалась поземка, завиваясь в ослепительные, жгучие вихри, похожие на пыльные смерчи; иногда поземка ползла по самой поверхности Ледника, а небо вдруг становилось белым, и воздух белым, солнце скрывалось в этой белой пелене, и мы переставали отбрасывать тени; даже снег под ногами, даже сам Ледник как бы исчезали.

Где-то около полудня мы устраивали привал: вырезали из снега несколько кубов и делали стенку, защищавшую нас от ветра. Кипятили воду, разводили в ней гиши-миши и выпивали эту теплую питательную

кашицу, иногда положив туда еще кусочек сахара. Потом снова впрягались в сани и шли дальше.

Мы редко беседовали в пути или во время краткого привала: губы были обожжены морозом и растрескались, а стоило приоткрыть рот, как от холода начинали ныть зубы, огнем жгло горло и легкие; было просто необходимо молчать и дышать только носом — во всяком случае, когда температура опускалась до сорока—пятидесяти градусов. Когда же было еще холоднее, затруднительным становился вообще сам процесс дыхания, потому что выдыхаемый воздух тут же замерзал на лице, и если не уследишь, то ноздри моментально намерзтво закупоривала ледяная корка; тогда, чтобы спастись от удушья, приходилось полным ртом глотать режущий, как бритва, морозный воздух. Иногда выдыхаемый и тут же замерзающий влажный воздух вылетал из носа с каким-то легким треском, словно где-то далеко взрывалась шутиха, и на лицо падал целый фейерверк крошечных ледяных кристалликов; каждый выдох, таким образом, превращался в небольшую снежную бурю.

Шли обычно до полного изнеможения или по крайней мере до наступления темноты. Только тогда останавливались, ставили палатку, разгружали сани, закрепляли их колышками при сильном ветре и устраивались на ночлег. Обычно в день мы шли часов по одиннадцать-двенадцать и делали от восемнадцати до двадцати пяти километров.

Похоже, скорость была недостаточно высока, однако и условия не всегда нам благоприятствовали. Снежное покрытие редко одинаково хорошо годилось для лыж и для санных полозьев. Если, например, снег был свежим и легким, то сани скорее тонули в нем, нежели скользили по поверхности; если же снег покрывался коркой, то сани шли хорошо, зато мы на своих лыжах постоянно скользили; когда же наст был совсем плотным, то на нем часто встречались обледеневые наносы, заструги, которые порой достигали высоты человеческого роста. Тогда приходилось без конца преодолевать острые гребни и фантастической

формы горки, потому что заструги, как назло, всегда располагались поперек избранного нами маршрута. Раньше я воображал, что плато Ледника Гобрин ровное, как замерзший пруд; но вокруг нас расстилалась многокилометровая равнина, больше похожая на внезапно застывшее штормовое море.

Бесконечные заботы о том, как безопасно установить палатку, закрепить сани, непременно очистить весь налипший на одежду снег и так далее, страшно надоедали. Порой все это казалось совершенно бессмысленным. Порой мы останавливались на ночлег так поздно и были настолько пророгими и усталыми, что хотелось просто снять с саней спальный мешок и улечься в глубокий санный след, не ставя никакой палатки. Я ясно помню, как сильно мне этого хотелось в отдельные дни и как яростно я сопротивлялся методичной тиранической настойчивости своего спутника, непременно требовавшего, чтобы мы все делали как следует и тщательно готовились к ночлегу. В такие моменты я его ненавидел, ненавидел лютой, смертельной, какой-то нутряной ненавистью. Я ненавидел те жесткие, неуклонные, неотменимые требования, которые он мне предъявлял — во имя жизни.

Когда все бывало сделано и мы наконец оказывались в палатке, почти сразу тепло от печки Чейба накрывало нас своим уютным колпаком. Удивительная, замечательная вещь — тепло! Смерть и холод отступали, оставались где-то снаружи.

Ненависть тоже оставалась снаружи. Мы ели и пили горячее. Потом разговаривали. Когда мороз был особенно свирепым и даже идеальное в смысле теплоизоляции покрытие палатки не могло уберечь нас от холода, мы устраивались почти вплотную к печке. Изнутри палатка за ночь покрывалась короткой шерсткой инея. Если хоть на миг приоткрывалась войлочная дверь, ворвавшийся поток ледяного воздуха тут же конденсировался и превращался в изморозь. Если же снаружи была метель, то иголочки леденящего ветра проникали сквозь вентиляционные отверстия, хотя те были самым тщательным образом защищены, и в

палатке повисала практически неощутимая снеговая пыль. В такие ночи буря выла и стонала так громко, что мы не могли даже нормально разговаривать, приходилось кричать друг другу в ухо. Порой ночная тишина бывала настолько полной, что представлялось, что во Вселенной только еще нарождаются первые звезды или, наоборот, уже наступил конец света.

Где-то через час после ужина Эстравен чуть уменьшал мощность нагревателя, если позволял мороз, и выключал свет. Делая это, он бормотал короткую прелестную молитву или заклинание — единственное, что я запомнил из мудрости Ханддара: «Восславься же, о Тьма и незавершенность Мироздания!» Так говорил он, и наступала тьма. Мы засыпали, чтобы утром все начать сначала.

Так продолжалось целых пятьдесят дней.

Эстравен по-прежнему вел свой дневник, хотя за те недели, что мы шли по Вечным Льдам, он редко писал много, чаще только записывал дневную температуру и пройденный километраж. Среди этих записей порой встречаются отдельные, обрывочные его мысли, отрывки наших бесед, но ни слова о том молчаливом диалоге, что постоянно продолжался меж нами в течение всего первого месяца на Леднике, пока у нас еще хватало сил беседовать после ужина, а также когда нам пришлось провести несколько дней в палатке из-за сильной пурги. Я, например, рассказал ему, что мне не запрещается — однако и не поощряется — прибегать к телепатии на чужой планете, не вступившей в Лигу Миров, и попросил его пока сохранить в тайне то, что он узнал от меня, по крайней мере до тех пор, пока я не смогу обсудить свой поступок с коллегами на корабле. Он согласился и слово свое сдержал. И ни разу не произнес вслух и не записал ни слова из того, что касалось наших с ним телепатических бесед.

Искусство телепатического общения — вот то единственное, что я мог подарить Эстравену от имени всей экуменической цивилизации, от имени той чуждой ему жизни, которая так его интересовала. Нарушая Закон Культурного Эмбарго, я отнюдь не стремился

заслужить благодарность. Или вернуть Эстравену долг. Такие долги навсегда неоплатны. Просто мы с ним достигли той стадии отношений, когда друг с другом делятся всем, чем можно или стоит поделиться.

Я даже думаю, что в итоге окажется возможной и супружеская любовь между гетенианцем-андрогином и *нормальным* (по хайнским меркам) однополым гуманоидом, хотя подобный союз, безусловно, будет бесплодным. Это, разумеется, еще нужно доказать; Эстравен и я не доказали ровным счетом ничего, если не считать области возвышенных чувств. Наиболее сложной в плане наших с ним сексуальных отношений была ночь где-то в самом начале пути — вторая ночь, проведенная на ледовом плато. Мы тогда весь день преодолевали торосы, без конца возвращались буквально по собственному следу, стараясь обойти глубокие трещины. Это была ужасная местность к востоку от Огненных Холмов. Мы совершенно вымотались, но не падали духом, надеясь, что вскоре перед нами откроется ровная поверхность плато.

Но после ужина Эстравен вдруг стал каким-то неразговорчивым и довольно скоро совсем умолк. В конце концов я, почувствовав его явное нежелание продолжать беседу, спросил:

— Харт, я снова что-нибудь не так сказал? Снова обидел тебя? Пожалуйста, скажи, в чем дело?

Он молчал.

— Ох, видно, я как-то задел твой шифгретор. Прости. Я никак не могу все это усвоить. Да я, если честно сказать, по-настоящему никогда и не понимал значения этого слова.

— Шифгретор? Оно происходит от старинного слова, примерно значившего «тень».

Некоторое время мы оба молчали, а потом он посмотрел на меня прямо и нежно. Лицо его в красноватом свете печки казалось столь же мягким, ранимым и далеким, каким бывает порой лицо женщины, когда она вдруг глянет на тебя, оторвавшись от собственных мыслей, и промолчит.

И тогда я снова увидел, и очень отчетливо, то, что всегда боялся в нем увидеть, притворяясь, что просто не замечаю этого: он был в той же степени женщиной, что и мужчиной. Всякая необходимость объяснять причину моего внезапного страха улетучилась вместе с самим страхом; мне осталось в конце концов просто принимать его таким, каким он был. Раньше я как-то откращивался от этого, отказывая ему в праве на собственную неповторимость. Он тогда был совершенно прав, когда сказал, что был единственным человеком на всей планете Гетен, который всегда верил мне, и единственным, которому я сам никогда не доверял. Потому что он был единственным здесь, кто полностью принял меня, кто лично испытывал симпатию ко мне, кому я был интересен как личность, кто лично был ко мне расположен. И до конца верен. А потому требовал и от меня аналогичного признания и одобрения. А я тогда никак не хотел признавать его. Я этого боялся. Я тогда совсем не желал отдавать свою веру, свою дружбу мужчине, который одновременно был женщиной. Или женщине, которая одновременно была мужчиной.

Он объяснил сдержанно и просто: у него сейчас кеммер, все это время он старался избегать меня настолько, насколько в таких условиях можно было избегать друг друга.

— Я не должен тебя касаться, — сказал он очень напряженно и отвернулся.

— Понимаю. И полностью с тобой согласен, — ответил я, ибо мне казалось, как, наверное, и ему, что именно из того сексуального напряжения, что возникло тогда меж нами, — теперь допустимого и понятного, хотя и неутоленного, — и родилось ощущение той уверенности во взаимной дружбе, той самой, что так нужна была нам обоим в этой ссылке и так хорошо была доказана долгими днями и ночами нашего тяжкого путешествия. Преданность и дружба эта вполне могла бы быть названа более великим словом: любовь. Но любовь эта возникла именно из-за различий меж нами — отнюдь не из-за сходства в облике

или вкусах, нет, именно различиями порождена была эта любовь, и именно она стала тем мостиком, что неожиданно соединил края бездонной пропасти, нас разделяющей. Стать любовниками было бы равнозначно тому, чтобы снова стать чужими. Мы касались друг друга, но только так, как могли себе это позволить. И на этом поставили точку. Не знаю, были ли мы правы.

Мы еще немного поговорили в тот вечер, и я вспомнил, как трудно мне было ответить на его упорные вопросы о том, каковы женщины. Оба мы в достаточной степени чувствовали себя неловко и старались быть осторожнее в словах и поступках по отношению друг к другу еще дня два. Настоящая любовь между двумя людьми всегда в конце концов включает в себя множество способов причинить настоящие страдания, боль. До той ночи мне никогда и в голову не приходило, что я могу причинить Эстравену боль.

Теперь, когда пали эти преграды, ограниченность нашего общения и взаимопонимания стала для меня непереносимой. Очень скоро, дня через два-три, я как-то после ужина сказал своему спутнику (мы только что наелись вкусной, специально приготовленной по случаю тридцатикилометрового дневного перехода сладкой каши из зерен кадик):

— Помнишь, прошлой весной еще в Угловом Красном Доме ты говорил, что хотел бы побольше узнать о том, что такое телепатическая связь?

— Да, верно.

— Хочешь попробовать? Может быть, я смогу и тебя научить пользоваться языком мыслей?

Он засмеялся:

— Хочешь поймать меня на лжи?

— Если ты когда-либо и лгал мне, то это было очень давно и совсем в другой стране.

Он был очень честным человеком, хотя крайне редко выражал свои мысли напрямую. Мои слова его развеселили, и он сказал:

— В «совсем другой стране» я мог бы придумать для тебя и новую ложь. Но я считал, что тебе запреще-

но обучать этому вашему искусству... туземцев, пока они еще не присоединились к Экумене.

— Не запрещено. Просто не принято. Но если ты хочешь, я все-таки попробую. Если смогу. Учить я не очень-то умею.

— А что, для этого есть специальные учителя?

— Да. Но не на Земле. Хотя считается, что земляне в большинстве своем от природы одарены способностью к телепатическому общению и что матери якобы могут мысленно разговаривать со своими не рожденными еще детьми. Не знаю, что уж там отвечают им дети. Но почти всех нас было необходимо этому искусству учить — как учат иностранному языку. Или как если бы то был наш родной язык, но мы стали изучать его слишком поздно.

Думаю, он прекрасно понимал, почему мне так хочется обучить его этому искусству, и очень хотел учиться. Начали мы во время игры в го. Я вспомнил, чему меня учили, когда в возрасте двенадцати лет стали выявлять мои способности к телепатии. Я сказал, чтобы он «очистил» свои мысли и «затемнил» свой разум. Это он проделал, безусловно, значительно быстрее и тщательнее, чем когда-либо делал я: в конце концов, он был настоящим ханддаратом. Потом я попытался мысленно заговорить с ним как можно яснее. Безрезультатно. Мы попробовали снова. Поскольку человек не может заговорить мысленно до тех пор, пока его телепатические способности не будут инициированы явственным сигналом партнера, то я непременно должен был первым пробиться к нему. Я пробовал в течение получаса, пока мозг мой буквально не «охрип» от усталости. Эстравен выглядел удрученным.

— Я думал, для меня это будет нетрудно, — признался он.

Оба мы устали до потери сознания, так что отложили эксперимент и легли спать.

Следующие наши попытки оказались столь же неудачными. Я пытался передавать мысленную информацию Эстравену, когда он спал, вспоминая все, что когда-то говорил мне мой Учитель по поводу якобы

случайных «вещих снов» у людей с недоразвитыми телепатическими способностями; но и это не действовало.

— Возможно, моя раса просто не обладает этой способностью, — сказал он. — У нас, правда, давно поговаривают о невероятной силе и власти слова, но мне неведом ни один случай мысленного общения.

— То же самое было и с моим народом в течение тысячелетий. Существовало лишь небольшое количество так называемых экстрасенсов, которые сами не понимали своего дара, которым некому было послать свой мысленный вопрос и не от кого получить ответ. Все остальные находились как бы в «латентном» состоянии, если можно так выразиться... Абстрактное мышление, разнообразная общественная деятельность, с молоком матери впитанные культурные навыки, эстетическое и этическое воспитание — все это прежде должно достичь определенного уровня, до того как смогут возникнуть телепатические контакты, до того как будет задействована потенциальная телепатическая способность индивида.

— Возможно, мы, гетенианцы, этого уровня просто еще не достигли.

— Вы значительно его превзошли! Но тут еще и определенный момент везения. А также определенного сочетания составляющих. Или если брать аналогии из области культуры — это лишь аналогии, но и они кое-что проясняют, — то это, например, конкретный научный метод или использование той или иной конкретной экспериментальной технологии. В Экумену входят такие народы, которые обладают высочайшей культурой, сложными общественными структурами, самобытной философией, развитыми искусствами, этикой, высокой литературой — достижения их во всех областях необычайно велики; и тем не менее они никогда не умели как следует взвесить обыкновенный камешек. Конечно, они могут этому научиться. Только за полмиллиона лет так и не научились... Существуют народы, которые вообще не имеют понятия о высшей математике и знают лишь простейшие ариф-

метические действия, которым их научили. Любой из них способен понять сложнейшие расчеты, но никогда их не делал и не делает. Или, например, мой собственный народ, земляне: они в течение трех с лишним десятилетий не имели ни малейшего понятия об использовании нуля. — Тут Эстравен изумленно захлопал глазами. — Что же касается планеты Гетен, то мне интересно вот что: могут ли иные человеческие расы открыть в себе способность к предсказаниям и является ли это искусство тоже неким следствием эволюции мозга? Если бы вы смогли обучить нас технике предсказаний...

— Ты считаешь это полезным достижением?

— Точные предсказания? Ну разумеется!..

— С тем же успехом ты мог бы прийти к обратному выводу, но все же воспользоваться этими знаниями.

— Ваша Ханддара восхищает меня, Харт, но я то и дело ловлю себя на мысли: а не является ли это учение логическим парадоксом, возведенным в жизненное кредо...

Мы снова попытались установить телепатическую связь. Я еще никогда не пробовал несколько раз подряд обращаться мысленно к совершенно не воспринимающему меня реципиенту. Опыт был поистине удручающим. Я чувствовал себя как убежденный атеист, который пробует молиться. В конце концов Эстравен зевнул и сказал:

— Я глух. Глух как скала. Лучше ляжем спать.

Я согласился с ним. Он выключил свет, пробормотав свою коротенькую молитву Тьме; мы нырнули в мешки, и уже через несколько мгновений он поплыл по волнам сна, как пловец по темной воде. Я чувствовал, как его мозг погружается в сон, словно то был я сам; связь между нами все еще была прочной, и я, сам уже сонный, в последний раз мысленно позвал его по имени: *Терем!*

Он тут же вскочил как ужаленный, сел, и голос его в темноте прозвучал неожиданно громко:

— Ареk! Это ты?

Нет, это Дженили Ai: я говорю с тобой мысленно.

Он затаил дыхание. Затих. Потом повозился с печкой, включил свет и уставился на меня своими темными, полными страха глазами.

— Мне приснился сон... — сказал он, — мне снилось, что я дома...

— Ты услышал, как я мысленно позвал тебя.

— Ты позвал меня?.. Это был мой брат. Это его голос я слышал. Он умер. Ты позвал меня... ты назвал меня Терем? Я... Это гораздо страшнее, чем я думал. — Он потряс головой, как человек, который пытается отряхнуть оцепенение, вызванное ночным кошмаром, потом уронил лицо в ладони.

— Харт, мне очень жаль...

— Нет, называй меня по имени. Раз ты можешь говорить голосом моего покойного брата, то, конечно же, можешь звать меня по имени! Разве ОН назвал бы меня «Харт»? О, теперь я понимаю, почему в мысленной беседе нет места лжи. Это страшная вещь... Хорошо. Хорошо, скажи мне еще что-нибудь.

— Погоди.

— Нет. Продолжай.

Он яростно и одновременно испуганно смотрел на меня, и я мысленно сказал ему: *Терем, друг мой, в наших отношениях нет ничего дурного, не надо бояться.*

Он по-прежнему пристально смотрел на меня, и я уже решил, что он меня не понимает; но он понял.

— Нет, бояться надо, — сказал он вслух.

Через некоторое время, уже взяв себя в руки, он спокойно сказал:

— Ты говорил на моем языке.

— Естественно, ты же не знаешь моего.

— Ты говорил, что будут звучать слова, я помню... И все-таки я представлял это просто как... некое *понимание* друг друга.

— Проникновение в чужую душу — несколько иная игра, хотя тоже связана с телепатией. Именно такое проникновение позволило нам сегодня установить телепатическую связь. Однако телепатия активизирует и речевые центры головного мозга, как и...

— Нет, нет, нет. Это все ты мне расскажешь позже. Но почему ты говорил голосом моего брата? — Он был очень взволнован.

— На этот вопрос у меня ответа нет. Не знаю. Расскажи мне о нем.

— Ну сутх... Мой родной брат, Арек Харт рем ир Эстравен, был на год старше меня. Именно он впоследствии стал лордом Эстре. Мы... я, как ты знаешь, ради него покинул родной дом. Он умер четырнадцать лет назад.

Некоторое время мы оба молчали. Я не мог ни понять, ни спросить, что там, за этими скучными словами: слишком трудно ему далась даже такая малость.

Наконец я предложил:

— Давай еще поговорим мысленно, Терем. Назови меня по имени. — Я знал, что это он сделать может: связь все еще сохранилась, или, как говорят специалисты, фазы совпадали, а он, конечно же, еще не умел пресекать телепатическое вторжение усилием воли. Так что, если бы в данный момент реципиентом был я, то есть сигнал исходил бы от него, я услышал бы его мысли.

— Нет, — сказал он. — Никогда. Пока нет...

Но никакой, даже самый великий, ужас или шок не смог бы удержать в узде ненасытный, рвущийся к познанию разум. Он уже выключил свет, и тут я вдруг «услышал», как он, странно заикаясь, произносит медленно мое имя: *Дженри*. Даже мысленно он не мог как следует выговорить звук «л».

Я тут же откликнулся. Потом во тьме прозвучало нечто нечленораздельное, однако выражавшее не только страх, но и удовлетворение. И он сказал вслух:

— Больше не надо, не надо.

Вскоре мы оба наконец уснули.

Для него телепатические контакты никогда не давались легко. Не потому, разумеется, что он был бездарен или не желал совершенствоваться. Просто все это слишком сильно волновало его, он не мог пользоваться этим искусством просто так. И быстро научился устанавливать телепатический барьер, но я не уве-

рен, что он твердо на этот барьер полагался. Возможно, у каждого из нас тоже были подобные опасения, когда первые Учителя несколько веков назад прилетели из Мира Роканнона, чтобы научить землян Последнему Искусству. Возможно, гетенианцы, будучи исключительно интровертными, воспринимают телепатическую связь как насилие над их внутренним миром, как брешь в той целостности их «я», которая для них просто мучительна. Возможно, виной в данном конкретном случае был характер самого Эстравена, в котором искренность и сдержанность были одинаково сильны: каждое слово, которое он произносил, как бы предварялось глубоким молчанием, было порождено им. Мысленно я разговаривал с ним почему-то голосом его умершего брата. Я тогда не знал, что именно, кроме любви и смерти, связывает этих двоих, но чувствовал: едва в его душе начинал «звучать» голос брата, Эстравен весь как бы съеживался и вздрагивал, словно я касался открытой раны. Так что некие интимные узы, что установились между нами, были, разумеется, порождены телепатическим контактом — впрочем, весьма сдержаным, проливающим мало света на загадочную душу моего друга, скорее подчеркивающего, сколь глубока и бесконечна тьма, царящая там.

День за днем мы продолжали ползти на восток по ледяной равнине. К переломному, тридцать пятому дню нашего путешествия, Одорни Аннер, мы в полном несоответствии с планом прошли значительно меньше половины пути. По счетчику — около шестисот километров; однако в лучшем случае лишь три четверти этого расстояния действительно приблизили нас к цели. Можно было лишь очень грубо прикинуть, сколько нам еще предстояло пройти. Мы истратили слишком много времени, сил и продуктов при тяжелейшем восхождении на Ледник. Эстравен, в отличие от меня, почему-то не слишком беспокоился по поводу предстоящего пути в сотни километров.

— Сани стали гораздо легче, — говорил он. — К концу они станут совсем легкими; а если будет

нужно, немного уменьшим свой рацион. Мы все это время очень хорошо питались, знаешь ли.

Я думал, он шутит, но, видно, я плохо знал его.

На сороковой день началась пурга, и нас засыпало снегом. Два последующих долгих дня мы неподвижно лежали в палатке; Эстравен почти ничего не ел и почти не просыпался; просыпаясь, он только пил орш или горячую подслащенную воду. Он настоял, однако, на том, чтобы я непременно хоть немного ел, хотя бы половину обычного рациона.

— У тебя нет опыта. Ты не умеешь голодать, — сказал он.

Я почувствовал себя оскорбленным.

— А у тебя-то большой опыт? В каком же качестве ты голодал больше — княжеского сына или премьер-министра Кархайда?

— Дженири, у нас специально учат длительное время обходиться без пищи, так что в итоге мы все становимся специалистами в этом деле. Меня приучали голодать еще в детстве, дома, в Эстре, а потом — ханддараты в Цитадели Ротерер. Я действительно несколько утратил форму в Эренранге, но потом снова начал тренировки — когда жил в Мишнори... Пожалуйста, друг мой, делай, как я говорю; я знаю, что делаю.

Он-то знал, но знал и я.

Потом в течение четырех дней мы шли при страшных морозах, температура ни разу не поднималась выше -35° ; а потом вдруг снова налетела пурга, порывистый восточный ветер швырял нам в лицо пригоршни колючего снега. Уже буквально минуты через две Эстравен стал совершенно неразличим за стеной пурги. Я на секунду отвернулся, чтобы перевести дыхание и очистить лицо от ослепляющей, удушающей пелены, а когда обернулся снова, то Эстравен исчез. Исчезли и сани. Рядом со мной не было никого и ничего. Я обшарил все вокруг руками. Я кричал и за воем пурги не слышал собственного голоса. Я был глух и одинок в этом мире, до краев заполненном мелькающими извивающимися сероватыми струями, поло-

сами падающего снега. Отчаяние охватило меня, и я начал было ощупью пробираться вперед, мысленно взывая: *Терем!*

И он, стоя на коленях буквально у меня под носом, откликнулся:

— А ну-ка помоги мне поставить палатку.

Я помог и ни словом не обмолвился об этой минуте панического ужаса. Не было необходимости: он знал.

Эта очередная пурга длилась два дня; и в общей сложности мы потеряли целых пять дней; разумеется, потеряем и еще. Ниммер и Аннре — месяцы великих снежных бурь.

— Уж больно деликатно мы еду стали резать, — заметил я как-то, отрезая нашу очередную порцию гиши-миши и собираясь размочить ее в горячей воде.

Он посмотрел на меня. Его решительное широкое лицо сильно осунулось, щеки глубоко провалились под высокими скулами, глаза запали, скорбные складки окружали рот, губы потрескались. Интересно, какой же видок у меня, если даже он так паршиво выглядит. Как бы отвечая моим мыслям, Эстравен улыбнулся:

— Если повезет, мы дойдем; но может и не повезти.

То же самое он говорил и в самом начале пути. Со свойственным мне ощущением, что это наша последняя и весьма отчаянная ставка, я недостаточно реалистично мыслил тогда, чтобы ему поверить. Даже и теперь я думал: ну разумеется, нам повезет, и мы дойдем, раз уж мы потратили столько сил...

Но Леднику было все равно, сколько сил мы потратили. Ему было на это наплевать. Каждый должен знать свое место.

— В какую сторону поворачивается твое колесо фортуны, Терем? — спросил я наконец.

Он не улыбнулся. И не ответил. Только, помолчав немного, сказал:

— Я все думаю, как они там, внизу.

Там, внизу для нас теперь означало «на юге», в том мире, что лежит ниже этого ледникового плато, там,

где есть земля, люди, дороги, города — все то, что теперь стало трудно даже вообразить, что казалось почти нереальным.

— Знаешь, а я ведь послал королю весточку насчет тебя. В тот самый день, когда покинул Мишнори. Я сообщил ему то, что узнал от Шусгиса: что тебя собираются сослать на Добровольческую Ферму Пулефен. В те времена я еще недостаточно четко представлял себе собственные намерения, скорее повиновался некоему импульсу. С тех пор я не раз уже обдумывал природу этого импульса. Может случиться примерно следующее: король может усмотреть для себя возможность повысить свой престиж, рискуя шифгретором. Тайб станет отговаривать его, но Аргавену к этому времени Тайб уже несколько поднадоест, и, вполне возможно, он просто проигнорирует его советы. Он начнет расследование и спросит: где находится сейчас Посланник, гость государства Кархайд? В Мишнори, разумеется, солгут: он умер от лихорадки хорм еще осенью. Ах, нам очень жаль! Тогда король спросит: почему же в таком случае у меня иная информация, полученная от нашего Посольства в Оргорейне? Мне известно, что Посланник находится на Ферме Пулефен. — Но его там нет, можете убедиться сами. — Нет-нет, конечно же, мы верим слову Комменсалов Оргорейна... Но через несколько недель после подобного обмена любезностями сам Посланник объявляется в Северном Кархайде. Ему удалось бежать с Фермы Пулефен. В Мишнори всеобщий испуг, в Эренранге — возмущение. Позор Комменсалам, павшим так низко и пойманным на лжи! Для короля Аргавена ты становишься подлинным сокровищем, родным братом, никогда утраченным и обретенным вновь. Правда, ненадолго, Дженири. Ты должен тут же послать весть своему Звездному Кораблю, при первой же возможности! Пусть твои люди появятся в Кархайде и тем завершат твою миссию. Сделай это немедля, прежде чем Аргавен успеет заподозрить в тебе возможного врага, прежде чем Тайб или кто-то из советников сможет еще раз как следует напугать короля, пользуясь его манией

преследования. Если же он заключит с тобой сделку, то слово свое сдержит. Нарушить данное слово — значит утратить свой шифгретор. Короли Харге держат данное слово. Но ты должен действовать быстро и поскорее посадить свой корабль.

— Я сделаю это, если замечу хоть малейший проблеск доброжелательности по отношению к себе.

— Нет; прости, что даю тебе советы, но ты не должен ждать особого расположения. Тебя и так будут носить на руках, я полагаю. Как и сам корабль. Кархайд за последние полгода испытал тяжкие унижения. Ты дашь Аргавену шанс повернуть колесо судьбы вспять. Я полагаю, что он этим шансом воспользуется...

— Прекрасно. А ты между тем...

— Я — Эстравен-Предатель. Я ничего общего с тобой не имею.

— Поначалу.

— Поначалу, — согласился он.

— У тебя будет возможность где-нибудь скрыться поначалу в случае опасности?

— О да, разумеется.

Еда наша была готова, и мы забыли обо всем. Этот процесс был так важен теперь и так существенно улучшал самочувствие, что мы больше никогда не говорили за едой; это табу теперь соблюдалось свято, в своей, возможно, исходной форме: ни слова не произноси, пока не будет проглочена последняя крошка еды. Когда же последняя крошка была проглочена, Эстравен сказал:

— Что ж, по-моему, я правильно рассчитал ситуацию. Ты... ты простишь мне...

— Твой прямой совет? — сказал я, потому что некоторые вещи полностью начал понимать только теперь. — Конечно же, да, Терем! Неужели ты еще можешь в этом сомневаться? Ты же знаешь, что у меня вообще никакого шифгретора нет, и я не собираюсь им победоносно размахивать.

Мои слова его насмешили, но он по-прежнему о чем-то думал.

— Но почему, — сказал он наконец, — почему ты все-таки высадился на Гетен в одиночку?.. Почему тебя послали одного? Все ведь по-прежнему будет зависеть от посадки корабля на планету. Зачем все это нужно было так усложнять — усложнять для тебя и для нас?

— Такова традиция Экумены, и для этого есть свои причины. Хотя, если честно, я и сам уже начал сомневаться в их целесообразности. Я думал, что ради вас меня посылают одного, настолько одинокого и беззащитного, что я никак не могу представить для кого-то угрозы, никак не могу нарушить равновесие... Инопланетянам дают понять, что это не вторжение, а просто гонец из другого мира. Есть и кое-что более важное: будучи один, я не могу изменить ваш мир. Хотя сам могу претерпеть изменения. Так все же ради кого меня послали одного? Ради вас? Или ради меня самого? Не знаю. Я согласен с тобой: это значительно осложнило положение вещей. Но вот что мне интересно: почему вам никогда не приходила в голову идея воздухоплавательных аппаратов? Один маленький украденный самолетик избавил бы нас с тобой от множества затруднений!

— Как нормальному человеку может прийти в голову, что он способен летать? — сухо парировал Эстравен. Это был справедливый ответ — в мире, где нет ни одного крылатого существа, даже ангелы культа Йомеш не летают, а только *летят*, и падают, бескрылые, на землю, как падает, кружась, легкая снежинка, как кружатся на ветру семена растений...

К середине месяца Ниммер, после бесконечных бурь и страшных морозов, мы вступили в полосу длительного зтишья. Если и случались бури, то *там, внизу*, а здесь, внутри пурги, было лишь бескрайнее серое небо да полное безветрие. Поначалу облака над нами были высокими, перистыми, так что воздух просвечен был ровным рассеянным светом, как бы отражавшимся и от самих облаков, и от снега, льющимся и сверху, и снизу. Через день погода несколько изменилась. Облачность усилилась, яркий свет пропал, осталось лишь

светлое Ничто. Мы вышли утром из палатки как бы в пустоту. Сани и палатка были на месте, Эстравен стоял рядом, но ни он, ни я не отбрасывали никакой тени. Нас со всех сторон окружал какой-то неясный свет, шедший как бы отовсюду. Когда мы ступали по снегу, он хрустел под ногами, но следов не оставалось. Сани тоже не оставляли никаких следов. Ни сани, ни палатка, ни он, ни я — ничто. Не было ни солнца, ни неба, ни линии горизонта, ни мира вокруг. Бело-серая мгла, пустота, в которой мы были как бы подвешены. Иллюзия была настолько полной, что мне стало трудно сохранять равновесие. Я попробовал пользоваться внутренним чутьем — для корректировки собственного зрения; но и внутреннее чутье не помогло. Я был все равно что слепой. Пока мы грузились, все шло еще хорошо, однако тащить сани, ничего не видя впереди, абсолютно ничего, сначала было просто неприятно, а потом — страшно. И утомительно. Мы шли на лыжах по хорошему твердому фирну, без застругов, и под нами — это-то уж точно! — было по меньшей мере два километра мощного льда. Надо было бы радоваться такой поверхности, но мы шли все медленнее, с трудом продвигаясь по лишенной каких бы то ни было препятствий равнине, приходилось огромным усилием воли подгонять себя и поддерживать нормальную скорость. Даже малейшее препятствие воспринималось как чрезмерно затруднительное — так порой бывает на лестнице, когда вдруг попадается невесть откуда взявшаяся ступенька или, наоборот, ожидаемой ступеньки не оказывается на месте. Мы ничего не могли разглядеть заранее: белое Ничто вокруг не отбрасывало тени, ничем не обнаруживало себя. Мы шли с открытыми глазами, но вслепую. И так — день за днем. Мы стали сокращать переходы, потому что уже к полудню оба обливались потом и дрожали от напряжения и усталости. Я уже начал страстно мечтать о снеге, о пурге, о любой другой погоде, но каждое утро мы по-прежнему выходили в то самое белое Ничто, которое Эстравен называл Лишенной Теней Ясностью.

Но однажды около полудня в день Одорни Ниммер, на шестьдесят первый день нашего пути, ровная слепящая пустота вокруг нас вдруг начала двигаться, течь, съеживаться. Я решил, что меня подводит зрение, как это часто бывало, и не придал значения этому едва заметному шевелению воздуха, но неожиданно над моей головой мелькнул солнечный лучик. В небесах я увидел маленькое, еле видное, какое-то мертвое солнце. А опустив глаза и посмотрев вокруг, я разглядел огромную, чудовищную черную массу, возникшую в белой пустоте и явственно приближающуюся к нам. Черные щупальца, воздетые вверх, шарили вокруг... Я замер, заставив Эстравена повернуться ко мне: мы впряженлись цугом.

— Что это такое?

Он долго и внимательно смотрел на темные чудовищные формы, прячущиеся в тумане, и наконец сказал:

— Скалы... Это, должно быть, Утесы Эшерхота.

И двинулся вперед. Оказывается, мы были от них на расстоянии нескольких километров, а мне казалось — на расстоянии вытянутой руки. Белое Ничто постепенно превращалось в плотный, низко стелющийся туман, который потом улетучился, и мы смогли наконец как следует разглядеть эти скалы — уже ближе к закату: здешние *нунатаки*, огромные искореженные и изломанные куски камня, торчащие изо льда; они напоминали айсберги над поверхностью моря — холодные, почти затонувшие во льдах горы, мертвые в течение многих миллионов лет.

По этим скалам мы поняли, что находимся чуть севернее, чем наметили раньше, определяя самый короткий путь, если, разумеется, можно было верить отвратительной карте; ничего иного у нас, впрочем, не было. На следующий день мы впервые свернули к югу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Было пасмурно, дул сильный ветер. Мы упорно шли вперед, пытаясь обрести поддержку в хорошо видимых теперь Утесах Эшерхота — первой реальной вещи, не принадлежащей миру льда, снега и бескрайних небес, в котором мы провели более семи недель. Судя по нашей карте, Утесы были относительно недалеко от Болот Шенши, чуть южнее. И чуть восточнее залива Гутен. Но карте этой доверять было нельзя, особенно той ее части, которая касалась самого Ледника Гобрин. К тому же мы были очень утомлены.

Мы оказались явно ближе к южной границе Ледника, чем показывала карта: уже на второй день после того, как мы повернули к югу, снова начали попадаться торосы и трещины, правда не такие глубокие, как в районе Огненных Холмов. Здесь не было столь значительных смещений ледникового щита, но поверхность тоже была так себе. Встречались, например, отдельные колодцы-провалы в несколько сотен метров шириной — возможно, летом здесь разливались озера; встречались и снежные мосты над невидимыми пропастями, готовые внезапно ухнуть под тобой в бездну; встречались и участки, сплошь покрытые трещинами; и все чаще и чаще попадались своеобразные старые

ледяные каньоны, прорытые в толще щита и похожие на настоящие горные ущелья, то очень большие, то всего в полметра шириной, но и те и другие страшно глубокие. В тот день (Одорни Ниммер, двадцать четвертый день третьего месяца зимы по дневнику Эстравена, потому что я дневника никакого не вел) было очень солнечно, дул сильный северный ветер. Пере-бинаясь с санями по снежным мостам над небольши-ми трещинами, мы могли порой заглянуть вниз и уви-деть там, в бесконечной голубизне, падающие облом-ки льда, задетого полозьями саней. Льдинки издавали легкий, невнятный, нежный перезвон, словно хру-стальными пластинками перебирали серебряные стру-ны. Я помню чистый воздух, дремотное, легкое удов-летворение, которое почему-то испытывал весь день, таща сани над залитыми солнечным светом пропасти-ми. Но вдруг небо начало мутнеть, побелело, воздух стал более плотным, тени исчезли, голубизна как бы испарилась из снегов и с небес. Мы были недостаточ-но готовы морально к наступлению Лишенной Теней Ясности, этого белого Ничто. Да еще при такой по-верхности. Идти и без того было трудно; я подталки-вал сани сзади, а Эстравен тянул спереди; и видел я перед собой только сани, думая лишь о том, как бы ловчее подтолкнуть их, как вдруг, совершенно неожи-данно, крма чуть не вырвалась у меня из рук: сани прыгнули куда-то вперед. Я совершенно инстинктив-но застыл как вкопанный и крикнул Эстравену, что-бы тот сбавил скорость, думая, что он просто поехал побыстрее по более ровному участку. Однако сани стояли, мертвко уткнувшись носом в снег, и Эстравена впереди не было.

Я уже готов был отпустить корму саней и пойти посмотреть, куда делся Эстравен. Просто счастье, что я этого не сделал сразу, а продолжал, держась за сани, тупо оглядываться вокруг. И заметил краешек треци-ны, которая стала видна, когда обвалился кусок снеж-ного моста. Именно в этом месте и провалился Эстра-вен, и теперь сани удерживал на краю обрыва только мой вес; я сам, крма саней, примерно треть длины

полозьев все еще находились на мощном льду. Однако сани продолжали потихоньку сползать в трещину: их тянул туда Эстравен, повисший на постремках над бездонным колодцем.

Я всем телом навалился на корму и что было сил принялся оттаскивать сани от края трещины. Шли они тяжело. Тогда я еще сильнее навалился на корму и раскачивал сани до тех пор, пока они со скрипом не подались, а потом внезапно не выскочили из трещины. Эстравен тут же ухватился руками за край обрыва и стал помогать мне. Он выкарабкался, цепляясь за постремки, на лед и рухнул ничком.

Я опустился рядом с ним на колени, пытаясь отстегнуть постремки, очень встревоженный его безжизненным видом; он лежал на снегу совершенно неподвижно, только от резких вдохов и выдохов подымалась и опадала его грудь. Губы синие, одна половина лица вся покрыта синяками и ссадинами.

Наконец он неуверенно сел и сказал свистящим шепотом:

— Голубое... все голубое... Башни в глубинах...

— Что?

— Там, в трещине. Все голубое... полное огня.

— У тебя все в порядке?

Он снова начал застегивать пряжки постремок.

— Ты иди впереди... как следует привязавшись... все время пробуй снег щупом, — выдохнул он. — Смотри, куда ступаешь.

И в течение долгих часов один из нас тянул сани, ведя другого за собой, полз, словно кошка по краю птичьего гнезда, определяя каждый шагок, предварительно потыкав в снег палкой. Белое Ничто удивительно маскирует трещины, и порой невозможно заметить ее раньше, чем окажешься на самом краю, что несколько поздновато, потому что край обычно нависает козырьком и далеко не всегда достаточно прочен. Каждый шаг преподносил нам сюрпризы — то падение, то какое-либо препятствие. По-прежнему ничто не отбрасывало теней. Мы были как бы внутри белой, безмолвной сферы, двигались по ее внутренней поверхности, как внутри стеклянного шара, покрытого

морозными узорами, и за его стенками не было ничего. Зато в самих стеклянных стенках были трещинки. Ткнул палкой — шагнул, ткнул — шагнул. Ткнул, чтобы обнаружить невидимую трещинку, через которую можно выпасть из стеклянного шара в пустоту и падать, падать, падать... От постоянного напряжения мало-помалу начинало сводить все тело. Каждый шаг приходилось делать через силу.

— Что случилось, Дженри?

Я застыл посредине белого Ничто. На глазах моих выступили слезы, ресницы тут же смерзлись. Я сказал:

— Упасть боюсь.

— Но ты же привязан, — удивился он. Потом подошел ко мне, увидел, что рядом нет ни единой трещины, понял, в чем дело, и сказал:

— Все. Разбиваем лагерь.

Уже после того как мы поели, он сказал:

— Самое подходящее время для остановки. Не думаю, что мы сможем идти дальше при такой видимости. Ледник ползет вниз, так что дальше будет еще больше торосов и трещин. При хорошей видимости мы пройдем относительно легко: но только не при Лишенной Теней Ясности.

— Как же в таком случае мы спустимся к Болотам Шенши?

— Ну, если мы снова возьмем чуть восточнее и не будем столь упорно держаться южного направления, то, возможно, доберемся по прочному льду до самого залива Гутен. Я однажды летом видел Великие Льды с лодки, плавая по заливу. Льды спускаются там до самых Красных Холмов и ледяными реками стекают прямо в залив. Если бы мы пошли по одному из этих языков, то потом по покрытому льдом заливу смогли бы спокойно добраться до южной границы Кархайда и, таким образом, выйти туда с побережья, а не от границы с Ледником, что, возможно, даже лучше. Это, правда, добавит нам сколько-то километров пути — от ~~двадцати~~ до сорока, пожалуй. А ты как считаешь, Дженри?

— Я здесь и пяти метров не пройду, пока держится эта чертова погода.

— Но если мы выберемся на ровный лед?..

— О, если выберемся, тогда все в порядке. А если солнце выглядит еще хоть раз, то можешь садиться в сани, и я тебя бесплатно отвезу в Кархайд. — Это была одна из наших излюбленных шуток на последнем этапе путешествия; все шутки были довольно глупые, но порой и глупость заставляет твоего друга улыбнуться. — Со мной вообще-то ничего особенного. У меня просто острый хронический страх.

— Страх очень полезен. Как темнота; и как тени. — Улыбка Эстравена напоминала безобразную щель в покрытой коркой, потрескавшейся коричневой маске, обрамленной черной шерстью и двумя приклеенными по бокам черными осколками скалы — ушами. — Забавно, что одного только света недостаточно. Нужны тени, чтобы знать, куда идти.

— Дай мне на минутку твой дневник.

Он как раз записал, сколько мы прошли за сегодняшний день, и что-то подсчитывал относительно оставшегося пути и нашего рациона. Он подтолкнул записную книжечку и карандаш ко мне, сидевшему по другую сторону печурки. На пустом листке в самом конце книжки я изобразил разделенную кривой линией окружность со знаками Инь и Ян и зачернил ту часть, что обозначала Инь. Потом подтолкнул книжечку обратно к нему.

— Ты знаешь этот символ?

Он очень долго, озадаченно смотрел на него, потом сказал:

— Нет.

— Это изображение обнаружили на Земле, а также на нашей общей прародине, планете Хайн, и еще на Чиффевар. Это Инь и Ян. *Свет — рука левая тьмы...* как там дальше? Свет и тьма. Страх и мужество. Холод и тепло. Женщина и мужчина. И ты сам, Терем: двое в одном. Тень человека на белом снегу и сам человек.

Весь следующий день мы тащились на северо-восток сквозь белое марево, через *пустоту* белого цвета, до тех пор, пока совершенно не перестали попадаться

трещины. Шли целый день. Теперь мы съедали лишь две трети своего обычного рациона, надеясь, что так нам удастся растянуть продукты на более долгий срок. Мне даже казалось, что это не будет иметь особого значения — хватит нам или нет, — поскольку разница между предельно малым и вообще ничем была совсем незаметной. Эстравен, однако, продолжал надеяться, что фортуна по-прежнему на его стороне, — на этот счет у него, видно, был особый нюх или скорее интуиция, что, впрочем, с тем же успехом могло бы быть названо осознанным опытом и разумным поведением. Мы шли на восток уже четыре дня и сделали четыре самых длинных за это время перехода — от двадцати пяти до тридцати километров в день. Потом тихая и не очень морозная — около -10° — погода вдруг резко переменилась, начался настоящий буран, выруга, белые смерчи из бесчисленного множества колючих снежных осколков хлестали в лицо, били в спину и сбоку, кололи глаза; буря эта началась после заката. Мы пролежали в палатке целых три дня, пока вокруг нас зверем завывала пурга, целых три дня этого бессловесного, исполненного ненависти завывания, исходящего из чьих-то страшных, лишенных живого дыхания легких.

Она доведет меня до того, что я тоже завою, — мысленно сказал я Эстравену, и он ответил, неуверенно, коротко: *Не имеет смысла. Она все равно слушать тебя не станет.*

Долгие часы мы спали, потом немножко ели, пытались подлечить обмороженные места, потертости и ссадины, мысленно беседовали, потом снова спали. Продолжавшийся три дня неумолчный вой постепенно перешел в невнятное бормотание, потом в негромкий плач, потом наступила тишина. И пришел новый день. Сквозь распахнутую войлочную дверь мы увидели ослепительное сияние небес. От этого сразу стало легче на душе, хотя мы были слишком измучены, чтобы бурно проявить свою радость, скажем, запрыгать от восторга. Мы сложили палатку и вещи, что отняло около двух часов: мы едва ползали, словно два не-

мощных старца. И двинулись в путь. Явно начался спуск, хоть и довольно пологий. Наст был просто великолепен для лыжной пробежки. Сияло солнце. Ближе к полудню термометр показывал около -20° . Казалось, что уже само движение прибавляет нам сил — мы продвигались вперед быстро и легко. В тот день мы шли до тех пор, пока на небе не появились первые звезды.

На ужин Эстравен выдал по полной порции гиши-миши. При таком раскладе еды у нас хватило бы только на семь дней.

— Колесо фортуны завершает свой оборот, — безмятежным тоном сообщил Эстравен. — Чтобы быстро пройти оставшийся путь, нам необходимо как следует есть.

— Есть, пить и веселиться, — сказал я и неожиданно рассмеялся. Еда подняла мне настроение. — А лучше все вместе — еда, и питье, и веселье. Ведь какое же веселье без еды? — Это показалось мне такой же загадкой, как тот значок в кружке — Инь и Ян, я засмеялся, но что-то было уже не то: что-то в лице Эстравена погасило мое веселье. Мне вдруг захотелось заплакать, но я сдержался. Эстравен был не так крепок в этом отношении, было несправедливо провоцировать у него слезы. Он, кстати, уже уснул — уснул сидя, чашка из-под еды так и осталась стоять у него на коленях. Что-то не похоже было на него, всегда такого методичного и аккуратного. Но вообще-то поспать — идея вовсе не плохая.

На следующее утро мы проснулись довольно поздно, позавтракали — съели двойную порцию, — потом впряглись в свои полегчавшие сани и потащили их куда-то за край этой снежной вселенной.

Ее край представлял собой крутой, покрытый ледниковыми отложениями горный склон, где среди белых пятен снега виднелись красноватые валуны. Внизу в мертвенно-бледном свете дня лежало замерзшее море: залив Гутен, покрытый льдом от берега до берега, от границы Кархайда до самого северного полюса.

Чтобы спуститься по этому склону на покрытую льдом поверхность моря, чтобы пробраться между моренными валунами, торосами и прочими заграждениями, созданными Ледником в сражении с теснящими его Огненными Холмами, потребовался весь этот и весь следующий день. Тогда, на второй день спуска, мы оставили на склоне горы свои сани. Имущество вполне можно было унести на себе: один из тюков представлял собой свернутую палатку и часть продуктов, второй — все остальное; на каждого пришлось килограммов по десять груза; я еще сунул в свой мешок печку, но все равно не набралось и двенадцати килограммов. Хорошо было отдохнуть от надоевших постромок, от бесконечного подталкивания и перетаскивания этих саней; я сказал об этом Эстравену, когда мы налегке двинулись в путь. Он оглянулся на сани, одинокие, брошенные в бескрайнем хаосе льдов и красноватых скал.

— Они отлично послужили, — промолвил он. Его верность и преданность одинаково распространялись и на людей, и на вещи — терпеливые, надежные, прочные вещи, к которым привыкаешь. Порой человек только благодаря им и существует, но все равно бросает их и уходит. Ему явно было грустно расставаться с нашими верными санями.

В тот вечер, на семьдесят пятый день нашего путешествия и пятьдесят первый день пребывания на ледяном плато, в Хархад Аннер, мы спустились с Ледника Гобрин на лед залива Гутен. Снова шли очень долго, пока не стало совсем темно. Воздух был морозный, но прозрачный, и стояло безветрие, а гладкая поверхность замерзшего залива звала в путь; к тому же больше не нужно было тащить за собой сани. Когда в тот день мы поставили палатку и улеглись спать, было странно думать, что под нами больше уже не двухкилометровый ледниковый щит, а всего лишь какой-то метр льда, и под ним — соленая вода моря. Но мы недолго предавались этим размышлениям. Мы были сыты и быстро уснули.

Снова наступил рассвет; небо было ясным, мороз ниже -40° . На юге отчетливо видно было побережье, изрезанное сползшими языками Ледника и постепенно выравнивающееся почти в прямую линию. Сначала мы шли совсем близко к берегу. Северный ветер помогал нам, дуя в спину. Наконец мы оказались в долине меж двух оранжевых холмов, но при выходе из нее на нас налетел такой ураган, который буквально сбивал с ног. Мы с трудом отползли подальше к востоку, покинув эту ровную морскую поверхность, зато по крайней мере снова смогли стоять на ногах и даже двигаться вперед.

— Это Ледник выплюнул нас из своей пасти, — сказал я.

На следующий день точно перед нами открылся изгиб равнинного восточного берега залива. Справа был все еще Оргорейн, но тот голубой полумесяц впереди — берега Кархайда.

В тот день мы использовали для заварки последние крохи орша и сварили последние жалкие остатки зерен кадик; теперь у нас осталось чуть больше килограмма гиши-миши и около ста граммов сахара.

Я не способен внятно описать последние дни нашего путешествия. Думаю, просто оттого, что не могу по-настоящему восстановить их в памяти. Голод может обострить восприятие, но только не в сочетании с чудовищным переутомлением. Мне кажется, я почти ничего уже больше не ощущал. Помню, что у меня от голода сводило кишки, но боли при этом не помню. Единственное, что я помню — впрочем, довольно смутно, — это ощущение свободы, того, что самое страшное осталось позади, и радости. А еще — что все время страшно хотелось спать. Мы достигли земли двенадцатого числа, в день Постер Аннер, и взобрались на заледеневший скалистый берег заснеженного безлюдного залива Гутен.

Итак, мы были в Кархайде. Мы достигли своей цели. Едва не погибнув при этом и не ведая, что будет дальше, ибо в наших заплечных мешках было пусто. Мы вволю напились горячей воды, чтобы отпраздно-

вать это событие. А на следующее утро снова двинулись в путь, надеясь отыскать какую-нибудь дорогу или селение. Это довольно пустынный район, а карты у нас не было. Если там и существовали какие-то дороги, то сейчас все они были скрыты двумя, а то и пятью метрами снега, и мы могли пересечь уже несколько из них, так этого и не заметив. Никаких следов сельскохозяйственной деятельности на равнине тоже заметно не было. В тот день мы без толку блуждали по равнине, двигаясь то к югу, то к западу; на следующий день было то же самое, однако к вечеру, уже в сумерках, мы заметили вдалеке на холме огонек, мерцавший сквозь легкий падающий снежок, и оба некоторое время не могли вымолвить ни слова. Просто стояли и смотрели. Наконец мой товарищ прокаркал:

— Неужели огонь?

Давно наступила ночь, когда мы наконец добрали, спотыкаясь, до кархайдской деревушки с одной-единственной улицей, пролегавшей между темными остроконечными домами; снег перед зимними дверями был расчищен, и по обе стороны возвышались высоченные сугробы. Мы остановились у местной харчевни; сквозь щели в ставнях на узких ее окнах изливался — брызгами, лучами, стрелами — желтый свет, тот самый, что мы заметили издалека на заснеженном холме. Мы открыли дверь и вошли.

Это был день Одсордни Аннер — восемьдесят первый день нашего путешествия; мы на одиннадцать дней опоздали, если исходить из графика Эстравена, однако наши запасы пищи он рассчитал точно: на семьдесят восемь дней пути до Кархайда. Мы прошли около тысячи трехсот километров по счетчику и еще невесть сколько, когда блуждали по заливу последние несколько дней. Значительная часть этих долгих трудных километров была пройдена зря: мы часто возвращались или шли кружным путем; если бы нам действительно требовалось пройти полторы тысячи километров, мы вряд ли дошли бы. Когда мы раздобыли хорошую карту, то подсчитали, что расстояние от

Фермы Пулефен до этой деревни около тысячи километров с небольшим. И весь этот бесконечный путь пролегает по абсолютно безлюдной, безмолвной белой пустыне: скалы, лед, небо и тишина — ничего больше в течение восьмидесяти одного дня, кроме нас двоих.

Мы вошли в большую, наполненную горячим паром и запахами еды, ярко освещенную комнату. Там было много людей, стоял шум. Я пошатнулся и ухватился за плечо Эстравена. К нам обернулись незнакомые удивленные глаза. Я уже забыл, что существуют еще живые люди, совсем непохожие на Эстравена. Мне стало страшно.

На самом деле это была весьма небольшая комната, а «толпа» состояла от силы из семи-восьми человек: причем все они были потрясены не меньше меня самого. Во всяком случае, некоторое время они молча смотрели на нас, пытаясь понять, кто мы и откуда взялись. Повисла тишина.

Эстравен наконец заговорил — едва слышным шепотом:

— Мы просим покровительства вашего княжества.

Шум, жужжание голосов, смущение, тревога, радущие, приветствия.

— Мы пришли через Ледник Гобрин.

Шум усилился, послышались возгласы удивления, вопросы; все столпились вокруг нас.

— Вы не могли бы позаботиться о моем друге?

Мне показалось, что это сказал я сам, но то был голос Эстравена. Меня уже заботливо усаживали. Потом принесли нам поесть, проявляя всяческую заботу и искреннее радушие.

Невежественные, вздорные, вспыльчивые жители одного из беднейших районов страны! Это их великодущие положило достойный конец нашему тяжелому путешествию. Они давали обеими руками, от всего сердца. Ни малейшего проявления скромности или расчетливости. И Эстравен точно так же принимал, как они давали: как лорд среди лордов или как нищий

среди нищих, как равный среди равных ему сыновей одного народа.

Для этих деревенских рыбаков и земледельцев, что жили на самом дальнем краю земли, почти за пределами доступного, земли, лишь с очень большой настяжкой пригодной для обитания, честность играла в жизни столь же первостепенную роль, как и пища. Они могли вести друг с другом только честную игру, тут было не место мошенничеству. Эстравен это знал, а потому, когда через день-два они собирались вокруг нас, выясняя — туманно и обиняком, отдавая должное нашему шифгретору, — зачем это нам понадобилось зимой скитаться по Леднику Гобрин, он сразу ответил:

— Я предпочел бы в данный момент не прибегать к молчанию, однако молчание все же лучше лжи.

— Всем известно, что и очень достойные люди порой становятся изгоями, однако от этого тень их в размерах не уменьшается, — сказал в ответ повар харчевни; в деревенской иерархии он стоял всего лишь на одну ступеньку ниже старосты; его харчевня зимой служила как бы общей гостиной для всех жителей.

— Одного могут объявить изгояем в Кархайде, другого — в Оргорейне, — сказал Эстравен.

— Верно; а еще бывает, одного изгоняет родная семья, а другого — король, что живет в Эренранге.

— Король не может укоротить ничью тень, хотя, безусловно, может попытаться это сделать, — заметил Эстравен; повар, казалось, был удовлетворен таким ответом. Если бы Эстравен был изгояем в родном княжестве, его можно было бы подозревать в чем угодно; однако строгости королевских указов были не столь существенны. Что же касается меня, очевидно иностранца, а стало быть, именно того, кто изгнан Оргорейном, то это, пожалуй, более всего было в мою пользу.

Мы так и не назвали своих имен нашим гостеприимным хозяевам в Куркурасте. Эстравен очень не хотел пользоваться чужим именем, а наши подлинные

имена, разумеется, обнародованы быть не могли. В конце концов, в Кархайде считалось преступлением даже разговаривать с Эстравеном, не говоря уже о том, чтобы предоставить ему пищу, кров и одежду, как это сделали жители Куркураста. Даже здесь, в самом глухом уголке страны, было радио, так что нельзя было бы сослаться на незнание Указа о Высылке; лишь действительное незнание того, кто же на самом деле был их гостем, несколько оправдывало их действия в глазах закона. Столь уязвимое их положение очень заботило и беспокоило Эстравена, а я не успел даже подумать об этом. На третий вечер он явился ко мне, чтобы обсудить, как нам быть дальше.

Кархайдская деревня похожа на те, что расположены вблизи старинных замков на Земле; здесь практически не существует отдельных хуторов. В высоких, беспорядочно расположенных старинных домах самого Очага, в Торговом Доме, в здании, где жил губернатор (в Куркурасте не было своего князя), или в местном «клубе» каждый из пяти сотен жителей мог не только насладиться уединением, но и стать настоящим затворником — в любой из комнат, выходящих в эти древние коридоры со стенами метровой толщины. Каждому из нас предоставили по такой комнате на верхнем этаже Очага. Я сидел у небольшого камина, в котором жарко горели вонючие торфяные брикеты — торф добывали поблизости, на Болотах Шенши, — когда вошел Эстравен и сказал:

— Мы скоро должны уходить отсюда, Дженири.

Я помню, как он тогда стоял в полутемной, освещенной пламенем камина комнате босиком и в одних свободных меховых штанах, которые дал ему деревенский староста. У себя дома, в тепле (это с их точки зрения у них в домах тепло!), многие кархайдцы предпочтут ходить полуодетыми или почти совсем обнаженными. За время путешествия Эстравен, прежде человек довольно-таки плотный, утратил всю округлость форм, которая вообще свойственна физическому типу гетенианцев; теперь он стал худым, изможденным, лицо его было покрыто шрамами — следами

укусов холода, похожими на сильные ожоги. В беспокойных отблесках пламени он выглядел загадочным, мрачным и по-прежнему неуловимым.

— Куда же?

— На юг, потом на запад, по всей вероятности. К границе. Наша первая задача — найти для тебя радиопередатчик, достаточно сильный, чтобы связаться с твоим кораблем. Потом мне нужно или подыскать себе убежище, или отправляться назад в Оргорейн, — хотя бы на какое-то время, чтобы те, кто помог нам здесь, избежали наказания.

— Но как ты попадешь обратно в Оргорейн?

— Так же, как и в первый раз, — перейду через границу. Оргота против меня ничего не имеет.

— Где же мы можем найти передатчик?

— Не ближе чем в Сассинотхе.

Я поморщился. Он ухмыльнулся.

— А ближе ничего нет?

— Это всего двести—двести двадцать километров; мы ведь прошли куда больше по бездорожью. Здесь везде есть хорошие дороги; люди нас всегда приютят, а при возможности подвезут на автосанях.

Я уступил, однако был подавлен перспективой еще одного зимнего путешествия, и отнюдь не по направлению к гавани, а, наоборот, к той проклятой границе, где Эстравен вновь, вполне возможно, вынужден будет отправиться в ссылку и оставит меня одного.

Я долго размышлял над этим и наконец сказал:

— Кархайду будет поставлено одно непременное условие, прежде чем он получит возможность вступить в Лигу Миров: Аргавену придется отменить указ о твоем изгнании.

Он молча стоял, уставившись в огонь.

— Я не шучу. — Я специально повысил голос. — Всему свой черед.

— Спасибо, Джени, — проговорил Эстравен. Голос его, когда он говорил так мягко и тихо, как сейчас, был очень похож на женский, чуть глуховатый и неуверенный. Он с нежностью смотрел на меня, но так и не улыбнулся. — Я ведь и не ожидал когда-либо

увидеть снова родной дом. Уже двадцать лет, как я изгнан из Эстре, ты же знаешь. Так что никаких особых перемен в моей жизни из-за отмены королевского указа не произойдет. Уж я сам о себе позабочусь, а ты позаботься о себе и об Экумене. Это ты должен делать сам, один. Но что-то рано мы заговорили о расставании. Попроси, чтобы твой корабль приземлился немедленно. Когда это произойдет, я решу, как мне быть дальше.

Мы пробыли в Куркурасте еще два дня, наслаждаясь хорошей едой и отдыхом, а также поджиная снегоуплотнитель, который вскоре должен был прибыть сюда с юга и на обратном пути мог немного подвезти нас. Наши хозяева все-таки заставили Эстравена рассказать, как мы с ним шли через Великие Льды. Он рассказал эту историю так, как на то способен лишь человек, выросший под влиянием устной фольклорной традиции; рассказ его превратился в настоящую сагу, полную идиом и весьма расширенных метафор, тем не менее четко связанных с ходом реальных событий и вполне точно передающих их развитие — от наполненного мраком, парами серы и сполохами огня ущелья между Драмнером и Дремеголом до испускающих многоголосое эхо ледяных пропастей, что раскрывались перед нами ближе к заливу Гутен. Были там и комические интерлюдии, вроде его падения в трещину, а также мистические — когда он говорил о голосах и молчании Вечных Льдов, или о «белом Ничто», или о ночной непроницаемой тьме. Я слушал, очарованный не менее остальных, глаз не сводя с темнокожего лица моего друга.

Мы покинули Куркураст, тесно прижавшись друг к другу плечами в кабине снегоуплотнителя — одной из тех огромных, могучих машин, что уплотняют и укатаывают снег на дорогах Кархайда. Только благодаря им можно пользоваться дорогами и зимой, ибо если попытаться просто расчистить снег и сгрести его на обочины, то потребуется половина рабочего времени и средств всего королевства. К тому же весь транспорт все равно в зимнее время использует различные типы

полозьев. Снегоуплотнитель двигался вперед со скоростью около четырех километров в час, и мы добрались до соседней с Куркурастом деревни уже далеко за полночь. Там, как всегда, нас приветливо встретили, накормили и устроили на ночлег; утром мы встали на лыжи и рас прощались с нашим шофером: теперь уже начались вполне густо населенные районы Кархайда, удаленные от побережья и защищенные холмами от страшных ударов северных ветров, дующих с залива. Да и ночевать нам после очередного перехода приходилось уже не в палатке, а в теплом доме — мы как бы переходили от одного Очага к другому. Пару раз нас подвозили, однажды даже километров на пятьдесят. Дороги, несмотря на сильные и частые снегопады, были плотно укатаны и снабжены указателями. В рюкзаках у нас всегда была еда — ее клали туда те, у кого мы ночевали накануне; в конце пути нас всегда ждали кров и тепло Очага.

И все же последние относительно легкие восемь-девять дней нашего путешествия оказались в моральном отношении куда труднее, чем даже восхождение на Ледник, хуже, чем последние дни во Льдах, когда мы голодали. Сага была завершена; она принадлежала Льдам. А мы были предельно измотаны. Мы шли *не туда*. И радость умолкла в нас.

— Порой приходится идти против движения колеса фортуны, — говорил Эстравен.

Он был по-прежнему спокоен, но по его походке, голосу и повадкам чувствовалось, что энтузиазм в нем сменился терпением, уверенность — упрямой решительностью. Он был чрезвычайно молчалив, часто не желая даже мысленно разговаривать со мной.

Наконец мы добрались до Сассинотха. Небольшой город, несколько тысяч жителей. Дома на склонах холмов по берегам замерзшей реки Эй: белые крыши, серые стены, холмы, покрытые черными пятнами обнаженных лесов и вылезших из-под снега голых скал, поля и скованная льдом река — белоснежная равнина, та самая долина Синотх, из-за которой шла тяжба; там тоже все было бело...

Мы явились в город практически с пустыми руками. Большую часть своей экипировки мы раздали по пути тем гостеприимным хозяевам, у которых ночевали; теперь осталась только печка Чейба, лыжи и одежда — та, что была на нас. Однако мы продолжали путь, раза два спросив дорогу: нам была нужна не та, что ведет в город, а окольная, ведущая на какую-нибудь из пригородных ферм. Это были небогатые края, а ферма, куда мы шли, не входила в состав какого-либо княжества, а являлась единоличным владением в ведении Центральной Администрации долины Синотх. Когда в молодости Эстравен служил здесь, он подружился с владельцем этой фермы и потом фактически купил ее для него — то было год или два назад, когда он пытался реально помочь тем, кто желал поселиться на восточном берегу реки Эй, и надеялся избежать затянувшегося опасного спора двух государств из-за долины Синотх. Фермер снова впустил нас в дом. Это был плотного сложения человек с тихим голосом, примерно одних лет с Эстравеном. Звали его Тессичер.

Эстравен в этих местах ни разу даже не откинул глубоко надвинутый капюшон на спину, боясь быть узнанным. Вряд ли стоило этого опасаться: требовался чрезвычайно зоркий глаз, чтобы узнать Харта рем ир Эстравена в тощем, обтрепанном, исхлестанном всеми ветрами бродяге. Даже Тессичер время от времени украдкой внимательно поглядывал на него — был не в силах поверить, что он тот, за кого выдает себя.

Гостеприимство Тессичера было выше всяческих похвал, хотя он был явно небогат. Однако в наших отношениях ощущалась какая-то неловкость, словно в глубине души он мечтал никогда не иметь с нами дела. Это было, впрочем, понятно: дав нам приют, он рисковал всем, что у него было. Но поскольку своим благополучием он был обязан исключительно Эстравену — сейчас он вполне мог бы быть таким же изгоям, как мы, если бы некогда Эстравен не позаботился о нем, — казалось, можно было бы хотя бы отчасти отдать свой долг, даже пойдя на риск. Эстравен, однако, об уплате долга вовсе не думал, считая, что его

давнишний друг просто не сможет отказать ему в помощи. Когда улеглась первая тревога, вызванная нашим появлением, Тессичер, похоже, действительно понемногу оттаял и в полном соответствии с типично кархайдской переменчивостью настроений весьма эмоционально начал вспоминать былые дни и общих старых знакомых, просиживая с Эстравеном по полночи у камина. Когда же Эстравен спросил, нет ли у Тессичера на примете какой-нибудь заброшенной или удаленной фермы, где он, изгнаник, мог бы «залечь» месяца на два, пока его высылка не будет отменена, тот сразу сказал:

— Оставайся у меня.

Глаза Эстравена странно блеснули, но он сдержался. И Тессичер, согласившись с тем, что изгнанику скорее всего небезопасно оставаться так близко от Сассинотха, пообещал подыскать ему подходящее убежище. Это будет нетрудно, сказал он, если Эстравен сменит имя и найдется, например, поваром или работником на дальнюю ферму; это, разумеется, не так уж приятно, но все же лучше, чем возвращаться в Оргорейн.

— Какого черта тебе нужно в этом Оргорейне? И на какие средства ты бы там жил, а?

— На средства Комменсалии, — ответил мой друг, и улыбка его снова чуть напомнила мне лукавое выражение на мордочке выдры. — Они ведь каждую «общественную единицу» обязаны обеспечить работой, как тебе известно. Так что не беспокойся. Но я предпочел бы, конечно, остаться в Кархайде... если ты действительно надеешься все устроить.

У нас оставалась еще печка Чейба — наша единственная ценность. Она верно служила нам в том или ином своем качестве до самого конца нашего путешествия. Наутро после прибытия на ферму Тессичера я взял печку и на лыжах отправился в город. Разумеется, Эстравен со мной не пошел, но разъяснил мне, что и как нужно сделать, и все получилось хорошо. Я продал печку, выручил за нее кругленькую сумму, а потом стал подниматься на вершину холма, где разме-

щались здания Торгового колледжа; там же находилась и местная радиостанция. Я заплатил за десять минут «частного разговора с частным лицом». Все радиостанции специально оставляют время для подобных частных выходов в эфир; чаще всего это бывают радиограммы местных купцов своим заморским агентам или заказчикам с Архипелага, из Ситха или из Перунтера; эти разговоры стоят довольно дорого, но в общем вполне доступны. Во всяком случае, у меня еще остались деньги после продажи подержанной печки Чейба. Десять минут были мне выделены в самом начале Часа Третьего, то есть после полудня. Мне не хотелось, чтобы видели, как я средь бела дня направляюсь на лыжах на ферму Тессичера, а потому я весь день проболтался в Сассинотхе и в одной из харчевен заказал обильный, вкусный и довольно дешевый обед. Кархайдская кухня, без сомнения, значительно пре-восходила орготскую. Я ел и вспоминал комментарии Эстравена на этот счет — в тот раз, когда я спросил его, ненавидит ли он Оргорейн; я вспомнил, каким голосом вчера вечером он сказал: «Я предпочел бы остаться в Кархайде...» В голосе его звучала неподдельная нежность. И мне захотелось, уже не в первый раз, узнать, что же такое патриотизм, из чего состоит любовь к родной стране, откуда берется та неколебимая верность, от которой дрожал голос моего друга; и как столь искренняя любовь может стать, и слишком часто становится, безрассудной, злобной, слепой приверженностью. Что заставляет ее до такой степени переродиться?

После обеда я немножко побродил по Сассинотху. Городская суeta, магазины и рынки, очень оживленные, несмотря на довольно сильный снегопад и мороз, — все почему-то напоминало мне декорацию к спектаклю, было совершенно нереальным, удивительным. Я, видимо, все еще находился под влиянием великого одиночества, которое пережил во Льдах. Мне было неуютно среди множества чужих людей, мне явно не хватало Эстравена, не хватало его постоянного присутствия.

Уже сгущались сумерки, когда я, поднявшись по крутой, покрытой утрамбованным снегом улочке, подошел к Торговому колледжу; меня впустили в кабину и показали, как пользоваться радиопередатчиком для частных разговоров. В назначенное время я послал сигнал пробуждения на спутник, находившийся примерно на высоте четырехсот пятидесяти километров где-то над Южным Кархайдом. Это было страховочное реле, и теперь настало время им воспользоваться: ансибля у меня не было, и я не мог ни попросить Оллюль вызвать мой корабль, ни выйти с экипажем на прямой контакт. Да и времени не оставалось. Передатчик работал более чем сносно, но, поскольку спутниковое реле неспособно послать мне подтверждающий сигнал, мне оставалось лишь передать необходимую информацию и ждать. Я не мог даже узнать, получена ли информация экипажем корабля. Не был я уверен и в том, верно ли поступил, отправив свое послание. Но я уже научился принимать неуверенность и страх перед будущим спокойно.

В конце концов метель разыгралась по-настоящему, и мне пришлось заночевать в городе: я плохо знал дорогу, чтобы идти на ферму ночью, в такую метель. У меня еще осталось немножко денег, и я спросил насчет гостиницы, но в колледже мне настойчиво предложили переночевать прямо в студенческом общежитии; я поужинал в шумной компании веселых студентов и переночевал в одной из общих больших спален, заснув с приятным ощущением полной безопасности и той уверенности, которую дает путнику необычайная и неизменная кархайдская добросердечность и гостеприимство. Я тогда правильно выбрал страну — в тот, самый первый раз — и теперь возвращался туда. Проснулся я очень рано и вышел в путь еще до завтрака; ночью мне снились беспокойные сны, и я часто просыпался.

В ясном небе вставало солнце, маленькое и холодное; от каждой, даже самой маленькой, трещинки или складки в снеговом покрове на запад протянулись длинные тени. Путь мой весь был перечеркнут свет-

лыми и темными полосами. Огромное заснеженное пространство передо мной было совершенно неподвижным, только вдалеке на дороге я увидел маленькую фигурку, которая двигалась мне навстречу летящей, скользящей походкой отличного лыжника. Задолго до того, как я смог рассмотреть его лицо, я узнал Эстравена.

— Что случилось, Терем?

— Мне необходимо немедленно добраться до границы, — сильно задыхаясь, сказал он, но даже не остановился. Я тут же развернулся, и оба мы помчались на запад. Я с большим трудом поспевал за ним. Там, где дорога сворачивала и вела в Сассинотх, он сошел с нее и двинулся напрямик через поля, по не- тронутому снегу. Мы миновали замерзшую реку Эй километрах в полутора севернее самого города. Берега у нее были крутыми, так что, поднявшись, мы оба вынуждены были остановиться и передохнуть. Мы еще недостаточно окрепли для подобных скоростных бросков.

— Что случилось? Тессичер?..

— Да. Я слышал его разговор с кем-то. По транзитному передатчику. Вечером. — Грудь Эстравена тяжело поднималась и опускалась, он хватал воздух ртом точно так же, как когда лежал на льду, выбравшись из той голубой трещины. — Тайб, должно быть, готов не мало заплатить за мою голову.

— Проклятый, неблагодарный предатель! — сказал я, заикаясь от гнева, но имея в виду не Тайба, а, разумеется, Тессичера, предавшего старого друга.

— Такой он и есть, — сказал Эстравен. — Просто я слишком на него понадеялся, заставил слишком напрячься его мелкую душонку. Послушай, Дженири. Возвращайся в Сассинотх.

— Я по крайней мере провожу тебя до границы, Терем.

— Там могут быть орготские стражники.

— Я останусь на этой стороне. Ради Бога...

Он улыбнулся. Все еще тяжело дыша, он оттолкнулся палками и помчался вперед. Я за ним.

Мы миновали небольшой промерзший лесок и пошли по холмистой равнине спорной территории. Здесь некуда было спрятаться. Залитое солнцем небо, белоснежный мир и мы — две темные черточки, две тени, два беглеца. Холмы скрывали от нас границу до тех пор, пока мы неожиданно не оказались буквально метрах в двухстах от нее и не увидели прямо перед собой нечто вроде мощной ограды, верхняя часть которой возвышалась сейчас над снегом едва ли больше чем на полметра. Верхушки столбиков были окрашены в красный цвет. На стороне Оргорейна никаких стражников заметно не было. На нашей были видны лыжные следы, а чуть южнее — несколько маленьких фигурок.

— Вон там кархайдская стража, — с горечью выдохнул Эстравен и покачнулся.

Мы бросились назад, спрятавшись за небольшой возвышенностью, которую только что преодолели. Там мы и провели весь тот долгий день — в лощине меж густо растущих деревьев хеммен; их красноватые лапы склонялись низко, отягощенные грузом снега. Мы обсудили множество различных вариантов: куда лучше двигаться — к северу или к югу вдоль границы, чтобы выбраться из этого сверхопасного района, и где лучше спрятаться: в холмистой местности к востоку от Сассинотха или на севере, в пустынных безлюдных районах. Однако каждый из наших планов в чем-то был ущербным, так что приходилось его отвергать. Эстравена предали, выдали Тайбу; теперь известно, что он в Кархайде, так что путешествовать открыто, как прежде, стало невозможно. Не могли мы и затаиться, совершая небольшие переходы: у нас не было ни палатки, ни пищи, ни даже просто сил. Ничего не осталось, кроме отчаянного перехода границы в открытую; все остальные пути были заказаны.

Мы прижались друг к другу в темной впадине под темными деревьями, лежа в снегу и стараясь согреться. Где-то около полудня Эстравен чуточку вздрогнул, но я был слишком голоден и слишком замерз, чтобы уснуть; я лежал рядом с моим другом словно в каком-то забытьи, пытаясь вспомнить те слова из

стихотворения, которое он однажды читал мне: *Двое — в одном, жизнь и смерть, и лежат они вместе...* Было немного похоже на то, как мы лежали, бывало, в палатке на Леднике, только теперь у нас не было ни убежища, ни еды, ни возможности отдохнуть: ничего у нас не осталось, кроме той дружбы, которой тоже скоро должен был прийти конец.

Небо к вечеру затуманилось, мороз усилился. Даже в этой защищенной от ветра лощинке было слишком холодно, особенно если сидеть неподвижно. Мы старались как-то размяться, но с наступлением сумерек меня начало трясти от холода точно так же, как когда-то в грузовике-тюрьме, который вез меня через весь Оргорейн на Ферму. Тьма, казалось, никогда по-настоящему не наступит. Когда голубые сумерки густелись, мы вышли из лощины и, осторожно прячась за стволами, стали подниматься к границе, пока не смогли разглядеть за холмом линию пограничной стены — несколько неясных возвышений цепочкой на бледном снегу. Ни огонька, ни единого движения, ни звука. Вдалеке, на юго-западе, виднелось неяркое желтое сияние — там был какой-то городок или деревня одной из оргорейнских Комменсалий, где Эстравен со своими никуда не годными документами мог бы рас считывать по крайней мере на очаг в местной тюрьме или на ближайшей Добровольческой Ферме. И только тогда — именно в тот миг, в тот последний миг, не раньше, — я понял, что именно мой эгоизм и молчание Эстравена скрыли от меня, понял, куда он на самом деле идет и во что намерен ввязаться. И я сказал лишь:

— Терем... подожди...

Но его уже не было рядом, он мчался вниз по склону холма — замечательный лыжник! — и на этот раз не оглядывался, чтобы проверить, не отстал ли я. Извилистый уверенный след от его лыж пересекал лежащие на белоснежной поверхности черные тени. Он убегал от меня — прямо под пули пограничной охраны. Мне показалось, они что-то кричали ему, о чем-то предупреждали, приказывали остановиться, где-то

вспыхнул прожектор, но теперь я уже ни в чем не был уверен; так или иначе, но он не остановился, он стремительно мчался прямо к пограничной стене, и они убили его прежде, чем он успел до нее добежать. У них были не акустические ружья, а огнестрельные — ста-ринные винтовки, стреляющие разрывными пулями. Они стреляли, чтобы убить. Он уже умирал, когда я подбежал к нему, неловко рухнув на снег, вывернув ноги в лыжных креплениях; лыжи как-то неловко тор-чали вверх. У него была разворочена половина груди. Я бережно поднял его голову ладонями, заговорил с ним, но он мне так ни слова и не сказал, только, как бы отвечая на всю мою отчаянно устремившуюся к нему любовь, прокричал мысленно, преодолевая болезненно ломающийся мозг и предсмертную душевную муку, только раз, но очень отчетливо: *Арек!* И все. Я сидел скрючившись в снегу и держал его голову, пока он не умер. Они позволили мне это. Потом за-ставили меня подняться и повели; его несли следом; мы все шли в одном направлении, только дороги у нас с ним теперь были разные: меня вели в тюрьму, а он уходил во Тьму.

НЕВЫПОЛНИМОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Как-то в своем дневнике, который он вел во время нашего перехода через Великие Льды, Эстравен выразил удивление, почему я стыжусь слез. Я мог бы даже тогда ответить ему, что плакать не стыдно, а страшно. Теперь я прошел через все — долину Синотх, тот вечер, когда он умер, — и оказался в ледяной стране, что лежит за пределами страха. И обнаружил, что можно плакать и рыдать сколько угодно, но это уже ничему не поможет.

Меня отвели обратно в Сассинотх и заключили в тюрьму: во-первых, потому что я общался с изгоям; во-вторых, они, возможно, просто не знали, что со мной теперь делать. С самого начала, еще до того, как из Эренранга были получены относительно моей персоны официальные указания, со мной обращались хорошо. Моя кархайдская «темница» представляла собой нормально меблированную комнату в башне того дома, где жил сам губернатор Сассинотха; у меня были камин и радиоприемник; меня пять раз в день вполне сытно кормили. Комфорта, правда, не было никакого. Постель жесткая, одеяла тонкие, пол голый, в комнате собачий холод — впрочем, как и в любом жилище Кархайда. Зато ко мне прислали врача, чей голос и прикосновения рук вселили в мою душу значительно

больше надежды и столь необходимой мне уверенности, чем я когда-либо испытывал в Оргорейне. Помоему, после его прихода дверь в мою комнату так и осталась незапертой. Я помню, что она все время приоткрывалась и мне даже хотелось, чтобы ее покрепче заперли — из-за леденящего сквозняка, проникавшего сюда из вестибюля. Но у меня не хватало ни сил, ни мужества выбраться из теплой постели и как следует захлопнуть дверь собственной тюрьмы.

Врач, молодой мрачноватый парень, обращавшийся со мной с материнской заботливостью, сказал добродушно и уверенно:

— Вы недоедали и испытывали чрезмерную физическую нагрузку по крайней мере месяцев пять-шесть. Вы израсходовали себя. Больше сил у вас не осталось. Лежите и отдыхайте. Лежите спокойно, спите, как спят подо льдом реки в зимних долинах. И ни о чем не беспокойтесь: ждите.

Но стоило мне заснуть, как я снова и снова оказывался в том грузовике, и наши обнаженные тела сплетались в единый дрожащий вонючий комок, и мы все теснее жались друг к дружке в поисках тепла. Все, кроме одного. Он один лежал в стороне, на холодном ледяном полу, захлебываясь собственной кровью. Он ушел в одиночку, бросив нас, бросив меня. Я просыпался, полный ярости, бессильной, бросающей в дрожь ярости, которая оборачивается бессильными слезами.

По всей видимости, я был серьезно болен — помню ощущение сильного жара, помню, как врач целую ночь просидел возле меня, а может, и не одну. Не могу вспомнить, сколько ночей провел он у моего изголовья, но помню, как говорил ему, слыша в собственном голосе истерические нотки:

— Он ведь мог остановиться. Он видел людей с ружьями. Но бежал прямо на них, на пули...

Некоторое время молодой врач молчал. Потом спросил:

— Неужели вы считаете, что он совершил самоубийство?

— Может быть...

— Страшно говорить такие вещи о своем друге. Да я и не поверю, что Харт рем ир Эстравен мог сделать такое.

Я как-то не подумал об особом отношении гетенианцев к самоубийству — позорному поступку, с их точки зрения. Такое право выбора люди имеют у нас; но не у них. Для них это, наоборот, отказ от выбора, предательство по отношению к самому себе. Для кархайдца, прочитавшего, например, наше Писание, преступление Иуды не в его предательстве Христа, а в том, что он был заклеймен собственным отчаянием и, отрицая возможность получить прощение, возможность каких-либо перемен, возможность самой жизни, совершил самоубийство.

— Значит, вы не называете его Эстравен-Предатель?

— Никогда этого не делал. Многие не верили обвинениям, выдвинутым против него, господин Аи.

Но я не в состоянии был даже в этом найти хоть какое-то утешение и лишь выкрикнул с болью:

— Но тогда почему они застрелили его? Зачем?

На это он не ответил мне ничего, да и не было на это ответа.

По-настоящему меня ни разу не допросили. Меня просто спрашивали, как я бежал с Фермы Пулефен, как потом попал в Кархайд, а еще — куда и зачем я послал свою радиограмму. Я сказал им все. Информация была немедленно передана прямо в Эренранг, королю. Сведения о корабле, очевидно, решено было держать в тайне, однако новость о моем спасении из орготской тюрьмы, о моем путешествии через Ледник Гобрин среди зимы, мое появление в Сассинотхе свободно комментировались в радиопередачах. Роль Эстравена в этих передачах не упоминалась. Как и его смерть. И все же об этом стало известно всем. Соблюдение секретности в Кархайде в очень большой степени зависит от благородства каждого, от некоего согласованного и осознанного всеобщего молчания. Они, так сказать, избегают задавать вопросы, но готовы слушать ответы. В сводках новостей сообщалось только

о Посланнике, господине Аи, но каждому было известно, что именно Харт рем ир Эстравен выкрад меня с Фермы в Оргорейне и прошел со мной вместе через Великие Льды до кархайдской границы, оставив Комменсалам Оргорейна на память волниющую ложь о моей внезапной смерти от лихорадки хорм прошлой осенью в Мишнори... Эстравен довольно точно предсказал реакцию на мое возвращение; он ошибся лишь в том, что, пожалуй, немного недооценил своих соотечественников. Из-за одного-единственного инопланетянина, больного, безучастного и слабого, который безвыходно лежал в своей комнате в Сассинотхе, за десять дней пали целых два правительства.

Разумеется, падение правительства Оргорейна означало лишь то, что одна группировка Комменсалов сменила другую на основных постах в правительстве Тридцати Трех. Чьи-то тени стали короче, чьи-то, на-против, длиннее — так говоривали в Кархайде. Сарф, который сослал меня на Ферму Пулефен, держался крепко, несмотря на то что уже не впервые был пойман на лжи, приводившей к общественному скандалу, до тех пор, пока Аргавен публично не заявил, что планете в самом ближайшем будущем грозит прибытие Звездного Корабля, который приземлится в Кархайде. В тот же день партия Обсла — Партия Открытой Торговли — захватила большинство мест в правительстве. Так что в конце концов я им на что-то сгодился.

В Кархайде смена правительства наиболее часто означает лишение королевской милости и отставку премьер-министра в сочетании с перестановками в составе киорремии; хотя также возможны — и довольно часто случаются — убийства, отречение короля от престола и открытый мятеж. Мой теперешний авторитет в международной «игре шифгреторов» плюс реабилитация (до известной степени) Эстравена, который был моим сообщником и другом, давали мне такой существенный перевес, что Тайб подал в отставку, как я узнал позднее, еще до того, как правительство в Эренранге узнало, что я вышел на связь с кораблем. Тайб

действовал в соответствии с полученной от своего агента Тессичера информацией и, едва узнав о том, что Эстравен погиб, сразу подал в отставку. Он и проиграл, и отомстил — все сразу.

Аргавен, будучи осведомленным обо всем, немедленно послал мне вызов, точнее, приглашение как можно скорее приехать в Эренранг; вместе с этим приглашением я получил весьма великодушное предложение не стеснять себя в средствах. Город Сассинотх, проявив не меньшее великодушие, отправил в качестве моего сопровождающего молодого врача, поскольку я еще далеко не поправился. Ехали мы в автосанях. Я помню только отдельные эпизоды этого путешествия; ехали мы плавно, неспешно, с длительными остановками, поджидая, пока снегоуплотнители сделают свое дело, и ночуя в гостиницах. Все путешествие заняло от силы два-три дня, но показалось мне чрезмерно длинным; я не особенно хорошо его помню, отчетливо помню только, как мы въехали в Эренранг через Северные ворота и сразу оказались на его глубоких улицах, полных снега и теней.

Я почувствовал, как сердце мое сразу ожесточилось, а мозг, напротив, заработал удивительно четко. До этого момента я был как бы в разобранном состоянии, я разваливался на куски, мне трудно было даже просто сосредоточиться. Но теперь, несмотря на усталость, вызванную этим, в общем-то, очень легким путешествием, я почувствовал, как во мне пробудилась некая неистребимая сила. Сила привычки скорее всего, потому что этот город я действительно хорошо знал, здесь я жил и работал почти два года. Мне были знакомы эти улицы, башни, мрачные дворы и фасады дворцовых зданий. Я точно знал, что должен сделать, прибыв сюда. Тем не менее впервые мне стало совершенно ясно: раз мой друг умер, я должен довести до конца то дело, ради которого он умер. Я должен построить ворота и возложить замковый камень.

У дворцовых ворот меня поджидал приказ короля: следовать в одно из зданий, специально предназначенные для гостей и находящихся во Внутреннем

Дворце. Это была Круглая Башня, что означало высшую степень королевского расположения, милости и уважения к моему шифгретору. Причем, скорее не столько даже расположение, сколько признание королем моего и без того уже высокого статуса. Здесь обычно селили послов дружественных держав. Что ж, добрый знак. Чтобы попасть в Круглую Башню, однако, нам пришлось миновать Угловой Красный Дом, и я посмотрел на узкие ворота с аркой, на обнаженное дерево, склонившееся над серым ото льда прудом, на сам дом, который так и стоял пустой.

В дверях Круглой Башни меня встретил человек в белом хайэбе, алой рубахе и с серебряной цепью на груди: то был Фейкс, Ткач из Цитадели Оттерхорд. Увидев его доброе, красивое лицо — первое знакомое мне лицо за много-много дней, — я вдруг почувствовал облегчение, жестокая решимость моя несколько смягчилась. Когда Фейкс взял обе моих руки в свои — а в Кархайде нечасто употребляют это приветствие — и поздоровался со мной как с самым близким другом, я тоже испытал прилив дружеских чувств.

Оказалось, что еще ранней осенью он был послан в киорремию Кархайда как представитель округа Южный Рир. Избрание членов Королевского Совета из числа Обитателей Цитаделей Ханддара — дело не такое уж необычное, хотя для Ткача не совсем обычно принять должность государственного чиновника, и, я полагаю, Фейкс отказался бы от нее, если бы был искренне обеспокоен деятельностью Тайба и тем, куда это может завести страну. А потому он снял свою золотую цепь Ткача и надел серебряную — цепь советника и члена киорремии. Ему не потребовалось много времени, чтобы занять подобающее положение в правительстве: уже в месяце Терн он был избран членом Хес-киорремии, или Внутреннего Совета, который как бы уравновешивал деятельность премьер-министра. Назначил его на этот высокий пост сам король. По всей видимости, он был теперь на пути к тому высокому посту, который менее года назад занимал в Кархайде Эстравен. Политические взлеты

и падения в этом государстве внезапны и стремительны.

В Круглой Башне, холодном, помпезном и не слишком просторном доме, мы с Фейксом смогли поговорить наедине, прежде чем пришлось встретиться с другими людьми или делать какие-то официальные заявления. Он спросил, глядя на меня своими ясными глазами:

— Значит, сюда летит Звездный Корабль и будет садиться здесь, и этот корабль значительно больше, чем тот, на котором ты приземлился на острове Хорден три года назад? Верно?

— Да. Это так. Я связался с ними, и они должны были подготовиться к посадке.

— Когда прилетит корабль?

Только тут я понял, что не знаю даже, какой сегодня день, а значит, я действительно был очень и очень болен. Пришлось начать отсчет со дня гибели Эстравена, и стало ясно, что корабль, если в момент выхода на связь со мной он находился на минимальном расстоянии от Гетен, теперь должен был уже находиться на орбите планеты, ожидая от меня дополнительных директив. Мне стало не по себе.

— Я должен немедленно связаться с кораблем. Им понадобятся подробные инструкции. Где, по мнению короля, им лучше всего приземлиться? Нужно безлюдное и довольно обширное пространство. Мне необходимо немедленно пройти к передатчику...

Все было тут же устроено с небывалой легкостью. Бесконечный туман моих прежних сложных отношений с правительством Эренранга, сопровождавшийся постоянными крушениями моих надежд, растаял, как упавшая в бурную реку глыба льда. Колесо фортуны все-таки повернулось... На следующий день король уже назначил мне аудиенцию.

Шесть месяцев потребовалось Эстравену, чтобы только подготовить мою первую аудиенцию. И вся его оставшаяся жизнь — чтобы подготовить эту, вторую.

На этот раз я был слишком утомлен, чтобы испытывать тревогу или волнение, и в голову приходили

такие мысли, которые оказались сильнее осторожности и застенчивости. Я прошел через длинный красный зал под пыльными знаменами и остановился перед троном, с трех сторон которого в трех больших креслах, потрескивая, жарко горел огонь, искры улетали в трубу. Король, нахохлившись, сидел на резном стуле перед центральным камином у стола.

— Садитесь, господин Аи.

Я уселся напротив него, по другую сторону от камина, и в свете пламени увидел его лицо. Он выглядел нездоровым и старым. Он выглядел как женщина, потерявшая ребенка; как мужчина, навсегда утративший сына.

— Итак, господин Аи, ваш корабль намерен приземлиться?

— Он приземлится в Атен Фен, как вы предложили, Ваше Величество. Посадка должна состояться сегодня вечером, в начале Часа Третьего.

— А что, если они промахнутся? Не сожгут ли они все вокруг?

— Они будут точно следовать указаниям радиомаяка; он уже настроен. Они не промахнутся.

— А сколько их там — одиннадцать? Это правда?

— Да. Не так много, чтобы стоило опасаться, государь.

Руки Аргавена дернулись, но так и остались на месте.

— Я больше не опасаюсь вас, господин Аи.

— Я рад.

— Вы верно служили мне.

— Но я вам не слуга.

— Я знаю, — равнодушно откликнулся он, неотрывно глядя в огонь и посасывая губу.

— Мой передатчик-ансибль, по всей вероятности, находится в руках Сарфа в Мишнори. Однако на борту корабля есть другой ансибль. Впредь, если Ваше Величество не возражает, я буду именоваться Полномочным Послом Экумены на планете Гетен и обрету соответствующие права для обсуждения и подписания договора о сотрудничестве между Экуменой и Кархайдом. Мой статус и условия договора можно подтвердить

дить, связавшись со Стабилями планеты Хайн с помощью ансибля.

— Прекрасно.

Больше я ничего не стал говорить: он как-то не очень внимательно меня слушал. Молчал и ворошил поленья в камине носком башмака, потом пнул дрова так, что целый сноп красных искр взметнулся вверх.

— Какого черта он меня обманывал? — вдруг нервно спросил он высоким, визгливым голосом и впервые посмотрел мне прямо в глаза.

— Кто? — спросил я и тоже посмотрел прямо на него.

— Эстравен.

— Он заботился о том, чтобы вы сами не впали в заблуждение, Ваше Величество. Он убрал меня с ваших глаз долой, когда вы начали оказывать явное предпочтение моим врагам. И он же вернул меня обратно, когда уже само по себе мое возвращение могло убедить вас принять Посла Экумены и поверить в ее дружественные намерения.

— Почему он никогда даже словом не обмолвился о большом корабле?

— Потому что он о нем не знал: я никогда о нем никому не рассказывал, пока не попал в Оргорейн.

— Ну и замечательную компанию вы оба там подобрали себе для болтовни! Он ведь пытался сделать так, чтобы именно Оргорейн первым принял послов Экумены. Он постоянно был связан с Партией Открытой Торговли. И вы еще будете мне доказывать, что он не предатель?

— Да, он не предатель. Он просто понимал, что, какое бы государство планеты первым ни вступило в союз с Экуменой, следующие вскоре пойдут по тому же пути; так это и произойдет: вашему примеру последуют Ситх, и Перунтер, и Архипелаг — еще до того, как Кархайд найдет с ними общий язык. Эстравен горячо любил свою родину, Ваше Величество, но он не ей служил и не вам. Он служил тому господину, которому служу и я.

— Экумене? — изумленно спросил Аргавен.

— Нет. Человечеству.

Говоря так, я не был до конца уверен в правоте своих слов, но по крайней мере отчасти это была правда. Было бы не менее правдиво заявить, например, что Эстравен действовал из чисто личных побуждений, из-за преданности, из-за ответственности за жизнь своего друга — одного-единственного человека. Из-за меня. Впрочем, и это тоже была бы не вся правда.

Король мне так и не ответил. Его мрачное, обрюзгшее лицо, окруженное длинными встрепанными волосами, снова было обращено к огню.

— Почему вы связались со своим кораблем прежде, чем сообщили мне о возвращении в Кархайд?

— Чтобы подтолкнуть вас, Ваше Величество. Письмо к вам легко мог перехватить лорд Тайб, который тут же выдал бы меня властям Орготы. Или по его распоряжению меня пристрелили бы. Как моего друга.

Король промолчал.

— Собственная моя жизнь всех этих усилий и жертв, разумеется, не стоила, однако существовала необходимость, которая существует и сейчас, выполнить свой долг по отношению к Гетен и Экумене, решить заданную мне задачу. Я послал сигнал на корабль до того, как оповестил вас, потому что мне необходимо было получить поддержку, обеспечить себе возможность выполнить поставленную задачу. Таков был совет Эстравена; он оказался прав.

— Да, что ж, пожалуй, он не ошибся... В любом случае корабль приземляется в Кархайде; мы будем первыми... А они все такие, как вы, да? Все перверты, все вечно в кеммере? М-да... Забавная компания борется за честь быть принятой... Объясните лорду Горчерну, моему камергеру, как следует их принимать. Позаботьтесь, чтобы не возникало никаких обид или оплошностей. Они разместятся во Дворце, там, где вы сочтете наиболее удобным. Я хочу оказать вам честь. Вы отлично помогли мне повернуть колесо фортуны, господин Аи. Сделали из Комменсалов лжецов, а потом — дураков.

— А в скором времени — ваших союзников, государь.

— Знаю! — взвизгнул он. — Но первым будет Кархайд... Кархайд будет первым!

Я кивнул.

Помолчав немного, он спросил:

— А как было там, когда вы шли через Великие Льды?

— Нелегко.

— С Эстравеном, должно быть, очень хорошо тянуть одни сани, особенно если пускаешься в такое безумное путешествие. Он был тверд, как железо. И никогда не выходил из себя. Мне жаль, что он умер.

Ответа у меня не нашлось.

— Я приму ваших... соотечественников завтра днем, в Часу Втором. Вы хотите еще что-нибудь мне сказать?

— Ваше Величество, не могли бы вы отменить указ об изгнании Эстравена, чтобы смыть позор с его имени?

— Пока еще нет, господин Аи. Не торопите события. Еще что?

— Больше ничего.

— Тогда ступайте.

Даже я предал его. Я ведь сказал ему тогда, что не стану сажать корабль, пока его ссылке не будет положен конец, пока не смоют позор с его имени. Но я не мог пожертвовать тем, ради чего он умер, настаивая на отмене указа. Это все равно не вернуло бы его из той ссылки, в которой он был теперь.

Остаток дня мы с лордом Горчерном и еще одним придворным провели в подготовке к приему и размещению команды корабля. В Часу Втором мы выехали на автосанях в Атен Фен — это примерно в сорока километрах от Эренранга. Сажать корабль решили здесь, в пустынном краю, на торфяных болотах. Для земледелия и нормальной жизни здесь было слишком влажно, зато посредине месяца Иррем, первого месяца весны, болота представляли собой ровную твердую площадь, покрытую толстенным слоем снега. Радиомаяк работал весь день без перерыва, и были получены подтверждающие сигналы с корабля.

Снижаясь, мои друзья на своих экранах могли видеть терминатор, границу между освещенной и неосвещенной частями планеты, проходящую как раз посередине Великого Континента — вдоль границы от залива Гутен к заливу Чарисун; и вершины массива Каргав, все еще залитые солнцем, и цепочку звезд, потому что уже сгостились сумерки, когда мы, глядя вверх, увидели, что одна из звезд плавно снижается.

Ракета приземлилась с торжествующим шумом, пар с ревом вырвался из-под ее стабилизатора, когда она села, создав огромное озеро из замерзшей воды и грязи; под болотами пролегал слой вечной мерзлоты, так что основа была прочной, как гранит, и ракета в конце концов обрела равновесие и затихла, остывая среди вновь замерзающего болота, словно огромная изящная рыба, стоящая на собственном хвосте и отливающая темным серебром в сумерках планеты Зима.

Рядом со мной Фейкс из Отерхорда произнес первые слова с тех пор, как корабль в шуме и великолепии своем начал посадку.

— Я рад, что дожил — и увидел это, — сказал он.

Так сказал тогда и Эстравен, глядя на Ледник, на Смерть; так сказал бы он и сейчас, в этот вечер. Чтобы отвлечься от горестных мыслей, приводящих меня в отчаяние, я пошел по снегу прямо к кораблю. Он уже покрылся морозным инеем, так как внутри заработали кондиционеры. Я не успел дойти: высоко над землей распахнулась дверца, выдвинулась лестница, изящной дугой опустившись на лед. Первой из корабля вышла Ланг Гео Гью, разумеется, совсем не изменившаяся, точно такая же, какой я видел ее в последний раз — три года этой моей жизни назад и всего-то пару недель ее собственной жизни. Она посмотрела на меня, на Фейкса, на остальных сопровождавших меня людей и остановилась на нижней ступеньке лестницы.

Потом торжественно сказала по-кархайдски:

— Я пришла как друг.

Для нее поначалу все мы казались одинаково чужими. Я позволил Фейксу первым поздороваться с ней.

Он указал на меня, и она подошла, пожала мою правую руку, как это принято у моих соотечественников, и заглянула мне в лицо.

— Ох, Дженили, — сказала она. — Я тебя и не узнала!

Странно было после столь долгого перерыва слышать женский голос. Все остальные члены экипажа тоже вышли из корабля — согласно моему совету: любое, даже малейшее недоверие унизило бы кархайдцев, ущемило бы их шифгретор. Так что все вышли наружу и весьма мило приветствовали сопровождавших меня людей. Но почему-то все они казались мне странными — все эти *мужчины и женщины*, — несмотря на то что я хорошо их знал. И голоса их звучали странно: одни слишком низкие, другие слишком высокие... Они казались похожими на стадо крупных загадочных животных двух различных типов; на больших обезьян с умными глазами; и все они одновременно были в кеммере... Они пожимали мне руку, касались меня, обнимали...

Мне наконец удалось совладать с собой и быстро сообщить Гео Гью и Тульеру то, что им было абсолютно необходимо узнать немедленно относительно сложившейся ситуации. На это хватило нашего обратного пути в Эренранг. Однако, когда мы добрались до Дворца, мне пришлось оставить их и немедленно отправиться к себе.

Вошел врач из Сассинотха. Его спокойный голос, его лицо — молодое, серьезное лицо не мужчины и не женщины, а просто *человека!* — принесли мне облегчение; его лицо было мне знакомо, оно было таким, как надо... Однако, заставив меня немедленно лечь в постель и сделав мне инъекцию слабенького транквилизатора, он заявил:

— Я уже видел ваших приятелей, Послаников. Замечательное и удивительное событие: со звезд прилетают люди! И мне самому довелось быть этому свидетелем!

И в голосе его звучало то удовлетворение, то мужество, которые особенно свойственны кархайдцам и вызывают мое наибольшее восхищение. Я хоть и не мог разделить с ним его восторга, но отрицать, что все это действительно замечательно, было бы полным враньем, и я сказал хоть и не искренне, зато абсолютную правду:

— Да, это действительно замечательно! И для них тоже — прилететь в новый мир, к новому человечеству!

В конце весны, в последние дни месяца Тува, когда кончалось снеготаяние и автодороги снова становились доступными, я взял в своем маленьком посольстве в Эренранге отпуск и отправился на восток. Люди мои теперь были разосланы по всей планете. Поскольку нам было официально разрешено пользоваться своим воздушным транспортом (аэромобилями), то Гео Гью и еще трое взяли один из аэромобилей и улетели далеко — в Ситх и на Архипелаг, государства на островах, которые я как-то совсем упустил из виду. Остальные были в Оргорейне, а еще двое, правда с неохотой, отправились в Перунтер, где весенние паводки не начинаются раньше месяца Тува, а зимние морозы прекращаются как минимум на неделю позже, чем везде. Тульер и Кеста прекрасно справлялись с делами в Эренранге. Неожиданностей ничто не предвещало, а особо срочных дел и не было. В конце концов, даже если бы и случилось что-то, то пришлось бы справляться своими силами: корабль с ближайшей из новых соседок-союзниц Гетен смог бы добраться до нее самое быстрое за семнадцать лет межгалактического времени. Это действительно был маргинальный мир, мир на самом краю Вселенной. За ним по направлению к южной части созвездия Орион не было обнаружено ни единой галактики, где жили бы люди. И долг путь с планеты Зима до планет Экумены, колыбели человеческой расы: пятьдесят лет до Хайна и целая человеческая жизнь до моей родной Земли. Спешить некуда.

Через Каргав я перебрался на этот раз по нижним перевалам, по одной из дорог, которая серпантином вилась вверх от побережья Южного моря. Я заехал в ту самую первую деревню на этой планете, куда рыбаки привели меня, когда я приземлился на Острове Хорден три года назад; обитатели Очага принимали меня сейчас точно так же, как и тогда: не выказывая ни малейшего удивления. Я провел неделю в большом портовом городе Татере в устье реки Энч, а потом в первые дни лета пешком двинулся в княжество Керм.

Я шел на юго-восток, в глубь суровой скалистой местности, где крутые утесы перемежались зелеными холмами, где текли полноводные реки и дома стояли уединенно, вдали друг от друга, и наконец добрался до Ледяного озера. Если смотреть с его берега на юг, то в холмах виден странный свет, который я узнал сразу: белая мерцающая вуаль в небесах, отблеск далекого Ледника. Там далеко были Великие Льды.

Эстре — старинное поселение. И сам Очаг, и находящиеся вне его стен постройки — все было из серого гранита, вырубленного прямо в той горе, к склону которой он прилепился. Место было мрачное, открытое всем ветрам. Вой ветра, казалось, не умолкал ни на минуту.

Я постучал, и дверь отворилась. Я сказал:

— Я прошу покровительства вашего Очага. Я был другом Терема из Эстре.

Человек, открывший мне дверь, стройный мрачноватый юноша лет девятнадцати-двадцати, молча выслушал меня и молча провел внутрь дома. Сначала — в умывальную комнату, в туалет, потом — на огромную кухню; наконец, увидев, что чужестранец умыт, одет и накормлен, он с облегчением предоставил меня самому себе, проводив в спальню, окна которой смотрели на серое озеро и бесконечные серые леса деревьев тор, простиравшиеся между Эстре и Стоком. Мрачная это была земля и мрачный дом. Огонь ревел в большом камине, как всегда давая больше тепла для глаз и для души, чем для тела, а кроме того, каменные пол и стены, пронзительный ветер, что дул с гор, с

Ледника, и сами Вечные Льды высасывали большую часть того незначительного тепла, что давали горящие в очаге поленья. Но я уже не так страдал от холода и больше уже не дрожал, как прежде, в первые свои два года на планете Зима; я уже достаточно много пережил в этих холодных краях.

Примерно через час тот же юноша (во внешности и движениях у него была девичья грация, однако ни одна девушка не смогла бы так долго хранить столь мрачное молчание) явился и сообщил мне, что князь Эстре готов принять меня, если мне угодно. Я пошел за ним вниз по лестнице, по длинным коридорам, где вовсю шла какая-то детская игра вроде пряток. Вспугнутые нашим появлением дети столпились вокруг, малышня повизгивала от возбуждения, подростки скользили следом, словно тени, от одной двери к следующей, правда зажав руками рты, чтобы не прыснуть со смеху. Один маленький толстячок лет пяти-шести споткнулся о мои ноги и схватил моего сопровождающего за руку, ища защиты.

— Сорве! — пропищал он, не сводя с меня расширенных от изумления глаз. — Сорве, я хочу спрятаться в пивоварне!..

И исчез, словно камешек, пущенный из пращи. Юноша по имени Сорве, нисколько не изменив выражения лица, снова повел меня дальше, и наконец мы оказались во Внутреннем Очаге у лорда Эстре.

Эсванс Харт рем ир Эстравен был уже старым человеком, за семьдесят, со скрюченной артритом поясницей. Он сидел очень прямо на вращающемся кресле возле огня. У него было широкое лицо с резкими чертами, как бы сглаженными долгой жизнью, словно обкатанный бурным потоком камень. Спокойное лицо, *страшно спокойное*.

— Вы тот самый Посланник, Дженли Аи?

— Да. Это я.

Он смотрел на меня, я на него. Терем был его родным сыном, сыном этого старого человека. Терем — младший. Арек — старший. Арек был братом Эстравена, это его голос слышал он, когда мы с ним разгово-

варивали мысленно; теперь оба брата были мертвы. Я искал и не мог найти ничего похожего на лицо моего друга в изношенном, спокойном, суровом, старом лице, поднятом мне навстречу. Ничего, кроме уверенности — неоспоримой, неумолимой — в том, что Терем умер.

Я зря надеялся обрести утешение в Эстре. Здесь утешения быть не могло; да и что могут изменить странствия по местам детства и юности моего покойного друга, как могу я заполнить пустоту в своей душе, обрести утешение или умерить сожаления? Теперь уже ничего изменить нельзя. Мой приезд в Эстре имел, однако, и вполне конкретную цель, и это дело я решил довести до конца.

— Мы с вашим сыном прожили вместе несколько долгих месяцев. Я был с ним рядом, когда он умер. Я принес вам его дневники. И если я мог бы что-то рассказать вам об этих днях..

Лицо старика по-прежнему ничего не выражало. Это спокойствие трудно было нарушить. Но тут неожиданно юноша вышел из затемненного угла на освещенное пространство между окном и камином; неяркие отблески пламени плясали на его лице; он хрипело проговорил:

— В Эренранге его все еще называют Эстравен-Предатель.

Старый князь посмотрел сперва на юношу, потом на меня.

— Это Сорве Харт, — сказал он, — наследник Эстре, сын моего сына.

У них не существует запрета на инцест, я достаточно хорошо это знал, но все же мне, землянину, трудно было воспринять это сердцем и странно было видеть отсвет души моего друга на лице мрачного, с яростно блестящими глазами мальчика. На какое-то время я лишился способности говорить. А когда наконец снова заговорил, голос мой слегка дрожал:

— Король намерен публично отказаться от своего приговора. Предателем Терем не был. Разве имеет значение, как его называют всякие глупцы?

Князь медленно и спокойно кивнул.

— Имеет, — сказал он.

— Вы прошли через Ледник Гобрин вместе с ним? — спросил Сорве. — Вы и он? Вдвоем?

— Да, прошли.

— Мне бы хотелось послушать историю об этом переходе, господин Посланник, — сказал старый Эсванс очень спокойно.

Но мальчик, сын Терема, с трудом, заикаясь, проговорил, перебивая старика:

— Вы ведь расскажете нам, как он умер?.. Расскажете о других мирах, что существуют среди звезд... и о других людях, о другой жизни?

ГЕТЕНИАНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ И ОТСЧЕТ ВРЕМЕНИ

Г

ОД. Период обращения вокруг солнца составляет для планеты Гетен 8401 земной стандартный час, или 0,96 земного стандартного года. Период обращения вокруг собственной оси — 23,08 земного часа: гетенианский год состоит из 364 дней.

В Кархайде и Оргорейне годы не нумеруются последовательно от определенной точки отсчета; каждый раз такой точкой отсчета является текущий год. В первый день нового года, Гетени Терн, окончившийся год превращается в «год прошлый», и к каждому прошедшему дню прибавляется единица. Последующие годы отсчитываются точно так же, следующий год называется «годом грядущим», пока в свою очередь не превращается в Год Первый.

Неудобство подобной системы при составлении хронологических записей устраняется различными способами, например, соотнесением с хорошо известными событиями, с периодами правления королей, князей и тому подобными фактами. Последователи культа Йомеш отсчитывают время 144-годичными циклами от Рождества Меше (2022 года назад, в 1492 экуменическом году) и каждые двенадцать лет устраивают

ритуальный праздник; но это исключительно культовая система летосчисления и официально не используется даже правительством Оргорейна.

МЕСЯЦ. Период обращения гетенианской луны вокруг планеты составляет 26 гетенианских дней; луна всегда обращена к планете одной и той же стороной. В году четырнадцать месяцев, и, поскольку солнечный и лунный календари практически совпадают, поправку необходимо вносить лишь раз в двести лет; дни месяцев остаются одними и теми же, как и дни, совпадающие с фазами луны. Кархайдские названия месяцев:

Зима:

1. Терн
2. Танерн
3. Ниммер
4. Аннер

Весна:

5. Иррем
6. Мот
7. Тува

Лето:

8. Осме
9. Окре
10. Кус
11. Хакана

Осень:

12. Гор
13. Сузми
14. Гренде

26-дневный месяц делится на две равные половины, по тринадцать дней в каждой (полумесяц).

ДЕНЬ. День (23,08 стандартного земного часа) делится на десять Часов (см. ниже); будучи постоянной

величиной, дни месяца обычно называются именами собственными, как наши дни недели, а не обозначаются числом. Многие из названий дней соотносятся с фазами луны, например Гетени — «тьма», Архад — «первая четверть луны» (новолуние) и т. д. Префикс «од-», используемый в названиях второй половины месяца, имеет реверсивный характер, придающий отрицательное значение. Так, например, слово Одгетени можно перевести как «нетьма». Вот кархайдские названия дней месяца:

1. Гетени
2. Сордни
3. Эпс
4. Архад
5. Нетерхад
6. Стрет
7. Берни
8. Орни
9. Хархад
10. Гырни
11. Йирни
12. Постхе
13. Торменбод
14. Одгетени
15. Одсордни
16. Одепс
17. Одархад
18. Оннетерхад
19. Одстрет
20. Обберни
21. Одорни
22. Одархад
23. Одгырни
24. Одйирни
25. Оппостхе
26. Отторменбод

ЧАС. Десятичная система счисления времени, используемая во всех культурах планеты Гетен, может

быть следующим образом (хотя и весьма приблизительно) интерпретирована с помощью земных полу-суток, состоящих из двенадцати часов (примечание: это лишь приблизительное руководство для ориентации в гетенианском времени с точки зрения суток в применении к гетенианскому Часу, так что сложности, вызванные тем, что в гетенианских сутках всего 23,08 земного часа, можно считать несущественными):

Час Первый	с полудня до 14.30
Час Второй	с 14.30 до 17.00
Час Третий	с 17.00 до 19.00
Час Четвертый	с 19.00 до 21.30
Час Пятый	с 21.30 до полуночи
Час Шестой	с полуночи до 2.30
Час Седьмой	с 2.30 до 5.00
Час Восьмой	с 5.00 до 7.00
Час Девятый	с 7.00 до 9.30
Час Десятый	с 9.30 до полудня.

**КОРОЛЬ
ПЛАНЕТЫ ЗИМА**

Когда на поверхности Реки Времени возникают водовороты, затягивая историю, словно зацепившуюся за топляк, в воронку — а именно это и происходило при весьма странных обстоятельствах смены правителей в государстве Кархайд, — тогда весьма полезными для исследователя оказываются порой любительские фотографии, сделанные наудачу; их можно собрать, разложить, подобно пасьянсу, и сравнивать родителя с ребенком, молодого короля со старым... Их можно также перетасовать, перемешать, разложить по-новому, пока Река Времени не войдет в прежнее русло, ибо, несмотря на влияние, оказанное межпланетными экспедициями на историю Кархайда, и совершенные самими кархайдцами немногочисленные путешествия в иные миры, Время (по справедливому утверждению Полномочного Посла на планете Гетен, господина Акста) не может повернуть вспять; это невозможно, как невозможно смеяться над смертью.

Поэтому — хотя наиболее широко известен тот фотография короля Аргавена, где он в темном траурном костюме склонился над телом упокоившегося старого короля, освещаемый лишь отблесками пожаров, которыми объят город, — давайте на время отложим эту

фотографию. И посмотрим прежде на снимок молодого двадцатилетнего Аргавена — гордости Кархайда, личности настолько яркой и удачливой, какие вряд ли рождались когда-либо на этой планете. Но отчего юный король бессильно прислонился спиной к стене? Почему он весь в грязи, дрожит, а глаза его безумно блуждают, словно он навсегда утратил то — пусть минимальное — доверие к миру, которое принято считать здравомыслием? В душе своей он повторял тогда вот уже много часов — или лет? — подряд: «Я отрекусь. Отрекусь. Отрекусь». Без конца мучило его одно и то же видение — дворцовый зал с красными стенами, башни и улицы Эренранга, потом падающие хлопья снега, прекрасные долины близ Западного Перевала, белые вершины Каргава... Неужели от этого он хотел отречься, неужели хотел отказаться от своего королевства? «Я отрекусь», — негромко произнес он, а потом что было силы выкрикнул те же слова, ибо снова явился перед ним человек в красно-белом одеянии, снова вкрадчиво зазвучал его голос: «Ваше Величество, раскрыт заговор в Королевской Школе Ремесел! Готовилось покушение на вас». И снова на него обрушился невнятный то ли шум, то ли вой... Король прятал голову в подушки, зажимая уши руками, шептал: «Прекратите, пожалуйста, прекратите это!», но невнятный вой становился все громче, все пронзительнее, он приближался, неослабевающий, неумолимый, и проникал, казалось, в саму плоть Аргавена. Не выдерживали и лопались нервы, натянутые как струны; кости непроизвольно дрожали и приплясывали под этот дикий аккомпанемент, выворачиваясь из суставов. И король застывал, чувствуя, как кости его повисают, обнажившись, на тоненьких белых нитях — нервах или сухожилиях... А потом плакал без слез и кричал: «Взять их!.. Посадить в тюрьму!.. Казнить... непременно казнить! Прекратите это, прекратите!..»

И тут же все прекращалось.

Молодой король, весь дрожа, сполз на пол бесформенной грудой тряпья. Пол был какой-то странный... Почему-то не было ни знакомых керамических пли-

ток, ни паркета, ни даже тюремного, запятнанного мочой цемента. Оказалось, что он лежит на простом деревянном полу в своей комнате, в башне дворца. Здесь он всегда чувствовал себя в безопасности, далеко от своего отца-людоеда — холодного, неласкового, безумного короля Кархайда. В детстве он любил играть здесь в дочки-матери с Пири и сидеть у камина с Борхабом, который брал его на руки и баюкал, пока он не погружался в благостный полусон. Но теперь нигде не было для него ни убежища, ни спасения, ни сна. Страшный человек в черном добрался даже сюда; он обеими руками приподнял голову короля, и без того едва державшуюся на тоненьких белых нитях, поднял ему веки, которые король тщетно пытался сомкнуть, и они тоже повисли на таких же нитях...

— Кто я?

Равнодушная черная маска склонилась к нему. Молодой король забился, пытаясь высвободиться из рук черного человека, и зарыдал от собственного беспомощия: он знал, что сейчас начнется удушье и он не сможет дышать, пока не произнесет вслух нужное имя — Герер. Однако дышать он пока мог. Это ему пока было позволено. Хорошо, что он вовремя распознал человека в черном.

— А кто я? — спросил его кто-то другой нежным тихим голосом, и юный король всей душой устремился к этому человеку, всегда приносившему утешение и покой.

— Ребад, — прошептал он, — скажи, что мне делать? Ребад!

— Спать. Сейчас нужно спать.

Король подчинился и уснул. Глубоко, без сновидений. Только перед самым пробуждением появились сны. Снова тот неестественный, кровавый свет заката слепил его широко открытые глаза, снова он стоял на парадном балконе дворца, глядя вниз на пятьдесят тысяч черных разверстых колодцев, извергавших фонтаны истерических воплей. Пронзительные звуки пла-менем вспыхивали в его мозгу, складываясь в имя: Аргавен. Имя короля в реве толпы звучало словно

насмешка, словно издевательство. Он ударил руками по узким бронзовым перилам и крикнул: «Я заставлю вас замолчать!», но не рассыпал собственного голоса — слышны были только их голоса, ядовитые извержения множества разинутых пасти: ненавидящая короля толпа громко выкрикивала его имя...

— Уйдите отсюда, о мой король, — сказал тот же тихий голос, и Ребад увел его с балкона.

Потом они оказались в огромном парадном зале с красными стенами. Вопли снаружи прекратились: Ребад захлопнул окна. Выражение лица его, как всегда, было спокойным, сочувственным.

— Что вы намерены делать, Ваше Величество? — тихо спросил он.

— Я... я отрекусь от престола.

— Нет, — спокойно возразил Ребад. — Это было бы несправедливо. Так что же вы все-таки намерены делать?

Молодой король стоял молча. Его била дрожь. Ребад усадил его на кованую скамью, потому что, как это и раньше часто случалось, в глазах у короля вдруг потемнело, стены сдвинулись и он снова очутился в крошечной тюремной камере...

— Позовите... Позови стражу! Пусть стреляют прямо в толпу. Пусть убивают! Надо проучить негодяев! — Молодой король говорил торопливо, почти захлебываясь, но очень отчетливо и громко. Он почти кричал.

— Прекрасно, Ваше Величество, — поклонился Ребад, — вот это мудрое решение! Так и следует поступить. Так мы непременно выпутаемся из беды. Вы все делаете правильно. Верьте мне.

— Я тебе верю. Верю. Увези меня отсюда, — прошептал молодой король, сжимая руку Ребада. Но тут вдруг напрягся: что-то снова было не так. Он уже не верил и Ребаду, и надежды на спасение не оставалось. Ребад уже собирался уходить, по-прежнему спокойный, хотя на лице его было написано сожаление. Молодой король просил его оставаться, просил вернуться назад... Но снова, снова в ушах короля начинал зву-

чать негромкий, невнятный вой, от которого череп готов был треснуть, и вот уже тот человек в красно-белом одеянии подходил все ближе, ближе, тихо ступая по бесконечному красному полу... «Ваше Величество, раскрыт заговор в Королевской Школе Ремесел...»

На улице близ Старой Гавани, у самого берега моря, фонари горели ярко, но свет их растворялся в тумане. Портовый стражник Пепенерер обходил свой участок, ничего особенного увидеть не ожидая, но вдруг заметил, как по направлению к нему движется, спотыкаясь, какая-то странная фигура. Пепенерер не очень-то верил во всяких там морских *порнгропов*, однако теперь перед ним было явно что-то похожее. Загадочное существо, покрытое слизью и пахнущее морем, еле ползущее на тонких паучьих ножках, со стоном хватающее ртом воздух... В старинных морских легендах немало рассказывалось о порнгропах, но вся волшебная чушь быстро выветрилась у Пепенерера из головы: перед ним явно был человек. То ли пьяница, то ли безумец, а может — жертва загадочного преступления. Человек еле брел между унылыми серыми стенами пакгаузов.

— Эй, ты! А ну-ка стой! — проревел Пепенерер.

Несчастный полуголый пьячуга глянул на него безумными глазами, испустил вопль ужаса, попытался было удрать, но поскользнулся на покрытых ледком камнях мостовой, упал и пополз. Пепенерер взял ружье на изготовку и выпустил в пьяницу слабый звуковой заряд — просто чтобы тот успокоился; потом присел рядом с ним на корточки, достал рацию и связался с Западным отделением охраны, попросив прислать машину.

Обе руки распростертого на холодных камнях мостовой человека, безвольные и обмякшие, были покрыты пятнышками и точками — следами бесчисленных инъекций. Значит, он не был пьян, просто напичкан наркотиками. Пепенерер потянул носом, но знакомого смолистого запаха *огреви* не уловил. Наверное, какие-то другие наркотики. Интересно, это

его воры так отделали? Или это родовая месть? Воры вряд ли оставили бы золотое кольцо у него на руке — массивное, широченное, с резьбой. Пепенерер наклонился, чтобы получше рассмотреть кольцо, но тут взгляд его упал на покрытое ссадинами мертвенно-бледное лицо человека, слабо освещенное уличным фонарем. Лицо было повернуто к нему профилем. Пепенерер порылся в кармане и достал новенькую монетку, где на одной из сторон четко выделялся обращенный влево профиль короля. Потом снова посмотрел на человека, лежащего на мостовой. Его обращенный вправо профиль, несмотря на игру света и теней, показался ему знакомым. Однако, заслышав мурлыканье электромобиля, сворачивающего от Старой Гавани, охранник сунул монетку в карман, приговаривая под нос: «Ах я дурак чертов!»

Дело в том, что короля Аргавена вот уже две недели не было в Эренранге: он охотился в горах. Об этом сообщалось в каждой сводке радионовостей.

— Видите ли, — сказал Хоуг, врач, — мы можем, конечно, допустить, что королю пытались дать соответствующую ментальную «настройку». Однако это почти ни к каким дальнейшим выводам не приводит: слишком многие занимаются подобными экспериментами и в Кархайде, и, разумеется, в Оргорейне. И это отнюдь не преступники, на которых можно было бы начать охоту, но вполне уважаемые люди — психиатры, физиологи. Те, кому вполне законно по роду деятельности разрешено пользоваться наркотиками. Если же им и удалось добиться поставленной цели, то все остальное они по возможности заблокировали, чтобы работе «настроенного» мозга не мешало ничто. Так что все «ключи и отмычки» спрятаны, и ни одна побуждающая команда не сработает — мы просто никогда не сможем догадаться, какой вопрос является ключевым. По-моему, добиться нужной информации без губительных последствий для мозга короля в данном случае невозможно; даже под воздействием гипноза или сильных наркотических средств нельзя те-

перь узнать, какие именно идеи были королю имплантированы, а какие являются его собственными, так сказать, автономными. Возможно, смогли бы помочь инопланетяне, хотя я лично не слишком-то верю в возможностях их психиатрической науки: по-моему, они просто хващаются своими достижениями в этой области; впрочем, так или иначе, но необходимых специалистов у них здесь нет. Остается лишь одна надежда.

— Какая? — жестко спросил лорд Герер.

— У короля живой ум и решительный характер. Прежде чем они сломили его, еще в самом начале, он мог успеть догадаться, что именно с ним делают и установить некий психологический барьер или, может быть, даже заблокировать память, оставив себе, таким образом, путь к спасению...

Хоуг постепенно утрачивал свойственную ему самоуверенность; слова его как бы повисали в тишине высокого полутемного зала с красными стенами. Он так и не дождался ответа от старого Герера.

В Красном Зале королевского дворца даже рядом с камином вряд ли было больше 12°С. А уж в центре зала, далеко от обоих каминов, расположенных в торцовых стенах, — около 5°С. За окнами порхали легкие снежинки, день был не слишком морозный, чуть ниже нуля. Весна пришла на планету Гетен. В каминах ревел огонь, лизал своими красно-золотистыми языками толстенные поленья. В этом была своеобразная, чуть грубоватая кархайдская роскошь, дающая мгновенное наслаждение огнем и теплом. Жители Кархайда вообще очень любили огонь: камни, фейерверки, молнии, метеоры, вулканы — все это доставляло им несказанную радость. Они избегали, однако, центрального отопления, особенно в жилых помещениях, хотя за долгие годы и века промышленной революции на планете Гетен различные обогревательные приборы и системы были доведены до совершенства. Батареи центрального отопления использовались лишь в арктических широтах для обогрева жилых помещений. Вообще гетенианцы редко испытывали комфорт, как бы не позволяя себе такой роскоши и никогда не

ожидала ее, но всегда радостно приветствуя — словно неожиданный подарок или удачу.

Верный слуга короля, застывший у его постели словно изваяние, обернулся, когда вошли врач и лорд Герер, королевский Советник, но не проронил ни слова. Вошедшие приблизились к огромному ложу на высоких золоченых ножках, покрытому тяжелыми, изысканно расшитыми красными одеялами. Распростертое на ложе тело короля оказалось почти на уровне их глаз. Гигантская кровать напоминала неподвижно застывший корабль, готовый вот-вот сорваться с якоря и унести юного Аргавена по безбрежным темным волнам тьмы в царство теней и минувших ужасных лет. Содрогнувшись от внезапно охватившего его страха, старый Советник заметил, что глаза Аргавена широко распахнуты и обращены в сторону чуть приоткрытого окна. Король смотрел в узкую щель между шторами — на звезды.

Герер перепугался еще больше: ну конечно, это безумие; его король утратил разум... Старик и сам не понимал, отчего ему так страшно. Хоуг ведь предупреждал его: «Наш король не совсем нормально ведет себя, лорд Герер. Последние полмесяца он жестоко страдал; видимо, его запугивали, пытаясь сделать из него послушную марионетку. Возможно, мозг его серьезно поврежден; безусловно, еще проявятся и побочные, и прямые последствия отравления организма наркотиками». Но, несмотря на это предупреждение, Герер испытал сейчас чудовищное потрясение.

Вдруг ясные усталые глаза Аргавена уставились прямо на него; не сразу, постепенно король узнавал Герера. И тот неожиданно — он ведь не мог, разумеется, видеть того страшного человека в черной маске — заметил в глазах своего юного, бесконечно любимого короля ненависть и почти животный ужас, увидел, как он, задыхаясь, борется со своим верным слугой, с врачом и, обессиленный, падает на постель, не в состоянии убежать — убежать от него, от Герера!

Отойдя подальше, на середину холодного зала, туда, где похожая на нос корабля часть величественного

ложа скрывала его от глаз короля, Герер услышал, как они успокаивают Аргавена и снова укладывают в постель. Голос короля звучал пронзительно и по-детски жалобно. Точно так же во время своего последнего предсмертного приступа помешательства говорил и старый король Эмран — таким же детским голоском. Потом наступила тишина. Слышно было лишь, как в двух каминах ревет пламя.

Коргри, личный страж короля, зевнул и протер глаза. Хоуг что-то накапал в склянку, потом наполнил шприц. Герер пребывал в полном отчаяния. Дитя мое, король мой, что они с тобой сделали?! Сколько было надежд — праведных, светлых! — и вот все пошло прахом... Душа старого Герера бессильно плакала, хотя с виду этот человек походил на черную каменную глыбу, тяжелую, грубо обтесанную. Он всегда отличался спокойствием, осторожностью и расчетливостью, а порой даже жестокостью. Но сейчас этот старый придворный искренне оплакивал своего короля, он был совершенно убит горем; для него не было в жизни иной цели, кроме верного служения любимому Аргавену.

Вдруг король громко спросил:

— Мое дитя?..

Герер вздрогнул: ему показалось, что слова эти произнес вслух он сам. Но тут Хоуг, никогда не испытывавший особой любви к королю, участливо и спокойно ответил больному:

— Принц Эмран здоров, Ваше Величество. Он сейчас с верными людьми в замке Уорривер в полной безопасности. Мы поддерживаем с ними постоянную связь. У них все хорошо.

Герер слушал тяжелое дыхание короля; он даже подошел чуть ближе к изголовью, стараясь, впрочем, держаться в тени, за высокой спинкой кровати.

— Я был болен?

— Да, вы еще не совсем выздоровели, Ваше Величество, — спокойно ответил врач.

— Где же я?..

— В вашей собственной комнате, во дворце, в Эренранге.

Но тут Герер подошел еще на шаг и, по-прежнему невидимый для короля, вдруг сказал:

— Мы так и не знаем, где вы *были*, Ваше Величество.

Гладкое лицо Хоуга исказила недовольная гримаса, но хоть он и был королевским врачом — так что в известной степени все они во дворце были в его руках, — не осмелился прямо выразить свое неодобрение Советнику. Однако голос Герера ничуть не встревожил короля; он задал еще несколько коротких вопросов, вполне разумных и ясных, а потом снова затих. Вскоре Коргри, который не отходил от своего хозяина с тех пор, как того принесли во дворец (ночью, тайком, через незаметную боковую дверцу — словно правителя, совершившего позорное самоубийство; это случалось прежде, хотя в данном случае самоубийством и не пахло), совершил «государственную измену»; склонившись вперед на своем высоком сиденье, стоявшем в изголовье, он уронил голову на край постели и уснул. Стражник у дверей сдал пост сменщику, немного пошептавшись с ним; несколько раз приходили официальные лица; была передана свежая сводка новостей, посвященная состоянию здоровья короля. Все говорили только шепотом. В сводке, которая будет передана по радио, сообщалось: у короля во время отдыха в Верхнем Каргаве внезапно проявились симптомы тяжелой лихорадки, и он был спешно переправлен в Эренранг; лечение под руководством королевского врача Хоуга рем ир Хоугремма уже дало свои результаты, так что... Ну и так далее. «Да повернется колесо Судьбы под рукой нашего короля и принесет ему счастье!» — молились жители древних Очагов, зажигая огонь в каминах, а старики, усаживаясь поближе к огоньку, ворчали: «А все из-за того, что он ночами напролет все по городу бродил да в горы один забирался! Все его глупые детские выдумки!», однако и старики держали радио постоянно включенным и внимательно слушали каждую сводку новостей. Множество людей толпилось на площади перед королевским дворцом; они бесцельно слонялись, судачили, смотрели, кто входит и выходит из парадных дверей,

и все время поглядывали на пустующий балкон. И сейчас на площади еще оставалось несколько сотен человек, терпеливо стоявших в снегу. Поданные любили Аргавена XVII. После тупой жестокости короля Эмрана, правление которого завершилось под сенью безумия, приведя страну к почти полному экономическому краху, на трон взошел юный король — стремительный, храбрый, непредсказуемый, однако весьма здравомыслящий и упорный в своих намерениях. А еще король Аргавен был поистине великодушен. Народ ощущал в нем огонь и свет великой души и приветствовал своего молодого правителя. В нем как бы воплотилась мощь грядущей эпохи. В кой-то веки король Кархайда был достоин своего великого королевства!

— Герер!

То был голос короля, и Герер поспешил к нему — огромный, неуклюжий, торопливо пересекая зал, разделенный на теплые и холодные, светлые и темные полосы.

Теперь Аргавен сидел в постели, хотя руки его дрожали от слабости и дышал он с трудом. Однако горящие глаза короля жадно следили за спешащим к нему через темный зал Герером. Левая рука Аргавена, на которой красовалось Королевское Кольцо династии Харге, покоилась рядом с лицом его спящего слуги, отстраненным и совершенно безмятежным.

— Герер, — с трудом, но очень ясно проговорил король, — собери Совет. Скажи им: я отрекаюсь от престола.

Вот и все. Неужели так сразу? А как же все эти лекарства, шоковая терапия, гипноз, парагипноз, нейростимуляция, акупунктура — все замечательные способы лечения, которые расписывал Хоуг на бесконечных консилиумах? Неужели все напрасно? И результат все тот же? Но... не будем торопиться с выводами. Пусть выводы, так сказать, отстоятся.

— Государь, когда ваши силы восстановятся...

— Нет, Герер. Сейчас. Созови Совет!

И он снова сломался — так лопается туто натянутая тетива лука — и снова судорожно забился в пожирающем его страхе, не находя более ни сил, ни слов, чтобы выразить свои чувства; а верный слуга по-прежнему спал, уронив голову на край королевского ложа, и ничего не слышал.

Следующая фотография повеселее. Вот перед нами король Аргавен XVII в добром здравии, в красивых одеждах. Он сидит за столом и с аппетитом завтракает. Одновременно он беседует по крайней мере с дюжиной людей, что либо разделяют с ним трапезу, либо прислуживают за столом. Король может позволить себе любые странности, а вот уединение — крайне редко. Остальные за столом тоже как бы обласканы его безграничной милостью. Король выглядит после болезни — это общее мнение! — так же, как прежде. И все же не совсем: что-то сломалось у него в душе, он словно утратил былую юношескую невинность и доверчивость; их сменило часто встречавшееся в роду Харге, но менее приятное качество — этакая небрежность по отношению к себе и другим людям. Король проявляет порой и былое остроумие, и сердечность, но что-то темное всегда одерживает в нем верх, застилая ему глаза странной пеленой и делая столь небрежным в обращении. Что это? Что владеет его душой: страх, боль, твердо принятное решение?

Господин Акст, Мобиль и Полномочный Посол Экумены на планете Зима, последние шесть дней провел за рулем, пытаясь заставить свой электромобиль двигаться хоть немного быстрее, чем предельные для Кархайда пятьдесят километров в час. Вчера поздно ночью он примчался в Эренранг из столицы Оргорейна Мишнори, проделав невероятно долгий путь — сперва до границы, а потом через весь Кархайд. Завтрак он, естественно, проспал, однако явился во дворец точно в назначенное время, хотя и страшно голодным. Старый председатель Королевского Совета и двоюродный брат короля лорд Герер рем ир Верген встретил Акста у входа в зал громогласными кархайд-

скими приветствиями, подобающими случаю. Посол отвечал тем же, догадываясь, однако, что за пышной куртуазностью Герера скрывается горячее желание поделиться чем-то сокровенным.

— Мне сообщили, что король Кархайда теперь совершенно здоров, — сказал Посол Акст, — и я от всей души надеюсь, что это действительно так.

— Нет, к сожалению, это не так, — вздохнул старый Советник, и голос его как бы погас, внезапно утратив все богатство интонаций и звучную кархайдскую выразительность. — Господин Акст, я обращаюсь к вам в высшей степени конфиденциально: в Кархайде нет и десяти человек, помимо меня, которые знают о короле правду. Аргавен не выздоровел. И не был болен.

Акст кивнул. Действительно, такие слухи тоже ходили.

— Он любит совершенно один уходить порой в город — ночью, в простой одежде... Бродит по улицам, разговаривает с незнакомцами... Королевская власть — слишком тяжелое бремя... Он так еще молод... — Герер запнулся, словно подавляя охватившее его волнение. — Однажды, недель шесть назад, он вот так же ушел и не вернулся. На заре мне было передано послание: если мы объявили об исчезновении короля, его немедленно убьют; если же мы сохраним тайну и полмесяца подождем, он вернется к нам невредимым. И мы молчали. Лгали Совету, распространяли по радио ложную информацию. На тринадцатую ночь король был обнаружен: на улице, в полном одиночестве, напичканный наркотиками и явно подвергнутый ментальной «настройке». Кто это сделал, какие враги короля, мы так до сих пор и не узнали. Приходится действовать совершенно секретно: нельзя допустить, чтобы вера людей в своего правителя была подорвана. Как и его собственная вера — в себя самого. Нам очень трудно, ведь Аргавен ничего не помнит. Одно лишь совершенно ясно: воля его сломлена, ему внущили, что он непременно должен отречься от престола. Он уверен, что обязан сделать это для блага всех.

Тихий голос Герера не дрогнул, но глаза выдавали тяжкую душевную муку. И, неожиданно обернувшись, Акст заметил, что и молодой король смотрит на него с той же болью.

— Что же вы задерживаете моего гостя, кузен?

Аргавен улыбался, но так, словно прятал за пазухой нож. Старый Советник с достоинством поклонился, извинился и пошел прочь, исполненный бесконечного терпения; его массивная, неуклюжая фигура становилась все меньше и меньше и наконец совсем растворилась в сумраке.

Аргавен протянул Послу обе руки — так в Кархайде приветствуют близкого друга и равного. Слова же, вырвавшиеся у короля, Акста просто поразили: то была отнюдь не череда пышных и вежливых приветствий, как ожидал Посол, но яростный вопль измученной души:

— Ну наконец-то!

— Я выехал немедленно, едва получив ваше письмо, государь. Дороги в Восточном Оргорейне и на Западном Перевале все еще покрыты льдом, так что добраться сюда оказалось довольно-таки непросто. Но я рад, что приехал к вам. Приятно хотя бы на время покинуть Оргорейн. — И Акст улыбнулся: они с королем Аргавеном понимали друг друга с полуслова и любили откровенность. Теперь Посол надеялся получить разъяснения относительно столь странного приветствия, вырвавшегося у короля, с некоторым нетерпением наблюдая за сменой выражений на его подвижном красивом лице.

— Фанатики плодятся в Оргорейне, как черви — на трупе. Так говоривал один из моих предков. Мне приятно, что вы находите воздух Кархайда более чистым и здоровым для вас. Пройдемте сюда, господин Посол. Герер уже рассказал вам, что меня похитили и так далее?.. Да. Все верно. Причем действовали по правилам, вполне благопристойно. Если бы похитители принадлежали к одной из тех группировок, которые опасаются порабощения Гетен вашей Экуменой, они вполне могли бы древние правила и нарушить;

по-моему, это был кто-то из старинных кланов Кархайда: они все еще надеются с моей помощью вернуть былое могущество и власть. Однако это лишь догадки. Странно: ведь я наверняка видел их много раз совсем рядом, но вспомнить никого не могу; кто знает, может быть, те же самые люди каждый день встречаются со мной здесь? Впрочем, довольно. Все эти рассуждения так или иначе бессмысленны. Свои следы они замели прекрасно. Но в одном я абсолютно уверен: не они внушили мне, что я должен отречься от престола.

Король и Посол неторопливо шли по огромному залу, постепенно приближаясь к возвышению, где стоял трон и несколько массивных кресел. Из узких окон, больше похожих на бойницы, как и везде на этой холодной планете, падали на пол, выложенный красной плиткой, желто-красные полосы солнечного света; от этих бесконечных ярких полос, наискосок пересекающих полутемный зал, у Акста зарябило в глазах. Он посмотрел на лицо юного короля, по которому тоже пробегали полосы света, и спросил:

— Кто же тогда внушил вам это?

— Я. Сам.

— Но когда, Ваше Величество, и зачем?

— Когда они схватили меня, когда пытались превратить меня в орудие для осуществления собственных планов, заставить меня служить им. Послушайте, господин Акст, если бы им было нужно, чтобы я умер, они, безусловно, убили бы меня. Нет, они хотели, чтобы я остался жив, чтобы продолжал править страной, чтобы оставался королем! И, будучи королем, следовал бы их приказам, навсегда запечатленным в моем мозгу. Чтобы именно я выиграл для них сражение за власть. Я стал бы их главным оружием, послушным автоматом, который только и ждет, чтобы его включили. Единственный способ бороться с этим — вывести механизм из строя!

Акст понял его сразу: он уже имел достаточный опыт общения с кархайдцами, ведь он начинал в качестве Мобиля, так что ему хорошо была известна хитроумная манера изъясняться, принятая в этой стране:

бесконечный подтекст и паутина словесных экивоков. Хотя планета Зима несколько отличалась от иных планет Вселенной как по скорости социальных перемен, так и в плане физиологических особенностей своих обитателей, все же основная, доминирующая ее нация — а ею, безусловно, оказались кархайдцы — не раз доказывала свою верность союзу с Экуменой. Отчеты Акста обсуждались на заседаниях Совета Экумены — за восемьдесят световых лет отсюда, — и вывод всегда был один: равновесие целого зависит от сбалансированности всех его частей.

Когда они уселись у камина на огромные, с прямыми массивными спинками кресла, Акст сказал:

— Но ведь им даже не потребуется нажимать на выключатель, если вы сами отречетесь от трона...

— И оставлю своего сына в качестве наследника? По своему усмотрению выбрав Регента?

— Может быть, и так, — осторожно промолвил Акст, — а может, они выберут Регента сами.

Король онемел.

— Надеюсь, что этого не произойдет, — напряженно проговорил он.

— А кого вы сами хотели бы видеть в этой роли?

Наступило длительное молчание. Акст видел, как судорожно дергается горло Аргавена, словно он пытается вытолкнуть наружу некое имя или слово, преодолеть искусственно созданный барьер, тяжкое удушье; потом сдавленным шепотом, с трудом он все-таки выговорил:

— Герера.

Акст, несколько удивленный, кивнул. Герер уже был Регентом в течение года после смерти Эмрана — до того, как Аргавен сам взошел на престол; он знал, насколько старый Советник честен и сколь искренне предан молодому королю.

— Да, Ваше Величество, Герер не состоит ни в одной партии и никому, кроме вас, не служит! — сказал он.

Аргавен наклонил голову. Вид у него был измученный. Помолчав, он спросил:

— Может ли ваша наука избавить меня от последствий того, что со мной сделали, господин Акст?

— Возможно. Этим, по-моему, занимаются в специальном институте на планете Оллюль. Но даже если я сегодня же вечером пошлю за нужным специалистом, он прибудет сюда лишь через двадцать четыре года. Вы уверены, что ваше намерение отречься не было... — Но тут из боковой двери у них за спиной появился слуга и поставил возле кресла Посла маленький столик с фруктами, ломтиками хлебного яблока и огромной серебряной кружкой горячего пива. Аргавен, видно, догадался, что гость не завтракал. Хотя пища была вегетарианская, что не очень соответствовало вкусам Акста, он тем не менее с благодарностью и аппетитом принял за еду; а поскольку за едой о серьезных вещах говорить не принято, Аргавен задал самый общий вопрос:

— Как-то вы обмолвились, господин Акст, что, несмотря на все различия наших народов, они все же некоторым образом родственники. Что вы имели в виду? Психологию или анатомию?

Акст рассмеялся — сама постановка вопроса была типично кархайдской.

— И то и другое, Ваше Величество. Все гуманоиды Вселенной, известные нам, — даже в самом отдаленном ее уголке — так или иначе люди. Однако родство наше корнями уходит в немыслимую даль времен. Ему более миллиона лет. Еще в доисторический для многих народов период древнейшие жители планеты Хайн расселились по крайней мере на сотне планет...

— Мы называем «доисторическими» те времена, когда династия Харге еще не правила Кархайдом. А ее представители взошли на престол семьсот лет назад!

— Ну так и для нас тоже Эра Космических Войн, например, — далекое прошлое, хотя она закончилась менее шести веков назад. Время, как известно, способно растягиваться и сжиматься, претерпевать любые изменения. С ним может происходить все что угодно, кроме одного: оно не повторяется, не идет вспять.

— Значит, основная цель Экумены — восстановить подлинное древнее родство людей, их общность? Как бы собрать всех сыновей Вселенной у одного Очага?

Акст кивнул, жуя кусочек хлебного яблока.

— Или по крайней мере сплести между обитателями различных миров прочные сети гармоничных отношений, — сказал он. — Жизнь интересна во всех своих проявлениях, включая маргинальные ее формы, но самое прекрасное — в ее немыслимом многообразии. Красота человеческой расы — именно в различиях отдельных ее представителей. Различные миры и различные формы жизни, различные способы мышления и различные формы тел — все вместе это составляет дивное и гармоничное единство.

— Однако гармония в отношениях никогда не бывает вечной, — задумчиво промолвил молодой король.

— Но она никогда и не была полной, — откликнулся Посол Экумены. — Самое главное — стремиться к достижению гармонии, стремиться к совершенству... — Он осушил серебряную кружку и промокнул губы тончайшей салфеткой из натурального волокна.

— Это составляло и мою цель, когда я еще был королем, — сказал Аргавен. — Но теперь все кончено...

— Однако, может быть...

— Нет, все кончено. И постарайтесь поверить мне. Я не отпущу вас, господин Акст, пока вы мне не поверите до конца. Мне очень нужна ваша помощь. Вы — тот самый козырь, о котором игроки совсем позабыли! И вы должны помочь мне. Я не могу отречься от престола против воли Совета. Они не допустят моего отречения, заставят меня править страной — и, оставшись королем, я буду служить собственным врагам. Если мне не поможете вы, то остается только самоубийство. — Король говорил на удивление спокойно и разумно, но Акст прекрасно знал, что даже мысль о самоубийстве в Кархайде считается позорной. — Выбора у меня нет: то или другое, — повторил молодой король.

Посол плотнее закутался в плащ: ему снова стало холодно. Ему было холодно здесь всегда — вот уже в течение семи лет.

— Ваше Величество, — сказал он, — я здесь чужой, у меня всего лишь горстка помощников и ансибль, маленькое коммуникационное устройство для связи с иными мирами. Я, разумеется, уполномочен представлять организацию в высшей степени могущественную, однако сам я в данном случае практически бессилен. Чем же мне помочь вам, Ваше Величество?

— У вас есть корабль. На острове Хорден.

— Ах, именно этого я и боялся! — вздохнул Посол. — Ваше Величество, это всего лишь автоматическая ракета. А до планеты Оллюль отсюда двадцать четыре световых года! Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, что я смогу спастись, только покинув свое время — свой век, сделавший меня орудием зла.

— Но это не спасение! — неожиданно твердо сказал Акст. — Нет, Ваше Величество, простите меня, но это невозможно. Я не могу позволить...

Ледяной дождь со снегом стучал по черепице, выл ветер, завиваясь между шпилями дворца и горбатыми крышами. В верхней комнате башни было темно и тихо. Лишь у двери горел крохотный огонек. Спала, похрапывая, нянька; в колыбели, лежа на животе, мирно посапывал младенец. У колыбели стоял Аргавен. Он жадно оглядывал знакомую комнату, хотя и так помнил здесь каждую мелочь. Когда-то это была и его детская. Его первое собственное королевство. Сюда он принес и своего первенца и сидел с ним у камина, пока ребенок жадно сосал. Здесь он пел малышу песенки, которые Борхаб напевал когда-то ему самому. Здесь было средоточие его жизни, всего самого для него дорогого.

Нежно, осторожно Аргавен подсунул ладонь под теплую, чуть влажную пушистую головенку и надел ребенку на шею цепочку с массивным широким кольцом, на котором выгравирована была печать королев-

ского рода Харге. Цепочка оказалась слишком длинной, и Аргавен завязал ее узлом, опасаясь, как бы она не удушила младенца, обвившись вокруг шейки. Устранив повод для пустячной тревоги, король как бы попытался отстранить страшные опасения, снедавшие его душу, и чувство чудовищной пустоты. Аргавен низко склонился к малышу, прильнув на мгновение щекой к его нежной щечке, и едва слышно прошептал:

— О Эмран, Эмран! Я вынужден покинуть тебя, я не могу взять тебя с собой. Но ты должен править вместо меня. Будь же добрым, Эмран; живи долго, правь справедливо, но только будь добрым, о Эмран...

Потом Аргавен выпрямился, резко повернулся и выбежал из детской, навсегда покинув свое волшебное счастливое королевство.

Он знал несколько потайных выходов из дворца и выбрал самый надежный. Оказавшись на улице, он в полном одиночестве побрел по ярко освещенным, залитым скользким ледяным месивом улицам Эренранга к Новому Порту.

Фотографии, соответствующей следующему периоду жизни короля Кархайда, не существует, ибо увидеть его в это время было невозможно: нет такого глаза, что способен наблюдать процесс, совершающийся практически со скоростью света. Это был даже и не король Аргавен и вообще не человек. Это было материальное тело в состоянии переброски на большое расстояние. Вряд ли можно назвать человеком набор биологических элементов, жизнедеятельность которых протекает в семьдесят тысяч раз медленнее, чем наша. Во время полета король был более чем одинок: он перевоплотился в некую безответную мысль, направленную в никуда — во всяком случае, значительно дальше, чем способны улетать наши мысли. И все же это настояще путешествие, только со скоростью почти равной скорости света. Аргавен как бы сам стал движением, быстрым, как мысль. Он будет в два раза старше, прибыв к месту назначения, а на вид

не изменится вовсе, ибо в корабле пройдет всего лишь один день. Сгустком космической энергии прибудет он на клубок космической пыли, что носит название планеты Оллюль, четвертой планеты желтого солнца. И весь полет свершится в полнейшей тишине, пока с ревом и огненными сплохами, подобно падающему метеориту, — замечательное было бы зрелище для кархайдцев! — «умный» корабль не совершил посадку, весь объятым пламенем, точно в указанном месте, в том самом, откуда пятьдесят пять лет назад улетел в далекий космос. Вскоре, вновь ставший видимым, тонкий и стройный молодой король Кархайда неуверенной походкой выйдет из корабля и на мгновение застынет у двери, прикрыв глаза рукой от слепящего света странно жаркого солнца...

Разумеется, Акст с помощью ансибля предупредил о прибытии Аргавена еще двадцать четыре года — или семнадцать часов — назад, это уж как считать. Так что встречающие уже прибыли и готовы приветствовать юного короля. Даже самые простые люди не остаются в подобных случаях без внимания, ну а этот гетенианец как-никак все-таки настоящий король. Один из встречающих целый год тщательнейшим образом учил кархайдский язык, чтобы Аргавену было к кому обратиться. И тот сразу же спросил:

— Каковы вести из моей страны?

— Господин Акст, как и его преемник, присыпал отчеты весьма регулярно; там сообщалось обо всех происшедших событиях. Мы получили также множество личных посланий, адресованных вам; все материалы вы найдете у себя в резиденции, господин Харге. Если очень кратко, то регентство лорда Герера было вполне благополучным, хотя в первые два года вашего отсутствия и наблюдалась некоторая экономическая депрессия, за время которой, к сожалению, ваши арктические зоны обитания были практически оставлены людьми; однако в данный момент экономика Кархайда вполне стабилизировалась. Ваш наследник был коронован в возрасте восемнадцати лет и вот уже семь лет правит своей страной.

— О да... понятно, — сказал Аргавен, который только прошлой ночью последний раз поцеловал своего годовалого наследника.

— Когда вы сочтете возможным, господин Харге, специалисты нашего института в Белксите...

— Я полностью в вашем распоряжении, — сказал господин Харге.

Они проникали в его мозг нежно, осторожно, как бы едва приоткрывая перед собой двери. Для слишком крепких «замков» они использовали специальные деликатные инструменты и, отперев «дверь», как бы отходили в сторонку, позволяя Аргавену самому первым войти туда. За одной из «дверей» они обнаружили страшного человека в черном, который оказался вовсе не Герером; за другой — якобы сочувствующего королю Ребада, который вовсе ему не сочувствовал; вместе с королем они стояли на балконе дворца, вместе с ним карабкались по бесконечной лестнице егоочных кошмаров, попадая наконец в детскую комната на последнем этаже башни; и наконец увидели, как тот, кто метил в правители королевства, тот в красно-белом одеянии, приблизился к королю и сообщил: «Ваше Величество, раскрыт заговор... готовилось покушение на вашу жизнь...» Тут господин Харге пронзительно закричал от мертвящего ужаса — и очнулся.

— Ну вот и хорошо! Здесь-то и была спрятана «кнопка». Та самая кнопка, нажав на которую можно вводить любую информацию и влиять на развитие вашей фобии. Искусственно созданная паранойя. Блестящая, надо сказать, работа! Вот выпейте-ка, господин Харге. Нет, это просто вода! Ведь вы могли бы стать на редкость неприятным и поразительно злобным правителем, у которого бы постоянно усиливалась боязнь всяких заговоров, диверсий и вместе с этим ненависть к собственному народу. Но это произошло бы, разумеется, не сразу и не через полмесяца — вот ведь что самое главное! Чтобы стать настоящим тираном, вам потребовалось бы как минимум несколько лет. Конечно, были запланированы и «по-

мощники» на долгом пути: например, Ребад, который, точно червь в яблоко, проник в вашу душу, вкрадся в ваше доверие... Что ж, ладно! Теперь мне ясно, почему о Кархайде так много разговоров в Межгалактическом Управлении. Надеюсь, вы извините некоторую субъективность моей оценки, но подобное сочетание изощренности и упорства — явление крайне редкое... — И старый психотерапевт с густой белоснежной шевелюрой продолжал болтать, ожидая, пока его пациент окончательно не придет в себя.

— Значит, я все сделал правильно, — проговорил наконец господин Харге.

— Безусловно. Отречение, самоубийство или бегство — вот и все, что могли вы себе позволить в данной ситуации, действуя по собственной воле. Что касается самоубийства, то они рассчитывали на гетенианское моральное вето; а что касается отречения от престола — на решение или, точнее, на запрет вашего Совета. Но, оказавшись во власти собственных амбиций, они позабыли о возможности самоотречения и бегства — оставив эту последнюю дверь незапертой. Этой дверью, правда, решился бы воспользоваться не всякий, а — простите мне чрезмерную выспренность слова — человек с возвышенной душой и сильной волей. Мне, безусловно, необходимо поглубже познакомиться с гетенианской методологией психоанализа — как вы ее называете, Ясновидение? Предвидение? Предчувствие? Всегда полагал, что все это — выдумки оккультистов, однако совершенно очевидно, что... Так, так, ну а теперь, по-моему, вам следует нанести визит в Межгалактическое Управление, чтобы определиться с вашим будущим, поскольку с вашим прошлым мы уже разобрались, поместив его туда, где ему и полагается быть. А, как вы считаете?

— Я весь в вашем распоряжении, — ответил господин Харге.

В Межгалактическом Управлении он разговаривал со многими людьми, прежде всего из Отдела Западных Миров, и, когда ему предложили пойти учиться, он с радостью согласился. Ибо среди этих мягкосердечных

людей, поразительным образом сочетающих спокойную, холодноватую и глубокую печаль с буйными и искренними взрывами веселья, бывший король Кархайда чувствовал себя чуть ли не варваром, во всяком случае — необразованным, неотесанным и глуповатым.

Он поступил в экуменическую Высшую Школу. Жил в общежитии возле Межгалактического Управления вместе с двумя сотнями других инопланетян, ни один из которых не был андрогином, как, впрочем, и бывшим королем. С детства привыкнув обходиться минимумом личных вещей и практически не имея возможности уединиться в своем огромном дворце, Аргавен легко приспособился к жизни в общежитии; и это оказалось не так уж плохо — жить среди однополых людей. Во всяком случае, не настолько затруднительно, как ему казалось раньше, хотя порой их постоянное пребывание в кеммере порядком утомляло его. Впрочем, даже это раздражало не слишком; он с большой охотой, даже с восторгом предавался ежедневным многочасовым занятиям, относясь к делу в высшей степени добросовестно, хотя порой и казался немного рассеянным, что случается с теми людьми, кто душой и сердцем пребывает совсем не там, где находится физически. Единственным почти непереносимым неудобством была жара, ужасный жаркий климат планеты Оллюль, где температура порой поднималась до 35°C и за бесконечно долгие, кошмарные двести дней не выпадало ни единой снежинки. Даже когда наступала наконец зима, он все время потел: на улице редко было ниже -10° , а в общежитии топили так, что можно было свариться. Во всяком случае, от жары он страдал ужасно, хотя другие инопланетяне вечно мерзли и носили толстенные свитера. Аргавен спал поверх одеяла абсолютно голым, тревожно метался во сне, и снились ему снега Каргав, льды Старого Порта, мерещился легкий звон, с которым за завтраком разбивают покрывшую пиво ледяную корку, если во дворце достаточно прохладно. Хо-

лода, милые сердцу трескучие морозы родной планеты снились ему.

Он многому научился. Узнал, что его Гетен здесь называется Зима, узнал местное название планеты Оллюль; благодаря подобной информации Вселенная выворачивалась наизнанку, словно чулок. Он убедился, что изобилие мясных продуктов с непривычки вызывает расстройство желудка. Понял, что однополые люди, которых он лишь ценой невероятных усилий перестал воспринимать как извращенцев, тоже с большим трудом отказались от мысли о том, что он гермафродит. Он привык, что слово «Оллюль», звучащее в его произношении как «Оррюрь», непременно вызывает чей-то смех. А еще он попытался забыть, что является королем огромной страны. Заботами своих наставников Аргавен, бывший король Кархайда, многое узнал и от многоного сумел отвыкнуть или отказаться. Сделать это ему помогли не только бесчисленные «умные» машины и неохватный опыт Экумены, но и самое простое, хотя и самое доходчивое: живые люди, их слова и поступки. Именно это прежде всего и позволило ему хотя бы отчасти понять природу и историю такого «королевства», которому более миллиона лет и в котором — от границы до границы — миллиарды и миллиарды километров. Когда он начал наконец осознавать, догадываться, сколь бесконечно это Царство Людей, сколь длинна и порой мучительна его поразительная история, ему стала понятнее и та роль, которую Экумена играет во времени и в пространстве. Он словно увидел, как среди голых скал, под чужими солнцами, в беспредельной, сияющей звездами пустыне космоса зарождаются источники жизни, радости, искренних чувств — неиссякаемые живительные родники.

Он постиг многие науки — математику, мифологию, социологию — и понял: за пределами знаний лежат бескрайние просторы Неведомого, удивительный и бесконечный мир. Прежде всего именно это обретенное на планете Оллюль знание и принесло Аргавену глубочайшее удовлетворение. Но в целом он себя

удовлетворенным не чувствовал. Ему, например, не позволяли углубляться в некоторые интересующие его науки — в экуменическую математику или физику. «Вы слишком поздно начали, господин Харге, — говорили ему. — Вам придется все начинать с азов. К тому же вам бы лучше заняться теми дисциплинами, которые были бы полезны у вас на родине».

— Кому я могу быть там полезен? — спросил он как-то у господина Гиста, Мобиля и этнографа, с которым они сидели вместе в библиотеке.

Гист, как и все остальные, посмотрел на него чуть насмешливо.

— Вы что же, полагаете, что больше не сможете приносить пользу, господин Харге?

Господин Харге, обычно отличавшийся поразительной сдержанностью, ответил неожиданно страстно:

— Да, я так считаю!

— Что ж, король без королевства, добровольно отправившийся в изгнание, человек, которого на родной земле давным-давно похоронили, — Гист говорил каким-то бесцветным голосом, — да, вы, вероятно, должны ощущать некую неприкаянность, ненужность... Но скажите на милость, зачем же мы тогда столько с вами возились?

— Вы просто добры...

— Ах, добры!.. Как бы мы ни были добры, мы не можем дать вам настоящего счастья! Разве что... Впрочем, довольно. Глупо допускать новые бессмысленные траты. Вы были, бесспорно, наилучшим королем для планеты Зима, для государства Кархайд, для тех целей, которые преследует Экумена. У вас врожденное чувство равновесия. Вы, вполне возможно, даже смогли бы объединить государства планеты. И, безусловно, не стали бы насаждать террор, как, насколько мне известно, поступает ваш нынешний король. Ах, какая это потеря для Гетен! Хотя бы из-за крушения тех надежд, которые питала вся Экумена, господин Харге. Не говоря уж о том, что ваши собственные задатки так и не были до конца реализованы... немуд-

рено, что вы впали в отчаяние... Впрочем, вам еще предстоит лет сорок или пятьдесят весьма полезной жизни...

И, наконец, последний кадр: под залитыми чужим жарким солнцем небесами, в хайнского покроя сером плаще, красивый стройный человек неопределенного пола стоит, утирая пот, посреди зеленой лужайки рядом с главным Стабилем Западных Миров, господином Хоалансом с планеты Альба, в руках которого, по сути дела, судьба сорока миров.

— Я не могу приказать вам лететь туда, Аргавен, — говорит Стабиль Хоаланс. — Ваша собственная совесть...

— У меня хватило совести предать свою страну, так что двенадцать лет назад совесть моя свое уже получила. Хватит, — отвечает Аргавен Харге. Потом неожиданно смеется, да так весело, что и Стабиль тоже начинает смеяться; они прощаются так тепло и ощущая такую душевную близость, о какой прежде Правители Экумены могли только мечтать.

Остров Хорден, что близ южного побережья Кархайда, был передан в собственность Экумене еще во времена правления Аргавена XV. Остров необитаем. Но каждый год там на голых скалах устраивают колонии морские яйцекладущие — высаживают яйца, воспитывают молодняк и уходят длинными вереницами обратно в море. Но раз в десять—двадцать лет по скалам острова вдруг проходит страшный пожар, море вскипает близ его берегов, и все животные, которых в этот миг угораздило оказаться там, гибнут.

В один из таких дней, когда море перестало кипеть, к приземлившемуся космическому кораблю подплыл катер. С ракеты тут же был спущен трап, и два человека двинулись по нему навстречу друг другу; они встретились где-то на середине — как бы между морем и сушей, — что придавало этой встрече некий таинственный смысл.

— Посол Хоррсед? Я — Харге, — представился тот, что только что покинул звездолет.

Встречавший его человек почтительно преклонил колени и громко сказал по-кархайдски:

— Добро пожаловать, Аргавен, подлинный король Кархайда!

Поднимаясь с колен, Хоррсед поспешно прошептал:

— Ваше Величество, вы действительно прибыли как подлинный король... Объясню все позже, при первой же возможности...

За спиной Посла, на палубе катера, виднелись люди; все они очень внимательно разглядывали Аргавена. То были, безусловно, кархайдцы, и некоторые из них были очень стары.

Аргавен Харге несколько минут стоял прямо и совершенно неподвижно, серый его плащ разевался на холодном морском ветру. Потом он глянул на бледное закатное солнце, на мрачный скалистый берег, на терпеливо молчавших людей внизу и вдруг бросился к ним так поспешно, что Посол Хоррсед отшатнулся и прижался к перилам. Король подошел к одному из стариков на палубе катера.

— Ты Кер рем ир Керхедер?

— Да.

— Я узнал тебя по высохшей руке, Кер! — Король говорил громко и спокойно; лицо его оставалось невозмутимым. — Однако по лицу я бы сейчас тебя не узнал — прошло все-таки шестьдесят лет... А есть ли здесь кто-то еще, кого я, Аргавен, знал раньше?

Люди молчали. Они по-прежнему не сводили с короля глаз.

Вдруг один старичок, весь скрюченный и почерневший от времени, как головешка, вышел вперед.

— Мой государь, я Баннитх, дворцовый стражник. Я прислуживал вам за столом, когда вы были ребенком, совсем малышом. — И седая голова старика горестно склонилась — похоже, он пытался скрыть слезы. Потом вперед вышел еще один, и еще... Головы, что склонялись перед королем, были убелены сединами

либо совсем лишены волос; старческие голоса, приветствовавшие его, дрожали. Один из них, Кер с отсохшей рукой, которого Аргавен знал еще совсем юным застенчивым пажом, вдруг яростно обернулся к тем, кто стоял позади.

— Это наш король! — выкрикнул он. — Глаза мои помнят его точно таким же, как сейчас. Это наш король!

Аргавен посмотрел на молчавших людей, переводя взгляд с одного лица на другое, со склоненной головы на гордо поднятую.

— Да, я Аргавен, — сказал он. — Я был королем Кархайда. А кто правит страной теперь?

— Эмран, — ответил кто-то.

— Мой сын Эмран?

— Да, Ваше Величество, — подтвердил старый Баннитх.

Лица большей части присутствующих остались беспристрастными, но Кер яростно, дрожащим голосом сказал:

— Аргавен! Только Аргавен — настоящий правитель Кархайда! Я все-таки дожил до светлых дней его возрождения! Да здравствует наш король!

И один из молодых кархайдцев, посмотрев на остальных, решительно произнес:

— Да будет так. Да здравствует король Аргавен! — И все головы склонились перед прибывшим.

Аргавен со спокойным достоинством ответил на их приветствия, но при первой же возможности обратился к Послу Хоррседу с расспросами:

— Что все это значит? Что произошло? И почему меня ввели в заблуждение? Мне сказали, что здесь я буду вашим помощником от Экумены...

— Вам сказали это двадцать четыре года назад, — ответил Посол извиняющимся тоном. — А я здесь только пять лет, Ваше Величество. Дела в Кархайде идут отвратительно. В прошлом году король Эмран разорвал отношения с Экуменой. И мне действительно не совсем ясно, с какой, собственно, целью Стабиль послал вас сюда, каковы тогда были его намерения.

В настоящее же время мы планету Зима явно теряем. Так что хайнцы посоветовали мне выдвинуть нового претендента на королевский трон — вас.

— Но ведь я же *мертв*, — с ужасом сказал Аргавен. — Для Кархайда я умер шестьдесят лет назад!

— Король умер, — сказал Хоррсед. — Да здравствует король!

Тут их снова окружили кархайдцы, Аргавен отвернулся от Посла и прошелся по палубе. Серые волны вскипали за бортом. Сейчас берег континента — серые скалы, покрытые пятнами снега, — находился по левому борту. Было холодно: начиналась настоящая гетенианская зима. Мотор катера мягко урчал. Уже давно не слышал Аргавен знакомого урчания электрического двигателя — единственного из двигателей, который предпочла медлительная и спокойная Техническая Революция в Кархайде. Звук этот был ему необычайно приятен.

Вдруг, не оборачиваясь, как это свойственно тем, кто с детства привык непременно получать ответ на свои вопросы, Аргавен спросил:

— Почему мы плывем на восток?

— Мы направляемся в Керм, Ваше Величество.

— Почему в Керм?

То был один из самых молодых кархайдцев; он сделал шаг вперед и отвечал ему с почтительным поклоном:

— Потому что земля Керм восстала... восстала против ва... против короля Эмрана. Я сам родом из Керма; мое имя Перретх нер Соде.

— А Эмран сейчас в Эренранге?

— Эренранг захвачен Оргорейном шесть лет назад. Король Эмран сейчас в новой столице, восточнее Каргава... точнее, в старой столице: в Рире.

— Так Эмран потерял Западный Перевал? — спросил Аргавен, глядя в лицо молодому кархайдцу. — Потерял Западный Перевал? Отдал Эренранг?

Перретх даже чуть отступил назад, однако отвечал решительно и спокойно:

— Да. Мы вот уже шесть лет скрываемся за горами.

— Значит, теперь в Эренранге правит Оргота?

— Король Эмран пять лет назад подписал с Оргорейном договор, уступая ему Западные Земли.

— Позорный договор, Ваше Величество! — вмешался в разговор старый Кер, голос его дрожал от ярости. — Договор, подписанный глупцом! Эмран пляшет под музыку барабанов Орготы. Все мы здесь — восставшие, изгнанники. Господин Посол — тоже. Он тоже скрывается!

— Западный Перевал! — повторил Аргавен. — Аргавен I присоединил Западный Перевал к Кархайду семьсот лет назад... — Взгляд короля странно блуждал. — Эмран... — начал было он, но запнулся. — Сколь велики силы тех, кто собрался в Керме? Являются ли жители побережья вашими союзниками?

— Да, большая часть Очагов юга и востока страны солидарна с нами.

Аргавен немного помолчал.

— Был ли у Эмрана наследник?

— Нет, сам он никогда не производил на свет дитя, однако был отцом шестерых, государь мой, — ответил Баннитх.

— Своим наследником он назначил Гирври Харгрэм ир Орека, — сказал Перретх.

— Гирври? Что это за имя такое? Короли Кархайда носят только два имени: Эмран и Аргавен, — сказал Аргавен.

И вот наконец довольно темный кадр; изображение на нем как бы выхвачено из тьмы светом камина. Электростанции Рира разрушены, провода обрезаны, полгорода охвачено пожарами. Тяжелые снежные хлопья медленно кружатся в воздухе и падают на горящие руины зданий, лишь мгновение отсвечивая красным — пока не растают с легким шипением, так и не долетев до земли.

Снега, льды и армия повстанцев остановили Орготу у залива, близ восточных отрогов массива Каргав. Никакой помощи король Эмран так и не получил, когда его собственное королевство восстало против

него. Стража его бежала, столица объята пламенем, ему пришлось лицом к лицу столкнуться с противником, и на пороге смерти в короле проснулось нечто вроде беспечной гордости, свойственной его роду. Так что он не обращает на повстанцев ни малейшего внимания. Невидящими глазами смотрит он на них, лежа в тронном зале, освещаемом лишь сполохами далеких пожаров, отражающихся в зеркалах. Винтовка, из которой король выстрелил в себя, лежит рядом с его холодной безвольной рукой.

Перешагнув через распростертое тело, Аргавен берет эту руку в свои и начинает снимать с пальца массивное резное золотое кольцо; распухшие от старости суставы Эмрана мешают ему сделать это, и он оставляет кольцо на пальце мертвеца.

— Сохрани его, — шепчет он, — сохрани.

На мгновение склоняется он совсем низко и то ли шепчет что-то в мертвое ухо, то ли прижимается щекой к холодному морщинистому лицу покойного. Потом выпрямляется, еще некоторое время молча стоит над телом и поспешно удаляется по темным коридорам. Пора привести свой дом в порядок, решает Аргавен, король планеты Зима.

Содержание

От издательства	5
Левая рука тьмы, роман, перевод с английского И. Тогоевой	7
Король планеты Зима, рассказ, перевод с английского И. Тогоевой	345

«Прежде мы открывали новые миры, заселяли их. Теперь мы только обгладываем кости мертвой Федерации».

Миры Г. Бима Пайпера

Его сравнивали с АЗИМОВЫМ и ХАЙНЛАЙНОМ.

Его славе завидовали все современники.

Его имя гремело среди любителей фантастики.

Его карьеру прервала безвременная смерть.

Генри Бим Пайпер создал фантастический эпос, способный сравниться с «Академией», и самых очаровательных инопланетян в истории фантастики. Теперь любимый писатель патриарха американской фантастики Джона Кэмпбелла приходит в Россию.

Том 1
Маленький
пушистик
Пущистик
разумный

Том 2
Пущистики и
другие
Космический
викинг
Рассказы

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

Миры Пирса Энтони

Издательство «Полярис» представляет один из лучших сериалов в истории мировой фантастики — «Воплощения бессмертия» Пирса Энтони. Все семь романов — «На коне блед: Смерть», «С песочными часами: Время», «С запутанным клубком: Судьба», «Мечом кровавым: Война», «Будучи зеленой матушкой: Природа», «Из любви ко злу: Тьма», «И вечность: Свет» — увидят свет в серии «Миры Пирса Энтони».

Имя Пирса Энтони, одного из самых популярных и плодовитых авторов НФ и «фэнтези», известно всем любителям фантастики в нашей стране. Из-под его пера вышли такие циклы, как «Ксант» и «Голубой адепт», такие романы, как «Макроскоп» и «Сос-Веревка». Но до сих пор ни один его сериал не был издан на русском языке полностью, и лучшие его вещи до сих пор оставались в тени.

А между тем уже ранние книги Энтони открывали вдумчивого и смелого мыслителя, стремящегося открывать новые земли. На грани 60-х и 70-х Энтони ворвался в литературу несколькими интереснейшими романами: «Хтон», блистательный юмористический роман «Дантист с плюсом» и знаменитый «Макроскоп». А в 1977-м Энтони начинает серии «Скопление» и «Ксант», которые вывели его в первые ряды американских фантастов.

Теперь писатель ищет новые идеи, новые сюжеты. Но его популярность остается неизменной. Уже пятнадцать лет флоридский затворник Пирс Энтони остается самым любимым фэнами писателем-фантастом.

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

«Тьма опустится на Галактику. И продлится тридцать тысяч лет. — Селдон обвел собравшихся взглядом. — Я могу сократить этот срок до девятисот девяноста двух лет».

Айзек Азимов

«Хроники Академии»

Лучший научно-фантастический сериал всех времен и народов — такого звания удостоена «Академия».

Пять томов запутанных интриг и непрекращающихся авантюр, сотни лет истории и роковые мгновения: решающие судьбы Галактики — это «Академия».

«Прелюдия к Академии»
«На пути к Академии»
«Академия»
«Академия и Империя»
«Вторая Академия»
«Край Академии»
«Академия и Земля»

все это

«Академия»!

«ПОЛЯРИС». ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ!

**ЕДИНСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ В РОССИИ**

Всем, любимым
фэнтези!
Кто любит

Журнал «Если» был основан в 1991 году, а с 1993 года распространяется преимущественно по подписке.

Ценители жанра найдут в «Если» **лучшие образцы новейшей зарубежной фантастики**. Залог тому — наше сотрудничество с двумя ведущими американскими НФ-журналами — Asimov's и Analog, критико-библиографическим изданием Locus, а кроме того, тесные контакты с крупнейшими литературными агентствами и ведущими зарубежными писателями.

«Если» внимательно следит за развитием отечественной фантастики. Ряд произведений российских авторов, напечатанных в нашем журнале, получили престижные премии.

В разделах критики и библиографии читателей ждут очерки, посвященные истории жанра, статьи о новейших течениях НФ и фэнтези, рецензии на новые книги, литературные портреты, встречи с писателями, новости фэндома.

Журнал выходит в удобном формате, с использованием современного дизайна, европейской бумаги, зарубежной полиграфии. Большой популярностью у читателей пользуется **красочный раздел «Видеодром» — все о фантастическом кино**.

Переписка с читателями сделала «Если» заочным клубом любителей фантастики и местом встреч поклонников жанра.

**«ЕСЛИ» — ЭТО 300 СТРАНИЦ
НОВЕЙШЕЙ ФАНТАСТИКИ!**

Подписка на журнал проводится по объединенному каталогу «ПОДПИСКА-98» (1 том, раздел «Журналы»).

ИНДЕКС ЖУРНАЛА — 73118

Каталожная цена подписки на журнал — 48 тысяч рублей на полугодие плюс стоимость почтовых услуг.

Каталог есть в каждом почтовом отделении России.

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН
Собрание фантастических произведений
ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

Составитель *Д. Смушкович*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *И. Лаздина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Оформление шмидтитулов: *В. Ковалев*

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 25.09.97. Формат 84×108¹/32.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10000 экз. Заказ № 1388.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтamt а/я 900

Отпечатано с готовых диалозитов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

На холодной планете Гетен войны не было никогда. Но от этого конфликты между ее странными, меняющими пол жителями не становятся менее жестокими. В один из таких конфликтов и оказывается вовлечен Посланник Экумены Дженили Аи. Его путь ведет через монастыри Ханддары и страшный Великий Лед Гобрина...

КОРОЛЬ ПЛАНЕТЫ ЗИМА

Порой король должен отказаться от трона, чтобы не навлечь гибель на себя и свой народ. Но всегда приходит пора вернуться домой, как возвращается Аргавен, король планеты Зима.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

ЛЕВАЯ РУКА ТЬМЫ

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН

